

Об издании – 2, 3

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431
С56

Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России

Под общей редакцией
доктора юридических наук, доцента В. С. Латыпова

Редакционная коллегия:
И. Д. Бадамшин, кандидат юридических наук, доцент;
Н. В. Маликова, кандидат юридических наук, доцент;
Т. С. Соколова, б/с, б/з;
Р. Р. Ильясова, б/с, б/з

С56 **Современные проблемы уголовного процесса : пути решения** [Электронное издание] : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 23 апреля 2026 года / под общ. ред. В. С. Латыпова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (3,5 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1233-0

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников VII Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовного процесса: пути решения».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2026

Научное издание

Современные проблемы уголовного процесса: пути решения

Сборник материалов
VII Международной научно-практической конференции

Редакторы	Г. Ф. Сурагулова Е. А. Ермолаева Р. Р. Гафарова
Корректура, компьютерная верстка	Г. Ф. Сурагулова
Дизайн обложки	Т. Д. Латыпова

Дата подписания к использованию: 30.06.2026

Объем издания: 702 МБ (3,5 МБ)
Комплектация издания: 1 электрон.опт. диск (CD-R)

Тираж: 10 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллина Л. Р.
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КОНТУРЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ……. 13
Александров А. Н.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.. 21
Алонцева Е. Ю.
НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД……... 30
Аминов И. Р., Трусов С. В.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРАЖАМ, СОВЕРШАЕМЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ИНФОРМАЦИОННО - ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)……. 34
Арсланова А. Р.
ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ИЗ-ЗА РУБЕЖА АКТИВОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ……. 38
Асадуллина А. А.
РАВЕНСТВО ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?..... 43
Афанасьева А. А.
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА ОСНОВЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО - РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ…… 48
Ахметгалеев В. Р.
ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В МЕХАНИЗМЕ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ……... 54
Ахтамьянов Р. Р.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА…… 60
Бирюкова С. Е.
РАПОРТ СОТРУДНИКА ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ПОВОДОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ……. 66

Васильченко А. В.
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ…….... 71
Виноградов А. С.
ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА
В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ……. 75
Воронина Н. А.
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ» И «ПРАВО
НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО»…….. 80
Габзалилов В. Ф., Максимов К. В.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО
ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ…….. 84
Гайнельзянова В. Р.
ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО……. 90
Горчакова Е. В.
НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……... 94
Гришина А. Б.
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОДЕЙСТВИИ
ПРАВОСУДИЮ……... 98
Давлетшина Л. Х., Берестнев В. С.
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ…… 103
Дикарев И. С.
ПОДСУДНОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВООТНОШЕНИЕ…… 109
Емельянова Н. Ю.
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УЧИТЫВАЕМЫХ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ
ПРЕСЕЧЕНИЯ……. 113
Ендольцева А. В.
ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СРОКОВ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ….. 118

Ермолаева Л. Н.
ПОНЯТИЕ И УСЛОВИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ДОПРАШИВАЕМЫМ В БЕСКОНФЛИКТНЫХ И КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ…….. 122
Есина А. С.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ТАКТИКЕ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДОПУСТИМОСТЬ ПОЛУЧЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА…… 127
Жамкова О. Е.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ……... 132
Ильясова Р. Р.
К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ…….. 138
Имаева Ю. Б.
ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ…….. 143
Ирназарова Г. З.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГРУППОЙ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ…… 146
Исанбаев И. С.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН……. 152
Каац М. Э.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ……... 158
Каримова Г. Ю.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ……... 164
Кильдигушев И. И.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ……... 169

Киселев Н. Н.
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ……. 175
Климович Н. В.
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ…….. 179
Косолапова К. С., Химичева О. В.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ…… 187
Крашенинников Д. М.
ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ……... 192
Курченко М. Ю.
ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ…… 198
Латыпов В. С.
УГОЛОВНОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ СУВЕРЕНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА…… 205
Лизунов А. С., Крошилин А. Е.
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРЕЮДИЦИОНАЛЬНОСТЬЮ СУДЕБНЫХ АКТОВ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО, АРБИТРАЖНОГО ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ПО ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ…….. 213
Лысов К. Г.
К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ…... 220
Магомедалиев М. М.
К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ…… 227
Маламагамедова А. Р.
ИЗЪЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА…….. 232

Маликова Н. В., Таухетдинова Э. Э.
ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА……. 238
Миняшева Г. И.
ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ФОРМАТЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ…….. 241
Мичурина О. В.
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ…… 248
Мичурин В. С.
ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ……... 253
Мугинова З. Р.
ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И КАЧЕСТВО ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ……... 258
Муминов М. Э., Очилова С. Р.
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ВРЕМЕННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА ВЫЕЗД ИЗ СТРАНЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА……..... 266
Мухаметшин А. Ф.
ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ……... 274
Мухаметшин Ф. Б.
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ…… 278
Назарова М. Д.
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ВИДЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО…….. 283

Насыров Р. Р., Телицын Н. А.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ…… 287
Нуреева Л. В.
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ..... 291
Нуркаева М. К.
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ УСТНОГО СООБЩЕНИЯ ДОПРАШИВАЕМОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМНОГО ВОПРОСА…….. 298
Одиназода Н. С.
СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН..... 303
Петров С. А.
ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ…… 311
Платонова Е. И., Ендольцева А. В.
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЕЕ ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ …… 316
Погорелова К. Р., Чабукиани О. А.
ВНЕДРЕНИЕ ПРОГРАММ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В ЮВЕНАЛЬНУЮ ЮСТИЦИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ…….. 320
Поезжалов В. Б.
ПРАВОМЕРНОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В СИТУАЦИИ С НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНОЙ…….. 328
Полев М. С., Бадамшин И. Д.
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ……. 331
Полякова А. В.
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА……..... 336

Попова М. В.
ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ТРАДИЦИОННЫЙ И ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ…… 342
Рахмаджонзода Р. Р.
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН И ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……. 346
Рашидов Б. Н.
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ВОЗБУЖДАЕМЫМ НА ОСНОВАНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН…….. 352
Рябчиков С. А., Марушко А. В.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ИЗОБРАЖЕНИЯ И (ИЛИ) ГОЛОСА (DEEPFAKE)……... 361
Сабырбаева А. Б.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ…… 368
Самойлов А. Ю.
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОТ ПЕРВЫХ ЭКСПЕРТИЗ ДО СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ……..... 378
Самородов А. В.
КОМПЛЕКСНАЯ СЕКСОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ..... 387
Сатдинов Л. В.
СУЩНОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ…… 391
Саханова Н. Т., Куанышбеккызы Г.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ……... 396

Свяженина А. А.
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ…….. 403
Семенов И. А.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 115.2 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….. 408
Семенчук В. В.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В СУДАХ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ……... 412
Сибагатуллин Ф. Ф.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 116 И 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)…….. 418
Сиворакша В. В.
ФУНКЦИИ ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО ПОД СТРАЖЕЙ……... 427
Соколова Т. С.
К ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ИНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ…….. 432
Степанова А. А.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ……. 438
Сучков А. И.
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ПРОТОКОЛ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В СИСТЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ……... 444
Теткин Д. В., Андреев А. В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВО ВРЕМЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ……... 452

Тингаева И. В., Камельянова Г. Р.
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ…… 459
Толеубаев Д. М.
СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КРАЖЕЙ СКОТА…….... 463
Трубачев Н. А.
ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ……. 472
Тутынин И. Б.
К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ…… 476
Фадеев П. В.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ИЛИ ОБВИНЯЕМЫХ, С КОТОРЫМИ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ……... 481
Файрушина Р. Д., Степанова М. Г.
ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ……... 486
Халитов О. Ф.
ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ…… 492
Хаметова А. Р., Осипова Н. В.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РОЗЫСКА ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО…….. 497
Хусаинов Р. Р.
ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ……... 500
Чобитько М. Б.
НАРУШЕНИЯ УПК РФ: КЛЮЧЕВАЯ ПРИЧИНА ОТМЕНЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ……. 505

УДК 343.1:004.9

Абдуллина Л. Р. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КОНТУРЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: PROCEDURAL AND LEGAL CONTOURS OF A NEW REALITY

Аннотация. В статье всесторонне исследуются ключевые процессуально-правовые аспекты цифровой трансформации уголовного судопроизводства России. Автор проводит глубокий анализ того, как проникновение цифровых технологий перестраивает традиционные уголовно-процессуальные формы, трансформирует классический институт доказывания и создает новые вызовы для системы гарантий прав личности. В центре внимания находится проблема законодательного признания электронных доказательств, фундаментальная перестройка процедур производства следственных и судебных действий в дистанционном формате, а также системные противоречия, возникающие на пересечении требований открытости правосудия, оперативности процесса и незыблемой защиты прав человека. На основе теоретического осмысления и анализа современных тенденций правоприменения формулируется вывод о настоятельной необходимости системного обновления уголовно-процессуального законодательства, направленного на гармоничное включение цифровых инструментов в ткань судопроизводства без ущерба для его конституционных основ.

Ключевые слова: цифровая трансформация, уголовный процесс, электронное доказательство, процессуальная форма, дистанционное судопроизводство, искусственный интеллект, открытость правосудия, гарантии прав личности.

Abstract. The article comprehensively explores the key procedural and legal aspects of the digital transformation of criminal proceedings in Russia. The author conducts an in-depth analysis of how the penetration of digital technologies restructures traditional criminal procedural forms, transforms the classical institution of proof and creates new challenges for the system of guarantees of individual rights. The focus is on the problem of legislative recognition of electronic evidence, the fundamental restructuring of procedures for investigative and judicial actions in a remote format, as well as systemic contradictions arising at the intersection of the requirements of transparency of justice, efficiency of the

process and inviolable protection of human rights. Based on theoretical understanding and analysis of modern trends in law enforcement, a conclusion is formulated about the urgent need for a systemic update of criminal procedure legislation aimed at harmoniously integrating digital tools into the fabric of legal proceedings without compromising its constitutional foundations.

Keywords: digital transformation, criminal procedure, electronic evidence, procedural form, remote legal proceedings, artificial intelligence, transparency of justice, guarantees of individual rights.

Современный этап развития общества, характеризуемый стремительным и всеобъемлющим внедрением информационно-коммуникаци-онных технологий во все сферы жизнедеятельности, закономерно поставил перед правовой системой, и в особенности перед уголовным судопроизводством, задачу глубинной адаптации к новым реалиям. Цифровая трансформация перестала быть перспективой будущего или факультативной опцией; она превратилась в объективную данность, в контекст, в котором существует и развивается современное правосудие. Процесс этот носит не локальный, а системный характер, затрагивая не отдельные технические аспекты, а сами устои процессуальной формы, методологию доказывания и принципы построения взаимоотношений между государством и личностью в рамках уголовного преследования. Как совершенно точно подмечает О. А. Зайцев, «цифровизация стремится преодолеть свою вспомогательную, обслуживающую функцию и выходит на уровень переосмысления базовых процессуальных категорий. Она предлагает не просто новые средства для старых целей, но и ставит вопрос о том, не должны ли сами эти цели, а также пути их достижения быть пересмотрены в свете новых технологических возможностей и связанных с ними социальных изменений» [1, с. 46]. Это переосмысление происходит в условиях очевидного разрыва между динамично развивающейся технологической практикой и консервативной, инерционной природой права, что порождает многочисленные правовые пробелы, коллизии и доктринальные споры. Уголовный процесс, исторически сформировавшийся как деятельность, жестко регламентированная в деталях и ориентированная на материальные носители информации и непосредственное личное общение, сегодня сталкивается с необходимостью интегрировать в свою ткань виртуальные объекты, алгоритмические процедуры и дистанционные коммуникации [2, с. 167]. Данное противоречие формирует основной драматический сюжет современного процессуального права, делая исследование его процессуально-правовых аспектов не просто актуальным, а имеющим судьбоносное значение для сохранения баланса между эффективностью борьбы с преступностью и гарантиями прав человека в XXI веке.

Исторически уголовный процесс зиждется на строго формализованной процедуре, где каждое действие, каждый документ, каждый этап дви-

жения дела подчинен детальным правилам, призванным обеспечить законность, обоснованность и защиту прав участников. Как совершенно верно отмечается в юридической доктрине, «уголовное судопроизводство Российской Федерации является особой отраслью государственной деятельности, к которой законодатель предъявляет особые требования. Одной из особенностей является форма заполнения процессуальных бланков и иных документов, из которых формируются материалы уголовного дела» [3, с. 15]. Эта сакрализация процессуальной формы, воплощенная в материальном бумажном носителе с обязательными реквизитами, подписями и печатями, долгое время служила краеугольным камнем легитимности всего производства. Цифровая трансформация самым радикальным образом воздействует именно на эту процедурную составляющую, переводя ее из плоскости физических действий и бумажных носителей в плоскость электронных операций и цифровых данных. Начальным и наиболее очевидным проявлением этой тенденции стало внедрение элементов электронного документооборота между правоохранительными и судебными органами. Однако качественно новый этап связан с легализацией и широким распространением дистанционных форм производства процессуальных действий. Нормативное закрепление возможности проведения допроса, очной ставки, опознания, а впоследствии и судебного заседания с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) де-факто ввело в правовое поле новую процессуальную форму – «дистанционное следственное (судебное) действие». Эта форма, сохраняя название и общую юридическую цель традиционного института, существенно модифицирует его содержание. Принцип непосредственности, всегда предполагавший живое, неопосредованное техническими средствами восприятие участника процесса, доказательства или обстановки, теперь реализуется опосредованно, через экран монитора и цифровой канал передачи данных. Безусловно, это дает неоспоримые практические преимущества: экономия колоссальных ресурсов на перемещение участников процесса, особенно в условиях большой территории страны, оперативность организации действий, возможность обеспечить безопасность свидетеля или потерпевшего. Однако, как обоснованно предостерегает С. В. Зуев, «виртуальное присутствие создает лишь иллюзию полноценного контакта. Из поля зрения следователя или суда неизбежно выпадает целый пласт информации: полная обстановка помещения, в котором находится допрашиваемый, неуловимые невербальные реакции, возможное психологическое давление со стороны третьих лиц, находящихся вне зоны видимости камеры. Риск технических сбоев, намеренных или случайных помех в связи превращает надежность процессуальной процедуры в зависимую переменную от качества интернет-соединения и исправности оборудования» [4, с. 45]. Параллельно с этим он же указывает на формирование принципиально новой модели, отмечая, что

«высокотехнологичный уголовный процесс – это осуществление уголовного судопроизводства с преимущественным применением цифровых технологий… при сохранении ключевых принципов правосудия» [5, с. 18]. Таким образом, классическая процессуальная гарантия, воплощенная в строгой форме очного действия, подменяется новой, технологически обусловленной процедурой, чьи гарантийные свойства и потенциальные уязвимости еще только предстоит осмыслить и нормативно отрегулировать. Это требует не просто разрешения на использование видеосвязи, а разработки целого комплекса дополнительных правил: условий, при которых дистанционная форма допустима или, напротив, недопустима; порядка фиксации и преодоления технических неполадок; специальных процедур для удостоверения личности участника и обеспечения тайны следственного действия в условиях, когда оно проводится вне контролируемого служебного помещения.

Еще более глубокую и концептуальную проблему цифровая трансформация ставит перед сердцевиной уголовного процесса – учением о доказательствах. Современная преступная деятельность, будь то экономические преступления, терроризм или киберпреступность, в значительной, а часто и в решающей степени оставляет следы в цифровой среде. Электронная переписка, история браузерных запросов, метаданные файлов и сообщений, записи с камер видеонаблюдения, данные геолокации мобильных устройств, логи сетевой активности – все это образует сложный цифровой след преступления, без анализа которого установление объективной истины по делу становится невозможным. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство России оказалось не готово к адекватному правовому оформлению этой новой реальности. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не знает понятия «электронное доказательство» как самостоятельной, суверенной процессуальной категории. В результате правоприменитель вынужден прибегать к юридическим фикциям, подводя цифровую информацию под традиционные виды доказательств, что ведет к насильственному искажению как природы самой информации, так и правил работы с ней. Как с горечью констатирует И. И. Карташов, «мы наблюдаем архаичную попытку втиснуть динамичную, изменчивую, легко копируемую и зависимую от программного обеспечения цифровую информацию в прокрустово ложе доказательственных форм, созданных для материальных объектов и бумажных документов. Следователь, изымая жесткий диск, фактически работает с ним как с вещественным доказательством, тогда как доказательственную ценность представляет не сам кусок пластика и металла, а невидимая глазу, легко изменяемая без внешних следов информационная структура на нем» [6, с. 89]. Так, потоковые данные с сервера превращаются в «иной документ» в виде распечатки, содержимое электронной почты приобщается аналогичным образом, а сложный комплекс цифровых следов исследуется в рамках судебной экспертизы, которая сама по себе

также является доказательством, что создает запутанную иерархию. Такой подход игнорирует фундаментальные свойства цифровой информации: ее нематериальность, зависимость от средств воспроизведения, уязвимость к манипуляциям, глобальную распределенность (когда данные, относящиеся к одному делу, могут физически находиться на серверах в разных странах). Это порождает на практике острые проблемы с определением первоисточника доказательства, обеспечением его целостности и неизменности с момента изъятия до представления в суд (так называемое обеспечение цифровой аутентичности), с критериями его допустимости. Например, общепринятый в мире процессуальный стандарт работы с цифровыми носителями – создание криптографически защищенной точной копии (образа) диска для последующего исследования, при котором оригинал изымается из обращения и хранится в качестве эталона, – не нашел в российском Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации четкого и безусловного закрепления. Следовательно, назрела острая необходимость в законодательном признании электронных доказательств как самостоятельного вида, с разработкой для них специального, адекватного их природе правового режима, включающего регламентированные процедуры изъятия, копирования, хранения, исследования и оценки, с обязательным использованием специальных познаний на самых ранних этапах работы с ними. Как подчеркивается в коллективной монографии под редакцией С. В. Зуева и Л. Н. Масленниковой, «переход на высокотехнологичный уголовный процесс потребует кардинального переустройства всей системы, включая процедуры… проверки и оценки электронных доказательств» [7, с. 67].

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства порождает не только частные проблемы интеграции новых инструментов, но и фундаментальные системные коллизии, затрагивающие сами основы правового государства. В центре этих коллизий лежит напряженное взаимодействие и часто конфликт между несовпадающими конституционными ценностями и процессуальными принципами. Первая такая линия противостояния пролегает между принципом открытости, гласности правосудия и императивом защиты охраняемых законом тайн. Цифровые технологии, с одной стороны, дарят беспрецедентные возможности для демократизации и «просветления» судебной власти. Прямые онлайн-трансляции судебных заседаний, общедоступные электронные базы судебных решений с возможностью интеллектуального поиска, системы электронного извещения и подачи документов – все это делает правосудие более доступным и понятным для граждан. Однако оборотной стороной этой открытости становится повышенная уязвимость информации. Данные, размещенные в цифровом пространстве, даже под грифом «тайна следствия», подвергаются риску утечки, взлома или несанкционированного копирования в масштабах, невозможных в эпоху бумажных архивов. Противоречие между общественным интересом к кон-

тролю над правосудием и частным интересом, а также интересом государства в защите тайны (частной жизни, коммерческой, государственной), обостряется до предела. Вторая, еще более сложная коллизия возникает между стремлением к максимальной эффективности и оперативности уголовного преследования и абсолютной ценностью гарантий прав и свобод личности. Применение технологий больших данных, алгоритмов прогнозной аналитики, систем автоматизированного распознавания лиц и анализа поведения сулит революцию в раскрываемости преступлений. Но, как трезво отмечает О. А. Зайцев, «за сияющим фасадом технологического прорыва скрывается тень общества тотального подозрения. Алгоритмы, выискивающие «аномалии» в поведении или «подозрительные» паттерны в социальных связях, по своей логике близки к презумпции виновности, только применяемой не к конкретному лицу в связи с конкретным деянием, а к неопределенному кругу лиц на основе статистических корреляций. Это ведет к цифровому профилированию и стигматизации граждан, создает предпосылки для скрытой дискриминации и эрозии принципа уважения человеческого достоинства» [1, с. 53–54]. Наиболее же острые философско-правовые дебаты связаны с потенциальным использованием систем искусственного интеллекта в принятии судебных решений. Обсуждаются возможности искусственного интеллекта для анализа доказательств на непротиворечивость, оценки вероятности исхода дела, прогнозирования рецидива. Однако судебное решение – это не математическое вычисление наиболее вероятного варианта. Это акт правоприменения, в котором судья не только применяет норму к факту, но и осуществляет ценностный выбор, взвешивает конкурирующие права и интересы, учитывает конкретные жизненные обстоятельства, руководствуется не только законом, но и правосознанием и совестью. Машина, лишенная морали, эмпатии и понимания социального контекста, принципиально не способна на такой акт. «Попытка делегировать искусственному интеллекту хотя бы часть судейских полномочий, – убежден С. В. Зуев, – есть путь к дегуманизации правосудия, к превращению его в технократическую процедуру, где на выходе будет не акт справедливости, а результат вычисления. Это подрывает саму легитимность судебной власти, которая в общественном сознании всегда была связана с мудростью и беспристрастностью человека-судьи, а не бездушной логикой алгоритма» [3, с. 50]. В рамках концепции «цифрового УПК» С. В. Зуев совместно с А. И. Зазулиным развивает эту мысль, предполагая, что «использование искусственного интеллекта позволит реализовать идею виртуального уголовного процесса, когда большая часть процессуальных действий может проводиться онлайн, включая судебные заседания» [8, с. 112], что актуализирует дискуссию о пределах такой автоматизации. Таким образом, задача законодателя и правоприменителя в цифровую эпоху заключается не в безоглядном внедрении всех доступных технологий, а в выработке тонких, взвешенных правовых фильтров и ограничителей, которые позволили

бы использовать инструменты цифровизации для усиления, а не для ослабления гарантий справедливого суда.

Подводя итог проведенному анализу, можно утверждать, что цифровая трансформация уголовного судопроизводства в России представляет собой сложный, многомерный и не имеющий аналогов в истории вызов. Это вызов не только технического или организационного характера, но прежде всего вызов доктринальный и ценностный. Внедрение цифровых технологий открывает перед правосудием беспрецедентные возможности для повышения эффективности, доступности, объективности и скорости процедур. Видео-конференц-связь, электронные доказательства, системы анализа данных – все это реальные инструменты, уже меняющие лицо современного процесса. Однако параллельно с этими возможностями возникает комплекс серьезнейших угроз: угроза размывания проверенных временем процессуальных гарантий, угроза возникновения новых, технологически обусловленных форм неравенства сторон (цифровой разрыв), угроза подмены цели правосудия – достижения справедливости в конкретном деле – целью технократической – оптимизации процессуальных показателей любой ценой. Российский законодатель, делая отдельные и важные шаги по пути цифровизации (вводя нормы о видео-конференц-связи, об электронном документообороте), до сих пор действует реактивно, «догоняя» практику, а не формируя ее в рамках продуманной концепции. Настало время перейти от тактики точечных улучшений к стратегии системной модернизации уголовно-процессуального права. Эта модернизация должна базироваться на нескольких ключевых столпах. Во-первых, необходимо безотлагательное легальное закрепление в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации понятия «электронное доказательство» и создание исчерпывающего, детализированного правового режима обращения с ним, от изъятия и обеспечения аутентичности до исследования и оценки в суде. Во-вторых, требуется глубокая законодательная проработка института дистанционного судопроизводства, которая установила бы не только технические условия, но и жесткие процессуальные гарантии, уравнивающие в правах участников очного и заочного процесса, а также четкие критерии допустимости и недопустимости применения дистанционных форм в зависимости от категории дела, статуса участника и характера процессуального действия. В-третьих, на уровне федерального конституционного закона и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации должны быть четко и недвусмысленно определены границы использования алгоритмических систем, технологий больших данных и элементов искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В этом регулировании должен быть закреплен императивный принцип: любое окончательное процессуальное решение, влекущее юридические последствия для прав и свобод человека (привлечение в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения, постановление приговора), прини-

мается человеком – следователем, прокурором, судьей – на основе его внутреннего убеждения, сформированного в результате непосредственного восприятия и исследования доказательств, и несет за это решение персональную ответственность. Алгоритм может служить лишь вспомогательным инструментом для анализа информации, но не источником решения. Только при таком подходе, ставящем во главу угла человека, его права и основные принципы правосудия, цифровая трансформация сможет стать не источником новых рисков и неравенства, а мощным катализатором для построения подлинно современного, эффективного и, что важнее всего, справедливого уголовного судопроизводства, достойного вызовов XXI века.

Библиографический список

1. Зайцев О. А. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства: теоретические основы и практические проблемы // Государство и право. 2023. № 8. С. 44–56.

2. Сибагатуллин Ф. Ф. Вопросы цифровизации российского уголовного судопроизводства // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (14). С. 167–173.

3. Российское уголовно-процессуальное право : традиции формальности в эпоху цифровизации / под ред. А. В. Смирнова. М. : Проспект, 2024. С. 320.

4. Зуев С. В. Высокотехнологичный и (или) виртуальный уголовный процесс : понятия, стандарты, перспективы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2023. Т. 23. № 1. С. 40–52.

5. Зуев С. В. Государственный контроль в цифровой среде уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2024. Т. 24. № 1. С. 15–28.

6. Карташов И. И. Электронные доказательства в уголовном процессе России : проблемы теории и практики // Законность. 2024. № 3. С. 85–92.

7. Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой. М. : Юрлитинформ, 2023. 216 с.

8. Зазулин А. И., Зуев С. В. Цифровой УПК : новая концепция развития права // Правопорядок : история, теория, практика. 2024. № 1 (44). С. 105–117.

© Абдуллина Л. Р., 2026

УДК 343.1

Александров А. Н. – доцент кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Белгород)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

CURRENT ISSUES OF THE RIGHT TO REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы признания права на реабилитацию лица, в случае прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, в ходе досудебного производства. Автором акцентируется внимание на существование формального подхода со стороны следователя и дознавателя при вынесении ими постановлений о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемых (обвиняемых) по реабилитирующим основаниям, в части принятия решения о признании права на реабилитацию. Указывается на отсутствие надлежащего обоснования и мотивирования признания факта незаконности и необоснованности ранее осуществляемого уголовного преследования, что является обязательным условием для признания права на реабилитацию. Такое мнение обосновывается результатами анализа правоприменительной практики, положений уголовно-процессуального законодательства и разъяснений Верховного суда Российской Федерации. Автором предлагаются конкретные дополнения в уголовно-процессуальный закон для совершенствования рассматриваемого института.

Ключевые слова: признание права на реабилитацию, досудебное производство, незаконное или необоснованное уголовное преследование, следователь, дознаватель, извещение.

Abstract. The article discusses topical issues of recognizing the right to rehabilitation of a person in the event of termination of criminal prosecution on rehabilitative grounds during pre-trial proceedings. The author focuses on the existence of a formal approach on the part of the investigator and the inquirer when they issue decisions on the termination of criminal prosecution against suspects (accused) on rehabilitative grounds, in terms of deciding on the recognition of the right to rehabilitation. It is pointed out that there is no proper justification and motivation for recognizing the fact of illegality and unreasonableness of the previously conducted criminal prosecution, which is a prerequisite for recognizing the right to rehabilitation. This opinion is based on the results of an analysis of

law enforcement practice, the provisions of criminal procedure legislation and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. The author suggests specific additions to the criminal procedure law to improve the institution in question.

Keywords: recognition of the right to rehabilitation, pre-trial proceedings, unlawful or unjustified criminal prosecution, investigator, inquirer, notification.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает, в том числе, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [1]. Таким образом, помимо основного назначения уголовного судопроизводства в виде защиты лиц и организаций, потерпевших от преступлений, закон определяет важность недопущения со стороны уполномоченных должностных лиц незаконного привлечения к уголовной ответственности лиц еще на этапе досудебного производства по уголовному делу.

В то же время официальная статистика свидетельствует о том, что количество преступлений, уголовные дела о которых (из числа находящиеся в производстве) прекращены по реабилитирующим основаниям, ежегодно в России составляет около одной тысячи. К примеру, за период 2023 года следователями и дознавателями прекращено уголовное преследование в отношении 880 лиц, а за первое полугодие 2024 года их количество составило 497 [2]. И это только в период досудебного производства по уголовным делам.

При этом нужно понимать, что судами также принимается достаточно значительное количество решений о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Так, в 2023 году таких решений принято 1065, а в 2024 году – 671. Для полной картины уместным будет назвать количество лиц, оправданных судами в 2023 году – 1874, а в 2024 году – 1798 [3].

Приведенные статистические сведения свидетельствуют о значительном общем количестве фактов прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, а соответственно по каждому из них за лицом признается право на реабилитацию. Такое положение дел наглядно подтверждает сохранение такого актуального вопроса в деятельности органов предварительного расследования, как повышение качества и эффективности доказывания по уголовным делам.

В то же время проведенный нами анализ практики следственных подразделений и специализированных подразделений дознания территориальных органов МВД России по Белгородской области на районном уровне, позволил выявить достаточно значимую проблему в части обоснованности признания права на реабилитацию в случаях принятия решений о прекра-

щении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. Уверены, что такая же проблематика присутствует в деятельности следователей и дознавателей других регионов нашей страны

Попробуем разобраться в существе затрагиваемого нами вопроса и предложить пути его решения.

Как известно, согласно положениям статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют, в частности, подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 части первой статьи 27 УПК РФ (отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность к совершенному преступлению). Именно по этим реабилитирующим основаниям следователи и дознаватели прекращают уголовное преследование при возникновении соответствующих обстоятельств (оснований) по расследуемым ими уголовным делам.

Соответственно, в каждом конкретном случае процессуальное решение о прекращении уголовного преследования должно основываться на всестороннем анализе собранных в ходе расследования доказательств и иных данных, позволяющих и обязывающих к его принятию. В рамках данной статьи мы не беремся давать оценку обоснованности и мотивированности итоговых решений о прекращении уголовного преследования по конкретным уголовным делам, что, безусловно, является прерогативой ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Мы же хотим обратить внимание на один очень важный, по нашему убеждению, аспект, явно не учитываемый сотрудниками органов предварительного расследования и их руководителями при вынесении постановления о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого). Речь идет об отсутствии в названном процессуальном документе необходимого мотивированного и обоснованного вывода о том, являлось ли уголовное преследование незаконным и необоснованным.

Наличие такого аналитического вывода в описательно-мотивировочной части постановления позволяет следователю (дознавателю) принять законное решение о признании за лицом (ранее подозреваемый или обвиняемый) права на реабилитацию. Напомним, что согласно пункту 34 статьи 5 УПК РФ под реабилитацией понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Получается, что выполнение следователем (дознавателем) требований части 1 статьи 134 УПК РФ, в части признания за лицом права на реабилитацию, путем формулирования отдельного пункта в резолютивной части

того же постановления, возможно только в случае признания уголовного преследования незаконным или необоснованным.

Однако анализ изученных нами постановлений следователей и дознавателей о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) свидетельствует о том, что таких аналитических выводов в их описательно-мотивировочной части не имеется. Названные должностные лица ограничиваются оценкой собранных доказательств и обстоятельств по уголовному делу, которые свидетельствуют о необходимости прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по соответствующему реабилитирующему основанию [4].

С уверенностью можем утверждать, что при таком положении дел, признание за лицом права на реабилитацию является обычной формальностью, на которую не обращается должного пристального внимания правоприменителем. Соответственно, лицо при получении такого постановления имеет право обратиться в суд с требованием о возмещении причиненного ему вреда.

В качестве примера, дознавателем было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 158 УК РФ по факту хищения мобильного телефона, принадлежащего учащемуся 5-го класса средней общеобразовательной школы г. Белгорода. В ходе расследования была получена информация о причастности к совершению расследуемого преступления учащегося 6-го класса этой же школы малолетнего В. (13 лет 10 месяцев), который признался в совершении им кражи телефона. В целях проведения необходимых следственных действий и принятия законного решения по делу, дознавателем принято решение о придании малолетнему В. процессуального статуса подозреваемого, посредством избрания меры процессуального принуждения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым. Собрав необходимые доказательства причастности к расследуемому преступлению малолетнего В., учитывая положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, поскольку В. не достиг возраста уголовной ответственности, дознавателем вынесено постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления). Ссылаясь на положения части 1 статьи 134 УПК РФ, дознавателем одновременно признано право на реабилитацию за несовершеннолетним В. Однако надзирающим прокурором постановление дознавателя было отменено как незаконное, было указано на необоснованность признания права на реабилитацию при фактических обстоятельствах по делу. Прокурором было указано на необходимость повторного вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с обязательным дополнением в описательно-мотивировочную часть обоснования на отсутствие оснований для признания права на реабилита-

цию, поскольку уголовное преследование не являлось незаконным или необоснованным, а также то, что мера процессуального принуждения в отношении В. применялась на законных основаниях. Кроме этого, надзирающий прокурор указал на необходимость учитывать положения части 4 статьи 134 УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации в постановлении № 17 от 29 ноября 2017 года, согласно которым право на реабилитацию не распространяется на лиц, в отношении которых меры процессуального принуждения отменены ввиду недостижения возраста уголовной ответственности [5].

Интересным является тот факт, что в УПК РФ и подзаконных нормативных правовых актах отсутствуют четкие критерии, по которым возможно признать уголовное преследование как незаконное или необоснованное, применительно к случаям, когда судом, следователем или дознавателем признается право на реабилитацию в соответствии со статьей 134 УПК РФ. Таких критериев также не определяет Верховный суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

При этом в пункте 2 названного постановления содержится интересная формулировка о том, что право на реабилитацию имеют лица, уголовное преследование которых признано незаконным или необоснованным судом, а также лица, в отношении которых уголовное преследование прекращено по указанным в УПК РФ основаниям на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Получается, что Верховный суд Российской Федерации акцентирует внимание на необходимости признания судом уголовного преследования как незаконного или необоснованного, в то время как в рамках досудебного производства достаточно формального наличия решения следователя (дознавателя) о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. Буквальное истолкование названных разъяснений позволяет утверждать, что суд обязан обосновывать и мотивировать свое решение о том, что уголовное преследование являлось незаконным или необоснованным. А соответственно, такое обоснование (признание) должно основываться на конкретных и понятных выводах, основанных на детальном анализе материалов уголовного дела.

Следует также обратить внимание на пункт 5 рассматриваемого постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, в котором говорится о ситуациях, когда право на реабилитацию не возникает, и завершается разъяснение следующей формулировкой: «…поскольку прекращение уголовного дела в указанных случаях само по себе не является свидетельством незаконности и необоснованности уголовного преследования». Становиться вполне очевидным то, что высшая судебная инстанция нацели-

вает правоприменителя на необходимость отдельного обоснования и мотивирования факта наличия либо отсутствия незаконности (необоснованности) уголовного преследования в случае решения вопроса о правомерности признания права на реабилитацию. И такая обязанность для органа предварительного расследования, очевидно, просматривается, даже при отсутствии прямого напоминания о ней.

Схожие упоминания о понятии «незаконности и необоснованности уголовного преследования» также содержатся в других постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации. В частности, в постановлении от 24 июня 2025 года № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» указано следующее: «Обратить внимание судов на то, что согласно части 4 статьи 133 УПК РФ правила этой статьи, предусматривающие основания возникновения права на реабилитацию, не распространяются на лиц, в отношении которых обвинительный приговор пересмотрен ввиду принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, поскольку прекращение уголовного дела (освобождение от наказания) в таких случаях само по себе не является свидетельством незаконности или необоснованности уголовного преследования» [6]. Данное постановление подтверждает последовательность в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации относительно того, что для признания таковым уголовного преследования необходимо наличие фактического подтверждения (свидетельства) этому согласно материалам уголовного дела.

Соответствующего толкования о том, что считать под незаконным и необоснованным уголовным преследованием в случае его прекращения по реабилитирующим основаниям и дальнейшего применения судами норм о компенсации морального вреда, также не содержится в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [7].

Таким образом, для правоприменителя, в частности, следователя и дознавателя, отсутствуют нормативные указания и ясные разъяснения о том, в каких случаях следует признавать уголовное преследование незаконным или необоснованным.

В научной среде высказываются различные мнения по этому поводу. Так, Симоненко А. А. приводит мнение о том, правоприменительная практика показывает, что незаконное уголовное преследование может стать следствием добросовестного заблуждения сотрудников органов предварительного расследования и прокуратуры о виновности подозреваемого или обвиняемого (например, вызванного самооговором, ложными показаниями потерпевшего или свидетелей) или «извинительной» ошибки в уголовно-правовой оценке совершенного им деяния (она может быть обусловлена неопределенностью законодательства и практики его применения, недостаточной квалификацией следователя, дознавателя) [8, с. 106].

Некоторые специалисты справедливо отмечают, что незаконное или необоснованное уголовное преследование, которое может иметь свое начало с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, изначально возможно в результате незаконных действий должностных лиц на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении [9 с. 146].

Справедливо отмечает также А. А. Орлова о том, что совокупность представленных в уголовно-процессуальном законе норм не дает однозначного ответа на вопрос о том, в результате каких именно действий органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, у заинтересованных лиц возникает право на реабилитацию [10 с. 60].

В свою очередь А. А. Васильченко, анализируя действующие нормативные механизмы противодействия незаконному и уголовному преследованию, высказывает мнение о необходимости внесения изменений в действующую конструкцию статьи 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела», расширив перечень уголовно наказуемых действий должностных лиц, повлекших незаконное и необоснованное уголовное преследование на стадиях досудебного производства. При этом ученый делает акцент на установлении уголовной ответственности только за заведомо незаконные и необоснованные действия [11 с. 16].

Таким образом, считаем вполне справедливым озвучить следующий тезис: «Не в каждом случае прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям следователь (дознаватель) обязан признавать незаконность и необоснованность уголовного преследования».

По нашему мнению очевидным является то, что должностные лица органов предварительного расследования при вынесении ими постановлений о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, в подавляющем большинстве случаев принимают решение о признании права на реабилитацию в соответствии со статьей 134 УПК РФ по формальным основаниям. Следователь и дознаватель в своих постановлениях не приводят обоснования относительно наличия или отсутствия факта незаконности и необоснованности уголовного преследования, с учетом конкретных обстоятельств по уголовному делу.

Получается, что указанные должностные лица, по умолчанию, наделены полномочиями по признанию права на реабилитацию, что в дальнейшем является основанием для обращения лица в суд с требованием о возмещении имущественного и морального вреда. В то же время, принятие столь важного решения осуществляется с нарушением принципа законности (статья 7 УПК РФ), согласно которому, в частности, постановления следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

В соответствии с частью 1 статьи 135 УПК РФ «Возмещение морального вреда» прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред. Более того, реабилитация предусматривает возмещение имущественного вреда, что предусматривает производство соответствующих выплат за счет федерального бюджета. В этой связи очевидным является тот факт, что поспешное, немотивированное и необоснованное решение должностного лица о признании права на реабилитацию влечет за собой репутационный ущерб правоохранительным органам и финансовые обременения для государства. А поэтому столь же очевидным является, что прокурорский надзор на предмет законности и обоснованности принятия следователем и дознавателем процессуального решения о признании права лица на реабилитацию должен быть закреплен в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Однако УПК РФ не предусматривает обязанности должностных лиц органов предварительного расследования согласовывать принимаемые ими названные процессуальные решения с надзирающим прокурором. Не предусматривают такого порядка и приказы Генерального прокурора Российской Федерации, регламентирующие организацию прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания, а лишь обязывают надзирающих прокуроров осуществлять необходимое реагирование уже после принятия следователем (дознавателем) процессуального решения, связанного с прекращением уголовного преследования и признания права на реабилитацию [12], [13].

На основании вышеизложенного и в целях совершенствования института реабилитации в уголовном судопроизводстве нам представляется целесообразным внесение дополнений (изменений) в УПК РФ, а именно:

– во-первых, дополнить статью 213 УПК РФ пунктом 5.1 следующего содержания: «В случаях прекращения уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим право на реабилитацию, следователь в постановлении указывает обоснование наличия (отсутствия) факта незаконного или необоснованного уголовного преследования, либо избрания (применения) меры процессуального принуждения»;

– во-вторых, дополнить часть 2 статьи 212 УПК РФ положением о необходимости согласования с прокурором постановления следователя, а соответственно и дознавателя, о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 УПК РФ;

– в-третьих, дополнить статью 134 УПК РФ пунктом 1.1 следующего содержания: «В случаях непризнания судом в приговоре, определении, постановлении, а следователем, дознавателем в постановлении, факта незаконности или необоснованности уголовного преследования, избрания (применения) меры процессуального принуждения, право на реабилитацию не признается».

Уверены, что предлагаемые нами меры будут способствовать повышению уровня соблюдения законности в принятии уполномоченными должностными лицами процессуальных решений о признании права на реабилитацию еще на этапе досудебного производства по уголовным делам. И даже в случае отсутствия быстрой реакции законодателя на такие предложения, на сегодняшний день некоторые из них могут и должны быть реализованы в деятельности органов предварительного расследования. Очевидно, речь идет о необходимости должного обоснования следователями (дознавателями) соответствующих своих постановлений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (текст в редакции от 08.03.2026) : [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // Российская газета. 2001. № 249.

2. Официальный интернет-ресурс Минцифры России. Сервис Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: https://www.fedstat.ru. (дата обращения: 28.02.2026).

3. Официальный интернет-ресурс Судебная статистика России. URL: https://sudstat.ru. (дата обращения: 01.03.2026).

4. Материалы Следственного управления УМВД России по Белгородской области // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Белгородской области. URL: https://belgorod.sledcom.ru (дата обращения: 21.02.2026).

5. Материалы Отдела организации дознания УМВД России по Белгородской области // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Белгородской области. URL: https://belgorod.sledcom.ru (дата обращения: 21.02.2026).

6. О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 года № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2025. № 8.

7. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2023. № 2.

8. Симоненко А. А. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному уголовному преследованию : оценка эффективности // Lex russica. 2018. № 12. С. 101–108.

9. Щербинин Е. С. Злоупотребления субъектов уголовного преследования и их отражение в уголовном законе // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3. С. 145–150.

10. Орлова А. А. К вопросу о концептуализации понятия «Реабилитация» в уголовном процессе России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 60–63.

11. Васильченко А. А. Проблемы уголовно-правовой защиты личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования // Сетевое издание «Академическая мысль». 2018. № 1. С. 15–18.

12. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 года № 544 // Законность, 2021. № 12.

13. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генпрокуратуры России от 19 января 2022 года № 11 // Законность. 2022. № 4.

© Александров А. Н., 2026

УДК 343.1

Алонцева Е. Ю. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: A HISTORICAL VIEW

Аннотация. В статье автором рассматриваются проблемы определения назначения уголовного судопроизводства, в том числе и через цели и задачи уголовного процесса в историческом срезе для понимания отношения законодателя к ценности прав личности, а также государственных интересов в различные периоды времени государства для формирования дальнейшего направления исследования указанных вопросов. Интерес к данной проблеме обусловлен современной характеристикой дискуссионности данного вопроса и необходимости возможных изменений в формулировке назначения уголовного судопроизводства с учетом потребностей общества, государства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, назначение уголовного судопроизводства, задачи уголовного процесса, права личности, публичные интересы государства.

Abstract. In this article, the author examines the challenges of defining the purpose of criminal proceedings, including through the goals and objectives of

criminal proceedings in a historical context, to understand legislators' attitudes toward the value of individual rights and state interests at various points in history, and to shape future research on these issues. Interest in this problem stems from the current controversial nature of this issue and the need for potential changes in the formulation of the purpose of criminal proceedings, taking into account the needs of society and the state.

Keywords: criminal proceedings, purpose of criminal proceedings, tasks of criminal process, individual rights, public interests of the state.

Уголовное судопроизводство наиболее существенно затрагивает сферу личных прав и свобод лиц и их интересов. Расследование уголовных дел и судебное производство являются процессуальной деятельностью, направленной на достижение назначения уголовного судопроизводства.

В настоящее время ввиду развития различных технологий изменение характера преступности, вопросы противодействия преступности приобретают особую актуальность. С вопросами раскрытия преступлений и увеличением антикриминальной роли уголовного судопроизводства связаны вопросы определения назначения уголовного судопроизводства. В чем состоит назначение уголовного судопроизводства в реалиях настоящего времени является дискуссионным вопросом. В контексте современного понимания назначение уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), по нашему мнению нормы закона не в полной мере определяют приоритеты назначения уголовного судопроизводства.

Для наиболее полного понимания в чем состоит назначение уголовного судопроизводства, каковы цели уголовно-процессуальной деятельности, обратимся к истории этого вопроса.

Уголовное судопроизводство в Российской империи 19 века регулировалось Уставом уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав), в соответствии которым цель уголовного судопроизводства не была четко обозначена в нормативном правовом акте. Общие положения указанного Устава устанавливали, что «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава… Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов» [1].

«Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти» [1]. Указанные положения закона следует считать целями уголовного судопроизводства. Также на наш взгляд по Уставу к ним целесообразно

отнести требование о том, что: «Восстановление чести и прав невинно осужденного допускается во всякое время, несмотря ни на истечение давности, ни на смерть осужденного» [1].

Разделы Устава, регламентирующие порядок предварительного следствия и судебного разбирательства, не содержат более конкретных целей и задач уголовного процесса на тот период времени. Вместе с тем следует обратиться к мнению В. Ю. Мельникова, полагающего, что «Действовавшие в XIX веке судебные уставы четко определяли обязанности должностных лиц, относящиеся к отправлению судебной деятельности. Это равным образом относилось как к соблюдению правил судопроизводства, так и к поддержанию внешнего достоинства власти [2, с. 67]. Правила судопроизводства в свою очередь направлены на принятие правильного и законного решения по делу, что, по нашему мнению, и являлось назначением уголовного судопроизводства в целом.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года также не включал положения о назначении уголовного судопроизводства, либо его целях и задачах. Общие положения закона достаточно схожи с положениями Устава и не определяли для чего конкретно осуществляется уголовное судопроизводство, что лежит в основе уголовно-процессуальной деятельности - интересы личности либо интересы государства.

И только УПК РСФСР 1960 года (ст. 2) четко сформулировал задачи уголовного процесса. Задачами уголовного судопроизводства того периода являлись быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, правильное применение закона, в соответствии с которым каждый виновный в установленном порядке должен быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут справедливому наказанию и недопустимость привлечения к ответственности за преступление невиновного лица. Целью настоящего исследования не является исследование категорий – цели, задачи и назначение уголовного судопроизводства, полагая, что они в любом значении взаимосвязаны и соотносятся между собой при определении основного приоритета уголовно-процессуальной деятельности и в целом ее предназначения, следует остановиться на том, что является содержанием и смыслом современной формулировки законодателя о назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

УПК РФ 2001 года, принятый в период различных реформ, не содержит указание на цели и задачи уголовного процесса, определяя при этом его роль и назначение. Как нами отмечено, вступление в силу УПК РФ после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года, происходило в период реформирования системы судебных органов и судебной власти, реформ иных государственных органов, принятия новых законов и послужило определяющим в формулировке назначения уголовного судопроизводства как защиты прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство как тех, которые пострадали от преступления, так и лиц,

совершивших преступление. Охранительная роль уголовного процесса, сформулированная в ст. 6 УПК РФ и интересы государства, которые не вытекают из содержания данной статьи, не всегда совпадают, на наш взгляд. Изменение прежней редакции (задачи уголовного судопроизводства) обусловлено общественной позицией, демократизацией общества и вышеобозначенными реформами. Задачи раскрытия преступления, установления всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, могут вытекать и из действующей формулировки назначения уголовного судопроизводства и из целей доказывания, являясь при этом более узкими по значению категориями, но при этом определяя направленность для стороны обвинения в изобличении виновного в совершении преступления.

Таким образом сущность уголовно-процессуальной деятельности следователя, дознавателя связана с достижением назначения уголовного судопроизводства и должна быть ориентирована на публичные интересы государства. Исторический взгляд на данную проблему позволяет предполагать, что иная формулировка, определяющая цели уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, имеющая обвинительный уклон и не ставящая препятствий следователю и дознавателю, позволит принять справедливое и законное решение при рассмотрении дела по существу, что в свою очередь будет отвечать состязательности уголовного процесса.

Библиографический список

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 21.02.2026).

2. Мельников В. Ю. Назначение уголовного судопроизводства, обязанность и ответственность властных субъектов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 67.

© Алонцева Е. Ю., 2026

УДК 343.1

Аминов И. Р. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);
Трусов С. В. – преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации МВД России (Россия, г. Тюмень)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРАЖАМ, СОВЕРШАЕМЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

COUNTERING THE THEFT COMMITTED BY MINORS IN THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK (CRIMINOLOGICAL ASPECT)

Аннотация. Возникновение информационных технологий привело к созданию и распространению новых форм преступности, крепко связанных с использованием компьютерных систем и сетей. В статье анализируются современные механизмы противодействие кражам, совершенным несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Обращается внимание на изменения в законодательстве и на практике применения уголовного права в отношении преступлений в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: кража, несовершеннолетние, информационные технологии**,** квалификация, профилактика, преступность.

Abstract. The emergence of information technology has led to the creation and spread of new forms of crime, closely related to the use of computer systems and networks. The article analyzes the current mechanisms of countering the theft committed by minors using information and telecommunication networks. Attention is drawn to changes in legislation and the practice of applying criminal law in relation to crimes in the field of information technology.

Keywords: theft, minors, information technology, qualification, prevention, crime.

В современном мире стать жертвой злоумышленников куда легче, чем раньше, ведь, к примеру, можно столкнуться с мошенниками по телефону либо в сети Интернет. Правоохранительные органы постоянно встречаются

с различными вызовами при расследовании и пресечении этих преступлений [7, с. 107].

Долгое время кражами признавались тайные хищения объектов материального мира, но с наступлением эпохи цифровизации настало время изменения форм и способов совершения общественно опасных деяний. Все чаще преступления совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [1]. Следует отметить, что чертой, свойственной расследованию киберпреступлений, является особая сложность, поэтому необходимо уделить повышенное внимание категориям лиц их совершающих. Одной из наиболее уязвимых и вовлекаемых в совершение общественно опасных деяний частью населения на сегодняшний день являются несовершеннолетние. Современные дети являются первым поколением, чье взросление приходится на период бурно развивающихся информационно-телекоммуникационных технологий [2].

Рассмотрим кражи, совершаемые несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, которые квалифицируются органами предварительного следствия по п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Уголовной ответственности подлежат лица, достигшие возраста 14 лет. Сложность квалификации данного преступного деяния заключается в разграничении с составом мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Кражей будут признаваться действия в том случае, когда несовершеннолетний использовал пароли, данные карты или иные персональные данные, то есть конфиденциальную информацию, необходимую для доступа к банковскому счету или электронным денежным средствам, и тайно изъял оттуда денежные средства. При этом не имеет значения, что держатель банковского счета самостоятельно передал данную информацию правонарушителю, например, под воздействием обмана или злоупотребления доверием. Данные способы совершения преступления в таком случае используются только для облегчения доступа к чужому имуществу [3].

Вопрос борьбы с подростковой преступностью в настоящее время остается открытым. С точки зрения осуществления общей профилактики следует отметить приказ МВД России от 24 августа 2023 года № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений», в соответствии с которым реализация полномочий субъектов ведомственной системы профилактики и их взаимодействие осуществляется в пределах своей компетенции по основным направлениям профилактики правонарушений и антиобщественных действий, в том числе безнадзорности, беспризорности [4]. В связи с тем, что каждое третье преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, их

профилактика по-прежнему остается одной из важнейших задач органов внутренних дел [5].

Для профилактики краж, совершенных несовершеннолетними с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств предпринимаются различные меры. Так, например, на официальном сайте отдела МВД России размещена памятка об уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение краж с банковских карт [6]. В целях предупреждения общественно опасных деяний, сотрудниками отдела по делам несовершеннолетних во взаимодействии с иными службами органов внутренних дел в образовательных организациях проводят лекции и беседы на правовые темы.

Для определения эффективности такого рода профилактики был проведен опрос во втором полугодии 2023 года среди обучающихся одного из образовательных учреждений Оренбургской области на тему: «Представьте ситуацию: 15-летний парень идет по улице и случайно находит банковскую карту. Действия и последствия» (условия опроса: анонимность, доступен выбор нескольких вариантов, запрет отмены голоса). Результаты опроса показали следующее:

1. 33 % опрашиваемых выбрали вариант ответа «Он подберет ее, это же находка. Купит то, что давно хотел и выкинет где-нибудь на улице. Никто не узнает, что именно он совершил эту покупку».

2. 29 % опрашиваемых выбрали вариант ответа «Он сможет зайти в «мобильный банк онлайн» с помощью трехзначного защитного кода, который находится на обратной стороне банковской карты, перевести деньги на свой или чей-то счет либо оплатить покупку онлайн. Никто не узнает, что именно он совершил этот перевод или покупку».

3. 42 % опрашиваемых выбрали вариант ответа «Данные действия нельзя совершать не при каких обстоятельствах. Об этом точно станет известно».

Результаты опроса показали, что значительная часть респондентов не имеет представление об уголовной ответственности за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, что показывает неэффективность и недостаточность мер, принимаемых для профилактики преступности среди несовершеннолетних.

В связи с вышесказанным предлагается ряд мероприятий, направленных на профилактику краж, совершенных несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и защиту права собственности населения от такого рода посягательств:

1. Целесообразно увеличение распространенности обучающего контента, разработанного правоохранительными органами, в средствах массовой информации, основной целевой аудиторией которых являются несовершеннолетние.

2. Показ документальных роликов на различных Интернет-платформах, позволяющих осветить тему наступления уголовной ответственности за противозаконные действия.

3. Планирование и реализация массовых образовательных офлайн и онлайн мероприятий, позволяющих повысить грамотность несовершеннолетних по вопросам развития правового сознания.

4. Разработка памяток об уголовной ответственности для школьников по наиболее часто совершаемым преступлениям несовершеннолетних, а также осуществление ознакомления с ними в рамках внеурочной деятельности.

В связи с вышеуказанным, правоохранительным органам необходимо осуществлять качественную профилактику преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в частности краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, предпринимая различные меры в отношении молодежи, позволяющие повысить правовую грамотность и осветить тему юридической ответственности за антиобщественное поведение.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 года № 2471-р : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 года № 1105-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений : приказ МВД России от 24 августа 2023 года № 619. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // МВД России : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 30.03.2024).

6. Полиция разработала памятки об уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение краж с банковских карт // Межмуниципальный отдел МВД России «Алапаевский» : офиц. сайт. URL: https://алап.66.мвд.рф/ (дата обращения: 11.01.2026).

7. Аминов И. Р. Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере it-технологий // Право и управление. 2023. № 8. С. 107–111.

© Аминов И. Р., 2026
© Трусов С. В., 2026

УДК 343.1

Арсланова А. Р. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМИНЕНИЯ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ИЗ-ЗА РУБЕЖА АКТИВОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

FEATURES OF THE APPLICATION OF PROCEDURAL COERCIVE MEASURES IN THE IMPLEMENTATION OF ACTIVITIES TO RETURN ASSETS OBTAINED FROM ABROAD AS A RESULT OF UNLAWFUL ACTS

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности применения мер процессуального принуждения в механизме возврата активов, а именно уделяется внимание проблемам исполнения запросов о правовой помощи, стандартам доказывания при наложении ареста на зарубежные активы.

Ключевые слова: возврат активов, меры процессуального принуждения, арест имущества, взаимная правовая помощь, замораживание активов.

Abstract. This article examines the specifics of applying procedural coercive measures in the asset recovery mechanism, specifically focusing on the issues of executing requests for legal assistance and the standards of proof when seizing foreign assets.

Keywords: asset recovery, procedural enforcement measures, seizure of property, mutual legal assistance, freezing of assets.

Вопрос возврата в российскую экономику активов, выведенных в иностранные юрисдикции, продолжает оставаться актуальным и важным. Значительная часть средств, выводимых из российской экономики, представляют собой доходы, полученные в результате преступной деятельности. Такие активы инвестируются в недвижимость, транспортные средства, акции и прочие финансовые инструменты, хранятся на банковских счетах

за границей. Многие из них концентрируются в офшорных зонах, характеризующихся низкими налоговыми ставками и возможностью сокрытия сведений о происхождении капитала.

О масштабах этой проблемы свидетельствуют данные исследований Инициативы по возвращению похищенных активов (StAR) Всемирного банка и Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, согласно которым коррупция способствует выводу из развивающихся стран от 20 до 40 миллиардов долларов США ежегодно, при этом, по подсчетам этой организации, не более 5 миллиардов долларов украденных активов были возвращены в страны происхождения за период с 1997 по 2011 годы [1].

Российскими правоохранительными органами и другими ведомствами прилагаются значительные усилия как для недопущения незаконного вывода активов в иностранные государства, так и для возврата обнаруженного за рубежом имущества, полученного преступным путем. Только за последнее время по запросам Генеральной прокуратуры Российской Федерации арестованы и заблокированы за рубежом денежные средства на общую сумму около 600 млн евро и недвижимое имущество на 300 млн евро [2].

«Имущество пяти стратегических предприятий на общую сумму 2,4 трлн рублей возвращено государству по искам Генпрокуратуры», –заявил 19 марта 2025 года на итоговой коллегии надзорного ведомства его руководитель Игорь Краснов (по итогам работы в 2024 году). Он пояснил, что из этих предприятий четыре находились под иностранным контролем, их собственники выводили прибыль в недружественные юрисдикции, финансируя в том числе и украинские вооруженные формирования, не вкладывали деньги в развитие инфраструктуры, уклонялись от уплаты всех налогов [3].

В то же время, как показывает практика, деятельность по возврату из-за рубежа добытых незаконным путем денежных средств и иного имущества сопровождается целым спектром проблем, в результате которых далеко не всегда удается вернуть в Россию выявленные и даже конфискованные или замороженные на территории иностранного государства активы. Возврат из-за рубежа активов, полученных преступным путем, представляет собой одну из наиболее сложных задач современного уголовного судопроизводства. Как отмечает профессор С. П. Щерба, «возврат активов невозможен без эффективного механизма их розыска, ареста и конфискации, при этом ключевую роль играют меры процессуального принуждения, применяемые на ранних стадиях расследования». Однако национальные механизмы принуждения, предусмотренные главой 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), сталкиваются с серьезными ограничениями при выходе на трансграничный уровень, что требует анализа действующей нормативной базы и практики ее применения [4].

Базовым элементом механизма возврата активов является институт ареста имущества, регламентированный ст. 115 УПК РФ. Однако в трансграничном контексте его применение осложняется необходимостью учета международно-правовых обязательств России. Если обратиться к международно-правовому блоку, то можно выделить:

1. Конвенция ООН против коррупции (UNCAC) 2003 года (ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»). Глава V Конвенции прямо обязывает государства-участники принимать меры для выявления, розыска, замораживания и конфискации доходов от преступлений.

2. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 1990) и Варшавская конвенция 2005 года (Россия является участницей с оговорками).

3. Двусторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам (с Азербайджаном, Сирией, Египтом и др.).

Национальный блок.

В соответствии с ч. 4 ст. 115 УПК РФ арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий. Именно эта норма является правовым основанием для последующего обращения с запросами о замораживании активов за рубежом.

Инструкция о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений.

Особенность заключается в том, что решение российского суда об аресте не действует за границей автоматически. Чтобы оно «заработало», необходимо обратиться в компетентные органы иностранного государства с запросом о правовой помощи. Будет ли этот запрос удовлетворен, зависит от законодательства иностранного государства и наличия международных договоров. Следовательно, меры процессуального принуждения реализуются через механизм запросов о правовой помощи.

Следует отметить, что мера принуждения может быть применена иностранным государством только если деяние, в связи с которым она запрашивается, признается преступлением по законам обоих государств (принцип обоюдности).

Национальные меры процессуального принуждения строго ограничены территорией государства. Запросы о правовой помощи – единственный легальный путь, но они упираются в суверенитет страны пребывания актива, которая не обязана признавать процессуальные акты запрашивающего государства.

Законодательно к запросу имеются определенные требования, к примеру, запрос должен содержать точное описание имущества и его местонахождение (ч. 2 ст. 453 УПК РФ); изложение фабулы дела и правовой квалификации деяния; обоснование того, что имущество имеет преступное происхождение.

При направлении запроса в иностранное государство (например, в Швейцарию или Великобританию) российские органы предварительного расследования сталкиваются с требованием предоставить не просто постановление об аресте, а развернутое обоснование.

В юрисдикциях общего права (Англия, США) это требование трансформируется в стандарт «good arguable case» – наличие убедительных аргументов, подтверждающих связь активов с преступлением. Простого указания на возбуждение уголовного дела недостаточно.

Для применения мер принуждения необходимо точно знать, где находятся активы и кому они принадлежат. В этом контексте важную роль играет институт раскрытия информации.

Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» обязывает кредитные организации предоставлять информацию по запросам правоохранительных органов. Однако в трансграничном формате раскрытие банковской тайны подчиняется законодательству страны нахождения банка. Так, согласно швейцарскому Закону о банках (ст. 47), раскрытие информации возможно только в рамках процедуры взаимной правовой помощи при наличии судебного решения.

Таким образом, применение принуждения (ареста) становится возможным только после получения информации через механизм взаимной правовой помощи, что создает временной разрыв, в течение которого активы могут быть перемещены.

Некоторые авторы (В. А. Номоконов и В. И. Михайлов) [5,6] предлагают внедрить «институт гражданской конфискации» или «конфискация in rem» (от латинского *in rem* – «в отношении вещи») – это важный и сложный правовой механизм, когда процедура изъятия имущества не у человека, а у самого имущества.

На сегодняшний день государство должно сначала доказать вину конкретного человека в совершении преступления, и только после обвинительного приговора суд может конфисковать имущество. Здесь иск направлен против личности. В то время как институт гражданской конфискации (in rem) – это правовой механизм, позволяющий государству изымать имущество, которое, по мнению следствия, связано с преступлением или имеет незаконное происхождение, не дожидаясь осуждения его владельца. Иск подается к имуществу, а не к человеку. Это мощный, но спорный инструмент, балансирующий на грани между эффективной борьбой с преступностью и защитой прав частной собственности.

Ключевой особенностью применения мер процессуального принуждения при осуществлении деятельности по возврату из-за рубежа активов, полученных в результате противоправных действий является необходимость «трансформации» российского постановления об аресте в запрос о правовой помощи, соответствующий стандартам страны места нахождения актива.

Для повышения эффективности возврата активов целесообразно рассмотреть вопрос о законодательном закреплении института гражданской конфискации (in rem), что позволит применять меры принуждения, а также активизировать работу по заключению двусторонних соглашений о разделе конфискованных активов.

Библиографический список

1. Stephenson, Kevin. Barriers to Asset Recovery : an Analysis of the Key Barriers and Recommendations for Action / Kevin Stephenson, Larissa Gray, Ric Power. Washington, D. C. 2011. P. 1. URL: https://www.unodc.org/ (дата обращения: 24.02.2026).

2. Плохов С. В. К вопросу о совершенствовании деятельности по возврату из-за рубежа активов, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 24.02.2026).

3. Возвратное движение : активы на 2,4 трлн изъяты по искам Генпрокуратуры // Известия : офиц. сайт. URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 25.02.2026)

4. Щерба С. П. Возврат активов, полученных преступным путем, в уголовном судопроизводстве России : теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 328.

5. Номоконов В. А. Транснациональная преступность : выявление, расследование, возврат активов. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2019. С. 3–17.

6. Михайлов В. И. Актуальные проблемы применения ст. 115 УПК РФ при розыске имущества за рубежом // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 28–32.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 24.02.2026).

8. Инструкция о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Арсланова А. Р., 2026

УДК 343.13

Асадуллина А. А. – заместитель председателя Советского районного суда г. Уфы (Россия, г. Уфа)

РАВЕНСТВО ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT IN MODERN RUSSIA: MYTH OR REALITY?

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной российской правовой системе. Автор рассматривает данное положение как диалектическую категорию, находящуюся в состоянии постоянного динамического напряжения между своим абстрактно-идеальным содержанием и конкретно-историческими условиями его воплощения. На основе анализа новейших законодательных тенденций, судебной практики и доктринальных подходов выявляется глубинная трансформация принципа равенства: от формально-юридической универсальности к функционально-дифференцированной модели, опосредованной приоритетом национальной безопасности и публичного интереса. Делается вывод о том, что в современных условиях принцип равенства не является ни мифом, ни абсолютной реальностью, а представляет собой сложный правовой конструкт, содержание которого определяется балансом между универсальными гарантиями справедливого правосудия и императивами защиты государственного суверенитета.

Ключевые слова: принцип равенства, закон, суд, национальная безопасность, национальный интерес, дифференциация процессуальных режимов, иммунитет, уголовный процесс, правовое государство.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the implementation of the constitutional principle of equality of all before the law and the court in the modern Russian legal system. The author considers this provision as a dialectical category, which is in a state of constant dynamic tension between its abstract-ideal content and the concrete historical conditions of its implementation. Based on the analysis of the latest legislative trends, judicial practice and doctrinal approaches, a profound transformation of the principle of equality is revealed: from formal legal universality to a functionally differentiated model mediated by the priority of national security and public interest. It is concluded that in modern conditions the principle of equality is neither a myth nor an absolute reality, but is a complex legal construct, the content of which is determined by the balance between universal guarantees of fair justice and the imperatives of protecting state sovereignty.

Keywords: principle of equality, law, court, national security, national interest, differentiation of procedural regimes, immunity, criminal process, rule of law.

Закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом и судом традиционно рассматривается как один из краеугольных камней отечественного правопорядка и неотъемлемый атрибут правового государства [1]. Его провозглашение в Конституции Российской Федерации 1993 года стало символом разрыва с советской этатистской традицией и декларацией следования либеральным стандартам верховенства права. Однако спустя три десятилетия само содержание этого принципа, его реальное воплощение в правоприменительной практике и доктринальное осмысление требуют серьезного пересмотра. Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, – не риторическая фигура, а отражение глубокого методологического и практического противоречия, в котором оказался современный российский правопорядок. Это противоречие между универсалистским идеалом абстрактного равенства, унаследованным от классического либерализма, и конкретно-историческими вызовами, которые заставляют государство искать новые, подчас экстраординарные, формы легитимации своей власти и обеспечения безопасности.

Исторический экскурс демонстрирует, что принцип равенства никогда не был абсолютным и неизменным. Его содержание всегда определялось балансом социальных сил, политическими приоритетами и представлениями о публичном благе. Современный этап развития российского государства, ознаменованный кардинальной перестройкой международных отношений, проведением специальной военной операции и объявлением Десятилетия науки и технологий [2], актуализировал новую систему ценностных координат. В этой системе на первый план выходит категория национального интереса, понимаемого не как простая совокупность публичных интересов, а как метакатегория, отражающая стратегические потребности государства в обеспечении суверенитета, территориальной целостности и устойчивого развития [3, с. 99]. Уголовное судопроизводство, являясь наиболее чувствительным инструментом государственного принуждения, не может оставаться в стороне от реализации этой сверхзадачи.

Следовательно, принцип равенства всех перед законом и судом подвергается сегодня качественной трансформации. Он эволюционирует от модели формально-абстрактного равенства, где главным критерием является единообразное применение закона ко всем без изъятия, к модели функционально-диалектического равенства. Суть последней заключается в признании допустимости дифференциации правового статуса и процессуальных режимов, если такая дифференциация имеет рациональное основание, соразмерна преследуемым целям и направлена на защиту интересов более высокого порядка – национальной безопасности и конституционного строя.

Таким образом, равенство перед законом не упраздняется, но начинает пониматься как равенство в рамках определенного, законодательно установленного статуса или функциональной роли.

Наиболее рельефно эта трансформация проявляется в сфере уголовного судопроизводства. Законодатель последовательно выстраивает систему дифференциации процессуальных режимов, создающую видимое «неравенство», но преследующую цели обеспечения национальной безопасности. Можно выделить три ключевых вектора этой дифференциации.

Во-первых, неравенство, основанное на особом публично-правовом статусе лица. Классическим, но оттого не менее проблемным примером является институт процессуальных иммунитетов, закрепленный в ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Отсутствие четких критериев отнесения к кругу иммунитетополучателей (например, неясность статуса всех работников прокуратуры) создает правовую неопределенность и почву для расширительного толкования, подрывающего идею равенства. В науке отсутствует консенсус относительно того, является ли иммунитет субъективным правом (личной привилегией) или элементом публично-правового статуса, производным от функций лица [4, с. 7]. Законодательные акты часто содержат размытые формулировки, позволяющие расширительно толковать пределы иммунитета, что на практике приводит к формированию представления о «безнаказанности» и противоречит конституционному принципу равенства [5, с. 375].

Во-вторых, неравенство, обусловленное исполнением особой публичной функции в условиях, значимых для национальных интересов. Здесь законодательные новации последних лет наиболее показательны. Речь идет о введенных Федеральным законом от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» институтах приостановления (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) и прекращения уголовного преследования (ст. 28.2 УПК РФ) в отношении лиц, призванных на военную службу в особых условиях. Данные нормы представляют собой радикальный отход от классического принципа неотвратимости ответственности. Государство вступает в публично-правовой компромисс, предлагая обвиняемому альтернативу наказанию – искупление вины через защиту Отечества. Как отмечает В. С. Латыпов, в данном случае реализуется интерес иного, более высокого порядка – интерес государства в мобилизации всех ресурсов для обеспечения своей безопасности, что служит гарантией защиты и частных, и публичных интересов в долгосрочной перспективе [6, с. 97]. Права потерпевшего и классический публичный интерес в наказании отодвигаются на второй план перед высшим интересом – обеспечением обороноспособности.

В-третьих, неравенство, связанное с участием в программах экономической безопасности государства. Ярким примером служит институт амнистии капиталов (Федеральный закон от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), создающий уникальный режим освобождения от уголовной ответственности для лиц, добровольно декларирующих и возвращающих активы в Россию. Лицо, совершившее преступление, но воспользовавшееся амнистией, освобождается от преследования, в то время как иное лицо, совершившее аналогичное деяние, подлежит ответственности. Цель – стимулирование репатриации капиталов для укрепления экономического суверенитета.

Подобные законодательные решения ставят под сомнение формальное равенство. Однако их критический анализ позволяет сформулировать доктринальные критерии, при которых такое «неравенство» может быть признано допустимым и конституционно соразмерным. К таким критериям, по нашему мнению, вслед за рядом исследователей, относятся [7, с. 215–221; 6, с. 98–99]:

– наличие рационального основания, связанного с высшими публичными (национальными) интересами (оборона страны, экономическая безопасность);

– соразмерность ограничения принципа равенства, когда предлагаемая альтернатива сопоставима по общественной значимости с отступлением от неотвратимости наказания;

– соблюдение баланса интересов, предполагающее создание иных механизмов защиты прав потерпевшего;

– прозрачность и нормативная определенность процедуры, исключающая произвольное усмотрение правоприменителя.

Таким образом, налицо объективный процесс становления суверенной модели правосудия, в которой принцип равенства всех перед законом и судом, сохраняя свою фундаментальную ценность, наполняется новым, функциональным содержанием. Он перестает быть абсолютным и абстрактным, становясь элементом более сложной системы ценностных приоритетов, на вершине которой находится национальная безопасность. Отрицать реальность этого принципа в современных условиях было бы неверно – он продолжает действовать как универсальное требование единообразного применения закона в стандартных ситуациях. Однако считать его реализацию безусловной и неограниченной – значит игнорировать объективные вызовы, стоящие перед государством.

Следовательно, ответ на вопрос, вынесенный в заглавие, лежит в плоскости признания диалектической природы принципа равенства. В современной России он не является ни мифом, полностью дискредитиро-

ванным практикой, ни абсолютной незыблемой реальностью. Он представляет собой правовую реальность нового типа – реальность, в которой гарантии равенства существуют в постоянном и напряженном диалоге с императивами национальной безопасности. Задача науки, законодателя и правоприменителя заключается не в догматическом отстаивании одной из этих ценностей в ущерб другой, а в выработке четких, прозрачных и легитимных правовых механизмов их балансировки. Только такой подход позволит построить уголовное судопроизводство, которое, будучи эффективным инструментом защиты национальных интересов, оставалось бы справедливым и сохраняло бы сущностное ядро принципа равенства как фундамента правового государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 3-ФКЗ, от 04.10.2022 № 4-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 231 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3052.

3. Латыпов В. С., Терехов А. Ю. Национальный интерес в современной уголовно-процессуальной политике России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 99–106.

4. Малахова Л. И. Иммунитеты и привилегии в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: к вопросу о соотношении понятий // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. С. 7–12.

5. Асадуллина А. А. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве : законная форма ограничения принципа равенства всех перед законом и судом // Евразийский юридический журнал. 2025. № 8 (207). С. 374–376.

6. Латыпов В. С. Уголовно-процессуальное законодательство современной России в обеспечении национальной безопасности страны // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 96–107.

7. Романенко Н. В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 215–221.

© Асадуллина А. А., 2026

УДК 343.13

Афанасьева А. А. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА ОСНОВЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

OPTIMIZATION OF THE PROOF PROCEDURE AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS BASED ON THE TRANSFORMATION OF THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания на стадии возбуждения уголовного дела. Анализируется правовая природа запрета, установленного ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и доктринальные подходы к трансформации оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальные доказательства. Обосновывается тезис о том, что представление результатов оперативно-разыскной деятельности является неотъемлемым этапом собирания доказательств. Особое внимание уделяется оптимизации процессуального механизма легализации результатов как гласных, так и негласных оперативно-разыскных мероприятий включая формирование вещественных, личных и электронных доказательств. Автором предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики, направленные на обеспечение допустимости доказательств и баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, оперативно-розыскная деятельность, собирание доказательств, допустимость доказательств, результаты ОРД, досудебное производство.

Abstract. The article deals with actual problems of using the results of operational investigative activities (ORD) in the process of proving at the stage of initiation of a criminal case. The legal nature of the prohibition established by Article 89 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and doctrinal approaches to the transformation of operational investigative information into criminal procedural evidence are analyzed. The thesis that the presentation of the results of the ORD is an integral stage of gathering evidence is substantiated. Special attention is paid to optimizing the procedural mechanism for legalizing

the results of both overt and covert operational investigative measures (ORM), including the formation of material, personal and electronic evidence. The author suggests ways to improve law enforcement practice aimed at ensuring the admissibility of evidence and the balance of public and private interests.

Keywords: criminal procedure, stage of initiation of a criminal case, operational investigative activities, gathering of evidence, admissibility of evidence, results of operational investigative activities, pre-trial proceedings.

В современном уголовном судопроизводстве России проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в доказывании сохраняет свою остроту и теоретическую значимость. Несмотря на то, что обращение к материалам, добытым оперативным путем, имеет место на всех этапах уголовного процесса, именно стадия возбуждения уголовного дела является ключевой площадкой для их первичной легализации и вовлечения в сферу уголовно-процессуальных отношений. Это обусловлено рядом объективных факторов, требующих глубокого научного осмысления и выработки практических рекомендаций по оптимизации данного процесса.

На данном этапе инициирования уголовно-процессуальной проверки, поводом для которой выступает рапорт оперативного сотрудника об обнаружении признаков преступления, происходит полномасштабная реализация результатов ОРД. Указанная стадия характеризуется не формальной фиксацией сообщения о преступлении, а процессуальным собиранием доказательств, включающим приобщение сведений и материальных носителей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Наибольшую значимость данный механизм приобретает по уголовным делам о преступлениях экономической и коррупционной направленности, а также в сфере незаконного оборота наркотических средств, раскрываемых оперативным путем. Рапорт и прилагаемые к нему документы и предметы выступают фундаментальной основой, детерминирующей формирование последующей доказательственной базы.

Результаты ОРД по значительному кругу категорий уголовных дел выступают в качестве фундаментальной основы для формулирования обвинения. Данные материалы выполняют не только функцию информационного повода к возбуждению уголовного преследования, но и служат фактическим базисом для производства следственных действий, направленных на формирование доказательственной базы (в частности, обысков, выемок, допросов). По существу, процесс трансформации оперативных данных в доказательства по уголовному делу реализуется именно в рамках стадии возбуждения уголовного дела и неразрывно связанного с ней первоначального этапа предварительного расследования

ОРМ являются одним из основных, а часто и единственно возможным способом проверки сообщения о преступлении в условиях дефицита процессуального времени и отсутствия возможности применения полноценных следственных действий до возбуждения дела. Взаимодействие следователя (дознавателя) и органа, осуществляющего ОРД, на этом этапе позволяет раскрывать преступления по «горячим следам».

Центральной теоретической проблемой, вокруг которой выстраивается дискуссия об оптимизации собирания доказательств, остается содержание запрета, закрепленного в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В научной среде периодически возникают предложения об отмене данного запрета и уравнивании результатов ОРД по юридической силе с доказательствами, полученными процессуальным путем. Однако такая позиция, на наш взгляд, игнорирует глубинные причины сложившейся парадигмы.

Современная модель раздельного существования ОРД и уголовного процесса сформировалась в начале 90-х годов под влиянием Концепции судебной реформы, стремившейся провести «четкую грань между процессуальной и непроцессуальной деятельностью» [1]. Целью этого размежевания было создание надежных гарантий прав личности, предотвращение возможных злоупотреблений и возврат к практике использования «негласных» материалов в качестве полноценных доказательств без их надлежащей процессуальной проверки. Именно эта идея легла в основу аксиомы современной доказательственной теории: сведения, полученные в ходе ОРМ, сами по себе доказательствами не являются. Они могут стать таковыми лишь после закрепления в порядке, установленном УПК РФ.

Данная правовая позиция последовательно воспроизводится в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым результаты ОРД по своей процессуальной природе квалифицируются не как готовые доказательства, а как сведения об источниках фактических данных, способных приобрести доказательственное значение лишь после их закрепления в установленном процессуальным законом порядке [2]. Верховный Суд Российской Федерации также последовательно придерживается линии, согласно которой материалы ОРД должны быть проверены следственным путем (осмотр, допрос участников, экспертиза), и только после этого, будучи зафиксированными в соответствующих протоколах, они приобретают статус допустимых доказательств [3].

Следовательно, процесс собирания доказательств в контексте использования результатов ОРД приобретает комплексный, двухэтапный характер. Доказательство как бы «собирается» из оперативного материала, к которому «приращиваются» результаты процессуальной деятельности следователя по его проверке, оценке и фиксации в установленной законом форме. Данная

дифференциация деятельности является объективным завоеванием правового развития России, обеспечивающим «двойную фильтрацию» доказательственной информации: сначала в рамках ведомственного оперативно-разыскного контроля, а затем – в гласном уголовном процессе с участием сторон.

Однако недопустимо сведение результатов ОРД исключительно к статусу ориентирующей информации, поскольку это свидетельствует о чрезмерном (крайнем) формализме в оценке их правовой природы. Как справедливо отмечает В. Ю. Стельмах, такой подход заводит в тупик и не позволяет объяснить ситуации, когда результаты ОРМ непосредственно входят в состав уголовно-процессуального доказательства, образуя его содержание [4, с. 52]. Несмотря на то, что по своему информационно-содержательному аспекту результаты ОРД могут быть тождественны данным, полученным в ходе следственных действий, их принципиальное различие детерминировано несовпадением процессуальных форм закрепления. Из сказанного вытекает необходимость трактовки процесса доказывания в качестве единой, но структурно дифференцированной системы, в рамках которой оперативное получение сведений выступает необходимым этапом, предваряющим их последующую легализацию (процессуализацию) в уголовном судопроизводстве.

Процесс обретения результатами ОРД статуса доказательства включает в себя несколько обязательных этапов: 1) представление результатов ОРД органам предварительного расследования; 2) их прием и проверка следователем (дознавателем); 3) преобразование в доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий и принятия процессуальных решений.

Ключевым этапом, с которого начинается собственно уголовно-процессуальное собирание доказательств, является представление результатов ОРД. Этот этап включает в себя рассекречивание сведений (при необходимости), составление сопроводительных документов и физическую передачу материалов. Порядок представления детально регламентирован ведомственной Инструкцией [5], что, однако, не снижает его значимости как процессуальной гарантии. Именно в этот момент информация переходит из сферы негласной в сферу гласного судопроизводства. Представляемые материалы должны позволять проверить в условиях уголовного процесса законность их получения и сформировать на их основе доказательства.

Наибольший интерес с точки зрения оптимизации представляет процесс собирания доказательств из результатов конкретных ОРМ, особенно тех, которые ограничивают конституционные права граждан и проводятся на основании судебного решения (прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, оперативный эксперимент и др.).

В таких случаях доказательство формируется как сложная система, включающая:

– документы, обосновывающие законность проведения ОРМ: постановление о его проведении (судебное решение), результаты иных ОРМ, подтверждающих основания, рапорта;

– носитель информации, полученной в ходе ОРМ (аудио-, видеозапись, фотографии, акт наблюдения);

– результаты процессуальных действий по проверке: протокол осмотра предметов (документов), постановление о признании и приобщении к делу вещественных доказательств, протоколы допросов участников ОРМ, понятых, оперуполномоченных.

Как обоснованно указывается в литературе, главной целью процессуальных действий на этом этапе является наработка свойства допустимости [6, с. 114]. Осмотр следователем видеозаписи оперативного эксперимента, с фиксацией в протоколе всего хода события, является той процессуальной формой, которая позволяет верифицировать оперативный материал и снять сомнения в его достоверности и отсутствии провокации. Аналогично, осмотр и прослушивание фонограммы переговоров подтверждает аутентичность информации.

Оптимизация данного процесса видится в законодательном закреплении «необходимого минимума» документов, которые оперативное подразделение обязано представить вместе с основными материалами, а следователь – приобщить к делу или мотивированно отказать в этом. Это позволило бы унифицировать практику и минимизировать риски признания доказательств недопустимыми из-за пробелов в оформлении происхождения информации.

Особого внимания заслуживают электронные доказательства. Цифровая информация (логи серверов, файлы, переписка в мессенджерах), полученная в ходе ОРД, обладает высоким доказательственным потенциалом. Однако и здесь должен действовать общий принцип: представление электронных носителей или доступа к информации следователю с последующим их осмотром и приобщением к делу. Простое распечатывание скриншотов оперуполномоченным без их последующего процессуального осмотра и удостоверения не может считаться надлежащим собиранием доказательства. Следователь обязан лично убедиться в содержании цифровой информации и зафиксировать ее в протоколе осмотра.

Собирание личных доказательств (показаний) на основе результатов ОРД также имеет двухэтапную структуру. Первый этап – оперативно-разыскной (опрос, получение объяснений). Второй, решающий – следственный (допрос).

Использование в доказывании материалов опроса возможно исключительно в качестве основания для вызова лица на допрос. Не могут быть признаны допустимыми доказательствами показания оперуполномоченного, пересказывающего суду содержание беседы со свидетелем или подозреваемым. Личное доказательство формируется только в процессуальной форме допроса, где лицо предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний, а его слова заносятся в протокол. Результаты негласных опросов или внедрения могут служить лишь ориентиром, но не заменяют допроса (за исключением случаев невозможности обеспечения явки лица по объективным причинам, либо, когда лицо само является конфидентом и не подлежит разглашению – тогда информация может фигурировать в иных видах доказательств).

Таким образом, оптимизация процесса собирания доказательств с использованием результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела не требует кардинального пересмотра устоявшейся доктрины разделения ОРД и уголовного процесса или отмены ст. 89 УПК РФ. Напротив, сохранение этого «запрета» и процессуального порядка легализации оперативных материалов служит важнейшей гарантией прав личности и достоверности устанавливаемых фактов.

Пути оптимизации лежат в плоскости совершенствования правоприменительной практики и, возможно, точечной корректировки законодательства. Необходимо: четкое соблюдение процедуры представления результатов ОРД как неотъемлемого элемента собирания доказательств; обязательное проведение следственных действий (осмотр, допрос) по проверке любых материалов, полученных оперативным путем, прежде чем они будут трансформированы в доказательства; формирование единого подхода к оценке достаточности документов, обосновывающих законность проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права; выработка на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснений о порядке работы с электронными носителями информации, полученными в результате ОРД.

Только такой взвешенный подход, основанный на принципах состязательности и процессуальной доброкачественности доказательств, позволит эффективно использовать мощный потенциал оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью, не жертвуя при этом фундаментальными правами граждан.

Библиографический список

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М. : Республика, 1992. 111 с.

2. По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального

закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 года № 18-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

3. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 (в ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

4. Стельмах В. Ю. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : проблемы теории и практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 50–58.

5. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утв. приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России и др. от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507) // Российская газета. 2013. 13 декабря.

6. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности / Н. А. Громов, В. А. Пономаренков, А. Н. Гущин [и др.]. М. : Приор-издат, 2005. 207 с.

© Афанасьева А. А., 2026

УДК 343

Ахметгалеев В. Р. – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В МЕХАНИЗМЕ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

DIGITAL EVIDENCE IN THE MECHANISM OF CHOOSING PREVENTIVE MEASURES: LEGAL NATURE AND PRACTICAL SIGNIFICANCE

Аннотация. В статье исследуется значение цифровых доказательств при избрании мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Раскрываются виды и специфические черты цифровых доказательств, обусловливающие

их особую роль в установлении связей подозреваемого с соучастниками, выявлении попыток воздействия на свидетелей, проверке алиби и иных значимых обстоятельств. Анализируются правовые проблемы: отсутствие единых критериев легализации, риски фальсификации, вопросы соблюдения конституционных прав. Обосновываются предложения по совершенствованию правового регулирования – закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации критериев допустимости, развитие компьютерно-технической экспертизы, стандартизация фиксации, усиление международного сотрудничества.

Ключевые слова: меры пресечения, цифровые доказательства, достоверность цифровых доказательств, фиксация цифровых доказательств, компьютерно-техническая экспертиза, защита прав личности.

Abstract. The article examines the importance of digital evidence in the selection of preventive measures in criminal proceedings. The types and specific features of digital evidence are revealed, which determine their special role in establishing connections between suspects and accomplices, identifying attempts to influence witnesses, verifying alibis and other significant circumstances. Legal problems are analyzed: the lack of uniform criteria for legalization, the risks of falsification, and issues of respect for constitutional rights. The paper substantiates proposals for improving legal regulation, including the establishment of criteria for admissibility in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the development of computer-technical expertise, standardization of records, and strengthening international cooperation.

Keywords: preventive measures, digital evidence, reliability of digital evidence, fixation of digital evidence, computer and technical expertise, protection of individual rights.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни правовая система неизбежно сталкивается с необходимостью адаптации традиционных процессуальных механизмов к новым реалиям. Особую актуальность приобретает проблема интеграции цифровых доказательств в уголовный процесс, в частности – при избрании мер пресечения. Данная категория доказательств, будучи порождением информационно-коммуникационных технологий, требует не только технического осмысления, но и глубокой доктринальной проработки с точки зрения их допустимости, достоверности и достаточности для принятия процессуальных решений [1, с. 24].

Цифровые доказательства представляют собой информацию, зафиксированную в электронной форме, которая может быть воспроизведена и верифицирована с использованием технических средств [2, с. 354]. К ним относятся: переписка в мессенджерах и социальных сетях, метаданные те-

лефонных соединений, электронные документы, логи серверов, данные геолокации, цифровые следы активности в сети Интернет, информация с камер видеонаблюдения, данные биллинговых систем и иные аналогичные сведения. Их ключевая особенность заключается в том, что они формируются и сохраняются вне прямого контроля человека, что придает им объективный характер, но одновременно создает сложности с установлением первоисточника и подтверждением неизменности [3, с. 24].

При избрании мер пресечения цифровые доказательства приобретают особое значение, поскольку позволяют оперативно установить: наличие связей подозреваемого с иными участниками преступления, а также содействие последнему неустановленных соучастников; попытки негативного воздействия на свидетелей, потерпевших либо сокрытия или уничтожения доказательств; факты уклонения от явки к следователю; местонахождение лица в момент совершения деяния; мотивы и цели противоправных действий, формируя тем самым своеобразный цифровой профиль подследственного [4, с. 99] с момента совершения преступления и до момента принятия решения об избрании меры пресечения. Например, анализ переписки в мессенджерах может выявить планы скрыться от следствия, а данные геолокации – опровергнуть алиби, заявленное подозреваемым или обвиняемым. В этом контексте цифровые доказательства выступают не просто как дополнение к традиционным, а как самостоятельный и порой незаменимый источник информации, влияющий на выбор меры пресечения.

Однако использование цифровых доказательств сопряжено с рядом правовых и технических проблем. Во-первых, отсутствует единый подход к их легализации: в одних случаях суды принимают скриншоты переписки без дополнительного подтверждения, в других – требуют нотариального заверения или экспертизы. Во-вторых, высока вероятность фальсификации или модификации данных, что ставит под сомнение их достоверность. В-третьих, не всегда четко регламентирован порядок изъятия и хранения электронных носителей, что может привести к нарушению прав участников процесса [5, с. 122–123]. Эти факторы обусловливают необходимость выработки унифицированных критериев оценки цифровых доказательств при решении вопроса о мере пресечения.

С точки зрения уголовно-процессуального закона, цифровые доказательства должны соответствовать требованиям ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то есть быть относимыми, допустимыми и достоверными. Относимость определяется связью информации с обстоятельствами, указанными в ст. 97 УПК РФ (основания для избрания меры пресечения). Допустимость зависит от соблюдения процедуры получения: например, перехват сообщений возможен только на основании судебного решения (ст. 186.1 УПК РФ), а изъятие электронных устройств – с участием специалиста (ст. 164.1 УПК РФ). Достоверность

требует проверки источника данных, отсутствия признаков вмешательства, а также соответствия информации иным доказательствам по делу.

На практике суды нередко сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, цифровые доказательства позволяют оперативно обосновать необходимость избрания определенной меры пресечения (например, заключения под стражу), с другой – их «виртуальный» характер порождает сомнения в надежности. Так, переписка в мессенджере может быть подделана, а данные геолокации – искажены из-за технических сбоев. В этой связи ключевое значение приобретает экспертное сопровождение: компьютерно-техническая экспертиза способна подтвердить аутентичность файлов, восстановить удаленные данные, установить время создания записей и т. д. [6]. Без такой верификации цифровые доказательства рискуют быть признаны недопустимыми, что может свести на нет доводы органов следствия о необходимости избрания определенной меры пресечения.

Следует отметить, что при внедрении цифровых технологий в доказательственную практику первостепенное значение имеет неукоснительное соблюдение прав человека. К примеру, требование предоставить доступ к личным аккаунтам в социальных сетях и мессенджерах в отсутствие судебного решения нарушает конституционное право на тайну переписки (ст. 23 Конституции Российской Федерации). Аналогичным образом незаконное получение данных от операторов связи без санкции суда посягает на право человека на частную жизнь. Поэтому при избрании меры пресечения с использованием цифровых доказательств необходимо соблюдать баланс между интересами следствия и конституционно закрепленными правами личности.

Существенное значение также приобретает соблюдение установленной процессуальной процедуры при документировании цифровых доказательств. Согласно ст. 166 УПК РФ, протокол осмотра электронного носителя должен содержать: описание устройства, методику извлечения данных, перечень скопированной информации, сведения о примененных технических средствах. Отсутствие этих элементов может стать основанием для исключения доказательства. Кроме того, целесообразно приобщать к материалам дела не только распечатки скриншотов, но и оригинальные файлы на материальных носителях, что позволит в дальнейшем провести повторную экспертизу.

В судебной практике наметилась тенденция к расширительному толкованию допустимости цифровых доказательств. Например, суды все чаще принимают в качестве обоснования меры пресечения: распечатки звонков из мобильных приложений операторов связи; скриншоты страниц в социальных сетях, заверенные следователем; данные систем видеонаблюдения, полученные через муниципальные и иные сервисы. Это свидетельствует

о постепенном признании цифровой реальности как полноценной доказательственной базы. Однако такая либерализация требует четкой нормативной регламентации, чтобы избежать субъективизма при оценке доказательств.

Перспективным направлением развития является внедрение специализированных программных комплексов для анализа цифровых следов. Такие системы могут позволить автоматически выявлять связи между участниками преступной группы, отслеживать динамику перемещений, прогнозировать возможные действия подозреваемого или обвиняемого (например, попытки скрыться). Использование искусственного интеллекта (тексту – ИИ) в этой сфере способно повысить объективность решений о мере пресечения, но одновременно ставит вопросы этики и прозрачности алгоритмов. В этой связи необходимо разработать правовые стандарты применения ИИ в уголовном процессе, гарантирующие право на объяснение принятых решений.

Не менее значима проблема международного сотрудничества. В условиях, когда сервера тех или иных используемых на территории России мессенджеров и социальных сетей расположены за рубежом, то данное обстоятельство может предоставлять определенную сложность в изъятии с них необходимой для следствия информации. Это требует оперативной координации с иностранными владельцами данных мессенджеров и социальных сетей, а также с зарубежными правоохранительными органами, что затруднено из-за различий в правовых системах либо нежеланием последних сотрудничать с заинтересованными службами России. Ратификация международных соглашений о взаимной правовой помощи в сфере электронных доказательств могла бы упростить процедуру их получения и использования при избрании мер пресечения.

Таким образом, цифровые доказательства становятся неотъемлемым элементом современного уголовного процесса, существенно влияя на принятие решений об избрании мер пресечения. Их преимущества – оперативность, объективность, объемность, сочетаются с рисками, связанными с фальсификацией, нарушением прав и недостаточной регламентацией. Для эффективного использования цифровых доказательств необходимо:

– закрепить в УПК РФ четкие критерии их допустимости и порядка представления;

– развить институт компьютерно-технической экспертизы;

– обеспечить соблюдение конституционных гарантий при сборе и анализе данных;

– внедрить единые стандарты фиксации цифровых следов;

– усилить международное взаимодействие в указанной сфере.

Раскрытие потенциала цифровых доказательств без ущерба для законности и справедливости достижимо исключительно через интеграцию технологических новшеств и правовых гарантий. В долгосрочной перспективе подобное сочетание способно не просто повысить объективность избрания мер пресечения, но и существенно укрепить веру общества в судебную систему в эпоху цифровизации.

Библиографический список

1. Степаненко Д. А. Технология собирания электронно-цифровых доказательств : проблемы и рекомендации // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 1 (35). С. 23–29.

2. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2 (60). С. 349–377.

3. Шаталов А. С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. № 500. С. 231–237.

4. Асаенок Б. В. Цифровой профиль физического лица как новый базис криминалистической регистрации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 95–103.

5. Воронин М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8 (129). С. 118–128.

6. Мусалаева З. Б., Юсупкадиева С. Н. Особенности подготовки материалов для производства судебной компьютерно-технической экспертизы // Закон и право. 2025. № 6. С. 248–254.

© Ахметгалеев В. Р., 2026

УДК 343.132.1

Ахтамьянов Р. Р. – старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

PROBLEM ISSUES ARISING IN THE APPLICATION OF MEASURES TO ENSURE THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Оказывая помощь государству и обществу, гражданин обращается в правоохранительные органы и сообщает об известных ему сведениях относительно совершения преступлений, он ставит под угрозу свою личную безопасность и безопасность своего имущества со стороны преступников. На данный момент одной из центральных и крайне сложных задач остается обеспечение полноценной безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Вопрос противоправного влияния на участников процесса (включая свидетелей, потерпевших, судей, прокуроров и следователей), а также членов их семей продолжает оставаться актуальным и серьезным вызовом современности, так как борьба с преступностью и установление виновности порой затягивается надолго, а вмешательство злоумышленников через угрозы и давление способно парализовать весь механизм правосудия. Именно поэтому обеспечение защиты уязвимых категорий участников судопроизводства выходит на первый план, ставя перед правоохранительными структурами чрезвычайно непростую задачу сохранения безопасности и спокойствия этих лиц.

Ключевые слова: участники уголовного процесса, обеспечение безопасности, предварительное расследование, следователь, подозреваемый.

Abstract. By assisting the state and society, a citizen contacts law enforcement agencies and reports information known to him regarding the commission of crimes, he puts his personal safety and the security of his property at risk from criminals. Ensuring the full security of persons involved in criminal proceedings remains a central and extremely complex task at present. The issue of unlawful influence on participants in the process (including witnesses, victims, judges, prosecutors, and investigators)and their family members continues to be a pressing and serious challenge today, as the fight against crime and the establishment of guilt can sometimes drag This is why ensuring the protection of vulnerable

participants in legal proceedings comes to the forefront, posing an extremely difficult task for law enforcement agencies to maintain the safety and security of these individuals on for a long time, and the intervention of criminals through threats and pressure can paralyze the entire justice system.

Keywords: participants in criminal proceedings, security, preliminary investigation, investigator, suspect.

В деятельности органов, осуществляющих государственную защиту, можно выявить несколько групп проблем. В период становления института обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, отмечалось, что проводимые в стране опросы общественного мнения регулярно свидетельствуют о том, что около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, будучи уверены в том, что защиты от них не получат. Это говорило о наличии проблем в аппарате обеспечения государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных лиц [2].

Первая категория трудностей, с которыми приходится сталкиваться при обеспечении безопасности участников уголовного процесса, касается бюрократических препятствий, условно называемых «бюрократической рутиной». Чтобы организовать личную охрану или иные защитные меры для одного человека, официальные лица вынуждены готовить значительный объем документации, содержащей обоснование необходимости выбранной меры и отражающей финансовый аспект ее реализации. Даже после представления полного пакета документов решение может оказаться отрицательным.

В случае одобрения запрашиваемой меры возникают сложности с бюджетным финансированием ее реализации. Несмотря на официальное финансирование программы, выделение средств в конкретных ситуациях вызывает значительные задержки, что отрицательно сказывается на оперативности и эффективности защиты. Хотя финансирование предусмотрено законодательством, на деле процесс выделения средств длителен и усложняется, что серьезно снижает действенность предложенных мер.

Ко второй группе недостатков относится недостаточное техническое оснащение подразделений, отвечающих за организацию государственной защиты. Преступления происходят повсеместно, от мегаполисов до небольших поселений, и, хотя территориальные отделы полиции существуют повсюду, их ресурсы сильно различаются. Зачастую недостаток необходимого оборудования и ресурсов ведет к неспособности реализовать обещанные меры защиты, несмотря на предусмотренное законом право на такую защиту. Он занимает важное место в системе социологических исследований. По мнению ученых, с помощью этого метода собирается около 90 % социологической эмпирической информации.

Третья группа проблем вызвана отсутствием эффективного взаимодействия между государственными органами и низким уровнем доверия граждан к правоохранительным структурам.

Теоретически предполагается, что применение действующих нормативно-правовых актов (законов, подзаконных актов) и деятельность органов, осуществляющих государственную защиту лиц, подлежащих государственной защите, высокий уровень организации мероприятий по обеспечению безопасности, таких как личная охрана, охрана жилища и имущества, теоретически должен заметно улучшать ситуацию с защитой участников уголовного процесса.

Институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства на предварительном следствии имеет немало проблем. Одним из серьезных препятствий на пути успешной реализации мер безопасности является человеческий фактор. Когда крупное уголовное дело передается от одного сотрудника к другому, увеличивается число лиц, владеющих информацией о засекреченных участниках процесса, что многократно повышает риск случайной утечки конфиденциальных данных. Важно подчеркнуть, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) до сих пор не предусматривает возможность принятия защитительных мер непосредственно дознавателем, что выглядит серьезной упущенной возможностью и концептуальным пробелом.

Кроме того, очевидно, что многие из перечисленных мер безопасности демонстрируют низкую эффективность, а порой и полную бессмысленность, так как законодательно до сих пор не урегулированы вопросы защиты участников процесса на начальной стадии – при приеме, регистрации и разрешении заявлений о преступлениях. Этот начальный этап именуют этапом возбуждения уголовного дела, и ему посвящен седьмой раздел УПК РФ. Однако само понятие «возбуждение уголовного дела» представляется нам неудачным и вводящим в заблуждение, ведь такое событие носит разовый, мгновенный характер и не подразумевает длительного периода времени.

Кроме того, возбуждение уголовного дела – это одно из процессуальных решений, принимаемое по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 145 УПК РФ) [1]. По результатам проверки сообщения о преступлении могут быть также приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности.

Важно заметить, что, несмотря на важность и неотложность создания правового механизма защиты участников проверки сообщений о преступлениях, эта тема пока слабо освещена в научной среде. Между тем, дискуссия по данному вопросу давно назрела, а необходимость внесения изменений в действующее законодательство представляется очевидной. Мы согласны с позицией Г. П. Химичевой, которая полагает, что УПК РФ следовало бы дополнить нормой, позволяющей применять меры государственной защиты в отношении заявителя [3]. Однако предлагаемый ею механизм и границы

его реализации вызывают сомнения. Дело в том, что меры безопасности, указанные в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, действуют исключительно в рамках проведения следственных действий, следовательно, заявитель не подпадает под их действие. Кроме того, предложение Г. П. Химичевой ограничить меры защиты сведений о заявителе только моментом устного заявления о преступлении кажется неполноценным решением. Такой подход вряд ли сможет в полной мере решить поставленную задачу защиты личности заявителя.

В соответствии с требованиями ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Очевидно, что в случае наличия любого из трех поводов может существовать необходимость в применении мер защиты в отношении лица, от которого поступила информация о преступлении. По нашему мнению, неверно применять механизм защиты потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, указанный в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, к заявителю, поскольку в данной норме речь идет о протоколах следственных действий, и распространять данное положение на стадию приема, регистрации и разрешения сообщения о преступлении нельзя.

Необходимо разработать и включить в раздел 7 УПК РФ самостоятельную норму, регламентирующую условия и порядок обеспечения защиты на стадии принятия, регистрации и разрешения сообщения о преступлении. В вышеуказанной норме следует предусмотреть возможность защиты не только заявителя, но и других лиц – очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления и участвующих в проведении проверки сообщения о преступлении, – причем как на стадии принятия и регистрации сообщения о преступлении, так и на этапе его проверки. Такое решение представляется необходимым в связи с тем, что в использовании мер защиты может нуждаться широкий круг лиц, а не только заявитель.

Отметим, что основаниями для применения мер государственной защиты являются достоверные данные о наличии реальной угрозы убийства, применения насилия или повреждения имущества указанной категории лиц. Меры защиты могут применяться лишь по письменному заявлению лица или его законного представителя, на основании решения, принятого соответствующими руководителями органов, осуществляющих меры безопасности, после тщательной проверки всех изложенных обстоятельств.

Согласно ст. 18 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» порядок применения мер безопасности предусматривает подачу заявления участником уголовного судопроизвод-

ства, принятие решения о мерах безопасности судом или должностным лицом в течение трех суток (немедленно в случаях, не терпящих отлагательств), избрание и исполнение необходимых мер органом, осуществляющим их применение, уведомление заинтересованных лиц и возможность обжалования постановления в течение 24 часов, а также информирование уполномоченного органа о выбранных мерах и их последующей отмене при исчезновении угрозы для участника уголовного судопроизводства.

Проблемами обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства на предварительном следствии являются:

– человеческий фактор (передача дела от одного следователя к другому может привести к нарушению анонимности и секретности);

– законодателем никак не разрешен вопрос о защите участников процесса на стадии приема, регистрации и разрешения сообщения о преступлении.

Пути решения первой проблемы, связанной с человеческих фактором:

– создание единого регистра защищаемых лиц, закрытого для публичного доступа и управляемого исключительно компетентными органами;

– упрощение и ускорение передачи дела между следователями с одновременным введением дополнительной меры подтверждения секретности и конфиденциальности передаваемых сведений;

– повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, усиление дисциплины и введение административной ответственности за нарушение конфиденциальности.

Перспективы развития первой проблемы:

– возможность внесения поправок в Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», предусматривающих обязательную передачу дела с наложением грифа секретности и усилением мер контроля за соблюдением тайны следствия;

– постепенное внедрение электронных средств фиксации и шифрования данных, усиливающих безопасность и конфиденциальность.

Пути решения второй проблемы, связанной с отсутствием законодательного урегулирования вопроса о защите участников уголовного процесса на стадии приема, регистрации и разрешения сообщения о преступлении:

– принятие нового федерального закона или внесение изменений в действующие законы, устанавливающие обязанность правоохранительных органов принимать незамедлительные меры защиты при наличии угрозы жизни, здоровью или имуществу участников процесса;

– унификация процедур уведомления и информирования участников о праве обратиться за защитой и возможность автоматической активации защитных мер при обращении;

– проведение регулярных тренингов и семинаров для сотрудников правоохранительных органов по соблюдению прав и безопасности участников процесса.

Перспективы развития второй проблемы:

– возможное создание специализированного подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации, ответственного за обеспечение безопасности участников на всех стадиях уголовного судопроизводства;

– практическое включение в образовательные программы образовательных организаций МВД России предметов, посвященных применению мер безопасности на предварительной стадии расследования.

Таким образом, преодоление указанных проблем требует комплексного подхода, сочетающего законодательные инициативы, повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов и внедрение эффективных механизмов защиты участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ // Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 28.01.2026).

2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5194 (115).

3. Химичева Г. П. О совершенствовании возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 59–62.

© Ахтамьянов Р. Р., 2026

УДК 343.1

Бирюкова С. Е. – научный сотрудник отдела научного и технического обеспечения деятельности по надзору за участниками дорожного движения ФКУ «НЦ БДД МВД России» (Россия, г. Москва)

РАПОРТ СОТРУДНИКА ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ПОВОДОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

THE REPORT OF AN EMPLOYEE OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE ON THE DETECTION OF SIGNS OF A CRIME AS ONE OF THE REASONS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE: PROBLEMS OF PROCEDURAL REGISTRATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Аннотация. В статье анализируется процессуальное значение рапорта сотрудника Госавтоинспекции как повода для возбуждения уголовного дела. Рассматриваются типичные ошибки в оформлении данного документа, приводящие к затягиванию сроков проверок сообщений о преступлении в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе анализа ведомственной практики и научных исследований предлагаются возможные способы решения обозначенной проблемы. Реализация данных инициатив направлена на стандартизацию сведений, подлежащих указанию в рапорте об обнаружении признаков преступления, и обеспечение принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: проверка сообщений о преступлении, рапорт об обнаружении признаков преступления, поводы для возбуждения уголовного дела, Госавтоинспекция.

Abstract. The article analyzes the procedural significance of the report of a traffic police officer as a reason for initiating a criminal case. Typical errors in the design of this document are considered, leading to a delay in checking reports of a crime in accordance with art. 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of departmental practice and scientific research, possible ways to solve this problem are proposed. The implementation of these initiatives is aimed at standardizing the information to be indicated in the report on the detection of signs of a crime, and ensuring the principle of a reasonable period of criminal proceedings.

Keywords: checking reports of a crime, a report on the detection of signs of a crime, reasons for initiating a criminal case, the traffic police.

В современной системе уголовного судопроизводства Российской Федерации деятельность подразделений Госавтоинспекции МВД России играет важную роль, находясь на стыке административной деятельности полиции и выявлении уголовно наказуемых деяний. Ежегодно сотрудниками дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции (далее – ДПС) обнаруживаются и фиксируются тысячи фактов, подпадающих под признаки различных составов преступлений, предусмотренных ст. 264.1, 264.2, 264.3, 291, 318, 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и др.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], одним из поводов для возбуждения уголовного дела является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, которым часто выступает рапорт инспектора ДПС об обнаружении признаков преступления.

Несмотря на то, что рапорта сотрудниками полиции составляются регулярно, оформление рапорта об обнаружении признаков преступления вызывает определенные сложности. Практика проверки сообщений о преступлении свидетельствует о наличии системных ошибок и неточностей при составлении данного документа, среди которых отмечаются неполнота описания объективной стороны деяния, отсутствие ссылок на конкретные источники доказательств (данные о фото-видеофиксации, сведения о свидетелях и иные), противоречия между содержанием рапорта и сопутствующими административными материалами.

Проблема оформления рапорта подтверждается также проводимыми исследованиями в области административного и уголовно-процессуального права. В частности, К. Д. Рыдченко, Р. В. Никулиным, О. А. Федотовой указывается, что типичными ошибками при составлении рапортов об обнаружении признаков преступления остаются отсутствие конкретизации места происшествия, указание только момента выявления правонарушения, игнорирование значимых сведений о потерпевших и очевидцах, незавершенный характер изложения либо нарушение хронологии событий [2, с. 8].

В научном сообществе существует дискуссия и по поводу отнесения рапорта к доказательствам по уголовным делам. По мнению В. И. Качалова, рапорт об обнаружении признаков преступления может использоваться в доказывании как «иной документ» при соблюдении определенных условий, касающихся его надлежащего оформления. Некоторые ученые (А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский [3, с. 109–110], О. В. Качалова [4, с. 8], И. И. Сюбаев [5, с. 29]) рассматривают рапорт исключительно в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Однако Судебная коллегия

по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в своих определениях по результатам рассмотрения конкретных уголовных дел неоднократно высказывала позицию по возможности использования рапорта в качестве доказательства как «иного документа» при соблюдении условий, зависящих от характера содержащейся в нем информации, включая наличие указаний на конкретные источники сведений, относящихся к предмету доказывания [6, с. 247–255].

Приведенные неточности и ошибки оформления влекут за собой деструктивные последствия для уголовного процесса по конкретному делу. Во-первых, некачественный рапорт становится причиной затягивания сроков проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, так как органы дознания вынуждены возвращать материалы для уточнения обстоятельств или проводить дополнительные проверочные действия, которые могли быть зафиксированы изначально. Во-вторых, сбор некачественного первоначального материала создает предпосылки для признания первичных доказательств недопустимыми, что в дальнейшем может привести к невозможности привлечения виновного лица к ответственности. Если УПК РФ предписывает сотрудникам, входящим в следственно-оперативную группу осуществлять комплекс мероприятий и неотложных следственных действий, то действия сотрудников ДПС, а, следовательно, и объем составляемого ими материала зависят от сложившейся практики в данном органе внутренних дел, так как единого алгоритма действий нормативной базой не предусмотрено [7, с. 440–446].

Таким образом, несмотря на то, что рапорт об обнаружении признаков преступления является поводом для возбуждения уголовного дела, отсутствие на законодательном уровне единых требований к его содержательной части по делам о преступлениях против безопасности дорожного движения ведет к утрате первичных доказательств и затягиванию сроков проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Как следствие, значительный временной ресурс затрачивается на восполнение информационных пробелов, допущенных на этапе первичной фиксации события.

Для минимизации процессуальных рисков и сокращения сроков проверок сообщений о преступлении представляется необходимым переход от свободного изложения обстоятельств в рапорте к его строгой типизации. В частности, целесообразно на уровне ведомственных нормативных правовых актов закрепить перечень сведений, подлежащих обязательному отражению в рапорте об обнаружении признаков преступления.

В перечень обязательных реквизитов следует включить:

– координаты и время события правонарушения;

– данные о должностном лице, составившем рапорт;

– статью УК РФ, признаки состава преступления которой выявлены в ходе надзора за дорожным движением;

– сведения о правонарушителе;

– сведения о транспортном средстве (марка, государственный регистрационный знак, VIN), наличие/отсутствие внешних повреждений, видеорегистратора);

– ФИО и контакты очевидцев, краткие пояснения лиц на месте;

– состояние дорожного покрытия (сухое/мокрое), наличие дорожной разметки и знаков в зоне видимости, состояние элементов искусственного освещения проезжей части);

– приложения к рапорту:

1) протокол отстранения от управления транспортным средством;

2) акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения;

3) схема места совершения правонарушения и другие материалы при их составлении на месте.

Наличие стандарта минимизирует риск пропуска важных данных, имеющих значение для квалификации преступления. При установлении обязательных требований к содержанию рапорта необходимо принять во внимание отличительные особенности преступлений в сфере дорожного движения. К этому относится, например, обязательное указание состояния дорожного покрытия, погодных условий, освещенности и т. п.

Отметим также, что, помимо прочего, учитывая специфику составов, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК РФ, которая заключается в их бланкетном характере, рапорту сотрудника Госавтоинспекции, как правило, предшествует административная процедура. Поэтому рапорт должен дублировать ключевые сведения из материалов по делу об административном правонарушении, а также содержать реквизиты этих документов для избежания дальнейших споров и неточностей.

Ст. 143 УПК РФ носит универсальный характер, однако сфера обеспечения безопасности дорожного движения требует дифференцированного подхода к составлению рапорта как повода для возбуждения уголовного дела. Поэтому представляется целесообразным не изменение общего смысла уголовно-процессуальной нормы, а наделение ведомств полномочиями по стандартизации содержания рапорта. Для подразделений ДПС подобная мера позволит закрепить обязанность инспектора по фиксации идентификаторов цифровых записей и основных аспектов дорожной обстановки, без которых полноценная проверка по факту совершения преступления крайне затруднена или вовсе невозможна.

На основании вышеизложенного предлагается дополнить ст. 143 УПК РФ частью второй следующего содержания: «Требования к содержанию рапорта об обнаружении признаков преступления и перечень сведений, подлежащих обязательному отражению в нем, устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел».

Вместе с тем помимо нормативной регламентации содержания рапорта об обнаружении признаков преступления возможным способом решения проблемы может стать внедрение современных технологических инструментов в деятельность подразделений Госавтоинспекции. То есть, вместо свободного текстового изложения обстоятельств происшествия использовать цифровые шаблоны в рамках автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС.

Подобное технологическое решение должно базироваться на принципе структурированного и обязательного ввода определенных данных. Тем не менее целесообразно рассматривать проект рапорта как динамической формы, содержание которой можно адаптировать под специфику конкретного состава преступления.

Система должна исключать техническую возможность регистрации рапорта до заполнения всех предусмотренных полей. Это позволит устранить тот самый «информационный пробел» документа, на который указывают исследователи.

В структуру цифрового шаблона также необходимо интегрировать обязательное поле для ввода уникального номера носимого видеорегистратора. Привязка рапорта к цифровому источнику доказательств сделает первичный материал проверяемым и объективным.

Внедрение цифровых шаблонов позволит из субъективного повествования перейти в структурированный массив данных, пригодный для оперативного использования в процессе служебной деятельности, а программные алгоритмы минимизируют риск нарушения хронологии событий или пропуска значимых для квалификации фактов при оформлении рапорта.

Таким образом, существующие на этапе возбуждения уголовных дел в области дорожного движения проблемы, возникающие в связи с оформлением рапорта об обнаружении признаков преступления в произвольной форме, могут быть устранены посредством внесения дополнений в ст. 143 УПК РФ и инициирования разработки утвержденных образцов рапортов по наиболее распространенным видам выявляемых преступлений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Рыдченко К. Д., Никулин Р. В., Федотова О. А. Типовые ошибки сотрудников полиции при составлении административно-процессуальных документов : учебно-методическое пособие / Воронежский институт МВД России, 2017. С. 8.

3. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : авторский курс : учебное пособие. М. : Эксмо, 2022. С. 109–110.

4. Качалова О. В. Рапорт об обнаружении признаков преступления не является доказательством виновности // Уголовный процесс. 2021. № 5.

5. Сюбаев И. И. Допустимость показаний участников уголовного судопроизводства в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2021. № 12.

6. Туров С. Ю. Доказательственное значение рапорта об обнаружении признаков преступления // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности. Ижевск : Удмуртский университет, 2024. С. 247–255.

7. Трофимов В. Е. Проблемные вопросы выявления преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, сотрудниками ГИБДД МВД России // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения : состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1 (2). С. 440–446.

© Бирюкова С. Е., 2026

УДК 343.148.3

Васильченко А. В. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROBLEMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN PSYCHIATRY INVESTIGATION OF CRIMES

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные ошибки, допускаемые следователями на этапе предварительного расследования. Описываются затруднения, возникающие при сборе материалов на экспертизу. Рассматриваются вопросы применение системного подхода при назначении судебно-психиатрических экспертиз, оптимизации процесса сбора доказательств, сведения к минимуму ошибок, допускаемых ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: предварительное расследование, судебно-психиатрическая экспертиза, ошибки следователя, специальные знания.

Abstract. This article examines the most common mistakes made by investigators during the preliminary investigation. It describes the difficulties that arise

when collecting materials for examination. It also discusses the application of a systematic approach when ordering forensic psychiatric examinations, streamlining the evidence collection process, and minimizing errors during the preliminary investigation.

Keywords: preliminary investigation, forensic psychiatric examination, investigator's mistakes, special knowledge.

Заключение судебно-психиатрических экспертиз является существенным доказательством, влияющим на ход предварительного следствия и судебного разбирательства, в частности на вопросы назначения наказания или освобождения от него, применения принудительных мер медицинского характера, а также на оценку способности свидетелей и потерпевших адекватно воспринимать события и давать показания [1, с. 225]. В то же время при назначении данного вида экспертиз следователями допускаются ошибки, носящие системный характер, что негативным образом влияет на сроки производства экспертиз и их результаты [2, с. 24].

Основными формами судебно-психиатрических экспертиз являются амбулаторная и стационарная. В то же время не во всех субъектах Российской Федерации в психиатрических больницах присутствуют отделения, в которых осуществляется производство амбулаторных и стационарных экспертиз (для лиц, заключенных и не заключенных под стражу), что ведет к неравномерному распределению нагрузки на экспертов и негативно влияет на сроки производства экспертиз.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] и ч. 11 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4] эксперты неправомочны самостоятельно собирать доказательства по делу. В тоже время постановлениях следователей нередко встречаются формулировки следующего характера: «Разрешаю экспертам … при проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы использовать имеющуюся медицинскую документацию (архивные данные) в отношении подэкспертного», тем самым подталкивающие экспертов к самостоятельному сбору доказательств.

Основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы служит сомнение в психической полноценности лица, которое может возникнуть из-за:

1) данных о наблюдении у психиатра;

2) свидетельств неадекватного, странного поведения;

3) заявлений самого лица о болезненном состоянии.

Для качественного проведения экспертизы следователь должен обеспечить экспертов всей необходимой информацией, которая включает:

1. Медицинскую документацию: запрашивать ее необходимо не только из государственных психоневрологических и наркологических

диспансеров, но и из частных клиник, а также из общесоматических лечебных учреждений (например, если там фиксировались жалобы на психическое состояние или лечились заболевания, способные повлиять на психику).

Нередко следователь просит сообщить, не состоит ли интересующее его лицо «на учете в психоневрологическом диспансере». В тоже время в Законе Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [5] такое понятие отсутствует. Он предусматривает так называемое «диспансерное наблюдение» в качестве одного из видов амбулаторной психиатрической помощи. Но диспансерное наблюдение устанавливается за контингентом граждан, страдающих наиболее тяжелыми формами психических заболеваний. Многие лица, даже с достаточно серьезными психическими расстройствами, длительно наблюдавшиеся у психиатра, не подпадают под указанную категорию и диспансерное наблюдение за ними не устанавливается. Получив отрицательный ответ, следователь приходит к неверному выводу, что гражданин вообще никогда не наблюдался у психиатра по поводу психического расстройства. В данной ситуации необходимо запрашивать психоневрологический диспансер или иное психиатрическое учреждение не о «состоянии на учете», а о наличии в учреждении медицинской документации гражданина в связи с его психиатрическим обследованием или иными видами психиатрической помощи, если таковые ему оказывались в данном или ином учреждении.

2. Сведения о поведении: подробно фиксировать в протоколах любые проявления неадекватного, странного или нелепого поведения обвиняемого, свидетеля или потерпевшего во время следственных действий. При допросах очевидцев необходимо детализировать, в чем конкретно выражались «странности». Недопустимо перефразировать высказывания подэкспертных, что может исказить представленную на экспертизу информацию.

3. Характеризующие материалы: запрашивать характеристики с места работы, учебы, жительства, но без «психиатрической» направленности в запросе, что было бы неэтично. Ценность представляют конкретные факты (прогулы, появление в нетрезвом виде), которые могут косвенно указывать на проблемы.

4. Особые обстоятельства: при подозрении на «исключительные состояния» (патологическое опьянение, аффект и т. д.) необходимо тщательно выяснять и фиксировать поведение лица до, во время и после инкриминируемого деяния.

Широкую распространенность получили некорректные формулировки вопросов экспертам при назначении судебно-психиатрических экспертиз. Типичными ошибками при постановке вопросов эксперту являются:

1. Просьба определить вменяемость на момент экспертизы, а не на момент совершения деяния.

2. Задача оценить «правильность» показаний (эксперт определяет лишь способность адекватно воспринимать и воспроизводить информацию).

3. Использование неточных или устаревших терминов.

4. Постановка вопросов, предопределяющих оценку доказательств (например, о возможности использования показаний «в той мере, в какой они не противоречат другим доказательствам»).

Таким образом, судебно-психиатрическая экспертиза является критически важным инструментом в уголовном процессе, непосредственно влияющим на принятие судьбоносных решений: установление вменяемости, возможность привлечения к ответственности, выбор меры наказания или принудительного лечения. Судебно-психиатрическая служба в России развита неравномерно. Наличие полноценных экспертных служб лишь в части учреждений указывает на возможные проблемы с доступностью, нагрузкой на экспертов и, как следствие, сроками проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Системной проблемой является качество подготовки материалов. Недостаточная или некачественная подготовка материалов следствием для экспертов является распространенной и серьезной проблемой. Это приводит к затягиванию процесса из-за необходимости запрашивать дополнительные сведения, что нарушает принципы оперативности и эффективности судопроизводства. При возникновении сомнений в психическом состоянии лица необходимо комплексно и заблаговременно истребовать необходимую медицинскую документацию, детально фиксировать в протоколах любые поведенческие особенности, которые могут иметь значение для эксперта, избегая общих оценок («странный», «ненормальный») в пользу конкретного описания действий и высказываний. При постановке вопросов экспертам необходимо: четко определять правовой критерий (способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими на момент инкриминируемого деяния), избегать вопросов об оценке достоверности показаний, использовать современную юридическую и медицинскую терминологию, не ставить вопросы, которые смешивают правовую и медицинскую сферы или предрешают оценку доказательств судом.

Библиографический список:

1. Погодина Т. Г. Особенности производства судебно-психиатри-ческих экспертиз у несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии // Вестник экономики и права. 2024. № 95. С. 225–229.

2. Величко Н. Н. Проблемные вопросы при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы // Вопросы деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации : сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2025. С. 24–31.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 28 октября 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : федеральный закон от 2 июля 1992 г. № 3185-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Васильченко А. В., 2026

УДК 343.1

Виноградов А. С. – доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

WAYS TO OVERCOME BLAME AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Аннотация. В статье анализируются нормативные предпосылки возникновения обвинительной тенденциозности, заложенные действующей структурой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и отнесением следователя к стороне обвинения. Обосновывается тезис о том, что преодоление обвинительного уклона невозможно без изменения законодательной классификации участников процесса. Предлагается возвращение к исторически апробированной модели дифференциации субъектов и участников уголовного судопроизводства (по образцу Уголовно-процессуального кодекса РСФСР) с одновременной рецепцией принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Ключевые слова: обвинительный уклон; предварительное расследование; следователь; принцип всесторонности и объективности; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Abstract. This article analyzes the regulatory preconditions for the emergence of accusatory bias, rooted in the current structure of the Russian Criminal

Procedure Code and the investigator's attitude toward the prosecution. It substantiates the thesis that overcoming accusatory bias is impossible without changing the legislative classification of trial participants. A return to the historically proven model of differentiating subjects and participants in criminal proceedings (modeled on the Criminal Procedure Code of the RSFSR) is proposed, while simultaneously embracing the principle of a comprehensive, complete, and objective investigation of the circumstances of the case.

Keywords: accusatory bias; preliminary investigation; investigator; principle of comprehensiveness and objectivity; Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Феномен обвинительного уклона, реализуемого субъектами уголовного процесса, наделенными властными полномочиями (органами предварительного расследования, прокуратурой и судом в рамках судебного контроля), представляет собой одну из наиболее системных и трудноразрешимых проблем современной российской уголовно-процессуальной практики.

Сущность обвинительного уклона на досудебных стадиях уголовного судопроизводства заключается в целенаправленной процессуальной деятельности указанных органов, характеризующейся избирательным подходом к доказательственной базе. Данный подход выражается в игнорировании, замалчивании либо необоснованной дискредитации оправдательных доказательств, что в конечном итоге детерминирует направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением (актом) при отсутствии к тому достаточных правовых оснований, вытекающих из всей совокупности доказательств.

В научной литературе справедливо акцентируется внимание на дилемме, сформулированной С. А. Шейфером, которая лежит в основе гносеологической и функциональной определенности статуса следователя: является ли он беспристрастным исследователем обстоятельств дела или же субъектом уголовного преследования [3, с. 34]. В контексте советской уголовно-процессуальной парадигмы данный вопрос имел однозначное законодательное решение. Так, ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. [2] императивно закрепляла обязанность следователя, прокурора и суда принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявляя как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Тем самым следователь де-юре конституировался как исследователь, а его деятельность была ориентирована на установление материальной истины.

Однако в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] указанное положение воспроизведено не было, причем законодатель не представил эксплицитного обоснования для данного концептуального изменения. В результате сложилась ситуация

нормативной неопределенности: в отличие от УПК РСФСР, современный закон не содержит прямого предписания следователю собирать оправдательные доказательства. Более того, отнесение следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (глава 6 УПК РФ) в отсутствие законодательно закрепленного принципа всесторонности, полноты и объективности создает институциональные предпосылки для формирования обвинительного уклона. Таким образом, на сегодняшний день в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует нормативно фиксированный ответ на вопрос об обязанности следователя осуществлять деятельность, направленную на выявление и закрепление оправдывающих подозреваемого (обвиняемого) обстоятельств, что порождает ситуацию институционализированной правовой неопределенности.

В досудебном производстве обвинительный уклон как системное явление объективируется в совокупности устойчивых тактико-процессуальных паттернов, деформирующих нормативное содержание уголовно-процессуальной деятельности. Анализ правоприменительной практики позволяет выделить следующие основные формы его проявления:

1. Селективная аккумуляция доказательственной базы и нивелирование функции защиты. Деятельность органов предварительного расследования характеризуется преимущественной ориентацией на собирание и проверку обвинительных доказательств, тогда как оправдательные доказательства и доводы стороны защиты подвергаются игнорированию или систематической редукции. Наиболее репрезентативным проявлением данного паттерна выступает практика необоснованных отказов в удовлетворении ходатайств, заявленных обвиняемым и его защитником, что фактически исключает реализацию права на защиту на досудебной стадии.

2. Применение мер пресечения, детерминированное обвинительной установкой. Наблюдается устойчивая тенденция к избранию наиболее репрессивных мер пресечения, сопряженных с изоляцией от общества (заключение под стражу), при одновременном игнорировании или формальном рассмотрении альтернативных, менее строгих мер пресечения. Подобная практика вступает в противоречие с принципом соразмерности ограничения прав и свобод личности и зачастую используется не как гарантия надлежащего поведения, а как инструмент давления и презумпция виновности до приговора суда.

3. Квалификация деяния «с запасом» как тактический резерв обвинения. В правоприменительной практике фиксируется феномен завышенной (избыточной) квалификации инкриминируемого деяния. Данный подход выполняет инструментальную функцию: в условиях шаткости или неполноты доказательственной базы он создает для государственного обвинителя необходимый люфт в судебном разбирательстве. Наличие более тяжкого состава позволяет впоследствии без потери обвинительного потенциала переквалифицировать деяние на менее тяжкое, сохранив тем самым статистику «обвинительных приговоров» и избежав оправдания.

В совокупности указанные проявления свидетельствуют о формировании у следователя устойчивой функциональной установки, при которой достижение формального показателя (направление дела в суд) доминирует над целью установления объективной истины по делу.

Представляется необходимым подчеркнуть, что феномен обвинительного уклона не ограничивается исключительно деятельностью органов предварительного расследования, а носит институциональный характер, пронизывая также деятельность субъектов, наделенных контрольно-надзорными полномочиями. В равной степени обвинительная «зашоренность» (тенденциозность) детерминирует процессуальную деятельность прокуратуры и суда при реализации ими надзорных и контрольных функций в стадии предварительного расследования.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о наличии и характере потенциальных механизмов, способных нивелировать обвинительный уклон в российском досудебном производстве.

Представляется, что разрешение данной проблемы лежит не в плоскости правоприменительной тактики, а требует сущностной ревизии законодательной архитектуры уголовного процесса. Ключевой тезис, выдвигаемый в настоящем исследовании, заключается в том, что единственным эффективным путем преодоления сложившейся ситуации является внесение системных изменений в структуру раздела II УПК РФ. Данный вывод коррелирует с исходной посылкой анализа: первопричина обвинительного уклона в досудебном производстве имеет законодательную природу и заключается в нормативном отнесении следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (глава 6 УПК РФ).

Избранная законодателем классификация участников судопроизводства, основанная на критерии выполняемой процессуальной функции (обвинение, защита, разрешение дела), при всей ее теоретической стройности и формальной логичности, на практике продуцирует деформацию процессуального статуса следователя. Имманентно присущая данной конструкции обвинительная доминанта вступает в противоречие с необходимостью объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела. В этой связи представляется целесообразным пересмотр критериев классификации участников уголовного процесса, закрепленных в законе.

В качестве историко-правового ориентира для такой реформы может служить подход, реализованный в УПК РСФСР 1960 г., который доказал свою функциональную состоятельность на протяжении более чем четырех десятилетий правоприменения. Советский уголовно-процессуальный закон основывался на дихотомии «субъекты – участники» уголовного процесса. К категории субъектов относились государственные органы и должностные лица, чьи властные решения определяли движение уголовного дела. К участникам же причислялись все иные лица, вовлеченные в орбиту судо-

производства, вне зависимости от наличия или отсутствия у них собственного процессуального интереса. Подобная юридическая техника имплицитно не содержала нормативного закрепления следователя в качестве преследователя, оставляя пространство для его функционирования в качестве беспристрастного исследователя обстоятельств дела.

Безусловно, в контексте предлагаемой реформы представляется насущно необходимым восстановление в российском уголовно-процессуальном законодательстве императивного требования, ранее содержавшегося в УПК РСФСР, о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела в ходе предварительного расследования. Возвращение данного принципа в конструкцию уголовно-процессуального закона способно выступить нормативной гарантией против обвинительной тенденциозности досудебного производства.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что предлагаемая трансформация законодательной модели (возвращение следователя в парадигму беспристрастного исследователя и рецепция принципа всесторонности, полноты и объективности расследования) создает необходимые нормативные предпосылки для преодоления устоявшегося правового стереотипа. В случае реализации указанных изменений существует высокая вероятность эволюции профессионального правосознания следователя: доминанта ведомственных статистических показателей и конъюнктурных политико-идеологических установок будет постепенно замещаться императивом материально-правовой истины. Итогом такой институциональной метаморфозы должно стать принятие процессуальных решений, детерминированных исключительно фактическими обстоятельствами деяния и совокупностью собранных доказательств, что, в свою очередь, обеспечит реализацию назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 года. № 40. Ст. 591.

3. Шейфер С. А. Российский следователь-исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.

© Виноградов А. С., 2026

УДК 343.1

Воронина Н. А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ» И «ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО»

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «RIGHT OF ACCESS TO JUSTICE» AND «RIGHT TO A FAIR TRIAL»

Аннотация. В настоящей статье поднимается вопрос о соотношении права на доступ к правосудию и права на справедливое судебное разбирательство. Исходя из проведенного анализа мнений ученых, судебной практики, автор делает вывод о том, что право на доступ к правосудию и право на справедливое судебное разбирательство следует рассматривать в качестве самостоятельных, «автономных» правовых категорий. Также отмечает их взаимосвязь – от полноценной реализации права на доступ к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса зависит дальнейшая реализация права на справедливое судебное разбирательство. По мнению автора, доступ к правосудию выступает гарантией для реализации права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, правосудие, соотношение понятий, правовые категории, право на доступ к правосудию, право на справедливое судебное разбирательство.

Abstract. This article raises the question of the relationship between the right to access to justice and the right to a fair trial. Based on the analysis of the opinions of scholars and judicial practice, the author concludes that the right to access to justice and the right to a fair trial should be considered as independent, "autonomous" legal categories. They also note their relationship - the further realization of the right to a fair trial depends on the full realization of the right to access justice at the pre-trial stages of the criminal process. According to the author, access to justice is a guarantee for the realization of the right to a fair trial.

Keywords: criminal proceedings, justice, relationship of concepts, legal categories, right of access to justice, right to a fair trial.

Право на доступ к правосудию и право на справедливое судебное разбирательство представляют собой недостаточно исследованные в правовой науке категории. Данный факт обуславливает сохранение дискуссионного характера вопросов, касающихся их сущности, содержания и соотношения друг с другом.

Как отмечает И. Б. Глушкова, отсутствие консолидированной позиции относительно сущности и содержания права на справедливое судебное разбирательство оказывает непосредственное влияние на качество правового регулирования рассмотрения и разрешения дел в судебных инстанциях [8, с. 57].

Несмотря на отсутствие прямого закрепления категории «право на справедливое судебное разбирательство» в тексте Конституции Российской Федерации, она активно используется в актах и обзорах высших судебных органов. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих разъяснениях указывает, что реализация данного права в суде первой инстанции обеспечивается посредством проведения публичного слушания уголовного дела с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства и основополагающих принципов уголовного судопроизводства [2].

В отличие от права на справедливое судебное разбирательство, категория «доступ к правосудию» имеет прямое конституционное закрепление (ст. 52). Тем не менее, нормативное правовое определение сущности и содержания доступа к правосудию отсутствует. Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность государства обеспечить потерпевшим доступ к правосудию, однако не раскрывает содержательных параметров данного понятия.

Отсутствие легальных дефиниций рассматриваемых категорий приводит к недостаточной ясности их сущностного содержания, а также к сложностям их сопоставления между собой.

На сегодняшний день научной доктрине остается актуальной дискуссия относительно понимания доступа к правосудию. Исследователи предлагают различные подходы к данной категории:

– как принцип уголовного судопроизводства [5, с. 20; 6, с. 35];

– как гарантия права на судебную защиту [9, с. 8];

– как элемент права на справедливое судебное разбирательство [4, с. 16].

На наш взгляд доступ к правосудию целесообразно рассматривать в качестве конституционного права любого лица [7, с. 11]. Такой подход обусловлен тем, что доступ к правосудию – это некая возможность использовать механизмы защиты или воздержаться от них. В свою очередь возможность следует рассматривать как право. Любое лицо, чьи права и интересы нарушены, имеет возможность (право) обратиться к процессуальным механизмам защиты нарушенных прав и интересов, либо воздержаться от них.

Право на справедливое судебное разбирательство в научной литературе характеризуется как комплексное правовое явление, включающее в себя различные элементы (институциональные, процессуальные, органические, специальные) [10, с. 86]. В качестве органический компонент данного права представлен механизмами, обеспечивающими доступ к правосудию [10, с. 86–87].

Следует отметить, что право на справедливое судебное разбирательство – это оценочная категория, так как используемая категория «справедливость», легально не закреплена и носит субъективный характер. Полагаем, что это выступает причиной рассмотрения права на справедливое судебное разбирательство в виде комбинированного права, включающего в свое содержание различные компоненты.

Исходя из этого, в одном из подходов доступ к правосудию представлен в качестве составной части права на справедливое судебное разбирательство.

И. Б. Глушкова подчеркивает, что содержание права на справедливое судебное разбирательство следует определять не через совокупность структурных компонентов, а через систему гарантий, обеспечивающих реализацию данного права. К числу таких гарантий ученых относит:

– право на судебную защиту;

– право на доступ к суду;

– право на равные процессуальные возможности [8, с. 57–58].

Вместе с тем рассмотрение права на доступ к суду исключительно как гарантии права на справедливое судебное разбирательство не обеспечивает его полноценной реализации в рамках российского уголовного судопроизводства. Это связано с наличием в отечественном уголовном процессе досудебных и судебных стадий.

По нашему мнению, целесообразно использовать более широкое толкование и закрепить в качестве гарантии права на справедливое судебное разбирательство – доступ к правосудию, который представлен возможностью использовать различные процессуальные механизмы, имеющиеся на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса, в целях защиты своих прав и законных интересов. Доступ к правосудию – это доступ к досудебным и судебным стадиям уголовного судопроизводства [7, с. 11–12].

Анализируя соотношение права на доступ к правосудию и права на справедливое судебное разбирательство, следует обратиться к позиции С. Ф. Афанасьева. Ученый характеризует доступ к правосудию как естественно-либеральную ценность и рассматривает его в качестве одного из аспектов права на справедливое судебное разбирательство [3, с. 212].

Конституционный Суд Российской Федерации идет по пути разграничения этих правовых категорий, рассматривая их как самостоятельные. Например, при рассмотрении вопроса об отсутствии у суда кассационной инстанции обязанности вести аудиозапись судебного заседания высший судебный орган конституционного контроля обозначил, что данное обстоятельство не препятствует доступу к правосудию и не затрагивает право на справедливое судебное разбирательство [1].

Результаты проведенного анализа позволяют выделить два основных подхода к соотношению рассматриваемых правовых категорий:

– право на доступ к правосудию выступает составной частью права на справедливое судебное разбирательство, где последнее имеет комбинированный характер;

– данные правовые категории рассматриваются как самостоятельные правовые явления, однако, находящиеся в тесном взаимодействии.

С учетом специфики отечественного уголовного судопроизводства полагаем обоснованным рассматривать право на доступ к правосудию и право на справедливое судебное разбирательство как автономные правовые категории. При этом необходимо учитывать их тесную взаимосвязь: полноценная реализация права на доступ к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса является предпосылкой для обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Процессуальные механизмы, обеспечивающие реализацию права на доступ к правосудию, преследуют цель – обеспечить право на справедливое судебное разбирательство.

В заключении отметим, обеспечение реального доступа к правосудию представляет собой необходимое условие реализации права на справедливое судебное разбирательство. Однако для достижения последней цели недостаточно лишь наличия права на доступ к правосудию, требуется задействование комплекса уголовно-процессуальных механизмов, регламентирующих как досудебное, так и судебное производство.

Библиографический список

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидорова М. А. на нарушение его конституционных прав положениями ч. 1 и ч. 3 ст. 259, ч. 9 и ч. 11 ст. 401.14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2025 г. № 3171-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 (ред. от 09.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство : теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов. 2010. С. 593.

4. Борисова В. Ф. Соотношение международных и национальных правовых категорий в сфере доступности правосудия // Вестник Тамбовского университета. Серия «Политические науки и право». 2016. № 1 (5). С. 12–18.

5. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. 460 с.

6. Володина Л. М. Право на доступ к правосудию // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 1 (3). С. 31–35.

7. Воронина Н. А. Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 236 с.

8. Глушкова И. Б. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в арбитражном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 178 с.

9. Иванов В. В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту : дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. 214 с.

10. Энтин М. Л. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право : Восточно-европейское обозрение 2003. № 3. С. 85–97.

© Воронина Н. А., 2026

УДК 343.137.5

Габзалилов В. Ф. – заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);

Максимов К. В. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

SOME FEATURES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES AGAINST MINORS

Аннотация. Статья посвящена отдельным специфичным особенностям досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Авторы предлагают некоторые изменения в действующем законодательстве, направленные на повышение уровня защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Abstract. The article is devoted to certain specific features of pre-trial proceedings in criminal cases involving minors. The authors propose some changes in the current legislation aimed at increasing the level of protection of minors' rights.

Keywords: crime, minors, criminal proceedings, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

По данным МВД России, каждое двадцать девятое (3, 4%) расследованных преступлений совершено несовершеннолетними или при их соучастии [1, С. 5]. Аналитиками отмечается рост преступлений указанной категории. В 2025 г. совершено 29065 таких преступлений, что на 10,1 % больше, чем в 2024 г. Рост количества несовершеннолетних преступников в 2025 г. составил 5,5 % (22231 преступление) [1, С. 51, 54].

Данное обстоятельство обусловливает значимость проработки вопросов досудебного уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Несмотря на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) непосредственного определения такого понятия, как «несовершеннолетний», глава 50 УПК РФ распространяет свое действие на лиц, не достигших 18-летнего возраста к моменту совершения преступления, а также на тех, кто достиг совершеннолетия, но обвиняется в деяниях, совершенных в подростковом возрасте.

В российской юридической науке уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних рассматривается как более сложная форма уголовного процесса. «Главная его цель – предоставление дополнительных гарантий для данной категории правонарушителей, принимая во внимание их возраст» [2].

Данный особый порядок, отличающийся от общего, призван защищать права подозреваемого (обвиняемого) подростка и предусматривать возможность применения мер воспитательного характера вместо уголовной ответственности. Современное законодательство, опираясь на международные стандарты, стремится обеспечить защиту прав и интересов несовершеннолетних, применяя максимально индивидуальный подход к обстоятельствам каждого дела.

Производство по уголовным делам несовершеннолетних должно учитывать их возрастные и психологические характеристики, фокусируясь на перевоспитании, поскольку их психика еще находится в стадии формирования.

Уголовное наказание для них должно быть крайней мерой. Ответственность наступает с 16 лет, а за совершение тяжких преступлений –

с 14 лет. Следует отметить, что значительная часть правонарушений, совершаемых подростками, имеет имущественный характер и относится к категории небольшой тяжести. В 2025 г. доля нетяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, составила 56,3 % [1, с. 54].

Для ведения дел указанной категории требуются высококвалифицированные специалисты, прошедшие специальную подготовку. Ключевые законодательные особенности включают обязательное привлечение защитника с момента фактического задержания или начала производства по делу, а также участие законных представителей, которые допускаются к материалам дела с момента решение следователя (дознавателя) либо первого допроса подростка.

Специфика досудебного производства по уголовным делам несовершеннолетних предусматривает возможность выделения дела в отдельное производство, особенности процедур задержания и применения мер пресечения, а также возможность прекращения дела с применением принудительных воспитательных мер. Эти особенности обусловлены как спецификой личности несовершеннолетнего правонарушителя, так и деятельностью уполномоченных на расследование лиц. Следователям (дознавателям) целесообразно стремиться к тому, чтобы правосудие в отношении несовершеннолетних способствовало гуманному отношению к детям и подросткам, социальной справедливости и обеспечению прав несовершеннолетних.

Российские правоприменители признают важность выявления способствовавших преступлению обстоятельств, но часто не относят их к предмету доказывания, считая второстепенными. Среди ведущих юристов нет единого мнения: одни считают, что вышеуказанные обстоятельства не могут входить в предмет доказывания, другие уверяют, что их установление является правом, а не обязанностью. В любом случае способствующие обстоятельства тесно связаны с элементами состава преступления и должны быть равнозначно выяснены на этапе расследования для полного понимания умысла.

Сотрудникам правоохранительных органов нередко приходилось сталкиваться с ситуациями, когда задержанные молодые девушки ссылались на отсутствие (утрату) документов, удостоверяющих личность, и заявляли о своем несовершеннолетии (в 1990–2000-е годы данное явление носило массовый характер среди девушек цыганской национальности, задержанных за участие в незаконном обороте наркотиков), поэтому первостепенное значение имеет точное установление возраста несовершеннолетнего (п. 1 ч. 1 ст. 421 УПК РФ), с учетом правил наступления уголовной ответственности и, при необходимости, экспертизы. Необходимо исследовать условия жизни и воспитания подростка, его психологические особенности. Следователь (дознаватель) должен выяснить влияние окружения, так как подростки склонны к подражанию. Для этого допрашиваются родители,

учителя, запрашиваются характеристики. Следователям важно ответственно выявлять неблагополучную обстановку в семьях, способствующую преступности несовершеннолетних.

Институт обязательного участия законных представителей и защитников несовершеннолетних, как один из фундаментальных гарантий обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном процессе, соответствует международным стандартам и обусловлен ограниченной дееспособностью подростков, которые не могут в полном объеме самостоятельно реализовывать свои процессуальные права. Российское законодательство закрепляет обязательность участия законных представителей, к числу которых относятся родители, опекуны, попечители, представители учреждений и органов опеки. Указанные лица наделяются широким спектром прав и несут ответственность за защиту прав несовершеннолетнего, причем подросток в силу своего статуса не вправе отказаться от такой помощи.

В юридической науке дискуссионным остается вопрос о количестве участвующих законных представителей. Представляется, что выбор конкретного лица из числа родителей должен осуществляться ими самостоятельно, поскольку следователь не всегда располагает информацией о добросовестности каждого из них. Также требуется конкретизация оснований для отстранения законного представителя.

Не менее значимым субъектом выступает защитник. Положительным шагом стало изменение законодательства, допускающее участие адвоката с момента начала проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), что позволяет защитнику своевременно установить доверительный контакт с подростком, контролировать действия следствия и предотвращать процессуальные нарушения. Однако данная новелла требует более детальной регламентации. Стоит отметить, что отказ от конкретного защитника возможен (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), однако это не означает отказа от защиты как таковой – в таком случае должен быть назначен другой адвокат.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что несовершеннолетние и их законные представители нередко не удовлетворены качеством работы адвокатов, но крайне редко инициируют их замену. Это обусловлено недостаточной информированностью о праве на отказ от защитника и его замену. Действующий УПК РФ не обязывает разъяснять данное право и не содержит процедуры замены защитника, что особенно важно для несовершеннолетних в силу их ограниченной дееспособности. В целях устранения указанного пробела представляется целесообразным регламентировать необходимость разъяснения подросткам и их законным представителям права на бесплатную юридическую помощь и возможность замены защитника.

При совместном совершении преступления несовершеннолетним и взрослым уголовное дело в отношении подростка может быть выделено

в отдельное производство. Если выделение невозможно, в соответствии с международными стандартами в целях защиты несовершеннолетнего от возможного негативного влияния взрослых соучастников в ходе следствия применяются общие правила главы 50 УПК РФ.

Статья 422 УПК РФ, развивая принцип индивидуализации ювенальной юстиции, сформулированный И. Б. Кулиевым, «ставит несовершеннолетнего в центр судебного процесса. Ст. 422 УПК РФ, предусматривающая выделение дел несовершеннолетних, совершивших преступление со взрослыми, в отдельное производство (в соответствии со ст. 154 УПК РФ), является воплощением этого принципа» [4]. Это императивная норма, тогда как ст. 154 УПК РФ лишь предоставляет следователю такое право. Выделение возможно при условии, что оно не повлияет на всесторонность и объективность расследования (ч. 2 ст. 154 УПК РФ).

В экспертном сообществе существуют разногласия. Некоторые специалисты указывают, что выделение дел увеличивает нагрузку на следствие и может приводить к повторному участию несовершеннолетнего в процессе (как подсудимого и как свидетеля по делу взрослого). Однако ключевая цель выделения – оградить подростка от давления и склонения к ложным показаниям.

Закон не обязывает следователя (дознавателя) выносить постановление о невозможности выделения дела, хотя такое решение напрямую влияет на объем гарантий несовершеннолетнего. В этих целях представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить в ст. 422 УПК РФ обязанность следователя (дознавателя) рассматривать вопрос выделения дела и в случае принятия отрицательного решения выносить по данному вопросу соответствующее мотивированное постановление.

При рассмотрении особенностей окончания предварительного расследования в отношении несовершеннолетних хотелось бы обратить внимание на то, что ст. 427 УПК РФ предоставляет следователю (с согласия руководителя) или дознавателю (с согласия прокурора) право ходатайствовать перед судом о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего с одновременным применением принудительных мер воспитательного воздействия. Данная процедура позволяет в определенных случаях избегать назначения уголовного наказания, ориентируясь на исправление подростка мерами, не связанными с уголовным преследованием, как рекомендуют Пекинские правила ООН [5]. К условиям применения данного механизма относятся небольшая или средняя тяжесть преступления, обязательное разъяснение оснований прекращения и права на возражение. При принятии решения следователем (дознавателем) или судом определяющее значение имеют характер преступления, данные о личности преступника и реальная возможность его исправления без наказания.

В контексте правового регулирования отсутствует четкая регламентация процедуры принятия судом решения о применении мер воспитательного воздействия. Следователь обязан установить возможность исправления несовершеннолетнего без наказания (ч. 1 ст. 427 УПК РФ), однако закон не конкретизирует факторы принятия такого решения. Ведь для объективного судебного решения требуется не формальный сбор справок и характеристик, а полноценное исследование личности, условий жизни, воспитания и психологических особенностей подростка.

Таким образом, специфика досудебного уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних заключается в повышенной защите и ограниченной дееспособности подростков. Совершенствованию механизма защиты несовершеннолетних будет способствовать ряд нормативных правовых изменений, представленных в данной статье.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182 (дата обращения: 28.02.2026).

2. Зуев С. В. Организация расследования преступлений : учебник для вузов / С. В. Зуев, В. А. Задорожная, О. В. Овчинникова. М. : Издательство «Юрайт», 2026. 231 с. URL: https://urait.ru/bcode/589351 (дата обращения: 28.02.2026).

3. Кулиев И. Б. Общая характеристика производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Право и управление. 2023. № 3. С. 120–125.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

© Габзалилов В. Ф., 2026
© Максимов К. В., 2026

УДК 343.1

Гайнельзянова В. Р. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES OF IDENTIFICATION COURTS INVOLVING A MINOR

Аннотация. В статье автором рассматриваются организация предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего, а также тактические аспекты, применяемые в ходе его производства. Выделяются рекомендации по соблюдению тактических требований и использованию технико-криминалистических средств с целью повышения результативности данного следственного действия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, практические навыки, специфика преступления, организация работы, предъявление для опознания, психологические особенности, специалист, доказательства, внешние признаки.

Abstract. In this article, the author examines the organization of identification parades involving minors, as well as the tactical aspects involved. Recommendations are provided for adhering to tactical requirements and using forensic equipment to improve the effectiveness of this investigative action.

Keywords: minors, practical skills, specifics of the crime, work organization, identification parade, psychological characteristics, specialist, evidence, external signs.

Деятельность следователя по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних, является сложной и многогранной. Успех расследования зависит не только от знаний уголовного законодательства, но и от практических навыков следователя, а также от его умения организовать работу. Для успешной работы по данной категории дел необходимо учитывать специфику совершенного преступления и требования законодательства, в рамках которого проводится расследование. Все это в полной мере относится и к расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних. Необходимо также отметить, что не всегда знание или поверхностное отношение следователя к особенностям организации работы по

уголовным делам данной категории может серьезно затруднить достижение успеха в расследовании. Понимание важности данного направления работы, а также ряд организационных мероприятий, таких как поручение наиболее опытным следователям, обязательное обеспечение участия в деле законных представителей, педагогов, психологов, иных специалистов; взаимодействие при расследовании с органами внутренних дел, экспертами, прокурорами, иными государственными и негосударственными организациями, занимающимися вопросами воспитания и профилактики несовершеннолетних, а также особое внимание к организации проведения процессуальных действий с участием несовершеннолетних с учетом процессуальных особенностей, позволили обеспечить успешное расследование преступлений данной категории.

В научной литературе производство по делам о преступлениях несовершеннолетних справедливо относится к усложненной форме, учитывая специфику предмета доказывания и личность несовершеннолетнего [1, с. 4].

Анализ судебной и следственной практики позволяет сделать вывод о том, что следователи, не обладающие достаточным опытом практической деятельности, допускают ошибки и просчеты при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. Это связано, прежде всего, с тем, что они порой не обладают достаточными криминалистическими знаниями о специфике расследования данной категории уголовных дел. На это есть ряд причин. Во-первых, деятельность следователя, специализирующегося по делам о преступлениях несовершеннолетних, должна строиться с учетом личности сотрудника следственного подразделения, отвечающего определенным требованиям, которые целесообразно соблюдать. Прежде всего, это склонность и желание работать с подростками; наличие достаточного жизненного опыта, а также стаж работы в должности следователя не менее трех лет. Во-вторых, вся деятельность следователя протекает в обстановке постоянного эмоционального напряжения и значительных психологических перегрузок, поэтому следователь должен обладать такими качествами, как выдержка, умение владеть собой, управлять своими чувствами, переживаниями, темпераментом.

В процессе расследования преступлений и рассмотрения уголовного дела с участием несовершеннолетних в суде необходимо использование специальных знаний из следующих отраслей психологии: психологии личности, юридической, возрастной, социальной психологии, а также психопатологии. Кроме того, необходимы знания из специальных отраслей медицины, касающихся физиологического развития в пубертатный период, и педагогики как науки о воспитании и обучении [3, с. 129].

В практике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, предъявление для опознания живых лиц является часто проводимым следственным действием. Потерпевший может обладать какой-либо установочной информацией, в частности, о внешних признаках лица.

Для более успешного проведения опознания, представляется целесообразным на момент осуществления указанного следственного действия установить обстоятельства, характеризующие опознаваемого, и обстоятельства восприятия и запоминания опознающего, в частности, приметы опознаваемого и описание внешности; действия и содержание разговоров, оказавшие влияние на восприятие и запоминание внешних признаков; степень уверенности в опознании и др.

Предъявление для опознания лица является одним из ключевых следственных действий при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. Этот процесс требует особого внимания, поскольку несовершеннолетний обвиняемый, как правило, существенно отличается по психоэмоциональным и поведенческим характеристикам от взрослого лица, а также обладает ограниченным жизненным опытом и социальной зрелостью. Следователь должен учитывать особенности психики и поведения несовершеннолетнего не только при подготовке к проведению данного следственного действия, но и в ходе его непосредственного осуществления.

Организация предъявления для опознания при расследовании подобных преступлений всегда сопряжена с необходимостью соблюдения дополнительных гарантий прав как самого несовершеннолетнего, так и других участников процесса. В обязательном порядке несовершеннолетний имеет право на участие законного представителя, педагога или психолога, чье присутствие обеспечивает защиту интересов подозреваемого либо обвиняемого. Крайне важно, чтобы подобное процессуальное сопровождение не только способствовало формированию объективных доказательств, но и принимало во внимание уязвимость и внушаемость несовершеннолетних лиц, что снижает вероятность формирования у них чувства страха или психологического давления.

Особое внимание уделяется подбору статистов, которые по возрасту, полу и иным внешним признакам должны максимально совпадать с признаками несовершеннолетнего, подлежащего опознаванию. Нарушения в данном процессе способны повлечь оспаривание результатов опознания, что затрудняет последующую правовую оценку представленных доказательств. Необходимо предварительно уточнить у опознающего, какими внешними характеристиками он располагает для идентификации лица, и зафиксировать это в протоколе допроса. Проведение опознания без таких данных или при неопределенности воспоминаний опознающего может негативно сказаться на доказательственной значимости результатов, сделав их формальными и недостаточно надежными.

В протоколе предъявления для опознания отражаются анкетные данные участников, а также ключевые сведения, описывающие внешность, одежду и поведение лица, подлежащего опознанию. Важно тщательно фиксировать технические средства, использованные в ходе следственных действий (фото- и видеосъемку), что способствует объективности процедуры

и облегчает рассмотрение возможных процессуальных жалоб. Важно осветить и обстоятельства изменения внешности опознаваемого: если его внешний вид был изменен (подстрижен, переодет, побрит) либо какие-либо выделяющие признаки были скрыты, эти обстоятельства обязательно фиксируются в протоколе. Совместно с этим, при опросе опознающего целесообразно выяснить, по каким именно особенностям он опознал лицо, а также имеются ли у него сомнения в правильности опознания.

При проведении предъявления для опознания лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления будучи несовершеннолетним, значимым является не только формальное соблюдение процессуальных норм, но и создание условий, исключающих психологическое давление и обеспечивающих достоверность получаемых данных. Эти требования обусловлены спецификой уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних и повышенной ответственностью следственных органов при работе с данной категорией подозреваемых. Вместе с тем особое значение приобретают вопросы, связанные с организацией технически грамотного и психологически верного взаимодействия между следователем и специалистом, чьи специальные знания, умения и навыки используются в собирании и исследовании следов преступления [2, с. 129].

Библиографический список

1. Брянская Е. В. Личность несовершеннолетнего в предмете доказывания по уголовному делу : учебное пособие. М. : Проспект, 2020. С. 4–5.

2. Гайнельзянова В. Р., Низаева С. Р., Айдуллина Э. А. Особенности первоначального этапа расследования умышленного причинения вреда здоровью : учебно-методическое пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. 48 с.

3. Цевелева И. В. Формы использования специальных знаний в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних // Альманах современной науки и образования. 2022. № 12 (90). С. 128–130.

© Гайнельзянова В. Р., 2026

УДК 343.1

Горчакова Е. В. – доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова (Россия, г. Хабаровск)

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE MODERN CRIMINAL PROCESS: ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ института неотложных следственных действий в контексте современного российского уголовного процесса. Рассматриваются историко-правовые предпосылки формирования данного института, выявляются системные недостатки нормативного регулирования, обусловленные отсутствием четкого перечня действий, критериев «неотложности» и разграничения с тактическими мероприятиями. Особое внимание уделено проблемам практической реализации, включая нарушение принципа разделения форм досудебного производства и вызовы цифровой трансформации. Обосновываются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на усиление гарантий законности и повышение эффективности доказывания.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, предварительное расследование, орган дознания, следователь, уголовно-процессуальное законодательство, доказывание, процессуальные действия, цифровые доказательства.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the institution of urgent investigative actions within the framework of contemporary Russian criminal procedure. It examines the historical and legal prerequisites for the development of this institution and identifies systemic deficiencies in its regulatory framework, stemming from the lack of a clear list of such actions, defined criteria for "urgency," and a clear distinction between urgent investigative actions and tactical measures. Particular attention is paid to practical implementation challenges, including violations of the principle separating different forms of pre–trial proceedings and the challenges posed by digital transformation. The article substantiates specific legislative reform proposals aimed at strengthening safeguards for legality and enhancing the effectiveness of evidence gathering.

Keywords: urgent investigative actions, preliminary investigation, inquiry authority, investigator, criminal procedural legislation, evidence, procedural actions, digital evidence.

Эффективность всего уголовного судопроизводства напрямую зависит от качества и своевременности первоначальных следственных действий. Среди них особое значение имеют неотложные следственные действия, предназначенные для немедленного закрепления доказательств, подверженных риску утраты или изменения. Несмотря на длительную историю существования – от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) – данный институт сохраняет свою дискуссионность как в теоретическом, так и в практическом аспектах [1, с. 86].

Формирование упорядоченной системы следственных действий в отечественном праве берет начало со Свода законов Российской империи 1832 г., который впервые систематизировал процессуальные действия, связанные с расследованием преступлений. Однако именно Устав уголовного судопроизводства 1864 г. стал принципиальным этапом в развитии рассматриваемого института, закрепив возможность производства неотложных следственных действий в рамках самостоятельной формы дознания, тем самым заложив основы разграничения между предварительным следствием и дознанием [2, с. 78].

В советский период УПК РСФСР 1960 г. конкретизировал перечень таких действий: допрос, осмотр, обыск, выемка, освидетельствование и задержание подозреваемого. Такой подход обеспечивал четкость правоприменительной практики и минимизировал риск произвольного толкования понятия «неотложности».

С принятием УПК РФ 2001 г. произошел существенный поворот: законодатель отказался от исчерпывающего перечня и ограничился общим определением в пункте 19 статьи 5, согласно которому неотложными признаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому обязательно предварительное следствие, «в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». Подобная формулировка, лишенная конкретики, породила значительную нормативную неопределенность [3].

Согласно части 1 статьи 157 УПК РФ, неотложные следственные действия производятся органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому предварительное следствие является обязательным. Однако законодатель умышленно воздержался от конкретизации ключевых элементов института, что порождает существенные пробелы:

1. Отсутствует исчерпывающий или примерный перечень следственных действий, которые могут быть квалифицированы как неотложные.

В отличие от УПК РСФСР 1960 г., современный Кодекс оставляет данный вопрос на усмотрение правоприменителя, создавая пространство для субъективной интерпретации [4, с. 122].

2. Не установлены объективные критерии «неотложности». Отсутствие четко сформулированных признаков – таких как угроза уничтожения вещественных доказательств, исчезновение свидетелей, изменение следовой обстановки – затрудняет как обоснование необходимости проведения действий, так и последующий судебный контроль за их законностью. Как справедливо отмечает Д. М. Карташов, должностные лица нередко руководствуются не процессуальными, а тактическими соображениями, что ведет к подмене юридической категории криминалистической [2, с. 78].

3. Недостаточно четко очерчены процессуальные границы полномочий органов дознания. Хотя часть 3 статьи 157 УПК РФ ограничивает срок производства десятью сутками и запрещает предъявление обвинения и допрос в качестве обвиняемого, на практике нередки случаи, когда органы дознания фактически осуществляют функции следователя, что нарушает принцип разделения форм предварительного расследования и подрывает гарантии прав личности, предусмотренные статьей 47 Конституции Российской Федерации [4, с. 122].

4. Отсутствует юридически значимое разграничение между неотложными и первоначальными следственными действиями. Первоначальные действия носят преимущественно тактический характер, тогда как неотложные – строго процессуальное значение. В отсутствие нормативного определения различий происходит их смешение, что искажает сущность института [1, с. 86], [5, с. 45]].

Указанная неопределенность способствует формальному подходу, проявляющемуся в нарушении сроков передачи материалов по подследственности, ненадлежащем оформлении протоколов и затруднениях при оценке допустимости доказательств в суде.

Производство неотложных следственных действий не ограничивается исключительно органами дознания. Согласно статье 152 УПК РФ, такие действия вправе осуществлять и следователь, и дознаватель, если уголовное дело возбуждено не в соответствии с установленными правилами определения подследственности. При этом в рамках данных действий недопустимо предъявление обвинения и допрос в качестве обвиняемого – это четкое процессуальное ограничение, направленное на защиту прав личности. [3].

Однако на практике нередко возникают коллизии: действия, формально оформленные как «неотложные», фактически выполняют функции полноценного предварительного расследования, что нарушает принцип разделения форм досудебного производства и ведет к процессуальным нарушениям.

Кроме того, современное развитие уголовного процесса неразрывно связано с внедрением информационных технологий. Изменения в УПК РФ, допускающие проведение ряда следственных действий без участия понятых при использовании технических средств фиксации, актуализируют вопрос о надлежащем оформлении неотложных действий, особенно при работе с электронными носителями информации. В этих условиях возрастает роль специалистов и необходимость четкой регламентации порядка изъятия и исследования цифровых доказательств.

В настоящее время институт неотложных следственных действий требует системного переосмысления. Для повышения его эффективности и соответствия конституционным гарантиям целесообразно закрепить в законе исчерпывающий или примерный перечень следственных действий, которые могут признаваться неотложными. Необходимо установить объективные критерии «неотложности», исключающие произвольное толкование. Регламентировать особенности производства неотложных действий в цифровой среде, включая обязательное участие специалиста при работе с электронными данными.

Только комплексный подход позволит превратить данный институт из формального элемента процессуального механизма в действенный инструмент установления истины и обеспечения прав всех участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Рамазанов М. М., Гамидов А. М. К вопросу о неотложных следственных действиях // Закон и право. 2019. № 7. С. 86–88.

2. Карташов Д. М. Проблема реализации неотложных следственных действий // Экономика и социум. 2020. № 1 (78). С. 78–87.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Федорченко Н. Д., Коваленко С. А., Влезько Д. А. Проблемные аспекты неотложных первоначальных следственных действий // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С. 122–132.

5. Замараев В. И. Проблемы и перспективы неотложных следственных действий в современном толковании // Российский следователь. 2025. № 7. С. 16–20.

© Горчакова Е. В., 2026

УДК 343.1

Гришина А. Б. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОДЕЙСТВИИ ПРАВОСУДИЮ

PROSPECTS AND CHALLENGES IN THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN PROMOTING JUSTICE

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты цифровизации функции содействия правосудию в уголовном судопроизводстве России. Автор обосновывает расширенный подход к пониманию содействия правосудию как функции, реализуемой всеми участниками уголовного процесса (стороной обвинения, стороной защиты, иными участниками уголовного процесса, а также субъектами, формально не являющимися участниками уголовного процесса). Рассматриваются перспективы оптимизации данной функции посредством внедрения информационных технологий, а также проводится тезисный анализ проблемных аспектов применения их использования. В результативной части статьи сделан вывод о необходимости достижения баланса между технологической оптимизацией и сохранением фундаментальных гарантий прав человека в уголовном процессе, а также о потребности в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в части регламентации использования информационных технологий.

Ключевые слова: уголовный процесс, содействие правосудию, цифровизация, информационные технологии, досудебное производство, оптимизация, правовые риски.

Abstract. This article examines the theoretical and applied aspects of digitalizing the assistance to justice function in Russian criminal proceedings. The author substantiates a broader approach to understanding assistance to justice as a function performed by all participants in criminal proceedings (the prosecution, the defense, other participants in the criminal process, as well as entities not formally party to the criminal process). The article explores the prospects for optimizing this function through the implementation of information technology, and provides a thesis analysis of problematic aspects of its use. The final part of the article concludes that it is necessary to achieve a balance between technological optimization and the preservation of fundamental guarantees of human rights in criminal proceedings, as well as the need to improve criminal procedural legislation in terms of regulating the use of information technology.

Keywords: criminal procedure, assistance with justice, digitalization, information technology, pre-trial proceedings, optimization, legal risks.

Цифровая трансформация стала одним из основных направлений развития современного уголовного судопроизводства. Проникновение информационных технологий в процессуальную деятельность уже не ограничивается сугубо техническим обеспечением документооборота, а затрагивает фундаментальные основы реализации процессуальных функций. При этом если вопросы использования информационных технологий отдельными субъектами уголовного процесса в рамках реализации функций обвинения и защиты (преимущественно стороны обвинения) достаточно активно разрабатываются в научной литературе [1, 2, 3, 4], то проблематика применения таких технологий в контексте реализации функции содействия правосудию до настоящего времени остается на периферии научного осмысления.

В теории уголовного процесса сложилось два основных подхода к пониманию содействия правосудию. В узком смысле под ним понимают деятельность лиц, не имеющих собственного юридического интереса в деле (свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков, понятых) [5]. Однако более обоснованным представляется широкий подход, согласно которому содействие правосудию выступает сквозной функцией, реализуемой всеми участниками уголовного процесса, включая стороны обвинения и защиты. Обусловлено это тем, что процессуальная деятельность каждого участника в конечном счете направлена на достижение назначения уголовного процесса, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [6]. Именно широкий подход позволяет комплексно оценить влияние цифровизации на весь механизм уголовно-процессуальных отношений, не ограничиваясь анализом деятельности лишь отдельных субъектов.

Внедрение информационных технологий в сферу содействия правосудию порождает дуалистические последствия: с одной стороны, открываются новые возможности для совершенствования процессуальной деятельности, с другой – цифровизация неизбежно сопряжена с рядом проблемных аспектов, требующих научного осмысления и решения. В связи с этим представляется необходимым выявление перспективных направлений оптимизации функции содействия правосудию посредством внедрения и использования информационных технологий, а также тезисный анализ проблем, сопутствующих их реализации в досудебном производстве по уголовным делам.

Анализ современных тенденций развития уголовного судопроизводства и имеющегося правоприменительного опыта позволяет выделить следующие направления позитивного воздействия цифровизации на реализацию рассматриваемой функции.

1. Сокращение временных издержек и повышение оперативности процессуальных действий.

Внедрение информационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность позволяет минимизировать временные затраты участников уголовного процесса, связанные с выполнением рутинных операций, поддающихся автоматизации и переводу в цифровой формат. Освобождение следователей, дознавателей и иных субъектов от необходимости выполнения технических задач создает условия для концентрации усилий на содержательной стороне расследования. Показательным примером в данном контексте выступает внедрение систем электронного документооборота между участниками уголовного процесса и создание единого информационного пространства.

2. Расширение возможностей удаленного доступа граждан к правосудию.

Интеграция электронных сервисов подачи документов (в том числе через Единый портал государственных и муниципальных услуг), систем видео-конференц-связи, а также сервисов для онлайн-отслеживания движения уголовного дела и ознакомления с его материалами существенно расширяют возможности граждан по реализации права на доступ к правосудию. Использование указанных информационных технологий позволяет преодолеть пространственно-временные барьеры и обеспечить беспрепятственный и непрерывный доступ граждан, в особенности граждан, проживающих в отдаленных регионах и граждан, относящихся к маломобильным группам населения. Это в свою очередь способствует повышению эффективности содействия правосудию со стороны всех участников уголовного процесса.

3. Повышение качества доказательственной базы и аналитических возможностей участников.

Информационные технологии открывают перед сторонами уголовного процесса доступ к новым категориям доказательств (цифровые следы, данные геопозиции, электронные документы и переписки), а также предоставляют инструменты для их эффективного изъятия и анализа. Кроме того, цифровизация способствует повышению объективности и верифицируемости доказательственной информации, автоматизации процессов ее систематизации и проверки, что позволяет сторонам более качественно выстраивать позицию по уголовному делу.

4. Технологическая трансформация экспертной деятельности.

Появление новых видов доказательств, полученных с использованием технических и электронных средств, либо извлеченных из цифрового пространства, обуславливает необходимость формирования новых видов экспертиз. Отсутствие соответствующего технологического инструментария в данной сфере способно спровоцировать отставание экспертной практики от современных технических возможностей преступности, что снижает эффективность содействия правосудию со стороны экспертных учреждений. Одновременно внедрение информационных технологий в экспертную дея-

тельность способствует повышению точности, объективности и воспроизводимости экспертных исследований, что положительно сказывается на качестве доказательственной базы в целом.

5. Минимизация коррупционной составляющей.

Интеграция информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования и суда приводит к повышению прозрачности их функционирования, минимизации влияния человеческого фактора при принятии процессуальных решений, а также создает условия для обеспечения неизменности материалов уголовного дела. Указанные факторы способствуют снижению коррупционных рисков в деятельности должностных лиц, стимулируют более ответственный подход к исполнению служебных обязанностей, что, несомненно, оказывает позитивное влияние на реализацию функции содействия правосудию

Рассмотренные направления оптимизации функции содействия правосудию свидетельствуют о значительном потенциале информационных технологий в повышении эффективности уголовного судопроизводства. Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, цифровизация не только открывает новые возможности, но и порождает ряд правовых проблем.

К числу проблемных аспектов, сопутствующих внедрению информационных технологий в сферу содействия правосудию, относятся следующие:

– несовершенство правового регулирования. Отсутствие унифицированных принципов, а также четко определенных оснований и порядка внедрения и использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве, обусловленное существенным отставанием процессуального законодательства от темпов технологического развития, порождает противоречивую правоприменительную практику и создает предпосылки нарушения прав участников уголовного судопроизводства;

– технические риски. Несовершенство программного обеспечения, риски аппаратных сбоев, перебоев в электропитании, а также ошибки в алгоритмах функционирования информационных систем способны повлечь частичную или полную утрату информации, имеющей доказательственное значение, либо ее непреднамеренное искажение. Указанные обстоятельства ставят под угрозу достоверность формируемой доказательственной информации и своевременность производства по уголовному делу;

– отсутствие надлежащей системы информационной безопасности. Уязвимость информационных технологий для несанкционированного доступа и кибератак создает угрозу нарушения конфиденциальности и целостности данных, включая материалы уголовного дела и персональные данные участников уголовного судопроизводства. Недостаточная защищенность информационных технологий способна привести к утечке доказательственной информации, ее модификации или уничтожению;

– недостаточный уровень цифровой компетенции участников уголовного процесса (следователей, дознавателей, адвокатов, экспертов и граждан) может приводить к некорректному использованию технологий

или отказу от их применения. Это снижает эффективность уголовного судопроизводства, замедляет процессуальные сроки.

Указанные, а также иные проблемы правового, этического и технического характера создают существенные трудности для правомерного использования информационных технологий в целях содействия правосудию и препятствуют полному раскрытию их позитивного потенциала. Данные обстоятельства обуславливают необходимость глубокого научного анализа и выработки путей решения обозначенных проблем.

Представляется, что внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство возможно лишь при условии последовательного решения выявленных проблем и достижения состояния безопасного использования технологических инноваций с неуклонным сохранением правовых гарантий прав человека. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о необходимости достижения баланса между технологической оптимизацией процессуальной деятельности и сохранением фундаментальных гарантий прав личности в уголовном процессе, а также о потребности в совершенствовании законодательства в части регламентации оснований, порядка. пределов использования информационных технологий.

Библиографический список

1. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3.

2. Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2 (36).

3. Каменев А. С. Современное состояние функции защиты в уголовном судопроизводстве и ее трансформация в эпоху развития цифровых технологий // Правопорядок : история, теория, практика. 2021. № 3 (30).

4. Калачева Е. Н. Проблемы назначения адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве и возможные пути решения : вызовы цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 11 (75).

5. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России : концептуальные и нормативно-правовые основы : монография. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 376.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гришина А. Б., 2026

УДК 343.61

Давлетшина Л. Х. – старший преподаватель кафедры специальных дисциплин филиала Казанского юридического института МВД России (Россия, г. Набережные Челны);
Берестнев В. С. – преподаватель специальных дисциплин филиала Казанского юридического института МВД России (Россия, г. Набережные Челны)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

FEATURES OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN MURDER CASES

Аннотация. В данной статье рассматриваются этапы планирования расследования убийства. Раскрытие подобного рода преступлений требует высокого профессионализма сотрудников правоохранительных органов, а также проведения различных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лиц, виновных в совершении преступлений. Чтобы добиться справедливого исхода расследования, необходимо грамотно и эффективно выстроить систему организационных основ, осуществляемую сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: убийство, причинение смерти, следственные действия, расследования, расследования преступлений.

Abstract. This article discusses the process of planning a murder investigation. The disclosure of such crimes requires not only the high professionalism of law enforcement officials, but also the conduct of various operational investigative measures aimed at identifying those responsible for committing crimes. In order to achieve a fair outcome of the investigation, it is necessary to competently and effectively build a system of organizational foundations carried out by law enforcement officers.

Keywords: murder, causing death, investigative actions, investigations, investigations of crimes.

Ежегодно на территории Российской Федерации совершается огромное количество преступлений, представляющих непосредственную угрозу безопасности населения и ставит перед государством новые задачи для изыскания возможности противостоять и внедрять новые методы для расследования данного вида категории преступлений.

Так, МВД России информирует: «…МВД России информирует, что в минувшем году наблюдалось снижение количества зарегистрированных

в Российской Федерации преступлений на 7,3 %. При этом число противоправных деяний против личности сократилось на 9,2 %, в том числе убийств и покушений на убийство – на 11,8 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 14,8 %» [1].

Согласно официальным данным ВНИИ МВД России состояние преступности на конец 2025 года (рис. № 1).

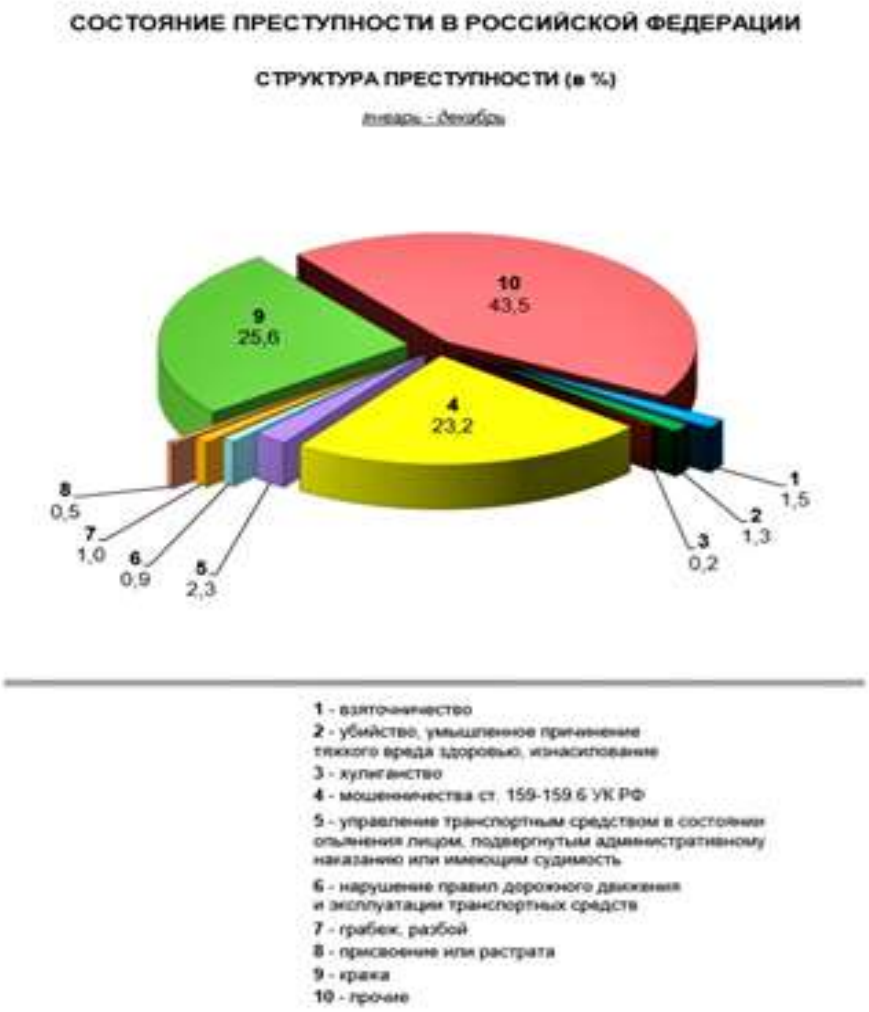

Рис. 1. Состояние преступности в Российской Федерации

Убийство представляет собой одно из самых тяжких преступлений, совершаемых против жизни и здоровья человека. Данный вид преступления может быть совершен как в форме прямого действия, так и в форме бездействия, когда на обвиняемом лежит ответственность в отношении охраны жизни потерпевшего. Причинение смерти человеку регулируется нормами (статья 105) Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Расследование дела, предусмотренного данной статьей уголовного законодательства, имеет существенные особенности, поскольку тяжесть обвинения высока, а лицо, совершившее преступление, в большинстве случаев не признает вину, так как боится наказания.

Кроме того, на практике встречаются и такие случаи, когда единственным очевидцем преступления является виновное лицо, а перед следствием стоит задача в изобличении указанного лица в совершенном преступлении, при отсутствии всех вводных данных и обстоятельств произошедшего.

При планировании расследования убийства важно учитывать, что для раскрытия данного преступления требуется большое количество проводимых следственных действий.

К ним следует отнести:

– осмотр места происшествия;

– осмотр трупа;

– допрос свидетелей;

– допрос потерпевших;

– допрос подозреваемого (обвиняемого);

– обыск;

– очная ставка;

– следственный эксперимент;

– назначение судебно-медицинской экспертизы трупа, а также собранных вещественных доказательств и т. д.

Следует учитывать, что указанные следственные действия необходимо проводить в ограниченные сроки. Именно поэтому при расследовании убийства сотрудник правоохранительных органов должен хорошо владеть криминалистической методикой расследования данной категории преступлений.

Расследование большей части преступлений начинается с осмотра места происшествия. Данное следственное действие является одним из ключевых. В рамках его проведения у следователя есть возможность оценить обстановку на месте, обнаружить, зафиксировать и изъять вещественные доказательства, предметы и вещества, которые могли служить оружием преступления, либо сохранили на себе следы преступления и по мнению следователя имеют значение для установления объективной истины. Обнаруженные следы могут помочь не только установить личность преступника, но также «рассказать» об обстоятельствах произошедшего. Однако, если следы не будут обнаружены в надлежащий срок, они будут утеряны, следовательно, возникнет недостаток в доказательственной базе по уголовному делу.

Осмотр места происшествия проводится следственно-оперативной группой, в состав которой входит следователь, оперуполномоченный уголовного розыска, судебно-медицинский эксперт и эксперт-криминалист. Руководителем группы является следователь, именно он и определяет порядок проведения осмотра и руководит действиями всех остальных членов группы. В связи с этим можно сделать вывод, о том, что следователь на месте происшествия является координатором действий и от его профессионализма зависит результативность проведенного мероприятия на основе которого в дальнейшем будет выстраиваться план расследования.

Особое внимание следует уделить такому следственному действию, как осмотр трупа. В данном случае немаловажную роль играет участие судебно-медицинского эксперта. Именно им определяется положение трупа, следы и предметы, находящиеся при трупе, а также выявление иных следов, которые в дальнейшем будут признаны объектами исследования назначенных экспертиз. Предварительное время наступление смерти, причина, характер. Механизм возникновения телесных повреждений возможно определить детальным осмотром тела трупа с применением технических средств.

Все эти действия позволят на первоначальном этапе констатировать преступный характер наступления смерти.

Однако не всегда вид трупа и его первичный осмотр свидетельствуют о том, что смерть была криминальной. Возникают ситуации, когда следователь узнает о том, что смерть человека наступила в связи с совершением преступления лишь после вскрытия трупа и проведения судебно-медицинской экспертизы. В данном случае следователю следует спланировать ход расследования дела на основе имеющихся результатов, полученных в ходе осмотра места происшествия и осмотра трупа, первоначальных показаний свидетелей, потерпевших и сведений о трупе.

Кроме того, важным этапом расследования убийства является сбор вещественных доказательств. К ним могут относиться как орудия совершения преступления, так и биологические следы преступника.

Орудие преступления является основным доказательством, поскольку может содержать следы преступления и позволит в ходе расследования дела установить обстоятельства совершенного преступления. Кроме того, его находка дает следователям возможность определить тактику дальнейшей работы с виновным лицом, а также планировать следственные действия с участниками производства по уголовному делу.

К биологическим следам относят кровь и ее следы, следы спермы, волосы, слюна и иные биологические выделения человеческого организма. Обнаружить данные следы можно в ходе тщательного осмотра места преступления. Для обнаружения следов крови используют лупу, ультрафиолетовые лучи, косо падающий свет. В дальнейшем, собранные биологические следы в ходе проведения судебно-медицинской экспертизы могут помочь сократить сроки расследования, при условии совпадения ДНК найденных биологических следов с ДНК подозреваемого (обвиняемого) [3].

Дактилоскопическая экспертиза является неоспоримым и важным доказательством, которое необходимо добыть следователю. Это вызвано тем фактом, что отпечатки пальцев дают возможность идентифицировать лицо, следов преступления на орудии убийства, а также на одежде или теле трупа, или же на месте совершения преступления помогут изобличить лицо и привлечь его к ответственности.

По данной категории дел одним из обязательных оснований является проведение психиатрической судебной экспертизы. Назначение данное экспертизы разрешает множество проблемных вопросов, которые могут возникнуть в суде.

В первую очередь, проблемой является отрицание вины подозреваемым или обвиняемым, а также позиция виновного лица, когда он утверждает, что совершил преступление в состоянии аффекта. В этих случаях проведение экспертизы необходимо, поскольку без заключения соответствующей экспертизы невозможно будет оценить виновность лица. Также назначение психиатрической экспертизы необходимо по делам данной категории в связи с тем, что, в случае признания лица невменяемым, следователю потребуется изменить порядок сбора материалов и направить дело в суд для применения в отношении лица определенных принудительных мер медицинского характера.

В ходе планирования расследования убийства, сотрудник правоохранительных органов также должен ответственно подойти к проведению допросов всех сторон совершенного преступления. При этом важно учитывать, что цели допроса свидетелей, потерпевших и подозреваемого (обвиняемого) отличаются друг от друга. Так, при допросе свидетелей необходимо выяснить обстоятельства совершенного преступления и все действия, которые производились после обнаружения трупа. Методика проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) зависит от того, признает ли он свою вину или нет.

Допрос начинается с выяснения вопроса, в чем именно подозреваемый или обвиняемый признает себя виновным: как давно он знает потерпевшего; какие были отношения с ним; имел ли он намерение убить; как вел себя потерпевший до начала конфликта; каков мотив и повод; какое орудие убийства использовал, какие конкретно действия совершил, в какие части тела наносил удары; сопротивлялся ли потерпевший; какие действия предпринял для сокрытия следов преступления, где находится орудие убийства [4].

Допросы свидетелей не всегда дают необходимого результата. Иногда возникают случаи, когда свидетели лгут, а также путаются в показаниях. При выявлении данного факта следователь начинает проводить очные ставки, цель проведения которых – установление истины по делу.

При допросе подозреваемого или обвиняемого, отрицающего свою вину, уточняются детали, связанные с убийством, конкретизируются его отношения с погибшим, точное время провождения и место нахождения в день убийства. Проверяется заявленное алиби путем допроса свидетелей, изучения документов, выяснения всех обстоятельств, на которые ссылается обвиняемый.

Одной из необходимых процедур при расследовании убийства является признание лица потерпевшим, или же признание представителем потерпевшего. В большинстве случаев потерпевшими признаются родственники убитых. Однако в том случае, когда указанных лиц невозможно установить или же они отсутствуют, следователь привлекает в качестве представителя потерпевшего орган опеки и попечительства. Признание лица потерпевшим является обязательным, что предусмотрено не только законодательством, но и сложившейся практикой.

В первую очередь, необходимость признания лица потерпевшим обосновывается тем, что потерпевший может заявить о возмещении, как морального, так и материального вреда, и это требование обосновывается законодателем.

Проведение следственных экспериментов является одним из наиболее информативных доказательств, позволяющих следователю устранить противоречие в показаниях, которые дают лица, или же поможет заполнить пробелы произошедшего события, которые могут выражаться в недостаточной информативности в положении виновного лица и пострадавшего лица, а также в моделировании ситуации, касающегося нанесения ударов потерпевшему.

Залогом успешного расследования и раскрытия убийств является согласованная работа участников следственной и оперативной работы по следующей схеме: от изучения личности, образа жизни потерпевшего (при условии, что он будет установлен) его окружения, выяснения событий и обстоятельств в последние дни, недели перед исчезновением, изучения личности и образа жизни лиц, находившихся с ним в последнее время и, конечно, работа со свидетелями [5]. При этом важное значение имеет четкое взаимодействие следователя и работников уголовного розыска, разработка версий, планирование и осуществление комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

На данный момент перед следственным органом все еще стоит проблема, связанная с образованностью следователей и получению ими достаточных профессиональных навыков для применения новых способов расследования дел. Для более эффективного обучения следователей необходимо ввести дополнительную практику, а также создать на законодательном уровне единый алгоритм ведения тактики расследования отдельных категорий дел, в том числе и убийства.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 06.02.2026)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кустов А. М. Расследование убийств : криминалистическая теория и практика : монография. М. : Проспект. 2020. 240 с.

4. Грицаев С. И., Помазанов В. В., Степаненко С. Г. Построение следственных версий при расследовании убийств // Закон и право. 2019. № 12. С. 147–151.

5. Меретуков Г. М., Найденов А. С. Организация планирования расследования убийств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 34–38.

© Давлетшина Л. Х., 2026
© Берестнев В. С., 2026

УДК 343.138

Дикарев И. С. – директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Волгоград)

ПОДСУДНОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ[1]

JURISDICTION AS A CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL RELATION

Аннотация. Судебные уголовно-процессуальные производства возбуждаются на основании процессуальных обращений (итоговых актов расследования, ходатайств, жалоб или представлений). Принятие такого обращения судом к своему производству влечет возникновение правоотношения между заявителем и судом. Фактический (юридический) состав, порождающий такое правоотношение, включает в себя не только процессуальное обращение, но и другие юридические факты – соответствие уголовного дела признакам подсудности, а также юридическое условие – наличие у суда полномочий рассматривать данное дело. Учитывая значимость указанных юридических фактов и условий, в статье сделан вывод о том, что возникающее между заявителем и судом правоотношение представляет собой ни что иное, как подсудность.

Ключевые слова: подсудность, компетенция, состав суда, правоотношение, юридический факт, процессуальное обращение, уголовный процесс.

Abstract. Criminal proceedings are initiated on the basis of procedural appeals (final acts of investigation, petitions, complaints or applications). Acceptance of such a request by the court to its proceedings entails a legal relationship between the applicant and the court. The factual (legal) basis that gives rise to such a legal relationship includes not only the procedural application, but also other legal facts such as the conformity of a criminal case with the criteria of

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03252. URL: https://rscf.ru/project/25-28-03252/

jurisdiction, as well as the legal condition that the court has the authority to hear the given case. In view of the significance of these legal facts and conditions, the article concludes that the legal relationship between the applicant and the court is nothing more than a jurisdiction.

Keywords: jurisdiction, competence, composition of the court, legal relationship, legal fact, procedural appeal, criminal procedure.

Все судебные уголовно-процессуальные производства можно разделить на *основные*, в рамках которых решаются вопросы о привлечении виновного к уголовной ответственности или применении к лицу иных мер уголовно-правового характера (принудительных мер воспитательного воздействия, медицинского характера или судебного штрафа), и *периферийные*, предназначенные для решения иных вопросов, отнесенных к компетенции суда (в порядке судебного контроля, в ходе исполнения приговора и реабилитации). Маркером, указывающим на основные производства, является употребление законодателем применительно к ним выражения «уголовное дело» (например, ст. 420, 436, 446.1 УПК РФ). В периферийных производствах ни о каком уголовном деле говорить не приходится: суды рассматривают материалы, инициируемые ходатайствами органов расследования, заявляемыми в порядке ст. 108 или 165 УПК РФ, жалобами граждан в порядке ст. 125 УПК РФ, ходатайствами осужденных или представлениями государственных органов и учреждений, указанными в ст. 399 УПК РФ, и т. д.

Когда речь идет о периферийных производствах, ни у кого не вызывает сомнений, что обращение заинтересованного лица в суд приводит к возникновению между заявителем и судом правоотношения, в рамках которого первый приобретает право, а второй – обязанность по рассмотрению соответствующего обращения. Такое же правоотношение имеет место и при производстве по уголовному делу: в суде первой инстанции оно возникает с момента принятия судом решения о назначении судебного заседания.

Как метко заметил С. С. Алексеев, вся жизнь правоотношения – его возникновение, изменение и прекращение – связана с юридическими фактами [1, с. 165]. Очевидно, что и рассматриваемое правоотношение также возникает вследствие появления определенных юридических фактов, среди которых основную роль играет, конечно же, соответствующее процессуальное обращение.

Процессуальные обращения представляют собой такие процессуальные документы, с которыми участники уголовного судопроизводства обращаются к государственным органам, учреждениям, организациям или к иным лицам, в чью компетенцию входит принятие соответствующего решения либо совершение необходимых действий [2, с. 124]. По уголовным делам такими обращениями являются итоговые акты органов предваритель-

ного расследования – обвинительное заключение, постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера и др.).

Однако одного процессуального обращения недостаточно для принятия судом уголовного дела к своему производству. Требуется еще комплекс условий, связанных с соответствием самого обращения и предшествующей ему процессуальной деятельности требованиям закона (в противном случае дело возвращается прокурору), а также соблюдение правил подсудности уголовного дела (их нарушение является препятствием для назначения судебного заседания). Из этого следует, что для возникновения рассматриваемого процессуального правоотношения требуется не один юридический факт, а целый фактический (юридический) состав, в котором процессуальное обращение (классифицируемое в системе юридических фактов как юридический акт) является лишь одним из элементов.

Соблюдение правил подсудности имеет для данного правоотношения ключевое значение, поскольку принятие уголовного дела к своему производству судом, не компетентным на его рассмотрение и разрешение, приводит к нарушению конституционного права участников судопроизводства на законный суд и безусловно влечет отмену судебного акта (п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). С точки зрения определения правильного субъектного состава рассматриваемого правоотношения, признаки подсудности приобретают ключевое значение, выступая необходимыми элементами порождающего его юридического (фактического) состава. При определении подсудности подлежит учету также компетенция суда, выражающаяся в наличии у него полномочий рассматривать определенный круг дел. Только сопоставление признаков дела с компетенцией конкретного судебного органа позволяет правильно определить подсудность. С позиций теории права компетенция конкретного суда рассматривать определенный круг дел представляет собой юридическое условие возникновения правоотношения. От юридических фактов, подлежащих установлению правоприменительным органом в каждом случае, юридические условия отличаются тем, что они презюмируются [3, с. 21].

В связи с этим трудно согласиться с принятыми в уголовно-процессуальной науке подходами, определяющими подсудность то как полномочия суда рассматривать определенный круг дел, то как признаки (свойства) уголовного дела, наличие которых относит его к компетенции определенного судебного органа [4, с. 4; 5, с. 8]. Если принять во внимание, что указанные характеристики, с одной стороны, используются для определения подсудности, а с другой – выступают юридическими фактами и условиями, влекущими возникновение правоотношения между судом и обратившимся к нему с определенным требованием субъектом, значит, подсудность и является этим правоотношением.

Данный подход позволяет преодолеть характерную для теории уголовного судопроизводства «разноголосицу» относительно того, что представляет собой подсудность. В юридической литературе ее определяют не только как признаки уголовного дела или как полномочия суда рассматривать дело, но и как правила, т. е., по сути, правовые нормы, на основе которых определяется компетентный суд [6, с. 102]. Между тем, все имеющиеся подходы органично укладываются в понимание подсудности как правоотношения: полномочия суда представляют собой юридическое условие данного правоотношения, признаки (свойство) уголовного дела – ключевые элементы фактического состава, влекущего его возникновение, а нормы права, устанавливающие правила определения подсудности, всегда являются первыми и необходимыми юридическими предпосылками правового отношения [7, с. 212].

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982.

2. Дикарев И. Процессуальные обращения в досудебном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2020. № 6. С. 124–128.

3. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве : монография. Репр. изд. М. : ИНФРА-М, 2020.

4. Гусев Л. Г. Подсудность уголовных дел военным трибуналам : лекция. М. : Военно-юридическая академия, 1955.

5. Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2004.

6. Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1. С. 100–108.

7. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : ООО ИД «Право и государство», 2005.

© Дикарев И. С., 2026

УДК 343.1

Емельянова Н. Ю. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УЧИТЫВАЕМЫХ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF FACTORS CONSIDERED IN THE SELECTION OF PRETRIAL RESTRAINTS

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию обстоятельств, подлежащих учету при избрании мер пресечения. В ней рассматриваются в названном аспекте положения некоторых законодательных актов Российской империи, советского уголовно-процессуального законодательства и нормы действующего сегодня Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе этого анализа, а также изменений, внесенных в последующем в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года, делается вывод о тенденции к формализации критериев выбора конкретной меры пресечения, расширению субъектного состава лиц, в отношении которых принимается данное процессуальное решение, усилению гарантий прав личности при применении мер процессуального принуждения.

Ключевые слова: меры пресечения, уголовный процесс, обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, тяжесть преступления, данные о личности подозреваемого и обвиняемого.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the genesis and development of procedural norms that define the list of circumstances to be taken into account when applying preventive measures in Russian criminal proceedings. The temporal boundaries of the study extend from the first legislative acts of the Russian Empire to the current provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Based on the analysis of amendments introduced to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a conclusion is drawn about the trend towards the formalization of criteria, the expansion of the range of subjects, and the strengthening of guarantees of individual rights when applying procedural coercive measures.

Keywords: keywords: preventive measures, criminal procedure, circumstances considered when selecting preventive measures, history of criminal proceedings, gravity of the crime, information about the individual's character.

Институт мер пресечения занимает важное место в уголовном судопроизводстве, поскольку непосредственно связан с ограничением конституционных прав и свобод личности. Выбор конкретной меры пресечения

не может быть произвольным, он обусловлен необходимостью учета целого ряда обстоятельств, позволяющих суду и следственным органам принять законное и обоснованное решение.

Историко-правовой анализ положений различных нормативных актов позволяет выявить генезис нормативного закрепления данных обстоятельств. В российской правовой системе впервые это произошло в начале XIX века в Своде законов Российской империи 1832 года, в соответствии с положениями которого при избрании мер пресечения учитывалась «причастность лица к совершению преступления, тяжесть преступления, звание обвиняемого, подозрение в намерении «учинить побег», сила улик» [1, с. 22–29].

Последующее развитие критериев выбора меры пресечения связано с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС). В частности, в статье 421 был определен круг факторов, подлежащих учету при решении вопроса «о пресечении обвиняемому возможности уклониться от следствия». Предписывалось при избрании меры пресечения принимать во внимание «не только строгость угрожающего ему [обвиняемому] наказания», но также «силу представляющихся против него улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе» [2, с. 11–16].

Таким образом, в законодательстве данного периода уже четко прослеживается три группы таких критериев: 1) тяжесть предполагаемого преступления; 2) характер и убедительность доказательственной базы; 3) социально-демографические и личностные характеристики обвиняемого.

Октябрьская революция 1917 года стала отправной точкой для формирования новой правовой системы в России. С этого момента берет свое начало советское уголовное судопроизводство, сохранившее в своей основе систему мер пресечения, существовавшую в дореволюционный период. При этом первый нормативный акт новой власти – Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года – не содержал положений, регламентирующих применение данных мер.

Подход к определению критериев для избрания мер пресечения, заложенный в Уставе 1864 года, был унаследован и советским законодательством. Принятый в 1922 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года в статье 150 предписывал следователю «при разрешении вопроса о необходимости принять меры пресечения, а также об избрании той или иной из означенных мер» учитывать сходный комплекс факторов: «важность преступления и тяжесть улик, вероятность уклонения от правосудия, а также состояние здоровья, род занятий и иные обстоятельства, касающиеся личности обвиняемого» [3]. Эта система была в неизменном виде воспроизведена и в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года [4].

Значительным шагом в развитии процессуальной регламентации мер пресечения стал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года [5].

Именно в нем впервые произошло четкое нормативное разделение оснований для избрания меры пресечения[1] (статья 89 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР) и обстоятельств, подлежащих учету при выборе ее вида[2] (статья 91 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Благодаря этому удалось разграничить общие основания для избрания любой меры пресечения и возможность ее индивидуализации, учитывающей особенности личности обвиняемого и специфику конкретного дела. Таким образом, на протяжении советского периода происходило не просто заимствование дореволюционных правовых идей регламентации уголовного судопроизводства, но и его развитие с систематизацией важных компонентов.

Накопленный вековой опыт был впоследствии воспринят современным российским законодательством. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года [6], сохранив эту глубокую историческую преемственность, в статье 99 консолидировал обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения.

Изначально эта статья предписывала учитывать помимо оснований, предусмотренных статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства». Применение данной нормы на практике выявило, как минимум, два дефекта: во-первых, ее диспозиция содержала ограничительное толкование, фактически адресуя положения статьи исключительно обвиняемому, что сужало потенциальную сферу ее действия; во-вторых, такой оценочный критерий, как «тяжесть предъявленного обвинения» вводил элемент правовой неопределенности и предоставлял правоприменителю несоразмерно широкие дискреционные полномочия.

Принципиальным шагом в развитии рассматриваемой нормы стало внесение в ее содержание изменений. Федеральный закон от 22 апреля 2004 года № 18-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [7] расширил сферу ее действия за счет включения в круг субъектов подозреваемого, что привело статью в соответствие с логикой досудебного производства. Произошла также важная терминологическая замена: слова «тяжесть предъявленного обвинения» были заменены на «тяжесть преступления». Данная корректива сместила акцент

---

[1] В качестве оснований УПК РСФСР 1960 г. закреплял «наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора».

[2] К таковым были отнесены: «тяжесть предъявленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства».

с процессуальной оценки действий преследуемого лица, носящей во многом субъективный характер, на материально-правовые показатели самого инкриминируемого деяния, связанные с категорией преступления, что является более объективным критерием. Эти изменения свидетельствовали о стремлении законодателя к большей формализации и унификации оснований для принятия столь существенных процессуальных решений.

Дальнейшая дифференциация подхода была закреплена Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [8], который ввел в статью 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вторую часть. Если часть 1, по существу, сохранила ранее действовавшие критерии выбора меры пресечения, то часть 2 ввела специальное правило для отдельных категорий лиц, указанных части 1.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. (осуществляющих предпринимательскую деятельность). Законодатель установил императивную обязанность рассматривать возможность избрания меры пресечения, не препятствующей продолжению предпринимательской деятельности.

Современная редакция анализируемой статьи, с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [9], продолжила линию на конкретизацию обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения. В часть 1 статьи 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации был добавлен новый критерий: совершение преступления с применением насилия либо с угрозой его применения. Выделение этого обстоятельства в отдельный элемент, учитываемый наряду с тяжестью преступления и данными о личности, имеет существенное значение. Оно акцентирует внимание правоприменителя на повышенной общественной опасности и специфике поведения лица при совершении преступлений хотя и одной категории, но разных по их характеру, что, несомненно, тоже должно влиять на выбор меры пресечения, подлежащей применению к конкретному подозреваемому или обвиняемому.

Историческое развитие регламентации обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, демонстрирует глубокую преемственность и последовательную эволюцию в российском уголовном процессе. Начиная с дореволюционных кодификаций и через советское законодательство, происходило не просто заимствование, но и систематизация ключевых критериев – тяжести преступления, обстоятельств его совершения и характеристики личности. При этом важно отметить, что законодательное выделение данных обстоятельств в самостоятельную, отдельную от оснований для избрания меры пресечения категорию произошло лишь в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года. В более раннем законодательстве, включая Устав уголовного судопроизводства 1864 года и первые советские кодексы, эти элементы, как правило, не разделялись и регулировались в совокупности.

На современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства прослеживается тенденция к усилению формализации данных обстоятельств, увеличению круга участвующих субъектов, а также к повышению уровня их объективности и степени детализации. Таким образом, сложившаяся в статье 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. система обстоятельств, будучи продуктом длительной эволюции, требует более пристального рассмотрения своей юридической сущности, внутренней структуры и функциональной роли в механизме принятия процессуальных решений.

Библиографический список

1. Куликов М. А. Генезис мер пресечения в российском законодательстве и законодательстве зарубежных государств континентальной правовой системы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 22–29.

2. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») : постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс : федеральный закон от 22 апреля 2004 г. № 18-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс : федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс : федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Н. Ю. Емельянова, 2026

УДК 343.1

Ендольцева А. В. - профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, г. Москва)

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СРОКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF TIME-LIMITS FOR CRIMINAL PROCEEDINGS: UNRESOLVED PROBLEMS AND WAYS TO ADDRESS THEM

Аннотация. Статья затрагивает вопрос неурегулированности процессуальных сроков возврата изъятого имущества законным владельцам на стадиях возбуждения дела и предварительного расследования. Автором предлагаются способы восполнения выявленных пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: сроки уголовно-процессуальной деятельности, правовое регулирование, возврат изъятых предметов и документов, вещественные доказательства, гарантии защиты прав.

Abstract. The article deals with the issue of the non-settlement of procedural deadlines for returning confiscated property to its rightful owners during the stages of initiation and preliminary investigation. The author suggests ways to fill in the gaps identified in the criminal procedure legislation.

Keywords: deadlines of criminal procedure, legal regulation, return of seized objects and documents, physical evidence, guarantees of protection of rights.

Соблюдение уголовно-процессуальных сроков, обеспечение их разумной длительности являются важнейшими задачами органов предварительного расследования. И если некоторые процессуальные сроки ранее, при принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 года [1], не были регламентированы, то в последующем законодатель принимал определенные меры в данном направлении, устанавливая гарантии защиты прав и законных интересов участников уголовного производства, а также его законности и обоснованности.

В 2016 году благодаря Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам

совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [2] в УПК РФ появилась новая статья, установившая порядок признания изъятых предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики с регламентацией сроков принятия соответствующего постановления и возвращения владельцам не признанного вещественным доказательством ранее изъятого у них имущества (статья 81.1). Разрешение этих вопросов представляло особую значимость, ибо изъятие документов и предметов, используемых предпринимателями для ведения хозяйственной деятельности либо управления своим имуществом, способно повлечь серьезные неблагоприятные последствия вплоть до полной утраты легального бизнеса.

Не секрет, что на практике в интересах следствия при производстве следственных действий могут изыматься предметы и документы, исходя их предположения, что они могут иметь значение для расследования уголовного дела. Нельзя забывать о том, что изъятие имущества у его владельца даже в рамках производства по уголовному делу ущемляет его право собственности, а значит, эти вопросы должны быть должным образом законодательно обеспечены.

В настоящее время постановление о признании вещественными доказательствами изъятых предметов и документов по названной категории дел должно быть вынесено не позднее 10 суток с момента их изъятия. Этот срок может быть продлен еще на 30 суток по мотивированному ходатайству следователя или дознавателя. Данная необходимость продиктована объективными обстоятельствами, и в первую очередь значительным объемом изъятых предметов, требующим продолжительного времени для их детального осмотра в порядке, предусмотренном частью второй статьи 81.1 УПК РФ.

Уверены, что данное положение было введено в целях обеспечения реализации более важного требования, установленного частью четвертой рассматриваемой статьи о том, что изъятые, но не признанные вещественными доказательствами предметы и документы возвращаются лицам, у которых они были изъяты не позднее пяти суток по истечении сроков, указанных в части второй статьи 81.1 [3].

Значимость такой новации, выступающей важнейшей гарантией защиты прав и законных интересов человека в рамках уголовного процесса и одновременно гарантией законности и обоснованности деятельности правоохранительных органов, невозможно переоценить. Приветствуя появление статьи 81.1 УПК РФ, хотелось бы все же обратить внимание на некоторые моменты, которые также, по нашему мнению, подлежат разрешению.

Мы понимаем важность особой со стороны государства защиты прав лиц, осуществляющих законную предпринимательскую или иную экономическую деятельность, и это правильно, тем не менее, без оснований ущемлять конституционные права других лиц также незаконно, учитывая предписания Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом (часть первая статьи 19) [4].

Учитывая сказанное, а также то, что статья 81.1 УПК РФ является специальной по отношению к общим нормам, установленным статьей 81 («Вещественные доказательства»), полагаем необходимым в части второй статьи 81 регламентировать срок вынесения постановления о признании изъятых предметов и документов вещественными доказательствами. Предлагаем этот срок предусмотреть таким же, как прописано в части второй статьи 81.1 УПК РФ (до 10 суток, с возможностью продления на 30 суток).

Отметим, что в статье 81 УПК РФ, в ее части четвертой, прописано, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, с учетом требований статьи 6.1 УПК РФ.

Вместе с тем, как отмечают авторы [6, с. 12; 6, с. 42; 7, с. 481], понятие разумного срока уголовного судопроизводства является оценочным. Соглашаясь с таким мнением, добавим, что оценку разумности срока осуществляют разные субъекты уголовного процесса: с одной стороны, это сам следователь или дознаватель, а с другой, – компетентные контролирующие и надзирающие органы и должностные лица. Поэтому отсылка, указанная в части четвертой статьи 81 УПК РФ, к статье 6.1 данного Кодекса не гарантирует надлежащей защиты прав и законных интересов граждан. Поэтому полагаем необходимым установить в части четвертой статьи 81 УПК РФ конкретный срок возвращения изъятого имущества их владельцам, к примеру, не позднее пяти дней по истечению того срока, который, как уже выше подчеркивалось, должен быть также нормативно закреплен в части второй статьи 81.

Другой проблемный, но существенный аспект касается изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела. В случаях, когда по результатам проверки сообщения о преступлении выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, закономерно возникает вопрос о судьбе изъятого имущества. Особую актуальность этот вопрос приобретает в контексте сообщений о правонарушениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Затянутый во времени возврат изъятых предметов и документов может нанести непоправимый или трудно поправимый урон лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Вполне можно согласиться с авторами в том, что «…часто именно нарушения на начальном этапе производства… более всего сопряжены с нарушением законных интересов и прав граждан» [8, с. 25].

Говоря о регламентации срока возврата изъятого имущества при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, целесообразно, по нашему мнению, установить такой срок в положениях статьи 148 УПК РФ. Причем неверным будет немедленный после вынесения такого постановления возврат ранее изъятого. Это было бы неоправданно поспешным требованием, поскольку при разрешении данного вопроса следует учитывать полномочия прокурора, связанные с его правом на отмену

постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которое он реализует в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении при признании отказа в возбуждении дела незаконным или необоснованным (часть шестая статьи 148 УПК).

В связи со сказанным считаем возможным предложить такой путь разрешения обсуждаемой проблемы: внести следующее дополнение в статью 148 УПК РФ: «При отсутствии в течение 10 дней с даты вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела решения прокурора о его отмене, изъятые предметы и документы подлежат немедленному возврату их владельцам, за исключением предметов, указанных в пункте 2 части третьей статьи 81 настоящего Кодекса».

Полагаем, что такой путь позволит в целях реализации назначения уголовного судопроизводства устранить те пробельные вопросы, которые еще имеются в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку совершенствование правового регулирования процессуальной деятельности особо важно, когда вносимые изменения направлены на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного производства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 2016 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 июня 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Алехин Д. В., Саньков В. И. Проблемные вопросы законодательной регламентации возврата предметов и документов, изъятых в ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Современные возможности собирания и исследования вещественных доказательств : сборник материалов Круглого стола в рамках научно-практической конференции. 2016. С. 4–9.

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гаврилов Б. Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 9–15.

6. Ильин А. В. Вопросы реализации нормы о разумном сроке уголовного судопроизводства на практике // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 4 (61). С. 42–45.

7. Малахова С. Е. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 12 (51). С. 481–483.

8. Астафьев Ю. В. Разумные сроки и обоснованные решения: новеллы и пробелы законодательства // Воронежские криминалистические чтения. 2011. Вып. 13. С. 21–31.

© Ендольцева А. В., 2026

УДК 343.1

Ермолаева Л. Н. – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПОНЯТИЕ И УСЛОВИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ДОПРАШИВАЕМЫМ В БЕСКОНФЛИКТНЫХ И КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

THE CONCEPT AND CONDITIONS OF ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH A MINOR INTERROGATED PERSON IN NON-CONFLICT AND CONFLICT SITUATIONS

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы установления психологического контакта следователя с несовершеннолетними лицами в ходе допроса. Автор рассматривает психологический контакт как совокупность благоприятных условий для выстраивания взаимоотношений между следователем и допрашиваемым. В работе выделяются три ключевых фактора, влияющих на установление контакта: личность следователя, личность несовершеннолетнего и объективные обстоятельства производства допроса. Анализируются три основные функции установления контакта – информационно-коммуникативная, регуляционно-коммуникативная и эмоционально-коммуникативная. Особое внимание уделяется практическим приемам установления психологического контакта: активному слушанию, обращению по имени, апелляции к чувству достоинства, проявлению тактичности и доброжелательности. Отдельно рассматривается проблема конфликтных ситуаций при допросе, а также психологических барьеров коммуникации, среди которых наиболее распространенным признается эмоциональный барьер.

Ключевые слова: психологический контакт, допрос несовершеннолетних, коммуникативные барьеры, тактические приемы, эмоциональный барьер.

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of establishing psychological contact between an investigator and a minor during interrogation. The author considers psychological contact as a set of favorable conditions for building relationships between the investigator and the person being interrogated. The article identifies three key factors that influence the establishment of contact: the personality of the investigator, the personality of the minor, and the objective circumstances of the interrogation. The article analyzes three main functions of establishing contact: information and communication, regulatory and communication, and emotional and communication. Special attention is paid to practical techniques for establishing psychological contact: active listening, addressing people by name, appealing to their sense of dignity, and being tactful and friendly. The article also discusses the issue of conflict situations during interrogation, as well as psychological barriers to communication, including the most common ones.

Keywords: psychological contact, interrogation of minors, communication barriers, tactics, and emotional barriers.

Проблеме установления контакта посвящены научные работы, где ученые предлагают различные новые методики, способы установления контакта как с совершеннолетними, так и с несовершеннолетними лицами.

Психологический контакт – это создание определенных благоприятных условий для того, чтобы выстроить взаимоотношения между следователем и допрашиваемым. Результативность достижения психологического контакта во многом зависит от следователя.

Существует несколько факторов, которые влияют на установление психологического контакта [1, с. 54]. Самый первый и важный фактор – это сам следователь, то есть его профессиональность, особенность темперамента и характера, интеллектуальный уровень, коммуникативные способности, психологические знания и умения. Следующий фактор – это личность несовершеннолетнего, его процессуальное положение, социально-культурный уровень, также особенности темперамента и характера. Последним фактором являются объективные обстоятельства, то есть место производства допроса, время, круг участвующих лиц, обстановка и другие обстоятельства, которые сопровождают коммуникативный контакт с несовершеннолетним.

Необходимо выделить функции установление контакта [2, с. 1–5]: 1) информационно-коммуникативная функция, где следователь перед допросом, на подготовительном этапе собирает всю необходимую информацию о личности несовершеннолетнего, исследует сложившуюся обстановку, чтобы в процессе допроса легко ориентироваться; 2) регуляционно-

коммуникативная функция, ее суть заключается в том, что уже во время производства следственного действия следователь должен регулировать процесс общения, уметь направлять его в нужное русло; 3) эмоционально-коммуникативная, то есть с помощью данной функции устанавливается эмоциональные завязки, следователь должен быть наблюдательным, чтобы в случае чего определить в каком состоянии находится несовершеннолетний, стоит ли дальше продолжать допрос или нужно остановиться, дать человеку передохнуть и т. д.

К приемам установления психологического контакта относятся следующие:

Первый прием – прием активного слушания, когда следователь показывает, что он готов выслушать несовершеннолетнего и даже поощряет его к тому, чтобы он рассказал об известных ему обстоятельствах [3].

Обращение по имени очень важный прием установления психологического контакта. Имя всегда действует безотказно на бессознательном уровне, и когда мы к человеку обращаемся по имени, то сразу привлекаем его внимание и можем расположить к себе. Также ни для кого не секрет, что всем нравятся, когда их хвалят. Несовершеннолетние не исключение, и подобрав нужные слова, можно добиться необходимой для расследования уголовного дела информации [4, с. 66–72].

К следующему приему можно отнести проявление при допросе тактичности, выдержанности, соблюдение культуры речи. То есть следователь должен проявлять заботу к несовершеннолетнему, соблюдать права допрашиваемого, удовлетворять его законные интересы. Также немаловажным элементом является улыбка, доброжелательный взгляд, дружественное расположение, для этого можно использовать шутки, юмор или комплименты [5, с. 246–249].

Все вышеперечисленные приемы можно использовать при бесконфликтных ситуациях, но не все следственные действия проходят в такой обстановке. В большинстве случаев все происходит наоборот, несовершеннолетний по непонятным причинам закрывается от всех, отказывается давать какие-либо показания.

Важной особенностью общения в деятельности следователя является его часто конфликтный характер, обусловленный наличием психологических барьеров коммуникации. Барьеры могут быть различными, эмоциональными, мотивационными, интеллектуальными, коммуникативными и др.

В целом процесс общения с сотрудниками органов внутренних дел вызывает психологическое напряжение, не говоря уже про несовершеннолетних. Именно поэтому, самым распространенным психологическим барьером служит эмоциональный. Он сопровождается раздражительностью, гневом, отвращением при передаче или приеме информации.

Следующим барьером является мотивационный, когда несовершеннолетний не желает вести со следователем откровенный диалог, в силу определенного мотива отказывается от дачи показаний, то есть это может быть запугивание, при этом следователь должен всеми способами убедить несовершеннолетнего о необходимости дачи показания без вреда для самого несовершеннолетнего, также могут быть иные причины.

Самым важным является коммуникативный барьер. Его можно подразделить на барьер понимания, барьер социально-культурного различия, барьер отношения и барьер психологического характера. Коммуникативный барьер сам по себе значит проявление определенных проблем, трудностей при взаимной передаче, приеме необходимой информации.

Барьер понимания. Данный барьер больше связан с понятиями русского языка, то есть, например, фонетический, что значит наличие определенных проблем с речью, она может быть слишком быстрой, непонятной, невнятной и т. д. Логический аспект, связанный со сложностью восприятия несовершеннолетним, особенно малолетним, логики следователя, то есть, когда следователь задает определенные вопросы, он должен понимать, что вопросы сформулированы на доступном для несовершеннолетнего уровне, без двойственных значений.

Следующий подвид коммуникативного барьера связан с интерпретацией понятий, то есть с трудностями понимания и толкования информации из-за несовпадения смыслов и значений. Существуют различные способы преодоления семантического барьера, которые позволяют сделать коммуникацию более понятной и эффективной [6]:

– использование контекстуальных подсказок, включение в контекст специфической терминологии, примеров, иллюстраций и аналогий, а также уточнение и обсуждение неочевидных понятий помогает устранить неоднозначности;

– активное использование невербальных средств коммуникации (жесты, мимика, интонация и ритм речи), которые могут быть очень полезными, особенно в ситуациях, когда слова не могут быть точным носителем смысла или несут слишком многообразные значения;

– использование формальных знаков и символов (определение ключевых слов или понятий в терминах, которые более известны и непротиворечивы для всех участников коммуникации, позволяет создать языковую основу; использование графиков, диаграмм и других графических средств для упрощения и стандартизации перевода информации).

Выделяют еще психологические барьеры, они тоже имеют место при производстве допроса несовершеннолетних, к ним можно отнести эмоциональное состояние как самого следователя, так и допрашиваемого, а также определенные установки участников следственного действия.

Таким образом, психологический контакт является важной составляющей не только в психологии, но и в уголовном судопроизводстве. Произ-

водство допроса может протекать в конфликтной ситуации или бесконфликтной ситуации. Для каждой ситуации характерны свои приемы установления психологического контакта. Вне зависимости от ситуации, следователь должен держать следственное действие под своим контролем, не упускать ни малейшей детали, чтобы в случае чего быстро среагировать на ситуацию и подстроить ее под себя. Также стоит упомянуть, что применение тактических приемов, которые также помогают следователю достичь результатов при допросе, получить правдивые показания от несовершеннолетних допрашиваемых.

Библиографический список

1. Петровский А. В. Общая психология. М., 2012.

2. Дударев В. А. Тактические особенности установления психологического контакта с несовершеннолетними при их допросе // Вестник БГУ. 2012. № 2 (1). С. 1–5.

3. Активное эмпатическое слушание : техника, приемы, правила, методы // Мир логики. URL: https://mir-logiki.ru/ (дата обращения: 01.02.2026).

4. Степанова А. А., Файрушина Р. Д. Тактика допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших // Правовое государство : теория и практика. 2011. № 2 (24). С. 66–72.

5. Филиппова Н. В. Нравственные начала производства следственных действий // Известия ОГАУ. 2011. № 29-1. С. 246–249.

6. Способы преодоления семантического барьера // Buldogok.ru. URL: https://buldogok.ru/ (дата обращения: 01.02.2026).

УДК 343.1

Есина А. С. – профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия. г. Москва)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ТАКТИКЕ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДОПУСТИМОСТЬ ПОЛУЧЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

PROCEDURAL PROCEDURE FOR CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS AND FORENSIC RECOMMENDATIONS ON THE TACTICS OF CONDUCTING THEM ARE FACTORS DETERMINING THE ADMISSIBILITY OF THE OBTAINED EVIDENCE

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием процессуального порядка производства следственных действий и соотношение законодательных правил с применением тактических приемов, разработанных наукой криминалистикой. Анализируется взаимосвязь применения этих двух типов правил при производстве следственных действий и их влияние на сохранение свойства допустимости у полученного доказательства.

Ключевые слова: процессуальный порядок, следственные действия, тактика производства следственного действия, допустимость доказательства, следователь, бланк процессуального документа.

Abstract. This article examines several problematic issues related to the legal regulation of investigative procedures and the relationship between legislative rules and the application of tactical techniques developed by forensic science. The relationship between the application of these two types of rules during investigative actions and their impact on the admissibility of the evidence obtained is analyzed.

Keywords: procedural order, investigative actions, investigative action tactics, admissibility of evidence, investigator, procedural document form.

При производстве следственных действий следователь обязан соблюдать не только правила процессуальной процедуры, закрепленные в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), но и следовать рекомендациям по тактике их производства, которые выработаны наукой криминалистикой. Такое одновременное и фактически комплексное применение в следственной работе правил двух типов – процессуальных и криминалистических – позволит оптимально

и эффективно провести следственное действие и получить качественное допустимое доказательство.

Положения уголовно-процессуального закона в большей степени закрепляют правила, определяющие основания, условия и процессуальный порядок производства следственных действий, которые в обязательном порядке следует соблюдать субъекту расследования, реализуя принцип законности. В противном случае последствия несоблюдения норм УПК РФ при производстве следственных действий влечет признание полученного доказательства недопустимым в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ. При этом в случае, если следователь допустит игнорирование применения какого-либо тактического приема при выполнении следственного действия, то это не приведет к столь трагическим последствиям, но может повлиять на получение качественного результата проводимого действия, что негативно отразится на итогах расследования.

Может возникнуть вопрос: а где закреплены криминалистические рекомендации по производству следственных действий помимо учебной литературы? Надо признать, что специального нормативного акта по тактике производства следственных действий нет. Однако заметим, что в случае, когда отдельные рекомендации, выработанные наукой криминалистикой, получают закрепление в нормах УПК РФ, то они утрачивают характер криминалистической рекомендации и становятся требованием закона, определяя процессуальный порядок действия. Например, ч. 2 ст. 174 УПК РФ устанавливает правило, согласно которому допрос обвиняемого должен начинаться с вопроса: «Признает ли обвиняемый себя виновным?». Постановка такого вопроса в начале допроса обвиняемого, безусловно, следует рассматривать как тактический прием, позволяющий определить правовую позицию допрашиваемого перед дачей показаний. Ответ на поставленный вопрос поможет помочь следователю сориентироваться и оценить последующие показания обвиняемого, зная о его отношении к предъявленному обвинению. Может ли следователь игнорировать эту рекомендацию и начать допрос обвиняемого иначе? Конечно, нет, поскольку данное положение является не столько тактическим приемом, сколько законодательным требованием. Заметим, что так было не всегда. Например, Устав уголовного судопроизводства 1864 года (ст. 403–404) (далее – Устав) не определял содержание вопроса, с которого следовало начать допрос обвиняемого. Следовательно, эта криминалистическая рекомендация получила законодательное закрепление позже, став частью процессуального порядка допроса, что свидетельствует о постоянном развитии процессуальных процедур в уголовном судопроизводстве. Напротив, такая рекомендация как необходимость допрашивать обвиняемых порознь «...чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» была прописана в Уставе (ст. 407) и сохраняет свою актуальность вот уже более 160 лет (в ст. 173 УПК РФ речь идет о порядке допроса одного обвиняемого).

Часть 2 ст. 192 УПК РФ, определяет не только основания и процессуальный порядок производства очной ставки, но и тактический прием относительно начала следственного действия: вначале следует выяснять у допрашиваемых знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой. С точки зрения криминалистической тактики очень эффективный прием, позволяющий следователю понимать и объективно оценивать информацию, полученную в ходе следственного действия. Более того, получив ответы на первый вопрос от участников очной ставки и, получив таким образом информацию относительно их взаимоотношений друг к другу, следователь может на ходу определить тактику своих дальнейших действий в ходе следственного действия: определить последовательность задаваемых вопросов, очередность ответов участников и т. д. Вправе следователь проигнорировать данную рекомендацию и начать очную ставку с постановки иных вопросов? Конечно, нет, поскольку такое начало следственного действия является не тактическим приемом, а законодательным требованием.

Таким образом, процессуальный порядок, закрепленный в норме УПК РФ устанавливает различные правила относительно проведения следственных действий, которые могут определять и момент производства следственного действия (например, ч. 1 ст. 173 УПК РФ предписывает,что допрос обвиняемого должен состояться немедленно после предъявления обвинения), и его продолжительность (ст. 187 УПК РФ), и состав участников и их права (ст. 51, 53, 58, 59 УПК РФ), а также отдельные рекомендации по тактике их производства.

В следственной деятельности важным следует считать действие по толкованию текста закона, с тем чтобы правильно определить его смысл. Однако именно в этом и состоит трудность правоприменения, поскольку не всегда бывает очевидным то, что имел в виду законодатель.

Продемонстрируем сказанное на примере такого следственного действия как опознание предмета. Положение ч. 6 ст. 193 УПК РФ фактически закрепило криминалистическую рекомендацию, применение которой в ходе опознания, приведет к более качественному и объективному получению результату. Правило гласит, что предмет предъявляется для опознания в группе однородных предметов в количестве не менее трех. На первый взгляд данная формулировка достаточно четко определяет правила опознания: искомый предмет предъявляется для опознания среди однородных (то есть схожих по свойствам и признакам предметов), а количество однородных предметов должно быть не менее трех. При толковании текста закона возникает проблема с определением количества однородных предметов. Не очевидно: при опознании предметов должно быть не менее трех вместе с искомым или замысел законодателя сводился к тому, чтобы однородных предметов было не менее трех, а вместе с искомым их окажется как минимум четыре, которые предъявляется опознающему?

Если буквально толковать анализируемое положение, то получается, что предметов, предъявляемых для опознания, должно быть как минимум четыре (вместе с искомым). Однако изучение материалов уголовных дел, в том числе протоколов опознания свидетельствует о том, что, как правило, на опознание предметов предъявляется в общем количестве три наименования вместе с искомым. Если мы обратимся к бланку протокола опознания, то обнаружим, что и в них искомый предмет предлагается предъявлять для опознания в количестве двух однородных предметов. Невольно задаешься вопросом: имеет ли принципиальное значение количество предметов для опознания? Заслуживает ли внимания рассматриваемая проблема?

Есть разница – три или четыре предмета предъявляется лицу для опознания? Это при том, что в некоторых случаях на опознание предъявляется и большее количество предметов, что не противоречит закону, поскольку законодателем определен только минимальный предел количества предметов. Однако, если оценивать ситуацию с точки зрения стороны защиты, когда «в микроскоп» рассматриваются действия следователя на предмет их соответствия процессуальным требованиям, то придется признать, что количество предметов для опознания это установленное законом правило, соблюдение которого позволит признать результат опознания допустимым доказательством. Или наоборот – не соблюдение правила влечет признание доказательства недопустимым. Можно с уверенностью сказать, что если (как это и бывает в правоприменении) при опознании будут использованы только три предмета вместе с искомым, то не будет сомнений в обоснованности ходатайства о признании результатов такого опознания недопустимым доказательством на основании ч. 1 ст. 75 УПК РФ. Таким образом, мы еще раз убедились, что закон следует читать внимательно, толковать – буквально, а применять – точно.

При этом заметим, что бланки протоколов следственных действий не являются текстом закона. Следует заполнять текст бланка следственного действия сопоставляя его с текстом соответствующей нормы УПК РФ. В случае необходимости следователь может внести дополнение в бланк следственного действия, увеличив количество строк для описания однородных предметов.

Автор статьи допускает, что может иметь место и иное толкование анализируемого положения ст. 193 УПК РФ, в том смысле, что именно три предмета (вместе с искомым) имел в виду законодатель, когда определял общее количество предметов для опознания. Однако полагаем, что правоприменитель не должен «догадываться» о замысле законодателя. С этой точки зрения, безусловно, следует отметить необходимость использования при написании текста закона ясность и простоту формулировок. Как, например, записано в ч. 4 ст. 193 УПК РФ, где законодатель конкретизировал, что *общее число* лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее

трех. Следовало аналогичным образом прописать правило и для опознания предметов.

Следует обратить внимание на еще одно различие между положениями ч. 6 ст. 193 УПК РФ и тактикой производства опознания предмета. Так, в бланке протокола рассматриваемого следственного действия, в подстрочном тексте, в той части, где описывается результат следственного действия, опознающему предлагается указать не только признаки, по которым был опознан искомый предмет, но и обстоятельства, при которых он ранее видел этот предмет. Следует признать, что подобного требования нет в тексте ч. 7 ст. 193 УПК РФ (Допрос о обстоятельствах происшедшего предусматривается перед опознанием как отдельное следственное действие). В этой связи, с точки зрения криминалистической тактики можно отметить, что рекомендация о том, чтобы в ходе опознания еще раз зафиксировать показания опознающего об обстоятельствах, имеющих значение для дела, представляется эффективной. Однако в случае, если следователь при заполнении протокола опознания не последует подстрочному тексту и не зафиксирует объяснение опознающие о обстоятельствах происшедшего, ограничившись только указанием на признаки (приметы) опознанного предмета, то никакого нарушения закона в данном случае не будет. То есть неполное соответствие подстрочному тексту бланка протокола опознания не влечет негативные последствия для результатов данного действия, как то признание недопустимым полученного доказательства. Основание простое – нет нарушения требований норм УПК РФ. Анализ изучения протоколов опознания позволяет констатировать, что правоприменители поступают по-разному: кто-то заполняет протокол опознания, строго следуя подстрочному тексту бланка, кто-то ограничивается заполнением протокола в соответствии с УПК РФ. В данном случае мы отмечаем, что криминалистическая рекомендация не получила закрепление в тексте закона и не стала обязательным процессуальным требованием при производстве опознания, хотя она активно используется в правоприменительной практике как прием, доказавший свою эффективность. Можно только высказать пожелание законодателю совершенствовать регулирование процессуального порядка опознания предметов, включив в содержание нормы ч. 7 ст. 193 УПК РФ данный тактический прием, и таким образом, сделав его обязательным правовым требованием.

В данной работе мы хотели обратить внимание на важность соблюдения при выполнении следственных действий требований уголовно-процессуального закона, поскольку иное ведет к потере юридической силы полученного доказательства. Малейшее несоблюдение правил, закрепленных в УПК РФ, всегда оценивается как нарушение закона, допущенное субъектом расследования. Иное дело применение рекомендаций криминалистической тактики. Криминалистика разрабатывает приемы, рекомендации по производству следственных действий, предназначенные для оптимизации их при-

менения с целью получения убедительных доказательств. Каждый следователь сам определяет целесообразность и необходимость использования в каждой конкретной ситуации какой-либо тактической рекомендации. Главная цель следственного действия – получить качественное и допустимое доказательство. Какие-то рекомендации оказываются эффективными, а какие-то вовсе не применяются в следственной практике. Субъект расследования вправе выбрать применение тактического приема, используя в том числе и накопленный личный опыт по производству следственных действий. Вместе с тем следует помнить, что, если какие-либо рекомендации оказываются закрепленными в тексте норм УПК РФ, то такой прием перестает быть рекомендацией, а становится требованием закона, приобретая процессуальный характер. Поэтому следователь должен комплексно применять правила двух типов – процессуальные и криминалистические, чтобы достичь наилучшего результата в своей деятельности, получая доказательства.

© Есина А. С., 2026

УДК 343.1

Жамкова О. Е. - доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE RIGHTS OF A PERSON IN RESPECT OF WHOM A CRIME REPORT IS BEING CHECKED

Аннотация. Статья посвящена исследованию прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. В статье анализируется проблема неопределенности его процессуального статуса, возникшая после введения ч. 1.1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе анализа судебной практики выявляются риски нарушения его прав на этапе доследственной проверки, обосновывается необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части установления момента приобретения статуса проверяемого лица путем внесения сведений в официальные документы, а также закрепление факта разъяснения прав в процессуальных документах.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, процессуальный статус, адвокат, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, недопустимые доказательства.

Abstract. This article examines constitutional and legal guarantees of the rights of a person undergoing a crime report verification. It analyzes the uncertainty of their procedural status that arose after the introduction of Part 1.1 of Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on an analysis of judicial practice, the risks of violation of their rights during the pre-investigation stage are identified. The need to improve criminal procedural legislation regarding the establishment of the moment when the status of a person under investigation is acquired by entering information into official documents, as well as the recording of the fact of an explanation of rights in the protocol, is substantiated.

Keywords: verification of a crime report, constitutional guarantees, procedural status, lawyer, person in respect of whom a crime report is being verified, inadmissible evidence.

Проверка сообщения о преступлении является одним из этапов стадии возбуждения уголовного дела. Именно на рассматриваемой стадии начинается процесс оценки собранных материалов на их достаточность для использования в уголовном судопроизводстве. Сам факт сообщения о преступлении указывает на обязанность уполномоченных должностных лиц по его принятию, рассмотрению и разрешению. Особенностью этого этапа является ограниченный круг процессуальных действий, что связано с необходимостью минимизации вмешательства в права и свободы граждан. Результаты доследственной проверки документируются и служат основой для принятия решения о дальнейшем движении уголовного дела. Доследственная проверка служит фундаментальной базой для последующего предварительного расследования, так как именно на этом этапе выявляются первичные признаки преступления и собирается информация, а документы, составленные в ходе проверки, используются как источник доказательств.

Одна из целей деятельности в ходе проверки сообщения о преступлении может состоять в том, чтобы установить, содержатся ли признаки преступления в действиях конкретного лица. До 2013 года Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не называл данного участника, не определял объем принадлежащих ему прав. Отсутствие законодательной регламентации соответствующей нормы в главе 2 УПК РФ было компенсировано введением части 1.1 статьи 144, где были изложены отдельные права лиц, участвующих в проверке сообщений о преступлениях. Так, в УПК РФ появилось лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Сегодня положения закона не определяют конкретный момент возникновения соответствующего статуса у лица, не раскрывают его содержания и не указывают на процессуальный акт, удостоверяющий факт разъяснения лицу предоставленных ему прав.

Отсутствие нормативного определения момента, когда лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, приобретает соответствующий правовой статус и определенные права, влечет за собой практические проблемы, которые в последующем могут приводить к отмене или изменению приговора. Так, в судебной практике нередко признаются недействительными протоколы явки с повинной, поскольку лицу не были должным образом разъяснены предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права, включая право на помощь адвоката [1].

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации своим решением отменила обвинительный приговор, по п. п. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство двух лиц [2] в том числе по причине того, что подсудимой не были разъяснены процессуальные права – пользоваться услугами адвоката (т. 5, л. д. 70). Подобные ситуации возникают в связи с тем, что законом не определен момент разъяснения прав, предусмотренных в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в связи с чем суды признают недопустимыми полученные доказательства.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» [3] подчеркивает, что если в процессе проверки сообщения о преступлении, осуществляемой в соответствии со статьей 144 УПК РФ, подсудимый подавал заявление о явке с повинной в письменной или устной форме, и сторона обвинения ссылается на содержащиеся в этом заявлении сведения как на доказательство вины, суд обязан проверить факт того, были ли этому лицу разъяснены его права в соответствии с требованиями части 1.1 статьи 144 УПК РФ при приеме указанного заявления.

Вместе с тем Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 29 марта 2016 года № 11 [4] определяет начало уголовного преследования (в отличие от понятия сформулированного законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ) как момент, с которого в отношении конкретного лица осуществляются процессуальные действия, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо проводятся мероприятия, направленные на установление его причастности к совершению преступления. Анализ данных судебных решений не позволяет точно определить, в какой именно момент уполномоченное должностное лицо обязано принять решение о необходимости разъяснения лицу, участвующему в проверки сообщения о преступлении, его прав и обязанностей.

Наиболее простым выходом в данной ситуации видится закрепление факта ознакомления с правами в одном из документов, фиксирующих повод

для возбуждения уголовного дела. При этом неважно, само лицо явилось рассказать о совершенном преступлении, или это будет сообщение заявителя или очевидца, а может рапорт об обнаружении признаков преступления.

Кроме того, важно нормативно установить момент разъяснения лицу его прав, которые он имеет на этапе доследственной проверки, а также предусмотреть обязательное отражение факта ознакомления с этими правами в соответствующем протоколе.

Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции своим решением от 5 августа 2021 года № 77-2736/2021 отменил приговор и направил дело на новое судебное разбирательство по причине нарушения дознавателем требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и необходимости проверки содержащихся в рапорте оперативного сотрудника сведений о совершенном преступлении, что повлекло признание протокола осмотра места происшествия недопустимым доказательством [5]. Данный пример подтверждает необходимость законодательного закрепления факта разъяснения лицу, в отношении которого ведется проверка, его прав с обязательной фиксацией этого момента в процессуальном документе.

В УПК РФ отсутствуют нормы, закрепляющие какие-либо специальные права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, хотя, именно оно оказывается в наиболее уязвимой позиции. Не наделено оно и правами подозреваемого (обвиняемого). Однако пока нет четких правил, процедура проверки сообщения о преступлении может приводить к злоупотреблениям, что противоречит требованиям законности. Для устранения этих недостатков необходимо разработать и внедрить механизмы, гарантирующие полноценную защиту прав и интересов лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении. Как представляется, такой участник должен обладать:

а) правами, аналогичные тем правам и обязанностям, которыми обладают другие участники первого этапа уголовного судопроизводства. В данную группу могут быть включены такие права, как, например, давать объяснения, в том числе и на родном языке; отказаться от дачи объяснений; пользоваться помощью переводчика; приносить жалобы на действия и бездействия и решения и т. д. Объяснения, полученные на этапе возбуждения уголовного дела, являются важным элементом доследственной проверки, позволяющим выяснить обстоятельства произошедшего события, они могут быть даны как очевидцами, так и лицами, в отношении которых ведется проверка, и представляют собой один из источников информации для оценки наличия признаков преступления. При получении объяснений особое внимание уделяется соблюдению процессуальных норм, чтобы исключить возможность давления или искажения информации;

б) правами участника следственного действия, которое разрешено проводить до возбуждения уголовного дела. Сюда могут быть включены

и те права, которые отнесены первой из указанных групп, и иные, например, заявлять ходатайства и отводы; право пользоваться помощью адвоката. Следует отметить, что уголовно-процессуальным законом закреплено одновременное право лица пользоваться услугами и адвоката, и защитника. Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ устанавливает право всех участников проверки сообщения о преступлении пользоваться услугами адвоката. Однако наравне с правом на адвоката, лицо, в отношении которого проводится проверка, имеет право и на защитника. Данная норма закреплена в п. 6 ч. 2 ст. 49 УПК РФ, в соответствии с которой защитник участвует в деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права такого лица. Часть 1 ст. 49 УПК РФ устанавливает, что защитник выступает в качестве лица, оказывающего помощь подозреваемым и обвиняемым. Получив ордер на выполнение соответствующего поручения, адвокат приступает к участию в уголовном процессе в качестве защитника конкретного подозреваемого, обвиняемого. Остается неясным, в каком качестве – адвоката или защитника – следует оказывать помощь лицу, в отношении которого ведется проверка? Может ли быть защитник у лица, который еще не имеет статус подозреваемого, обвиняемого? Может ли адвокат реализовывать в полном объеме полномочия защитника в отношении такого лица, в том числе полномочия по собиранию доказательств, регламентированные ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Несомненно, в правоприменении обеспечивается право на адвоката, что более всего соответствует положению закона;

в) права лица, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия, которые включают: осведомленность о причинах проводимой проверки; доступ к заявлению (сообщению) о предполагаемом преступлении; предоставление собственных доказательств; участие в следственных действиях, проводимых по ходатайству данного лица.

Обеспечение прав и свобод лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, представляется ключевым условием реализации базовых принципов уголовного судопроизводства. Наличие неопределенности в правовом положении данного субъекта значительно затрудняет реализацию его интересов на начальном этапе уголовного судопроизводства. Особенную значимость приобретает своевременное ознакомление такого лица с нормами закона, предусматривающими перечень его правомочий. Значимым элементом является своевременное информирование лица о его правах и обязанностях, способствующее обеспечению открытости и законности проводимых процессуальных действий. Одной из важнейших гарантий служит право на доступ к квалифицированной юридической помощи. При этом все процессуальные документы, касающиеся проверки, должны быть составлены в строгом соответствии с требованиями закона, чтобы избежать ошибок и злоупотреблений, а взаимодействие между лицом и правоохранительными органами должно строиться на принципах

открытости и взаимного уважения, способствуя успешному проведению проверки.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2020 г. № 55-56/2020; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 г. № 5-УД20-53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 53-АПУ19-23сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. № 2 (277). 2016. 7 декабря.

4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // Российская газета. № 72. 2016. 6 апреля.

5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2021 г. № 77-2736/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Жамкова О. Е., 2026

УДК 343.132.4

Ильясова Р. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ON THE QUESTION OF APPLICATION OF SOCIAL, LEGAL AND FORENSIC PRINCIPLES IN INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING MINORS

Аннотация. В статье исследуется специфика производства следственных действий в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Автор обосновывает положение о том, что сочетание возрастной уязвимости и публичного интереса к установлению истины по делу требует интеграции уголовно-процессуальных норм, криминалистических тактических разработок и положений психологической науки. Подробно анализируются тактические приемы допроса, критерии установления психологического контакта, а также особенности проведения очной ставки, следственного эксперимента и назначения экспертиз. Делается вывод о том, что качество доказывания по данной категории дел напрямую зависит от способности следователя обеспечить психологическую безопасность несовершеннолетнего участника судопроизводства.

Ключевые слова: несовершеннолетний участник, уголовно-процессуальная деятельность, тактика следственных действий, психологический контакт, допрос несовершеннолетнего, очная ставка, судебно-психологическая экспертиза, процессуальные гарантии.

Abstract. This article examines the specifics of investigative actions involving minors. The author substantiates the position that the combination of age-related vulnerability and public interest in establishing the truth in a case requires the integration of criminal procedural norms, forensic tactical developments and the provisions of psychological science. The book analyzes in detail interrogation tactics, criteria for establishing psychological contact, as well as the specifics of conducting a confrontation, investigative experiments, and ordering expert examinations. It is concluded that the quality of evidence in this category of cases directly depends on the investigator's ability to ensure the psychological safety of the minor participant in the proceedings.

Keywords: minor participant, criminal procedure activity, investigative tactics, psychological contact, interrogation of a minor, confrontation, forensic psychological examination, procedural guarantees.

Анализ современного состояния преступности несовершеннолетних в Российской Федерации свидетельствует о сохранении устойчивого уровня криминальной активности среди лиц, не достигших совершеннолетия. Изучение статистических данных, опубликованных Министерством внутренних дел Российской Федерации, позволяет проследить динамику соответствующих показателей в сравнительной перспективе. Так, согласно официальным сведениям, в 2025 г. – 29 065; в 2024 г. – 21 069; в 2023 г. – 22 340; в 2022 г. – 26 305; в 2021 г. – 29 126 [1]. Указанные цифры позволяют констатировать сохранение количественно высокого уровня подростковой преступности, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов уголовно-правового воздействия и процессуального регулирования. Помимо проблемы совершения преступлений самими несовершеннолетними, не менее значимым остается вопрос о совершении преступлений с и в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Сфера уголовного судопроизводства, затрагивающая интересы несовершеннолетних лиц, традиционно признается одной из наиболее чувствительных и требующих повышенного внимания. Психическая незрелость, незавершенность социального становления и повышенная внушаемость подростка создают предпосылки для формирования особого правового режима. Законодатель, введя в действие в главу 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] комплекс специальных правил, стремится обеспечить баланс между потребностью общества в раскрытии преступлений и необходимостью оградить несовершеннолетнего от чрезмерных психоэмоциональных нагрузок и вероятных следственных ошибок.

Однако наличие детальной нормативной базы не является исчерпывающим условием справедливого правосудия. Реализация предписаний закона обретает реальное содержание лишь через призму тактических решений, принимаемых следователем. Данные решения должны опираться на достижения криминалистики, юридической психологии и педагогики. Рассмотрение этого комплексного механизма в единстве его правовых и психолого-тактических компонентов составляет цель настоящего исследования.

Центральным элементом доказывания по делам данной категории выступает допрос. Вне зависимости от процессуального статуса (подозреваемый, потерпевший, свидетель) это действие требует от следователя особой деликатности. Эффективность допроса обеспечивается синтезом двух факторов: неукоснительным соблюдением процессуальных гарантий (участие

защитника, законного представителя, а в установленных ч. 1, 3 ст. 425 УПК РФ случаях – педагога или психолога) и грамотным использованием тактического инструментария, основанного на психологических закономерностях.

Как верно подчеркивают в своих работах И. А. Фомина и Е. В. Горбачева, расследование по делам с участием несовершеннолетних неизбежно сопряжено с трудностями, происходящими из их возрастной специфики и социально-психологических характеристик [3]. Это обстоятельство актуализирует необходимость предварительной подготовки, включающей всесторонний анализ личности будущего участника: его возрастных параметров, когнитивных способностей, семейного окружения и текущего эмоционального фона [4].

Базовым условием продуктивного диалога выступает установление психологического контакта. В криминалистической доктрине под ним понимается формирование системы взаимоотношений, способствующей открытому общению и минимизации внутреннего сопротивления допрашиваемого [5]. Достижение такого контакта невозможно без учета пространственно-временных факторов. Ф. С. Сафуанов и Н. К. Харитонова справедливо отмечают, что проведение допроса в нейтральной, но эргономичной среде (в том числе в специализированных комнатах) позволяет значительно снизить уровень тревожности подростка и стимулирует его к сотрудничеству [6].

Закрепленные в ч. 1 ст. 425 УПК РФ временные ограничения (до 2 часов непрерывно и до 4 часов суммарно за день) выполняют не только правовую, но и важную охранительно-психологическую функцию, предотвращая истощение нервной системы несовершеннолетнего. В процессе коммуникации предпочтение следует отдавать приемам нерепрессивного воздействия: постановке ассоциативных вопросов, перефразированию, предоставлению возможности свободного рассказа. Указанные методы направлены на снятие стресса, активизацию памяти и укрепление доверительных отношений [7].

Применение технических средств фиксации, в частности аудио- и видеозаписи, служит двойной целью. С одной стороны, это гарантия допустимости полученных доказательств, с другой – дополнительный инструмент контроля за соблюдением прав подростка, позволяющий впоследствии объективно оценить ход процедуры.

Деятельность следователя не исчерпывается допросом. Такие действия, как очная ставка, следственный эксперимент и проверка показаний на месте требуют еще более тщательной адаптации к особенностям подростковой психики.

Очная ставка по своей природе является провокационным действием. Прямое столкновение позиций может разрушить ранее достигнутый психологический контакт и спровоцировать несовершеннолетнего на отказ

от правдивых показаний под воздействием страха, стыда либо давления иного участника [8]. В этой связи принятие решения о проведении очной ставки должно быть тактически мотивированным.

Ключевая сложность видится в том, что несовершеннолетний, опасаясь встречи с другим участником (особенно со взрослым соучастником), способен исказить информацию. Следователь обязан минимизировать эти риски, обеспечив максимальную поддержку со стороны защитника и психолога. Критическое значение приобретает очередность допроса. При разновозрастном составе участников первым целесообразно допрашивать подростка, чтобы исключить возможность внушения. В ситуации с двумя несовершеннолетними разного возраста приоритет отдается младшему. Лишь в случае соучастия сверстников применимо общее правило: первым допрашивается лицо, дающее, по убеждению следователя, правдивые показания. Сама процедура допроса должна включать этап «включения» в беседу. Готовностью к диалогу может служить осознанный утвердительный ответ на простые вопросы о целях участия в следственном действии. Далее следует стадия свободного рассказа, в ходе которой вмешательство следователя минимально. Особого внимания заслуживает наблюдение за вербальными и невербальными реакциями: использование шаблонных фраз, несоответствующих возрасту выражений, проявления неуверенности или агрессии могут сигнализировать о внешнем воздействии на подростка либо о неискренности его позиции [9].

Следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) и проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) предъявляют повышенные требования к организации безопасности. Моделирование обстановки события способно оказать психотравмирующее воздействие. Тактика проведения данных действий должна включать щадящий инструктаж, четкое распределение ролей и непрерывный мониторинг психоэмоционального состояния несовершеннолетнего. Приоритетной задачей здесь выступает не столько формальное воспроизведение действий, сколько анализ особенностей восприятия и памяти подростка в условиях, приближенных к реальным [10].

По делам с участием несовершеннолетних экспертные исследования нередко приобретают значение системообразующего фактора доказывания. Наибольшее распространение получили три вида экспертиз: судебно-психиатрическая – устанавливающая наличие или отсутствие психических расстройств, влияющих на вменяемость; судебно-психологическая – предметом которой выступает оценка уровня интеллектуального и эмоционально-волевого развития, способности подростка осознавать фактическую сторону своих поступков и руководить ими, а также его способности адекватно воспринимать события и воспроизводить их в ходе допроса (п. 3 ч. 2 ст. 421 УПК РФ) [11], при этом данные выводы критически важны для оценки достоверности показаний; комплексная психолого-психиатрическая экспер-

тиза – позволяющая дифференцировать возрастную незрелость от патологических состояний и разрешать вопросы о соответствии паспортного возраста фактическому психофизическому развитию [12].

Экспертные заключения не только формируют доказательственную базу, но и оказывают существенное влияние на выбор меры пресечения, юридическую квалификацию деяния и назначение наказания. Кроме того, они выступают научно обоснованным ориентиром для определения следователем оптимальной тактики последующих процессуальных действий. Таким образом, проведенный анализ позволяет рассматривать производство следственных действий с участием несовершеннолетних как специализированное направление уголовно-процессуальной деятельности, базирующееся на синтезе права, криминалистической тактики и психологической науки. Критерием качества данной деятельности выступает не только достижение целей доказывания, но и степень сохранности психического благополучия несовершеннолетнего, соблюдение его законных интересов. Подобная двойственность предъявляет повышенные требования к личности следователя, его профессиональной эмпатии, тактической гибкости и неуклонному следованию принципам гуманизма в правоприменении.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности за 2021 г., 2022 г., 2023 г., 2024 г., 2025 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 16.02.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

3. Фомина И. А., Горбачева Е. В. Отдельные аспекты участия педагога или психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Вопросы судопроизводства и криминалистики. 2018. № 3 (82). С. 94–99.

4. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Тактические особенности подготовки допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Вестник криминалистики. 2020. № 4 (68). С. 58–65.

5. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика : учебник для вузов. М. : Проспект, 2021. 768 с.

6. Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К. Психологические аспекты производства следственных действий с участием несовершеннолетних : проблемы и рекомендации // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 26–42.

7. Комиссаров В. И., Тарасов А. А. Тактика допроса несовершеннолетних : теоретические основы и практические рекомендации. М. : Юрлитинформ, 2019. 192 с.

8. Будников В. Л., Макаренко И. А. Особенности проведения очной ставки с участием несовершеннолетнего // Российский следователь. 2021. № 5. С. 12–16.

9. Сафронова А. В., Чаплыгина В. Н. Некоторые аспекты реализации прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в досудебном производстве // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики : сборник научных статей / редкол. Н. В. Морозова [и др.]. Орел, 2021. С. 98–108.

10. Быков В. М., Тетюев С. В. Тактика следственного эксперимента и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних // Законность. 2019. № 8. С. 45–48.

11. Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : научно-практическое пособие. М. : Генезис, 2018. 464 с.

12. Шипшин С. С., Овсянников И. В. Судебные экспертизы по делам несовершеннолетних : комплексный подход. СПб. : Р. Асланов, 2020. 176 с.

© Ильясова Р. Р., 2026

УДК 343.13

Имаева Ю. Б. – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE IN THE CONTEXT OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE

Аннотация. Рассматривается проблемы и недостатки реализации презумпции невиновности как принципа уголовного судопроизводства. Автор, рассматривая данную тему, приводит примеры из практики, подтверждающие наличие пробелов в законодательном урегулировании, своими аргументами доказывает важность указанной темы.

Ключевые слова: презумпция невиновности, мера пресечения, заключение под стражу, суд, виновность.

Abstract. The article analyzes the relationship between the principle of the presumption of innocence and the institution of preventive measures in the Russian criminal process, and examines the theoretical and practical aspects of their interaction. Special attention is paid to the justification that the selection of a preventive measure does not violate the presumption of innocence, but rather serves as a safeguard to achieve the goals of justice.

Keywords: presumption of innocence, preventive measure, detention, court, guilt.

Презумпция невиновности подразумевает под собой то, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК РФ). С. В. Зуев определяет виновность как субъективную либо общественную характеристику, которая определяет наличие ответственности за совершенные деяния [1]. Презумпция понимает под собой признание какого-либо обстоятельства достоверным до тех пор, пока не будет доказано иное. О важности и значимости рассматриваемого принципа как гаранта всестороннего и полного рассмотрения всех обстоятельств преступления говорит и закрепление его в ст. 49 Конституции Российской Федерации.

Принцип презумпции невиновности законодательно закрепляет невиновность подозреваемых до тех пор, пока приговором суда не будет установлена его виновность. Ни один субъект, участвующий на стадии следствия, не имеет права считать подозреваемого (обвиняемого) истинно виновным в совершенном преступлении. Как указывалось ранее, лишь суд на основании собранных доказательств имеет право признавать лицо виновным. Что касается приговора суда, то обвиняемое лицо будет считаться виновным с момента вступления приговора суда в законную силу, а до вступления приговора суда необходимо истечение сроков апелляционного обжалования. Итак, согласно вышесказанному инкриминируемое лицо невиновно от стадии возбуждения уголовного дела до вступления обвинительного приговора суда в законную силу [2].

Если с точки зрения нормативного определения правоприменителю все понятно, то на практике все обстоит намного сложнее, это связано с тем, что к лицу, чья вина еще не доказана, могут применятся меры принуждения, в т. ч. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно статистическим данным российским судом за 2024 г. было удовлетворено 165 601 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу из 186 118 (т. е. 88,9 %) [3]. Местами содержания под стражей после избрания меры пресечения является следственный изолятор, условия содержания в котором приравниваются к условиям содержания в исправительной колонии общего режима [4]. Это вызывает вопросы о соответствии таких мер духу презумпции невиновности, поскольку к лицам, чья вина еще не доказана, могут применяться меры пресечения, в том

числе заключение под стражу (для предотвращения побега, воспрепятствования расследованию и т. д.). Однако такие меры фактически ограничивают свободу человека, который по закону все еще считается невиновным.

Современная уголовно-процессуальная доктрина постулирует, что применение мер процессуального принуждения должно быть обусловлено исключительно наличием совокупности объективных данных, свидетельствующих о реальной, а не гипотетической угрозе уклонения подозреваемого (обвиняемого) от дознания, следствия или суда либо иного противоправного воздействия на производство по делу. Вместе с тем в отечественной правоприменительной практике наблюдается устойчивая тенденция к формализации оснований избрания указанных мер. Данная тенденция выражается в подмене индивидуализированного анализа конкретных обстоятельств дела абстрактными и оценочными формулировками (например, «может скрыться», «может воспрепятствовать производству по делу»), что может вызвать определенное недоверие к соблюдению принципа презумпции невиновности при избрании меры пресечения, обусловленное возможностью ограничения прав и свобод лица до вынесения окончательного приговора. Такое недоверие вызвано опасениями, что превентивные меры могут восприниматься как предвосхищение виновности, а сам факт их применения – как косвенное признание лица виновным.

Не вдаваясь в дискуссию отметим, что при рассмотрении ходатайства о заключении лица под стражу, суд, анализируя обоснованность подозрения или обвинения в причастности лица к совершенному преступлению, не входит в обсуждение вопроса о виновности этого лица в том смысле, в каком данный вопрос рассматривается в судебном заседании по существу и при постановлении приговора. Признавая при решении вопроса о применении меры пресечения подозрение или предъявленное обвинение необоснованным или необоснованным, суд лишь констатирует недостаточность или достаточность оснований для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу. Вопрос же о виновности лица с окончательным его решением в форме судебного приговора остается открытым. Судья, заключая лицо под стражу или отказывая в этом в досудебном производстве, нисколько не посягает на прерогативу суда первой инстанции признавать лицо виновным от имени государства. Тем самым презумпция невиновности как юридически обязывающая действовать определенным образом установка полностью сохраняет для него свое значение. Если же ему в дальнейшем доведется рассматривать уголовное дело в отношении данного лица по существу, он, руководствуясь презумпцией невиновности, обязан будет абстрагироваться от сделанного им ранее и отнюдь не исключающего последующей корректировки вывода о причастности лица к преступлению. Судье полагается при рассмотрении дела по существу исходить именно из невиновности обвиняемого (ставшего подсудимым), пока юридически обязательное предположение о невиновности не будет полностью опровергнуто стороной

обвинения предъявлением надлежащей совокупности обвинительных доказательств в ходе судебного разбирательства с постановлением, соответственно, обвинительного приговора.

Библиографический список

1. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс : учебник. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 563 с.
2. Шаталов А. С. Принципы уголовного судопроизводства : учебно-методическое пособие. М. ; Берлин : Директ Медиа, 2016. 177 с.
3. Обзор судебной статистики Российской Федерации. URL: https:// stat.апи-пресс.рф/ (дата обращения: 03.03.2026).
4. Литой А., Дурново Г. Закон о зачете срока в СИЗО : как он будет работать // ОВД-Инфо. URL: https://ovdinfo.org/ (дата обращения: 04.03.2026).

© Имаева Ю. Б., 2026

УДК 343.1

Ирназарова Г. З. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГРУППОЙ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

CURRENT ISSUES ARISING DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES BY AN INVESTIGATIVE TEAM

Аннотация. Институт группы следователей, будучи эффективным инструментом расследования сложных уголовных дел, порождает комплекс вопросов, связанных с внутренней организацией его деятельности. Наиболее значимыми в указанном контексте становятся оптимальное распределение обязанностей между участниками такого коллектива и обеспечение баланса между коллегиальностью и процессуальной самостоятельностью каждого следователя. Рассмотрению указанной проблематики, возникающей в ходе расследования преступлений группой следователей, и посвящена данная публикация.

Ключевые слова: предварительное расследование, группа следователей, проблемы расследования, предварительное расследование, процессуальное оформление, делегирование обязанностей.

Abstract. The institution of a joint investigation team, being an effective tool for investigating complex criminal cases, raises a range of issues related to the internal organization of its activities. The most significant in this context are the optimal distribution of duties among team members and ensuring a balance between collegiality and the procedural independence of each investigator. This publication is devoted to the examination of these issues arising during the investigation of crimes by a team of investigators.

Keywords: preliminary investigation, **i**nvestigative group, challenges in investigation, pre-trial investigation, procedural documentation, delegation of duties.

Группа следователей – это специально созданный орган предварительного расследования, состоящий из нескольких следователей одного или разных ведомств, объединенных для производства предварительного следствия по конкретному уголовному делу, обладающему общественной опасностью, сложностью или большим объемом работы. Последние изменения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) акцентируют внимание на процессуальной самостоятельности следователя, которая в условиях групповой работы приобретает специфические черты [1, с. 7]. В соответствии с ч. 1 ст. 163 УПК РФ производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе, которая создается на основании постановления руководителя следственного органа.

Целями создания группы следователей согласно ст. 6 УПК РФ являются: обеспечение всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершенного преступления, благодаря распределению направления работы между ее членами; повышение оперативности производства по уголовным делам, т. к. групповая форма организации труда дает возможность параллельно осуществлять несколько процессуальных действий: проводить обыски и выемки в разных местах, одновременно допрашивать нескольких подозреваемых и свидетелей, что существенно ускоряет сбор и фиксацию доказательственной информации, предотвращает ее утрату или фальсификацию [2, с. 289]; обеспечение специализации и компетентности расследования; укрепление законности и защита прав участников уголовного судопроизводства в связи с повышением требований к качеству доказательств, предъявляемых стороной обвинения в суде [3, с. 680].

Исходя из целей создаваемой группы руководитель следственного органа определяет направление работы, которое может осуществляться по предметному или территориальному принципу. Согласно предметному принципу за каждым участником закрепляется категория следственных действий [4, с. 106]. Например, один следователь отвечает за сбор и исследова-

ние вещественных доказательств, другой занимается допросом лиц, подлежащих привлечению в качестве подозреваемых и обвиняемых, следующий отвечает за производство различного рода судебных экспертиз. В свою очередь территориальный принцип распределения обязанностей применяется при расследовании многоэпизодных дел либо преступлений, совершенных в разных точках местности, когда за каждым следователем закрепляется расследование конкретного эпизода уголовного дела или производство следственных действий на определенной территории, что экономит время и помогает оперативности расследования. Однако наиболее плодотворным оказывается смешанный, комбинированный подход, включающий в себя элементы предметного и территориального распределения обязанностей. Определяя принцип работы, руководитель следственного органа несет ответственность за законность и эффективность принимаемых организационных решений [5, с. 158].

Каждый участник группы, в пределах делегированных ему руководителем группы или руководителем следственного органа полномочий, самостоятельно оценивает доказательства, выдвигает следственные версии, принимает решения о возбуждении ходатайств, избрании меры пресечения, приостановлении и возобновлении производства по делу на своем участке работы согласно ст. 38 УПК РФ. Однако регулирование выполняет руководитель группы, назначаемый из числа следователей, не ограничивая процессуальную самостоятельность других участников. В то же время, принятие наиболее ответственных процессуальных решений, таких как предъявление обвинения или направление дела в суд, остается функцией того следователя, в производстве которого теоретически находится уголовное дело, либо требует коллегиального обсуждения и санкции руководителя следственного органа [6, с. 70]. Таким образом, в группе возникает двойственность в управлении: с одной стороны, оперативное и методическое руководство со стороны руководителя группы, а с другой – соблюдение процессуальной самостоятельности каждого члена коллектива при принятии решений, имеющих юридическое значение.

В рамках действующих нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по расследованию преступлений в контексте межведомственного сотрудничества, возникают сложности в распределении обязанностей и предоставлении процессуальной самостоятельности. Следователи различных ведомств могут руководствоваться отраслевыми нормативными актами. В связи с чем, руководителю указанной межведомственной группы необходимо организовать работу, скоординировать методы, а также обеспечить конструктивное сотрудничество между представителями разных систем, гарантировав при этом, что структурная подчиненность не повлияет на процессуальный статус и самостоятельность каждого участника [7, с. 88].

Недостаточная степень регулирования взаимодействия между руководителем следственной группы и ее участниками проявляется в отсутствии

конкретных процессуальных норм в отношении распределения задач и направления хода расследования. С одной стороны, отсутствие необходимости документального оформления данных организационных вопросов позволяет избежать потери времени, с другой стороны, ввиду того, что взаимоотношения внутри следственной группы носят уголовно-процессуальный характер, отсутствие соответствующих регулирующих норм не позволяет в полной мере отразить правовую природу данных взаимоотношений [8, с. 142].

Кроме того, на наш взгляд, одной из главных проблем выступает координация действий следователей в ходе производства конкретного следственного действия. Когда в допросе, обыске, осмотре места происшествия или следственном эксперименте участвуют несколько процессуально самостоятельных фигур, возникает закономерный вопрос о распределении ролей и ответственности. Теоретически руководитель следственного органа или руководитель группы определяет, какой именно следователь осуществляет непосредственное руководство действием. Однако на практике возможны ситуации размывания персональной ответственности, когда участники группы вкладывают в процесс различное понимание тактики, последовательности операций, что может привести к снижению качества получаемых доказательств. Например, при групповом допросе подозреваемого несогласованность в вопросах, задаваемых разными следователями, способна разрушить логику изобличения, создать противоречивую картину, которую впоследствии сложно будет оценить в суде. Процессуальное законодательство, закрепляя принцип самостоятельности, недостаточно детально регламентирует механизм ее реализации в условиях синхронного участия нескольких следователей в одном действии.

Следующая проблема касается процессуального оформления результатов совместно произведенного следственного действия. Согласно нормам УПК РФ, протокол подписывается всеми участвовавшими в действии лицами. Но сам протокол часто составляет один из следователей, что порождает вопрос о полноте и объективности отражения в нем хода и результатов мероприятия. Другие участники, подписывая документ, по сути, присоединяются к его содержанию, которое могло быть сформулировано без их непосредственного смыслового участия. Особую сложность представляет ситуация, когда один из участников группы не согласен с отдельными формулировками или выводами, зафиксированными в протоколе. Действующая процедура не предлагает четкого механизма выражения такого несогласия, что может нарушать принцип самостоятельности и создавать почву для будущих судебных споров о допустимости доказательства. Сложность в организации производства следственных действий группой усугубляется при необходимости их проведения в разных географических точках, но в рамках единого плана расследования. Синхронные обыски у соучастников преступления, проводимые разными составами группы, требуют высочайшей степени

согласованности, обеспечения оперативной связи, единой тактики. Любой сбой в координации способен привести к утрате доказательств, их сокрытию или уничтожению лицами, получившими информацию о действиях следствия. Мы согласны с М. С. Лубягиным, который считает, что проблема состоит в создании эффективной системы управления такими распределенными действиями, при которой сохранялась бы инициатива и самостоятельность «периферийных» групп, но их работа оставалась бы строго подчиненной общей цели [4, с. 118].

Еще одной, по нашему мнению, важной проблемой является обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий группой. Участие нескольких следователей может создавать психологическое давление на допрашиваемое лицо, восприниматься как элемент «чрезмерного» принуждения. Закон требует разъяснения прав и обязанностей, но не конкретизирует, каким образом должно осуществляться такое разъяснение при коллективном участии – достаточно ли его однократного проведения одним следователем или требуется подтверждение от каждого, что дает основания для оспаривания действий защиты в суде.

Проблема распределения обязанностей оказывает влияние и на процессуальное оформление окончания предварительного расследования, так как все следственные действия и процессуальные решения, осуществленные конкретным следователем, оформляются им лично, но окончательные процессуальные документы, такие как обвинительное заключение или обвинительный акт готовятся коллегиально, при непосредственном участии руководителя группы и подписываются всеми следователями, принимавшими участие в производстве по делу.

Подводя итоги можно отметить, что развитие законодательства требует разработки более четких методических рекомендаций по организации групповой работы и разграничении компетенции руководителя группы и членов группы, а также в усилении судебного и прокурорского контроля за соблюдением процессуальных прав всех участников процесса при расследовании следственной группой. Кроме того, пути решения вышеуказанных проблем нам видятся в комплексном совершенствовании законодательной базы и ведомственной методической работы. Существенную значимость имеет разработка и закрепление в УПК РФ более подробного регламента производства следственных действий группой следователей. В связи с чем необходимо предусмотреть обязательное назначение ответственного руководителя конкретного действия из числа участников группы, который координировал бы его ход, но без ущерба для права других следователей задавать вопросы, вносить предложения. Его роль следовало бы законодательно определить как роль арбитра, обеспечивающего тактическое единство, при сохранении за всеми участниками равного процессуального статуса.

Для решения проблемы процессуального оформления необходим механизм фиксации возможных особых мнений. В случае несогласия одного или нескольких следователей с содержанием протокола им должна быть предоставлена возможность изложить свое мнение в письменной форме с последующим приобщением к материалам уголовного дела. Данная мера не только усилила бы гарантии процессуальной самостоятельности, но и повысила бы качество протоколов, делая их подготовку более ответственной и коллегиальной.

Повышению эффективности организации распределенных действий способствовало бы внедрение современных цифровых технологий. Создание защищенных каналов оперативной видео- и аудиосвязи между группами, проводящими действия в разных локациях, позволило бы руководителю расследования в реальном времени координировать их работу, своевременно реагировать на изменение обстановки. Такие технические средства стали бы инструментом, усиливающим как координацию, так и право принятия решений исполнителями на местах.

В области защиты прав личности важным шагом стало бы закрепление в законе правила о доверительном разъяснении прав участникам процесса старшим по должности следователем в группе с последующим устным подтверждением понимания этих прав от каждого присутствующего следователя.

Таким образом, разрешение проблем производства следственных действий группой следователей лежит на пути поиска баланса между гибкостью организационных структур и четкостью процессуальных процедур.

Библиографический список

1. Смирнова И. Г., Лубягин М. С. Производство предварительного следствия следственной группой в российском уголовном судопроизводстве. М., 2025.

2. Алексеев И. М. и др. Уголовно-процессуальное право : учебник. СПб., 2023.

3. Илларионов Р. А., Теплякова О. А. Понятие «следственная группа» и проблемы, возникающие при ознакомлении с постановлением о ее создании // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности. М., 2024. С. 680–684.

4. Лубягин М. С. Некоторые аспекты производства предварительного следствия следственной группой в российском уголовном судопроизводстве: через призму экспертного мнения // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 1. С. 106–120.

5. Тарасов А. А. Следственные группы в современном уголовном процессе России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1. С. 157–162.

6. Захарова В. О. Производство предварительного следствия следственной группой: ошибки и рекомендации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Орел, 2023. С. 69–71.

7. Страхова С. В. Следственная группа как форма организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации // Криминалист. 2024. № 3. С. 87–95.

8. Кулев А. Г. Уголовно-процессуальный статус следственной группы // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 137–150.

© Ирназарова Г. З., 2026

УДК 343.131

Исанбаев И. С. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURE DETENTION ON THE EXAMPLE OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Аннотация. В статье автором рассмотрены некоторые проблемные вопросы, возникающие при применении меры процессуального принуждения, – задержание подозреваемого в сравнении уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, акцентируя внимание на эффективности указанной меры по законодательству Республики Таджикистан.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, задержание лица, момент фактического задержания, уголовно-процессуальное задержание, возбуждение уголовного дела, мера процессуального принуждения, уголовно-процессуальное законодательство.

Abstract. In this article, the author examines some problematic issues that arise when applying the procedural coercion measure of detaining a suspect, comparing the criminal procedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, and focusing on the effectiveness of this measure under the legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: detention of a suspect, detention of a person, the moment of actual detention, criminal procedural detention, initiation of a criminal case, measure of procedural coercion, criminal procedural legislation.

При осуществлении реализации меры принуждения в виде задержания происходит прямое ограничение прав и законных интересов граждан, что выражается в непосредственном ограничении права лица на свободу. В соответствии с Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаны высшей ценностью, в то же время допускается их ограничение на основании положений, специально принятых нормативных правовых актов.

В процессе задержания, исходя из того, что обозначенная мера принуждения имеет нормативное правовое закрепление, а также формализованный порядок, могут возникать различного рода нарушения уголовно-процессуального законодательства со стороны лиц, осуществляющих задержание.

В связи с изложенным, на первый план выходят проблемы реализации прав и законных интересов лиц, к которым применены меры уголовно-процессуального принуждения в целом, и задержания в частности.

В уголовно-процессуальной науке существует немало работ, которые исследуют цель, основания, условия, мотивы или порядок применения задержания, нашедшие свое отражение в положениях уголовно-процессуального законодательства. По нашему мнению, исследование института задержания в уголовно-процессуальной деятельности должно осуществляться в привязке к процессуальному статусу подозреваемого, а также вопросам реализации его прав, как задержанного. Такой подход позволит эффективно рассмотреть указанный уголовно-процессуальный институт и выявить наиболее острые проблемы его применения, обеспечив выявление проблемных зон и необходимых путей модернизации рассматриваемого уголовно-процессуального института.

Задержание, как уголовно-процессуальная мера принуждения, является достаточно востребованной в деятельности органов предварительного расследования. Актуальность применения задержания обуславливается множеством факторов, включая необходимость пресечения противоправной деятельности, а также обеспечения должного осуществления предварительного расследования. Задержание может являться необходимым связующим звеном для применения мер пресечения. Актуальность рассмотрения обозначенных вопросов обуславливается и тем, что за последние годы, правоохранительным органам не удается снизить количество совершаемых преступлений. Так, только за 2025 год было зарегистрировано почти 1 771,2 тыс. преступлений, выявлено 594,9 тыс. лиц, совершивших преступления [1].

Законодатель в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК ФР) под задержанием подозреваемого понимает меру процессуального принуждения, которая применяется органом дознания, дознавателем или следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее – УПК РТ), в ст. 6, в которой указаны основные понятия, используемым в кодексе, понятие задержание подозреваемого не указано. Вместе с тем, в отличие от УПК РФ, в которой речь идет о задержании подозреваемого, глава 11 УПК РТ включает в себя более широкое понятие задержания, а именно задержание лица. В ней говорится, как и о задержании подозреваемого в совершении преступления, так и о задержании лица, являющимся обвиняемым, подсудимым и осужденным. По смыслу ст. 91 УПК РТ, задержание лица состоит в доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в специальных местах, определенных законом.

Отдельные исследователи, осуществляя оценку уголовно-процессуального регламентирования категории задержания, а также эффективность их реализации в практике правоприменения, стараются обратить внимание на отсутствие в нормах УПК РФ закрепленных целей его осуществления. Вместе с тем, реализация любого уголовно-процессуального механизма должна иметь свои цели осуществления, тем более, когда речь заходит о мере принуждения, которая связана с применением к лицу процедуры, напрямую ограничивающей право его свободы [2].

К примеру, в положениях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в ст. 27.1 указываются цели административного задержания, среди которых пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, а также обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления.

По аналогии с КоАП РФ, среди целей уголовно-процессуального задержания необходимо рассматривать: выяснение причастности к совершению преступления, разрешение вопросов о необходимости применения того или иного вида меры пресечения, а также достижение целей исключения совершения дальнейших противоправных действий и возможности скрыться от уголовного преследования [3].

В научной среде выделяют два вида задержания, которые имеют место в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Первое задержание относится к фактическому задержанию, второе к уголовно-процессуальному, начинающемуся с момента составления протокола задержания [3]. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство должным образом не регламентирует вопросы осуществления фактического задержания лица, что на наш взгляд, может существенным образом нарушать права и законные интересы задержанного.

Выделение двух самостоятельных видов задержания, по мнению исследователей, связано с попыткой нейтрализовать правовой пробел, связанный с временной ямой, которая образуется в период между фактическим и уголовно-процессуальным задержанием. Существуют примеры, когда временной период исчисляется часами. В связи с эти происходят различного рода спекуляции, которые влияют на реализацию прав и законных интересов подозреваемого.

Безусловно, лицо ограничивается в правах, включая право на свободу уже с момента фактического задержания и осуществления его доставления, то есть тех действий должностных лиц, которые связаны с его препровождением в служебные помещения правоохранительных органов. Однако срок обозначенного доставления не урегулирован, в связи с чем, оно может осуществляться в течение неопределенного времени. УПК РФ в ст. 5 закрепляет понятие фактического задержания лишь с фактическим лишением свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Но помимо фактического лишения свободы передвижения лица, со стороны лиц, проводящих задержание, следуют и иные ограничения свобод задержанного, включая свободу каких-либо действий, таких как например общение с иными лицами, пользование сотовым телефоном и доставление указанного лица в правоохранительные органы.

В этой связи представляет интерес определение момента фактического задержания по УПК РТ в ст. 6 которого более широко трактуется момент фактического задержания, с указанием помимо свободы передвижения, также принудительного удержания, доставления в правоохранительные органы, запрет осуществления каких-либо действий. При этом временные рамки доставления задержанного в правоохранительные органы, как и в Российской законодательстве, не урегулированы, что можно понять, так как время доставления задержанного может варьироваться от фактических обстоятельств, не всегда зависящих от лиц, проводивших задержание.

Представляет интерес и другой вопрос, время доставления задержанного к следователю или в орган дознания и соответственно временной промежуток составления протокола задержания. Так, в соответствии со ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен в течение трех часов с момента доставления задержанного к следователю или орган дознания. Но время доставления задержанного к следователю или орган дознания нигде не фиксируется. Исходя из времени составления протокола задержания можно предположить, что задержанный был доставлен к следователю или орган дознания во временной промежуток, соответствующий трем часам, предшествующим составлению протокола. Более конкретного времени доставления установить не представляется возможным. И это только в том случае, если следователь или дознаватель составили протокол в соответствии с требованиями УПК РФ, не злоупотребляя своими полномочиями, например, составив протокол задержания позже трех часов с момента доставления задержанного, так как

было сказано ранее время доставления задержанного к следователю или орган дознания нигде не фиксируется. Единственным инструментом фиксации времени доставления задержанного к следователю или орган дознания может выступить адвокат, с оговоркой, если он участвует в производстве задержания.

Говоря об участии адвоката в процессе задержания, из смысла ст. 46 УПК РФ, посвященной такому участнику уголовного судопроизводства как подозреваемый, следует, что подозреваемый вправе пользоваться его помощью с момента фактического задержания. А каким образом задержанное лицо сможет реализовать свое право на помощь защитника? В случае задержания подозреваемый вправе на один телефонный звонок только родственникам в целях уведомления о его задержании, о телефонном звонке адвокату не сказано (ст. 96 УПК РФ).

Законодательство Республики Таджикистан урегулировало данный вопрос, указав в ст. 94 УПК РТ обязанность уполномоченного сотрудника на месте фактического задержания объявить задерживаемому лицу, в чем оно подозревается, а также право на телефонный звонок или сообщение адвокату или родственнику.

Возвращаясь к вопросу времени доставления задержанного к следователю или орган дознания, следует отметить, что в соответствии с законодательством Республики Таджикистан следователь, дознаватель или должностное лицо органа дознания, также как и по законодательству Российской Федерации, должны составить протокол задержания в течении трех часов после доставления задержанного, только доставления не к конкретно следователю, а в орган уголовного преследования (ст. 94 УПКР РТ). При этом время и дата доставления задержанного в орган уголовного преследования фиксируется в книге регистрации доставления задержанного, от которой идет отсчет времени для составления протокола задержания. В этой же книге фиксируется информация о приглашении адвоката (ст. 91 УПК РТ).

Помимо обозначенных вопросов, необходимо уделить внимание вопросу задержания до возбуждения уголовного дела, а точнее времени необходимого для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в данной ситуации, что также вносит ряд проблемных аспектов, к примеру, это касается возможностей реализации уголовно-процессуальных гарантий для задержанного. Российским законодательством уделено внимание только процедуре уголовно-процессуального задержания, которое предусмотрено только после возбуждения уголовного дела, оставив вопрос возбуждения уголовного дела при фактическом задержании подозреваемого до возбуждения уголовного дела на усмотрение следователя и дознавателя.

В свою очередь законодательство Республики Таджикистан процессуально закрепило данный вопрос, указав, что при задержании лица до возбуждения уголовного дела, вопрос о возбуждении уголовного дела должен быть

решен органом уголовного преследования в течение 12 часов с момента задержания (ст. 92 УПК РТ). Таким образом, вопрос реализации задержания может иметь место и в структуре стадии возбуждения уголовного дела, когда решение о возбуждении такого дела еще не принято, что закреплено на законодательном уровне в Республике Таджикистан.

Сравнивая меру принуждения в виде задержания по законодательствам Российской Федерации и Республики Таджикистан можно сделать вывод, что в УПК РТ к данной мере принуждения уделено больше внимания, она применяется не только к подозреваемым и обвиняемым, но также и на стадиях судебного производства к подсудимым и осужденным. Детальная регламентация времени возбуждения уголовного дела, в случае задержания лица до его возбуждения, фиксация времени доставления задержанного в книге регистрации, от которой идет отсчет времени необходимого для составления протокола задержания, с указанием информации о приглашении адвоката, обеспечивают соблюдение прав и законных интересов подозреваемого, а также положительно влияет на эффективность применения данной меры процессуального принуждения.

Библиографический список

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Официальный интернет-сайт МВД России. URL: https:// мвд.рф (дата обращения: 01.03.2025).

2. Егоров В. Ю., Александрой В. И. Основные особенности уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Закон и право. 2023. № 5. С. 204–208.

3. Чурилов С. Н. Институт задержания подозреваемого нуждается в реформировании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1 (87). С. 13–20.

4. Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 1 (88). С. 5–11.

© Исанбаев И. С., 2026

УДК 343.1

Каац М. Э. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SOME ASPECTS OF THE INSTITUTE OF REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты уголовно-процессуального института реабилитации, ставятся вопросы о содержании имущественного вреда, подлежащего возмещению в порядке реабилитации, проблемы определения незаконности действий должностных лиц, приводящих к возникновению права на реабилитацию, на основе чего делаются соответствующие выводы теоретического характера.

Ключевые слова: реабилитация в уголовном судопроизводстве, возмещение имущественного вреда в порядке реабилитации, незаконное уголовное преследование.

Abstract. The article analyzes certain aspects of the criminal procedure institution of rehabilitation, raises questions about the content of property damage that is subject to compensation in the course of rehabilitation, and discusses the problems of determining the illegality of actions by officials that lead to the right to rehabilitation. Based on this, the article draws theoretical conclusions.

Keywords: rehabilitation in criminal proceedings, compensation for property damage as part of rehabilitation, and unlawful criminal prosecution.

Институт реабилитации, возникший в отечественном уголовном процессе с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ), является обеспечительным по отношению к принципу назначения уголовного судопроизводства, основанному на категории справедливости, и как следствие, восстановлении прав невиновно преследуемых. Так, М. Ф. Мингалимова и М. А. Гаврилов выделяют «справедливость» и «невиновность» как ключевые критерии реабилитации, подчеркивая несправедливый характер любых лишений, понесенных невиновным [1, с. 45]. А. Д. Кузнецова дополняет, что незаконное привлечение к ответственности наносит не только материальный, но и глубокий психологический ущерб личности, а реабилитация служит основой для компенсационно-восстановительных мер [2, с. 15].

Согласно п. 34 ст. 5 УПК РФ, реабилитация представляет собой порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Под реабилитированным понимается лицо, имеющее право на возмещение вреда от незаконного или необоснованного преследования (п. 35 ст. 5 УПК РФ). Как верно отмечает Т. Р. Рамазанов, иметь право и реализовать его – разные вещи, и предлагает использовать термин «реабилитируемый» до момента полного восстановления прав и возмещения вреда [3, с. 91].

Сам институт реабилитации установлен гл. 18 УПК РФ, при этом он имеет комплексный межотраслевой характер, так как регулируется нормами не только уголовно-процессуального, но и иных отраслей права. Так, в п. 39 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33, разъясняется, что основания ст. 133 УПК РФ должны рассматриваться системно с положениями ст. 1069, 1070, 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации [4].

Помимо гражданского права, вопросы реабилитации связаны с трудовым законодательством. Проявляется это, например, в необходимости обязательного отстранения от работы педагогического работника при его уголовном преследовании за определенные преступления (ст. 331.1 Трудового кодекса Российской Федерации). Причем такое отстранение затрагивает и пенсионные права. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 19 ноября 2015 года № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. К. Шматкова» [5] признал не соответствующими Конституции Российской Федерации нормы, исключавшие период незаконного отстранения из страхового стажа, что повлекло их изменение в 2016 году. При этом, несмотря на комплексность, уголовно-процессуальные нормы сохраняют главенствующую роль в этом институте.

В ст. 133 УПК РФ определяется круг лиц, подлежащих и не подлежащих реабилитации. На основании анализа смысла положений п. 34 и 35 ст. 5 и ч. 1 ст. 133 УПК РФ полагаем, что основанием возникновения права на реабилитацию является причинение имущественного, морального или иного вреда вследствие незаконного либо необоснованного уголовного преследования. О том, что «момент начала уголовного преследования определяется началом ограничения прав лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства» косвенно говориться в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» [6].

Относительно имущественного вреда следует указать, что его точного законодательного определения не существует, что порождает дискуссии среди исследователей.

При определении его сущности, как правило, исходят из гражданско-правовой категории «убытки». Так, в соответствии со ст. 15 ГК Российской Федерации убытки включают в себя две разновидности – реальный ущерб и упущенная выгода. Первая – это реальный ущерб, включающий в себя фактические расходы, которые реабилитированное лицо понесло или должно будет понести для восстановления своего нарушенного права, а также стоимость утраченного или поврежденного имущества. Вторая составляющая – упущенная выгода, то есть неполученные доходы, которые это лицо получило бы в обычных условиях, если бы его право не было нарушено в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования.

В научной доктрине отсутствует единый подход к содержанию имущественного вреда, причиняемого реабилитированному лицу. Специалисты в области уголовного процесса придерживаются различных позиций.

Так, Ж. В. Самойлова включает в это понятие обе разновидности убытков, предусмотренных гражданским законодательством: как реальный ущерб, так и упущенную выгоду [7, с. 124]. В противоположность этому, Г. Ф. Шершеневич ограничивает имущественный вред лишь реальным (фактическим) ущербом [8, с. 151]. З. З. Зинатуллин предлагает более сложную конструкцию, разграничивая имущественный вред и материальный ущерб, где первое является частью второго. Согласно его взгляду, материальный ущерб охватывает не только имущественный вред в виде реального ущерба, но и физический вред, выраженный в материальных затратах на лечение, погребение и т.д. [9, с. 7].

Однако руководящая правоприменительная практика следует более широкому толкованию. Как указано в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17, в понятие имущественного вреда подлежат включению, в том числе, и расходы на восстановление здоровья реабилитированного лица [10]. Данная позиция фактически объединяет элементы имущественного и физического вреда в рамках одного правового понятия применительно к институту реабилитации.

Таким образом, несмотря на существование иных точек зрения наиболее обоснованным и соответствующим принципу полного возмещения представляется понимание имущественного вреда как совокупности реального ущерба и упущенной выгоды.

Кроме того, возникновение права на возмещение такого вреда напрямую связано с признанием уголовного преследования незаконным или необоснованным. Легальное понятие уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) указывает

на то, что оно может осуществляться только в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, то есть, исключительно в связи с совершением преступления. Следовательно, преследование за деяние, впоследствии квалифицированное как административное правонарушение изначально является незаконным. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала право на реабилитацию за осужденным С., поскольку уголовное преследование в его отношении было признано необоснованным. Основанием послужило прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления, так как стоимость похищенного сотового телефона оказалась менее одной тысячи рублей. Данное обстоятельство переводило содеянное в разряд мелкого хищения, подпадающего под административную, а не уголовную ответственность (ст. 7.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). Таким образом, несмотря на фактическое совершение проступка, уголовное преследование лица было незаконным, что и породило его право на полную реабилитацию и возмещение причиненного вреда [2, с. 143].

Таким образом, возбуждение уголовного дела по факту деяния, содержащего лишь признаки административного правонарушения (как в примере с мелким хищением), делает уголовное преследование незаконным. Данный случай поднимает ключевой вопрос о содержании критериев «незаконности» и «необоснованности» уголовного преследования как оснований для реабилитации. Примечательно, что эта проблема остается недостаточно разработанной в научной литературе, что создает определенные сложности в правоприменении и формировании единообразной судебной практики.

Позиция А. А. Орловой является актуальной для понимания критериев реабилитации. Автор справедливо отмечает, что не всегда действия уполномоченных на осуществление уголовного преследования лиц признаются законным. Ярким примером служит ситуация, когда изначально возбуждается уголовное дело по факту совершения преступления и лицо, предположительно совершившее данное деяние, наделяется соответствующим процессуальным статусом, а затем производится судебная экспертиза, по результатам которой уголовное дело прекращается по реабилитирующим основаниям. В данном случае в соответствии с мнением автора, законным и обоснованным признается вовлечение лица в уголовное преследование [11, с. 61].

«Незаконность» действительно является прямой противоположностью «законности», которая в уголовном процессе трактуется как строгое соблюдение всеми участниками установленных процедур и требований закона. Классическим и бесспорным примером незаконного преследования являются действия, совершенные в результате умышленных преступных злоупотреблений со стороны должностных лиц: фальсификация доказа-

тельств, вынесение заведомо незаконных решений, принуждение к даче показаний и т. д. В таких ситуациях сам способ осуществления преследования изначально порочен и противоречит закону. Установление вины конкретного должностного лица в подобных деяниях становится не только основанием для привлечения его к уголовной ответственности, но и особым условием для последующего регрессного требования государства о возмещении выплаченных реабилитированному средств [12, с. 13]. Таким образом, «незаконность» в данном контексте предполагает виновное, преднамеренное нарушение закона субъектом уголовного преследования.

Итак, «незаконность» представляет собой противоправную деятельность, изначально не основанную на законе или прямо ему противоречащую. Важно подчеркнуть, что не вся процессуальная деятельность, завершившаяся реабилитацией лица, является незаконной в этом строгом смысле.

В этой связи следует согласиться с позицией А. А. Орловой о том, что для устранения терминологической неопределенности и достижения единообразия в понятийном аппарате целесообразно исключить из легального определения реабилитации конкретные признаки «незаконности» или «необоснованности» уголовного преследования [11, с. 62].

Как уже было указано, в ч. 4 ст. 133 УПК РФ приводится исчерпывающий перечень нереабилитирующих оснований прекращения дела (амнистия, истечение сроков давности и др.). Следовательно, все иные основания прекращения уголовного преследования или вынесения оправдательного приговора по своей правовой природе являются реабилитирующими и порождают право на возмещение вреда. Таким образом, акцент смещается с субъективной оценки правомерности действий должностных лиц («незаконно/необоснованно») на объективный юридический факт – наличие реабилитирующего решения. Конституционность данной нормы (ч. 4 ст. 133 УПК РФ) неоднократно подтверждалась Конституционным Судом Российской Федерации, что подтверждает ее правомерность и устойчивость в правовой системе [13].

Таким образом, институт реабилитации представляет собой комплексный, межотраслевой правовой механизм, фундаментальное значение которого закреплено на конституционном уровне. Его сущность заключается в полном восстановлении прав, свобод и репутации лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, а также в возмещении причиненного ему государством имущественного и морального вреда. С целью совершенствования данного института требуется более четкое определение имущественного вреда, подлежащего возмещению в порядке реабилитации с определением его рамок в сфере уголовного судопроизводства, а также обозначение критериев законности или незаконности действий лиц, осуществляющих обвинительные функции, деятельность которых привела к признанию права на реабилитацию.

Библиографический список

1. Мингалимова М. Ф., Гаврилов М. А. Реабилитация в уголовном процессе : нужен единый подход // Законность. 2023. № 3. С. 45–49.

2. Кузнецова А. Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 15.

3. Рамазанов Т. Р. Понятие института реабилитации в уголовном судопроизводстве России и истоки его зарождения // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов : сборник научных статей по итогам науч.-практ. конф. магистрантов. Симферополь, 2023. С. 89–93.

4. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

5. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. К. Шматкова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2015 г. № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 48 (ч. II). Ст. 6886.

6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

7. Самойлова Ж. В. Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 124–127.

8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Фирма «Спарк», 1995.

9. Зинатуллин З. З. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013.

10. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

11. Орлова А. А. К вопросу о концептуализации понятия «реабилитация» в уголовном процессе России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 101–102.

12. Зяблина М. В. Предъявление прокурорами регрессных исков в связи с принятием судами решений о возмещении реабилитированным лицам вреда, причиненного незаконным (необоснованным) уголовным преследованием // Законность. 2016. № 4. С. 13–17.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Николая Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 24 и положениями главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части первой статьи 5 и статьей 58.1 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьей 49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2023 г. № 442-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Каац М. Э., 2026

УДК 343.1 (470)

Каримова Г. Ю. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

MAIN DIRECTIONS OF CRIMINAL PROCEDURE POLICY IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее актуальные направления уголовно-процессуальной политики современной России, среди которых отмечаются гуманизация уголовно-процессуального законодательства и судопроизводства, правовая защита личности, соблюдение прав всех участников уголовного процесса, осуществление эффективной борьбы с преступностью. Отмечено влияние на уголовно-процессуальную политику процессов цифровизации и проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, гуманизация, личность, право, преступность, цифровизация.

Abstract. The article examines the most relevant areas of the criminal procedure policy of modern Russia, among which are the humanization of criminal procedure legislation and legal proceedings, legal protection of the individual, respect for the rights of all participants in the criminal process, and the implementation of an effective fight against crime. The impact on the criminal procedure policy of the processes of digitalization and the conduct of a special military operation was noted.

Keywords: criminal procedural policy, humanization, personality, law, crime, digitalization.

Современное российское общество и государство претерпело ряд правовых изменений, обусловленных современными геополитическими преобразованиями. Важную роль в этом играют процессы глобализации и цифровизации, что приводит к переосмыслению концептуальных основ проводимой государственно-правовой политики. Основными направлениями государственной политики Российской Федерации являются, в первую очередь, обеспечение суверенитета, национальной безопасности, повышение уровня жизни, экономическое развитие страны [1]. Все эти направления государственной политики успешно реализовываются, в том числе в условиях структурных технологических перемен и распространяющихся стремительными темпами процессов цифровизации.

Понятию и содержанию уголовно-процессуальной политики уделяется достаточное внимание, однако единого доктринального подхода до сих пор не выработано. Уголовно-процессуальную политику принято рассматривать в качестве структурного компонента уголовной политики, представляющего собой систему мер правового воздействия на общественные отношения в уголовно-процессуальной сфере [2, с. 87]. Это понятие весьма абстрактное, смысл которого сводится к уголовно-процессуальным отношениям, возникающим в связи с совершением лицом преступления и, в целом, направленных на борьбу правоохранительных органов с преступностью. Более развернутое понимание уголовно-процессуальной политики дано В. А. Пономаренковым, который определил ее как целенаправленную, научно обоснованную, последовательно системную деятельность государственных органов и должностных лиц по созданию эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования, оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в целях реализации назначений уголовного судопроизводства, наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений [3]. Деятельность государственных органов основывается на принципах уголовного процесса. Здесь уместно упомянуть, что идеологию любого закона, в том числе уголовно-процессуального, составляют цели (назначение) и принципы [4, с. 89]. Именно принципы определяют тип уголовного судопроизводства, формы и приоритеты. Принципы представляют собой основные руководящие идеи, основные положения, которые выполняют роль приоритетов в деятельности лиц, ведущих уголовный процесс. В качестве идеологических следует в первую очередь рассматривать идеи законности, справедливости, гуманизма, равенства всех перед законом и судом, состязательности. Говоря о направлениях уголовно-процессуальной политики, необходимо отметить взаимосвязь ее с государственно-правовой идеологией конкретного исторического периода развития и существования общества.

В современных условиях приобретает значение идеологическая составляющая как законодательства России, так и правоприменительной деятельности. Положения ст. 13 Конституции Российской Федерации об идеологическом многообразии, безусловно, верны. Однако неверно отрицание государственно-правовой идеологии, поскольку это ведет к образованию некоего вакуума или пустот в правотворческой и особенно в правоприменительной деятельности органов государственного управления. Поскольку Российская Федерация в основном законе провозглашена демократическим, правовым государством, то в основе ее государственно-правовой идеологии находятся человек как высшая ценность, общечеловеческие, нравственные начала, демократическое гражданское общество и право. Эта же идея поддерживается в ст. 67.1 Конституции Российской Федерации и документах стратегического планирования с признанием преемственности в развитии Российского государства и традиционных российских духовно-нравственных ценностей многонационального народа [5]. На сегодняшний день идеологической основой основных направлений уголовно-процессуальной политики выступает гуманистическая составляющая, содержанием которой выступает защита прав и законных интересов граждан, реализация указанных выше основных идеологических принципов. Это выражается в закреплении на законодательном уровне права на дачу показаний и объяснений, заявление ходатайств, бесплатное предоставление переводчика [6, с. 400] и др. Гуманизм или гуманное отношение выражается в соблюдении баланса между правами и законными интересами законопослушных граждан и виновных лиц. Проявлением гуманизма и справедливости считается также прекращение уголовного преследования в связи с участием в специальной военной операции как формы реализации патриотизма и исполнения гражданского долга [7]. О гуманизации уголовно-процессуальной политики может свидетельствовать высокая нравственная составляющая мировоззрения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, когда сотрудники правоохранительных органов соблюдают букву и дух закона в ходе осуществления уголовного судопроизводства [8, с. 102]. В уголовно-процессуальной политике гуманизация выражается во внесенных в уголовно-процессуальное и уголовное законодательство изменениях, таких как упрощенное производство с назначением подсудимому наказания при наличии смягчающих обстоятельств; возможность проведения дознания в сокращенной форме; введенное в 2016 году относительно новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, возместившего причиненный бюджетной системе Российской Федерации вред от преступления экономической направленности [9, с. 87] Здесь в основе лежит реализация и защита законных интересов и прав человека, однако в условиях современных вызовов и угроз, с которыми столкнулась Рос-

сийская Федерация, следует отметить смещение векторов уголовно-процессуальной политики с частно-правовых начал в уголовном судопроизводстве на публичные интересы государства. Гуманизм или гуманное отношение выражается в соблюдении баланса между правами и законными интересами законопослушных граждан и виновных лиц. Проявлением гуманизма и справедливости считается также прекращение уголовного преследования в связи с участием в специальной военной операции как формы реализации патриотизма и исполнения гражданского долга [7]. Также к известным направлениям уголовно-процессуальной политики следует отнести важность правовой защиты личности, соблюдение прав всех участников уголовного процесса, при этом осуществление эффективной борьбы с преступностью. Сегодня на уголовное судопроизводство оказывает влияние цифровизация общества, что повлекло за собой введение в УПК РФ ст. 189.1 о возможности проведения дистанционного допроса с применением видео-конференц-связи, что оценивается как положительный аспект в рамках предварительного расследования. Судьи рассматривают дела также с применением видео-конференц-связи, что значительно сокращает временные и финансовые затраты участников уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная политика современной России нацелена на обеспечение защиты национальной самобытности различных представителей социума, снижение частно-правовых начал в уголовном судопроизводстве, с расставлением акцентов на публичные интересы государства. В целом государственная уголовно-процессуальная политика в основе своей имеет цель обеспечения функционирования собственного государственного механизма, основанного на взаимном доверии между властью и обществом. При этом доверие основывается на балансе интересов различных этнических, религиозных и языковых групп среди населения. О доверии формальном (определенном формальным юридическим правом) и неформальном (традиционные ценности российского народа) пишет в своих трудах В. Д. Зорькин [10], определяя ослабление и рассогласованность их между собой.

Таким образом, уголовно-процессуальная политика современной России представляет собой как самостоятельное направление государственно-правовой политики, выражающееся в урегулированной правовыми нормами деятельности правотворческих и правоприменительных государственных органов в сфере борьбы с преступностью и обеспечении безопасности, основанная на соблюдении национального интереса Российской Федерации.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

2. Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93.

3. Пономаренков В. А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы) : учебное пособие / науч. ред. А. В. Малько. М., 2014.

4. Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93.

5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

6. Зарипов Ф. Ф. Гуманистическое, человеколюбивое назначение и содержание принципов Российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2018. Т. 28. Вып. 3. С. 398–400.

7. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ; О внесении изменений в ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кашепов В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. № 12. 2015. С. 101–112.

9. Тенсина Е. Ф. Тенденция развития уголовно-процессуальной политики на современном этапе. URL: http://elibrary.udsu.ru (дата обращения: 11.10.2025).

10. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция : первые 20 лет. Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М. : Издание Государственной Думы, 2013. С. 25–45.

© Каримова Г. Ю., 2026

УДК 343.1

Кильдигушев И. И. – следователь Следственного отдела ОМВД России по Баймакскому району Республики Башкортостан (Россия, г. Уфа)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTE OF INQUISITION IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конструирования и функционирования института дознания в рамках уголовного процесса двух государств – Республики Армения и Российской Федерации. Автор предпринимает попытку выйти за рамки простого сопоставления законодательных норм, обращаясь к анализу глубинных правовых принципов и современных вызовов, стоящих перед органами, осуществляющими предварительное расследование. На основе анализа Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации исследуются фундаментальные противоречия, присущие статусу органа дознания: между необходимостью оперативного властного вмешательства и обязательством соблюдения процессуальных гарантий, между ведомственной логикой и требованиями судебной процедуры. Особое внимание уделяется парадоксальной природе процессуальной самостоятельности данного субъекта, которая одновременно декларируется и системно ограничивается сложным механизмом прокурорского и судебного контроля. Результатом исследования становится модель, демонстрирующая, как общая историко-правовая основа трансформируется под влиянием национального законодательного творчества, порождая различные ответы на единые вызовы современного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, предварительное расследование, орган дознания, уголовное преследование, процессуальная автономия, прокурорский надзор, судебная легитимация, сравнительная юриспруденция, правовой дуализм, Республика Армения, Российская Федерация.

Abstract. This article examines the design and functioning of the institution of preliminary investigation within the criminal process in two countries – the Republic of Armenia and the Russian Federation. The author attempts to go beyond a simple comparison of legislative norms, turning to an analysis of under-

lying legal principles and contemporary challenges facing bodies conducting preliminary investigations. Based on an analysis of the Criminal Procedure Codes of the Republic of Armenia and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the fundamental contradictions inherent in the status of preliminary investigation bodies are explored: between the need for prompt authoritative intervention and the obligation to comply with procedural guarantees, and between departmental logic and the requirements of judicial procedure. Particular attention is paid to the paradoxical nature of this entity's procedural autonomy, which is simultaneously declared and systematically limited by the complex mechanism of prosecutorial and judicial review. The result of the study is a model demonstrating how the general historical and legal framework is transformed under the influence of national legislative creativity, generating diverse responses to the common challenges of modern criminal proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, preliminary investigation, inquiry body, criminal prosecution, procedural autonomy, prosecutorial supervision, judicial legitimation, comparative jurisprudence, legal dualism, Republic of Armenia, Russian Federation.

В уголовном судопроизводстве институт дознания выполняет роль своеобразной «первой линии обороны» – он призван обеспечить немедленную реакцию государства на противоправное деяние. Однако сама природа этой реакции, баланс между быстротой, эффективностью и неукоснительным соблюдением правовых процедур, становится предметом постоянного законодательного экспериментирования и научной полемики. Особенно наглядно это видно на примере Республики Армения, где принятие нового Уголовно-процессуального кодекса [2] в 2021 году кардинально реформировало данный институт. Предлагаемое исследование обращается к сравнительному анализу данного института в правовых системах Армении и России. Этот выбор не случаен: общность происхождения создает идеальную почву для выявления того, как разные юридические культуры решают схожие проблемы. В качестве материала для анализа служат не только тексты кодексов, но и живая ткань правовой мысли, отраженная в современных научных публикациях. Такой подход позволяет увидеть не застывшие нормы, а динамичную систему, находящуюся в поиске оптимальной модели. В фокусе внимания оказываются ключевые дилеммы: как определяется правосубъектность органа дознания – через абстрактную функцию или через конкретное ведомство? В чем заключается подлинная мера его свободы в принятии решений? Каковы системные ограничения, налагаемые на его деятельность, и порождаемые ими коллизии? Ответы на эти вопросы позволяют наметить контуры эволюции одного из важнейших элементов досудебного производства в постсоветском правовом пространстве.

Исходный пункт любого правового анализа – определение субъекта. Именно здесь проявляется первое кардинальное различие в подходах двух законодательств. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения 2021 г. (далее – УПК РА) формулирует понятие органа дознания в парадигме чистого функционализма. Согласно его положениям, орган дознания – это руководитель в лице начальника органа дознания и сотрудники, осуществляющего оперативно-розыскные функции, которые в рамках дознания правомочны выполнять негласные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия (п. 21 ст. 6 УПК РА). Данная дефиниция акцентирует роль, а не носителя, что создает концептуально гибкую модель. В рамках такой системы полномочия дознания потенциально могут быть делегированы различным структурам в зависимости от характера преступления, превращая орган дознания из постоянной институции в переменную процессуальную величину. Совершенно иная картина складывается в российской правовой системе. Как следует из современных доктринальных исследований, в общественном и профессиональном сознании понятие «орган дознания» прочно и практически неразрывно ассоциируется с конкретным правоохранительным ведомством – органами внутренних дел, которые прямо отнесены к таковым ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ). Его деятельность регулируется не только УПК РФ, но и целым спектром специализированных законов «О полиции» [3], «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] и т. д., которые формируют сложный, порой противоречивый, гибридный статус. Таким образом, если в армянской модели законодатель мыслит категориями «функции», которую можно распределить, то в российской практике доминирует категория «института» – устойчивой организации с фиксированным набором полномочий и внутренней культурой. Это фундаментальное различие в точках отсчета предопределяет все дальнейшие особенности, включая характерные проблемы и способы их разрешения.

Несмотря на разницу в определении, системное положение органа дознания в архитектуре уголовной юстиции демонстрирует удивительную устойчивость общих черт. И в Армении, и в России он входит в классическую триаду публичных участников уголовного преследования на досудебной стадии, наряду со следователем и прокурором (п. 12 ст. 6 УПК РА; ст. 21 УПК РФ). Это место не случайно – оно отражает признание особой, ориентированной на быстрое реагирование, формы расследования, необходимой для дел определенной категории тяжести. Функциональный репертуар органа дознания, подробно реконструируемый для российской модели, в целом универсален: от первичного приема и верификации информации о преступлении, регламентированной ст. 144 УПК РФ, через формальное возбуждение дела по ст. 146 УПК РФ к проведению собственно оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий [5, с. 98] и, наконец, обеспечению безопасности участников процесса. УПК РА в редакции от 2021 года

совершил концептуальный переворот, закрепив дознание не как отдельную стадию, а как деятельность, осуществляемую органом дознания в ходе предварительного следствия и содействующую ему, включая выполнение негласных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (п. 6 ст. 6 УПК РА). Таким образом, если в России дознание остается формой предварительного расследования, то в Армении оно трансформировалось во вспомогательную, интегрированную в следствие функцию с ярко выраженным оперативно-разыскным компонентом.

Центральным пунктом напряжения в любом исследовании статуса органа дознания является вопрос о его самостоятельности. Законодательство обеих стран формально наделяет его значительными полномочиями для принятия решений и совершения действий – в Армении это, прежде всего, проведение негласных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в рамках содействия следствию (п. 21 ст. 6 УПК РА), а в России – вынесение постановлений и производство неотложных следственных мероприятий [6, с. 230]. Эта самостоятельность представляется необходимым условием эффективности. Однако при ближайшем рассмотрении она оказывается не абсолютной свободой, а своего рода «суверенитетом в заданных координатах». Его границы очерчены плотной сетью внешнего и внутреннего контроля, что порождает характерный парадокс: субъект, призванный действовать быстро и решительно, вынужден постоянно согласовывать свои шаги с позициями других властных инстанций.

Наиболее мощным ограничителем традиционно выступает прокурорский надзор. В российской правоприменительной реальности, как отмечают критики, этот надзор, основанный на ст. 37 УПК РФ, часто трансформируется в систему предварительных согласований, что может приводить к бюрократической волоките и подавлению инициативы лица, производящего дознание. Не менее важным, а в контексте защиты прав личности – ключевым, является институт судебного контроля. Санкционирование судом ареста, обыска и иных мер, глубоко затрагивающих частную сферу, например, ст. 108, 165 УПК РФ, служит краеугольным камнем современной процессуальной доктрины и универсальным сдерживающим механизмом [7, 104]. В новой армянской модели, где дознание вписано в структуру следствия, изначально более высокий уровень подчинения и координации со стороны следователя и прокурора создает иную конфигурацию контроля, потенциально снижая формальную автономию органа дознания, но интегрируя его действия в единую стратегию расследования. Наконец, система внутреннего, ведомственного контроля со стороны начальника подразделения довершает эту архитектуру сдержек и противовесов. В результате автономия органа дознания существует как разрешенная степень свободы внутри многослойной системы правовой легитимации его действий.

Анализ текущего состояния института дознания выявляет ряд системных вызовов, по-разному проявляющихся в двух правовых системах. Для

России, как следует из академических публикаций, наиболее острой является проблема правового дуализма. Органы внутренних дел, будучи основным субъектом дознания, одновременно являются административной полицией. Это порождает внутренний конфликт идентичностей и процедур, когда административные методы и логика могут некритично переноситься в уголовно-процессуальную сферу, создавая риски для чистоты процедуры [8, с. 126]. В Армении реформа 2021 года, напротив, может рассматриваться как попытка преодоления этого дуализма через четкое функциональное определение органа дознания в рамках уголовного процесса и через его подчинение процессуальной логике следствия.

Другой устойчивой темой является дискуссия о границах компетенции. Существующие законодательные ограничения, например, установленный п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ запрет дознавателю самостоятельно санкционировать контроль и запись переговоров, часто критикуются как искусственные барьеры, снижающие оперативность и вынуждающие к передаче дел следственным органам, что разрывает ткань расследования. В новом армянском контексте вопрос ставится иначе: поскольку дознание является частью следствия, передача полномочий происходит не между разными формами расследования, а в рамках единого производства, что теоретически должно минимизировать процедурные разрывы. Ответом на эти вызовы становятся попытки процессуальной оптимизации. Российский законодатель, стремясь ускорить производство по отдельным категориям дел, ввел институт дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ). Это эксперимент по созданию «быстрой процедуры» в рамках строгого процесса. Армянский законодатель избрал противоположный путь не ускорения, а интеграции, превратив дознание в инструмент следователя. Общей же для обеих юрисдикций тенденцией остается поиск новой конфигурации взаимоотношений с прокуратурой, где надзор не должен превращаться в мелочную опеку, и активное внедрение цифровых технологий, способных повысить как эффективность, так и прозрачность досудебных стадий.

Проведенное исследование позволяет заключить, что институт дознания в Армении и России, при всей общности своего генезиса, развивается по различным и даже дивергентным траекториям, отражая разные философско-правовые подходы. Армянский законодатель в реформе 2021 года не только сохранил, но и усилил акцент на функциональной гибкости, определив орган дознания через его узкоспециализированную задачу содействия следствию посредством негласных действий и оперативно-разыскных мероприятий (п. 21 ст. 6 УПК РА). Это не просто открывает путь к специализации, а создает модель, где дознание лишено процессуальной самостоятельности в классическом понимании, будучи полностью встроенным в процедуру предварительного следствия. Российская система, напротив, тяготеет к институциональной конкретике, прочно связывая дознание с мощным, многофункциональным ведомством (ст. 40 УПК РФ), что порождает специфические коллизии дуализма, но и обеспечивает оперативный масштаб.

Объединяет же обе модели постоянное напряжение между императивом быстрого реагирования, требующего самостоятельности (или, как в Армении, оперативности в рамках подчинения), и императивом законности, обеспечиваемого многоуровневым контролем. Будущее развитие, по всей видимости, будет связано с поиском более тонких и технологичных механизмов обеспечения этого баланса. Армянский эксперимент по полной интеграции дознания в следствие представляет собой радикальный вариант такого поиска, последствия и эффективность которого еще предстоит оценить правоприменительной практике. Сравнительный анализ ясно показывает, что не существует единственно верной модели, а есть непрерывный процесс правотворческого поиска, в котором изучение столь различных подходов, как российский и новый армянский, становится бесценным ресурсом для совершенствования собственного.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения : принят 30 июня 2021 г. URL: http://www.parliament.am/ (дата обращения: 22.04.2024).

3. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (редакция, действующая с 1 сентября 2025 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

4. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

5. Уголовно-процессуальное право: особенная часть : учебно-методическое пособие / Т. И. Джелали, Ю. С. Мандрыка, А. Ю. Мирошниченко, Т. В. Гриценко. Ростов н/Д : Ростовский юридический институт МВД России, 2020. 152 с.

6. Мельников В. Ю., Магомедов Г. Б. Актуальные вопросы уголовного процесса : учебник. Т. 2. Ростов н/Д : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2020. 430 с.

7. Поляков М. П., Наметкин Д. В., Смолин А. Ю. Процессуальная самостоятельность органов и лиц, ведущих предварительное расследование : учебное пособие. Н. Новгород : Научно-издательский центр «XXI век», 2022. 194 с.

8. Смбатян А. М. Некоторые вопросы регламентации дознания в Проекте нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения // Академическая мысль. 2018. № 1 (2).

© Кильдигушев И. И., 2026

УДК 343.102

Киселев Н. Н. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

SPECIFIC PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATORS AND OPERATIONAL OFFICERS OF ECONOMIC SECURITY AND ANTICORRUPTION UNITS IN THE INVESTIGATOIN OF BUDGET FUNDS EMBEZZLEMENT

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы взаимодействия следователей и оперуполномоченных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции при раскрытии и расследовании уголовных дел по фактам хищения бюджетных денежных средств.

Ключевые слова: хищение бюджетных денежных средств, документирование преступлений, использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

Abstract. The article discusses certain problems of interaction between investigators and operatives of the Economic and Financial Crime Department in the process of solving and investigating criminal cases involving the embezzlement of budget funds.

Keywords: embezzlement of budget funds, documentation of crimes, and use of the results of operational and investigative activities.

В современных условиях борьба с хищениями бюджетных денежных средств является важнейшим и приоритетным направлением в деятельности всех правоохранительных органов нашего государства, в том числе органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации, где на современном этапе головной службой определены подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции.

Статус России как социального государства обуславливает тот факт, что реализация многочисленных планов социально-экономического прогресса и ключевых национальных проектов обеспечивается за счет финансовых ресурсов федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований.

Выделяемые в настоящее время государством огромные бюджетные денежные средства на осуществление специальной военной операции на Украине, на образование и науку, здравоохранение и медицину, физическую культуру и спорт, функционирование государственных предприятий и организаций являются объектом преступного посягательства, как для отдельных злоумышленников, так и для криминальных структур в лице организованных преступных групп и сообществ.

Статистические показатели в сфере уголовного права фиксируют негативную динамику: лишь за первые девять месяцев 2025 года в России было зафиксировано 38,5 тыс. случаев посягательств на бюджетные активы, что отражает прирост в 12,4 % к аналогичному этапу предыдущего года. Годом раннее, в 2024-м, органами внутренних дел было пресечено 31,4 тыс. подобных правонарушений (подъем на 5,7 % относительно 2023 года); а суммарный финансовый урон достиг 27, 5 млрд руб. При этом в 2023 году количество выявленных хищений составляло 19,7 тыс. Системный мониторинг, приведенных цифр, наглядно демонстрирует стабильное увеличение числа данных деяний и подтверждает их высокую степень угрозы для интересов общества.

В последние годы в Российской Федерации отмечается определенная стагнация или даже некоторое сокращение числа официально зафиксированных посягательств на бюджетные активы. Тем не менее, доля этих деяний в структуре экономической преступности, выявляемой органами внутренних дел, остается стабильно высокой. Подобные правонарушения продолжают выступать в качестве серьезного дестабилизирующего фактора для финансового суверенитета страны.

Параллельно с этим, официальные сведения МВД России указывают на критически низкую эффективность раскрытия данных преступлений: во многих регионах этот показатель не достигает и 10 %. Эксперты профильных ведомств, а именно подразделение экономической безопасности и противодействие коррупции (далее –ЭБ и ПК), связывают такую ситуацию с чрезвычайно высокой латентностью хищений, особенно характерной для крупных мегаполисов.

Учитывая прямую угрозу экономической стабильности государства, данные посягательства характеризуются значительной общественной опасностью. Научный анализ правоприменительной практики показывает, что подавляющее большинство таких хищений (около 65 %) носит организованный характер и совершается группами лиц по предварительному сговору, в то время как на долю одиночных преступников приходится значительно меньшая часть деяний.

Изучение ведомственной документации и материалов практики позволило систематизировать ключевые методы незаконного изъятия государственных финансов. Злоумышленники проявляют высокую осторожность и активно применяют средства технической конспирации. В частности, ко-

ординация преступных действия осуществляется через защищенные мессенджеры, такие как Telegram[1] и WhatsApp[2], что существенно затрудняет работу сотрудников подразделений ЭБ и ПК. Использование подобных каналов связи препятствует оперативному определению сетевой инфраструктуры и установлению IP-адресов правонарушителей.

В текущей обстановке защита государственных финансовых ресурсов от незаконных посягательств занимает центральное место в оперативно-розыскной деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Эффективность выполнения этой задачи напрямую коррелирует с качеством управленческих решений, направленных на оптимизацию работы территориальных органов. Успешный результат достигается за счет комплексного применения всех доступных специальных методов, сил и оперативно-технических средств. Кроме того, результаты изысканий подтверждают, что решающую роль в привлечении виновных к ответственности играет полноценное оперативное сопровождение на всех стадиях предварительного следствия. Именно системное взаимодействие оперативных и следственных подразделений позволяет обеспечить качественный сбор доказательств по уголовным делам данной категории.

Практический опыт свидетельствует о том, что ключевой составляющей данного вектора работы выступает комплекс оперативно-розыскных мероприятий, реализуемых сотрудниками ЭБ и ПК в условиях строгой конфиденциальности. Скрытый формат оперативно-разыскных мероприятий продиктован тем, что потенциальные фигуранты, получив сведения о разработке, немедленно переходят на нелегальное положение, что вынуждает оперативников тратить значительный объем служебного времени на их поиск и задержание, вместо документирования преступной деятельности.

При возбуждении уголовных дел по факту хищения денежных средств, подозреваемые часто предпринимают активные попытки уничтожить следы преступления: ликвидируют финансовую и юридическую документацию, оказывают серьезное давление на свидетелей и создают иные препятствия для объективного расследования данных общественно опасных деяний.

Системное взаимодействие подразделений в данном контексте нацелено на решение следующих задач:

– выявление раннее неизвестных эпизодов хищения государственных средств, поиск новых соучастников и своевременное выявление их намерений;

– нейтрализация тактических уловок подозреваемых, направленных на формирование ложных линий защиты и преднамеренное искажение истины по делу;

---

[1] Работа мессенджера ограничена Роскомнадзором.

[2] Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации (признана экстремистской организацией).

– обеспечение безопасности и исключение любого деструктивного влияния со стороны фигурантов на свидетелей, экспертов и специалистов, играющих ключевую роль в процессе доказывания фактов хищения;

– недопущение укрытия ценностей, нажитых преступным путем.

Эффективное противодействие посягательствам на государственную казну требует системного подхода, направленного в том числе на пресечение попыток сокрытия денежных средств, полученных в результате незаконных действий. Современный опыт оперативно работы позволяет выделить приоритетный вектор документирования деятельности лиц, причастных к хищению бюджетных денежных средств:

1. Установление всех участников преступной схемы, совершающих хищение денежных средств.

2. Определение потенциальных свидетелей, располагающих сведениями о фактах хищений денег и связанных с ними документах.

3. Поиск материальных носителей информации и документов, способных приобрести статус вещественных доказательств в рамках уголовного преследования.

4. Документирование и фиксация на аудио-видеоносителях преступных действий лиц, занимающихся совершением рассматриваемых преступлений.

Комплекс первоначальных следственных и оперативных мер при раскрытии данных преступлений, ориентирован на достижение следующих научно-практических целей:

– точная локализация преступных событий, определение временных рамок их совершения и установление участников преступления;

– обнаружение и изъятие юридических, бухгалтерских, технологических и иных документов, предметов и товарно-матери ценностей, видеозаписей с камер наблюдения;

– обнаружение и наложение ареста на похищенных денежные средства;

– оформление и рассылка ориентировок для межведомственного поиска фигурантов и похищенного имущества;

– инструктаж личного состава органов внутренних дел (в первую очередь сотрудников патрульно-постовых служб), а также поддержание оперативного контакта с конфидентами, привлекаемыми подразделениями ЭБ и ПК для получения сведений о готовящихся или совершенных фактах незаконного изъятия казенных активов и товарных запасов (в частности, посредством тайного хищения), использование медийных ресурсов (ТВ, радио, пресса) для мобилизации общественности в целях выявления подобных правонарушений;

– инициация специализированных исследований (бухгалтерских, товарно-технологических и технико-криминалистических экспертиз). Данные

меры направлены на детальную реконструкцию механизмов преступной деятельности, выявление сопутствующих обстоятельств и идентификацию круга лиц, вовлеченных в преступную схему;

– профилактика и минимизация рисков: подготовка и внесение официальных представлений в адрес юридических лиц, на объектах которых были зафиксированы факты растраты бюджетных средств. Документы должны содержать требования по ликвидации организационных и технических уязвимостей, создающих условия для совершения хищений;

– направление обязательных для исполнения поручений сотрудникам ЭБ и ПК о реализации комплекса оперативно-розыскных мер, направленных на получение значимой информации в рамках расследуемых уголовных дел.

Библиографический список

1. Состояние преступности // МВД России : официальный сайт. URL : https://мвд.рф/ (дата обращения:16.04.2025).

© Киселев Н. Н., 2026

УДК 343.2

Климович Н. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России (Россия, г. Барнаул)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY WITH IMPOSITION OF A JUDICIAL FINE: SOME ENFORCEMENT ISSUES

Аннотация. В статье автором рассматривается актуальная проблема освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которая в последние годы привлекает внимание представителей научного сообщества и правоприменителей. Основополагающим фактором применения судебного штрафа в отношении лица, совершившего преступление, является стремление законодательства Российской Федерации к гуманизации уголовной политики и снижению числа осужденных за преступления небольшой и средней тяжести. Судебный штраф представляет собой меру, позволяющую избежать уголовной ответственности и судимости при условии полного возмещения

вреда, причиненным преступлением, и выполнения других условий, установленных судом.

Ключевые слова: судебный штраф, освобождение от ответственности, мера уголовно-правового характера, суд, закон, возмещение ущерба.

Abstract. In this article, the author examines the current issue of exemption from criminal liability with the imposition of a criminal penalty, which has attracted the attention of the scientific community and law enforcement agencies in recent years. The fundamental factor in the application of a criminal penalty against a person who has committed a crime is the desire of the Russian Federation's legislation to humanize criminal policy and reduce the number of convicts for minor and medium-severity crimes. A criminal penalty is a measure that allows individuals to avoid criminal liability and a criminal record, provided that they fully compensate for the harm caused by their crime and meet other conditions set by the court.

Keywords: judicial fine, exemption from liability, criminal measure court, law, compensation for damages.

Значительным этапом в развитии отечественного уголовного права стало принятие Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Данный законодательный акт, направленный на совершенствование механизмов освобождения от уголовной ответственности, внес существенные коррективы в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации (далее – УК РФ и УПК РФ). Ключевым нововведением стало закрепление в УК РФ специального основания для прекращения уголовного преследования – назначения судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. Эта нормативная конструкция была интегрирована в главу 11 УК РФ в виде новой статьи 76.2, что расширило перечень существующих оснований для освобождения от ответственности. Параллельно законодатель дополнил раздел VI Уголовного кодекса новой главой 15.2, содержащей статьи 104.4 и 104.5 [5]. Эти положения установили легальное определение судебного штрафа, регламентировали методику расчета его размера и определили правовые последствия неуплаты данной меры принудительного воздействия. Таким образом, сформировалась комплексная нормативная база, где статьи 76.1–76.3 УК РФ закрепили материально-правовые основания и условия применения судебного штрафа, а положения главы 15.2 детализировали его процессуальный статус и механизм реализации.

Правовые нормы, регулирующие вопросы назначения судебного штрафа, заложены в УК РФ, однако их применение в судопроизводстве тре-

бует дальнейшего анализа, так как множество факторов и обстоятельств может привести к неправильным решениям со стороны судов, что будет отрицательно сказываться на реализации самой идеи судебного штрафа как меры, способствующей гуманизации наказания [6].

Ключевой проблемой остается неоднородное положение данной меры в системе уголовно-правовых санкций. Эмпирические данные свидетельствуют о крайне ограниченном использовании судебного штрафа как альтернативы традиционному осуждению. Эта ситуация обусловлена, прежде всего, недостаточным уровнем правовой осведомленности ключевых процессуальных субъектов – как представителей судейского корпуса, так и защитников.

На практике формируется парадоксальная ситуация: судебные инстанции нередко игнорируют возможность применения штрафной санкции даже при наличии формальных оснований, предусмотренных статьей 76.2 УК РФ. Подобный консерватизм правоприменения приводит к двум негативным последствиям системного характера:

1. Снижение эффективности самой реформы, направленной на декриминализацию малозначительных деяний.

2.Усиление нагрузки на судебную систему за счет рассмотрения дел, которые могли быть разрешены в восстановительном порядке, и рост статистики осуждений, не обусловленных необходимостью изоляции от общества.

Второй комплекс проблем связан с процедурой определения размера судебного штрафа. Согласно закону, суд при установлении суммы взыскания обязан учитывать совокупность критериев, включая тяжесть инкриминируемого деяния и имущественное положение правонарушителя. Однако эмпирические исследования выявляют существенный разброс в назначаемых суммах даже по составам преступлений, обладающим схожими квалифицирующими признаками.

Такая судебная вариативность создает риски нарушения фундаментальных принципов правосудия – равенства всех перед законом и индивидуализации наказания. Особую остроту проблема приобретает в контексте социально-экономического неравенства. Граждане с низким уровнем доходов оказываются в заведомо невыгодном положении, поскольку для них даже минимальный штраф может представлять непосильное финансовое бремя. В то же время для обеспеченных лиц аналогичная сумма не обладает сколько-нибудь значимым превентивным эффектом. Таким образом, вместо восстановительной функции институт судебного штрафа может воспроизводить социальную несправедливость.

Отдельного внимания заслуживает вопрос обеспечения реального исполнения судебных штрафов. Отсутствие централизованной системы мониторинга и контроля создает предпосылки для массовой неуплаты назначенных взысканий. Несовершенство механизмов принудительного исполнения

и межведомственного взаимодействия приводит к ситуации, когда значительная часть судебных решений о назначении штрафов остается лишь на бумаге. Это не только дискредитирует сам институт, но и подрывает авторитет судебной власти в целом.

Проведенный анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что действующая модель судебного штрафа требует существенной корректировки как на нормативном, так и на организационном уровнях. Для реализации его потенциала в качестве инструмента гуманизации уголовной политики необходима системная модернизация, включающая:

1. Легальную конкретизацию критериев назначения и определения размера штрафа для минимизации судебного усмотрения.

2. Разработку методических рекомендаций для судей, способствующих единообразному применению норм.

3. Создание эффективного административного механизма контроля и обеспечения исполнения.

Только комплексный подход, направленный на устранение выявленных дисфункций, позволит трансформировать судебный штраф из не действующей санкции в действенный инструмент, способный снизить репрессивную нагрузку на правосудие и смягчить социальные последствия осуждения.

Оценка эффективности любого правового нововведения невозможна без обращения к количественным показателям. Анализ официальной статистики, предоставляемой Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации и Федеральной службой судебных приставов, свидетельствует о положительной, хотя и недостаточно интенсивной, динамике применения судебных штрафов. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа уголовных дел, разрешаемых с применением данной меры. В частности, за период 2024 года был зафиксирован рост соответствующих судебных актов на 15 % по сравнению с предыдущим отчетным периодом. Эта статистика, однако, требует критического осмысления в контексте общего числа дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, где потенциально возможно применение ст. 76.2 УК РФ.

Ключевым индикатором интеграции нового института в правоприменительную практику выступает удельный вес дел, разрешаемых посредством назначения судебного штрафа в общей массе уголовных дел соответствующей категории.

Анализ судебно-следственной практики применения штрафа указывает на необходимость дальнейшего совершенствования правовых норм и организационных механизмов, способствующих более эффективному и справедливому применению данной меры. Необходимы комплексные изменения, которые уже могли бы нацелить судебные органы на более активное использование штрафа как правового инструмента, направленного на

гуманизацию правоприменительной практики, минимизацию негативных последствий для осужденных и уменьшение нагрузки на пенитенциарную систему [1, 3].

Так, согласно данным судебной статистики за 2025 год, в 30 % случаев по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести суды избрали данную меру в качестве альтернативы традиционным видам наказания, что свидетельствует о формировании определенной, хотя и не доминирующей, практики. Указанный показатель может интерпретироваться как позитивный сигнал, отражающий постепенную трансформацию судейского правосознания в сторону более дифференцированного и восстановительного подхода. Он коррелирует с общемировым трендом на диверсификацию мер уголовно-правового воздействия и поиск вне-тюремных санкций. Однако для объективной оценки необходимо учитывать, что 30 % – это показатель возможного применения, а не реального охвата всех случаев, где законные основания для назначения штрафа имелись. Таким образом, статистика фиксирует не столько повсеместный переход к гуманизации, сколько наличие устойчивой, но ограниченной модели его применения в определенном сегменте уголовных дел.

Кроме того, статистический анализ также выявляет наличие устойчивой корреляции между категорией преступления и размером назначаемого судебного штрафа. Эмпирические данные подтверждают, что суды в целом следуют принципу соразмерности: по делам о преступлениях небольшой тяжести медианный размер взыскания, как правило, не превышает 10 000 рублей, тогда как за деяния средней тяжести эта сумма может возрастать до 50 000 рублей. Эта градация свидетельствует о попытке судебных органов индивидуализировать наказание, учитывая степень общественной опасности содеянного.

Однако формальное соблюдение принципа соразмерности вступает в противоречие с проблемой реальной исполнимости наказания. Согласно данным на конец 2025 года, приблизительно четверть (15 %) всех назначенных судебных штрафов остаются неисполненными. Этот высокий показатель неплатежей указывает на системный кризис исполнения и ставит под сомнение практическую эффективность всего института.

Правозащитные организации справедливо акцентируют внимание на социальном аспекте данной проблемы. Для лиц, находящихся в сложном финансовом положении, даже штраф в 10 000 рублей может представлять собой непосильное бремя. В результате, вместо достижения цели восстановительного правосудия, возникает риск вторичной виктимизации и фактического привлечения к ответственности уже за неуплату штрафа, что воспроизводит порочный круг криминализации социально уязвимых групп.

Внедрение института судебного штрафа в практику выявила фундаментальную коллизию между предоставленной суду свободой усмотрения и конституционным требованием равенства всех перед законом и судом

(ст. 19 Конституции Российской Федерации). Отсутствие детализированных законодательных критериев и единых методических рекомендаций приводит к тому, что применение данной меры приобретает выраженный дискреционный характер.

Судьи, формально руководствуясь положениями ст. 76.2 УК РФ, на практике осуществляют широкую интерпретацию таких оценочных понятий, как «характер и степень общественной опасности» и «личность виновного». Это порождает значительную вариативность в решениях, которая проявляется на двух уровнях:

1. Вертикальная вариативность: разное решение по схожим делам в зависимости от судебного состава или региона.

2. Горизонтальная вариативность: непропорциональный разброс в размерах штрафа за тождественные деяния.

Особую озабоченность вызывает практика, при которой тяжесть финансового положения обвиняемого становится не просто одним из учитываемых обстоятельств, а доминирующим фактором, подменяющим оценку тяжести самого деяния. Такой подход, по сути, приводит к установлению «двухскоростного правосудия», где мера ответственности определяется не опасностью поступка для общества, а экономическим статусом правонарушителя, что является прямым нарушением принципа справедливости и соразмерности наказания.

Инструменты статистического анализа могут служить многими поводами для пересмотра существующих механизмов назначения и исполнения судебных штрафов, чтобы обеспечить их справедливость и эффективность в реалиях современного общества [7].

В процессе практического применения судебного штрафа, как меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, выявляется ряд существенных проблем, которые оказывают значительное влияние на уголовный процесс. Наиболее очевидной является проблема неравномерного и часто произвольного применения данной меры. Судьи, принимая решения о назначении штрафа, руководствуются как законодательными нормами, так и собственной интерпретацией обстоятельств дела. Такой подход может создавать ситуацию, в которой равнозначные правонарушения получают разные меры наказания, основываясь на субъективном мнении судьи. В частности, тяжесть финансового положения обвиняемого может играть слишком значимую роль в решении суда, что, собственно, противоречит принципу справедливости в правоприменении [4].

В правоприменительной деятельности существует еще одна проблема, которая заключается в низком уровне понимания института судебного штрафа и среди судей, и среди представителей адвокатского сообщества. Защитники часто не рекомендуют своим клиентам применять рассматриваемую нами меру, поскольку они не полностью осознают ее преимущества. В результате, некоторые обвиняемые утрачивают возможность воспользоваться мерой уголовно-правового характера в виде судебного

штрафа, что в конечном итоге приводит к переполнению исправительных учреждений и увеличению числа осужденных. Это также демонстрирует недостаток правовой информации, доступной гражданам, и говорит о необходимости повышения правовой грамотности [2].

Эмпирические данные указывают на то, что институт судебного штрафа, помимо правовых коллизий, порождает значительные социальные издержки. В случаях, когда размер штрафа несоразмерен реальным доходам правонарушителя, его неуплата может спровоцировать каскад негативных жизненных событий: потерю работы, деградацию семейных связей, социальную изоляцию. Таким образом, мера, декларируемая как альтернатива изоляции, на практике может приводить к иной форме социальной эксклюзии, подрывая реабилитационный потенциал правосудия и способствуя росту маргинализации. Вместо разрешения конфликта система порождает новый – между должником и государством, переводя уголовно-правовую проблему в плоскость хронической финансовой несостоятельности и перманентной угрозы нового преследования.

Ключевым фактором, усугубляющим ситуацию, выступает институциональная неразвитость системы контроля и обеспечения исполнения судебных штрафов. Отсутствие единого автоматизированного реестра, четких административных процедур и эффективного межведомственного взаимодействия (суд – ФССП – банковская система) создает режим правовой неопределенности как для осужденного, так и для контролирующих органов. Осужденный нередко лишается доступных возможностей для уплаты судебного штрафа либо ходатайства об отсрочке платежа, что в конечном итоге выражается в уклонении от его уплаты. В свою очередь, правоприменитель, не имеет оперативных инструментов для выявления подобных случаев и реагируя в рамках закона привлекает к уголовной ответственности виновного.

Таким образом, несмотря на прогрессивный характер законодательных новелл, повлекших внедрение института судебного штрафа в современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, в настоящее время все же остается ряд неразрешенных задач как в области теоретического его осмысления, так и в области его правоприменения.

Библиографический список

1. Лебедев А. В., Диденко Ю. А. Умышленное неисполнение договорных обязательств как ужествитель фронда, предусмотренного статьей 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 133 –141.

2. Лепина Т. Г. Сущность судебного наказания в уголовном праве // Вестник ТвГУ. Серия : Право. 2020. № 3 (63). С. 16–21.

3. Можуга В. В. Юридическая природа решений Конституционного суда Российской Федерации в их соотношении с решениями суда ЕврАзЭС // Право и политика. 2014. № 1. С. 37–41.

4. Сошникова И. В., Махмутова А. З. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Тенденции развития науки и образования. URL: https://elibrary.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Хачатрян А. К. Освобождение от уголовной ответственности за налоговые преступления // Налоги и налогообложение. 2014. № 9. С. 846–855.

© Климович Н. В., 2026

УДК 343.1

Косолапова К. С. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва);
Научный руководитель:
Химичева О. В. – начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, г. Москва)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

PROCEDURAL RESTRICTIONS ON THE APPLICATION OF DETENTION AS A PREVENTIVE MEASURE AGAINST INDIVIDUALS CONVICTED OF ECONOMIC CRIMES

Аннотация. В статье анализируются положения ч. 1.1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с точки зрения процессуальных ограничений, установленных при применении меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Автор делает вывод о том, что данная норма не исключает возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении исследуемой категории граждан, что свидетельствует о ее ограничительном, а не запретительном характере.

Ключевые слова: процессуальные ограничения, мера пресечения, заключение под стражу, преступления в сфере экономики, предприниматели.

Abstract. The article analyses the provisions of part 1.1 of article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the perspective of procedural limitations arising in the application of detention as a preventive measure in criminal cases involving economic offences. It is concluded that the provision does not preclude the use of detention as a preventive measure against the category of individuals under study, which demonstrates its restrictive rather than prohibitive nature.

Keywords: procedural restrictions, preventive measure, pre-trial detention, economic crimes, entrepreneurs.

На протяжении длительного периода времени в сфере уголовно-процессуального регулирования наблюдается четкая тенденция к повышению уровня гарантий прав лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, интересы которых могут быть затронуты в рамках уголовного судопроизводства. Подобная тенденция обусловлена необходимостью формирования в нашей стране благоприятного делового и инвестиционного климата, особенно в условиях «санкционной агрессии», с которой столкнулось наше государство [1]. На совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов, состоявшемся 19февраля 2026 года, Президент Российской Федерации В. В. Путин акцентировал внимание на гуманизации уголовного законодательства и смягчении практики избрания мер пресечения, связанных с ограничениями права на свободу. Законность и обоснованность заключения под стражу предпринимателей является предметом повышенного внимания со стороны высшего руководства страны и контролирующих инстанций [2].

Правовое регулирование применения меры пресечения в виде заключения под стражу осуществляется на основе ряда нормативных правовых актов. Положения ст. 22 Конституции Российской Федерации гарантируют право на свободу и лучную неприкосновенность, что является фундаментальной аксиологической основой всего уголовно-процессуального законодательства. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержатся как базовые нормы, регламентирующие избрание мер пресечения (ст. 97, 99 УПК РФ), так и нормы, регулирующие порядок и условия заключения под стражу (ст. 108 и др. УПК РФ).

Так, ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ закрепляет специальные ограничения при применении этой меры в ходе расследования преступлений в сфере экономики. Иначе говоря, рассматриваемая норма формирует правовой механизм, усиливающий защищенность лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность посредством введения процессуальных ограничений, установленных для должностных лиц, уполномоченных применять к подозреваемым (обвиняемым) меры пресечения для обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Подобного рода ограничения нацелены на снижение риска произвольного применения репрессивных мер и ориентируют следователя, дознавателя на использование альтернативных мер пресечения.

На основании вышеизложенного и согласно систематизации ограничительных ресурсов процессуального права для субъектов публичной власти, предложенной в исследованиях Б. В. Макогона, ограничения, закрепленные в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, можно отнести к аксиологическим. Подобные ограничения связаны с тем, что границы деятельности государства в этом случае определяются субъективными правами и свободами личности [3, с. 58]. Аксиологический характер ограничений, содержащихся в исследуемой норме, определен тем, что они направлены на обеспечение баланса

между интересами общества, государства и личности. Определение подобного рода границ обусловлено стремлением минимизировать ограничение свободы предпринимателей и сохранить возможность их участия в хозяйственной деятельности в ходе расследования, но только в случае, если это не создаст угроз при производстве по уголовному делу.

В части 1.1 ст. 108 УПК РФ закреплен исчерпывающий перечень условий, наличие которых в совокупности служит основанием для ограничения компетенций должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в части избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления в сфере экономики. Указанная совокупность включает в себя следующие условия.

Во-первых, необходимо наличие специального субъекта: индивидуальные предприниматели, члены органов управления коммерческой организации или иные лица, наделенные полномочиями по управлению имуществом коммерческой организации. Таким образом, необходимо установить наличие прямой зависимости между инкриминируемым деянием и особым статусом подозреваемого (обвиняемого) лица.

Во-вторых, противоправное деяние должно быть совершенно обозначенным ранее субъектом в строгой привязке к его легитимной экономической роли. Оно проистекает из факта ведения предпринимательской деятельности или является следствием реализации управленческих полномочий в структуре хозяйственного общества или в иной сфере, имеющей экономическое содержание.

В-третьих, процессуальные ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу действуют при совершении субъектом определенных преступлений: различные формы мошенничества, присвоение и растрата, незаконные предпринимательство и банковская деятельность, незаконное образование юридического лица и легализация доходов, незаконное получение кредитов и ограничение конкуренции, нарушения в сфере интеллектуальной собственности, коммерческой тайны и ценных бумаг, валютные и налоговые преступления, злоупотребления полномочиями.

В-четвертых, должностное лицо может быть ограничено в применении к подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражу, если при избрании меры пресечения не установлены обстоятельства, предусмотренные п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Данное условие выступает в роли ключевого ограничения: оно не исключает применение меры пресечения в виде заключения под стражу, а формирует систему дополнительных процессуальных барьеров, которые позволяют минимизировать риски применения данной меры в отношении определенной группы субъектов. Положения ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ не исключают применение к индивидуальным предпринимателям меры пресечения в виде заключения под стражу. Помимо этого, данная норма «должна применяться в системной

взаимосвязи с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, и с положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в частности статьями 97 и 99 УК РФ» [4, с. 239–240].

Таким образом, можно отметить, что ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ устанавливает ограничения, действующие только при одновременном соблюдении всех перечисленных в норме условий. Он не устанавливает абсолютный запрет на применение заключения под стражу по экономическим преступлениям. Данный механизм обеспечивает оптимальный баланс между необходимостью достижения целей уголовного судопроизводства и защитой прав субъектов предпринимательской деятельности.

Практике ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ известен ряд проблем, которые снижают эффективность реализации установленных гарантий при применении меры пресечения в виде заключения под стражу при расследовании преступлений в сфере экономики, в их числе исследователи наиболее часто выделяют следующие:

– неоднозначное толкование понятия «предпринимательская деятельность» [5, с. 16–17; 6, с. 35];

– формальный подход к установлению связи между совершенным уголовно наказуемым деянием и осуществляемой подозреваемым (обвиняемым) предпринимательской деятельностью [7, с. 16; 8];

– установление законности и незаконности предпринимательской деятельности [4, с. 241].

Существуют и иные проблемы правоприменения исследуемой нормы: наличие возможности обойти установленное ограничение, низкая результативность альтернативных заключению под стражу мер пресечения и др. Данный факт дает основание полагать, что процессуальные ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу, несмотря на законодательное закрепление, на практике не в полной мере обеспечивают достижение целей, которые ставились законодателем при их введении.

В заключение стоит отметить, что рассмотренные процессуальные ограничения выступают важным инструментом защиты прав предпринимателей и отражают курс на гуманизацию уголовного судопроизводства. Реализация данного курса способствует снижению репрессивного воздействия на бизнес, сохранению деловой активности и укреплению доверия к правовой системе. В то же время важно: для достижения оптимальной эффективности данной нормы требуется дальнейшее совершенствование правоприменительной практики и устранение существующих пробелов в законодательстве.

Библиографический список

1. Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 14 февраля 2023 года // Президент России : офиц. сайт. URL:

http://www.kremlin.ru/events/president/news/70510/photos (дата обращения: 15.02.2026).

2. Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 19 февраля 2026 года // Президент России : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

3. Макогон Б. В. Концепция процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений : монография / Б. В. Макогон. М. : ЮрВАК, 2020. 315 с.

4. Панфилов П. О. Проблемы установления обстоятельств, предусмотренных ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовное судопроизводство России : проблемы и перспективы развития : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 238–243.

5. Кирпу А. В. Проблемные аспекты при определении критериев предпринимательской деятельности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении экономических преступлений // Российский следователь. 2025. № 1. С. 14–18.

6. Зяблина М. В. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей // Законность. 2019. № 11 (1021). С. 34–37.

7. Аширбекова М. Т., Попова Л. В. О нормативной регламентации запрета на заключение под стражу предпринимателей // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 14–19.

8. Рудич В. В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения – мер пресечения // Российское право : образование, практика, наука. 2021. №3. С. 25–31.

© Косолапова К. С., 2026
© Химичева О. В., 2026

УДК 343.1

Крашенинников Д. М. – старший оперуполномоченный 1 отделения ЭБиПК УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве (Россия, г. Москва)

ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

LEGALITY AND VALIDITY OF INITIATING A CRIMINAL CASE ON ILLEGAL BANKING ACTIVITIES: STATEMENT OF THE PROBLEM

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые проблемы возбуждения уголовного дела о незаконной банковской деятельности, приводятся статистические показатели как в целом по преступлениям главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, так и отдельных составов преступных деяний в сфере экономической деятельности. Выдвигается гипотеза о существующем диссонансе, возникающем при проверке сообщений о незаконной банковской деятельности, поступивших на основе полученных результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, сообщение о преступлении, процессуальная проверка, возбуждение уголовного дела, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Abstract. In this article, the author examines certain issues regarding the legality and validity of initiating criminal proceedings for illegal banking activities, providing statistical data on both the offenses under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and its individual components. A hypothesis is advanced regarding the existing dissonance that arises when verifying reports of illegal banking activities based on the results of operational search operations.

Keywords: illegal banking activity, crime report, procedural review, initiation of criminal proceedings, operational investigative activity results.

Анализ экономического состояния Российской Федерации в современный период показывает, что отечественная экономика постоянно сталкивается с различными вызовами и угрозами. Декларируемая Указом Президента Российской Федерации Стратегия экономической безопасности нашего государства относит к основным вызовам и угрозам «высокий уровень криминализации в экономической сфере» и «сохранение значительной доли теневой экономики» [1].

В этом ключе деятельность государственных органов исполнительной власти и их должностных лиц, направленная на борьбу с преступностью в сфере экономической деятельности и обеспечением экономической безопасности остается существенной задачей нашего государства, о чем ежегодно подчеркивается на самом высоком уровне [2].

Следует отметить, что преступления, предусмотренные главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее – УК РФ), довольно многогранны, так как охватывают значительное количество протекающих повсеместно экономических процессов, нарушение которых часто приводит к образованию того или иного состава преступления. Так, П. О. Панфиловым обосновано предположение о том, что «к совокупности преступлений, совершенных в сфере экономической и предпринимательской деятельности, относятся преступления, предусмотренные частями 5–7 статьи 159, статьями 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ, а также преступления, предусмотренные частями 1–4 статьи 159, статьями 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 201 УК РФ, совершенные в сфере предпринимательской деятельности» [4]. Однако в ученом сообществе существуют различные мнения по поводу дифференциации указанных составов преступлений на отдельные группы. Например, М. М. Савченко использует разделение на преступления в денежно-кредитной сфере, связанные с деятельностью финансовых организаций (статья 172 УК РФ, статья 172.1 УК РФ, статья 172.2 УК РФ, статья 172.3 УК РФ), преступления в сфере кредитования (статьи 176, 177 УК РФ) и преступления в сфере оборота денег и ценных бумаг (статья 186 УК РФ, статья 187 УК РФ) [5].

Наиболее распространенными, в определенной степени «конкурирующими» [6], а также формирующими значительный удельный вес преступных деяний, охватываемых главой 22 УК РФ, в последние годы являются незаконное предпринимательство (статья 171 УК РФ) и незаконная банковская деятельность (статья 172 УК РФ).

Оценивая существенные различия количества зарегистрированных сообщений о названных преступлениях на территории Российской Федерации за последние годы, представленные СВПС ИСОД МВД России [1] (в 2020 году по статье 171 УК РФ зарегистрировано 17057 сообщений, по статье 172 УК РФ – 1094 сообщения; в 2021 году по статье 171 УК РФ – 15535, по статье 172 УК РФ – 871; в 2022 году по статье 171 УК РФ – 13965, по статье 172 УК РФ – 789; в 2023 году по статье 171 УК РФ – 12842, по статье 172 УК РФ – 813, в 2024 году по статье 171 УК РФ – 10206, по статье 172 УК РФ – 1061). Следует зафиксировать прослеживаемую тенденцию снижения количества зарегистрированных сообщений по статье 171

[1] Сервис ведомственной правовой статистики Единой системы информационно-аналитического обеспечения Министерства внутренних дел Российской Федерации [Ведомственный доступ].

УК РФ *(снижение минимум на 1500 сообщений год к году),* при одновременном увеличении не только процентного соотношения зарегистрированных сообщений о преступлениях, предусмотренных статьей 172 УК РФ, но и их общего числа (по всей России за 2020 год количество сообщений о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК РФ составляло 183 119 сообщений (из них по статье 172 УК РФ – 1094 сообщения, что составляет 0,59 %), за 2021 год – 178 407 сообщений (из них по статье 172 УК РФ – 871 сообщение, что составляет 0,48 %), за 2022 год – 144 773 сообщения (из них по статье 172 УК РФ – 789 сообщений, что составляет 0,54 %), за 2023 год – 120 060 сообщений (из них по статье 172 УК РФ – 813 сообщений, что составляет 0,67 %), за 2024 год – 106 725 сообщений (из них по статье 172 УК РФ – 1061 сообщение (0,99 %)), что прямо свидетельствует об устойчивости совершения таких противоправных деяний, их продолжающемся негативном влиянии на экономику государства, а также нарастающей актуальности исследования проблем, возникающих на этапе проверки сообщений о незаконной банковской деятельности и принимаемых решений по результатам их рассмотрения.

В продолжение вышеизложенного рассмотрим статистические сведения о принятых решениях по результатам проверки поступивших сообщений о незаконной банковской деятельности, представленные СВПС ИСОД МВД России, согласно которым:

– за 2020 год из 1094 сообщения по статье 172 УК РФ принято решение о возбуждении уголовного дела в 137 случаях (12,5 %), 534 «отказных»[1] (48,8 %), из которых по пунктам 1,2 части 1 статьи 24 УПК РФ – 534 «отказных» (100 %), отменено 293 «отказных» (53 %) с последующим возбуждением 22 уголовных дел (7,5 % от числа «отказных»);

– за 2021 год из 871 сообщения по статье 172 УК РФ принято решение о возбуждении уголовного дела в 108 случаях (12,4 %), 447 «отказных» (51,3 %), из которых по пунктам 1,2 ч. 1 статьи 24 УПК РФ – 447 «отказных» (100 %), отменено 179 «отказных» (40 %) с последующим возбуждением 25 уголовных дел (14 % от числа «отказных»);

– за 2022 год из 789 сообщений по статье 172 УК РФ принято решение о возбуждении уголовного дела в 122 случаях (15,5 %), 445 «отказных» (56,4 %), из которых по пунктам 1,2 ч. 1 статьи 24 УПК РФ – 444 «отказных» (99,9 %), отменено 157 «отказных» (40 %) с последующим возбуждением 13 уголовных дел (8 % от числа «отказных»);

– за 2023 год из 813 сообщений по статье 172 УК РФ принято решение о возбуждении уголовного дела в 102 случаях (12,5 %), 419 «отказных» (51,5 %), из которых по пунктам 1,2 ч. 1 статьи 24 УПК РФ – 418 «отказных»

[1] В целях краткости изложения используется жаргонизм для обозначения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

(99,9 %), отменено 166 «отказных» (20,4 %) с последующим возбуждением 23 уголовных дел (14 % от числа «отказных»);

– за 2024 год из 1061 сообщения по статье 172 УК РФ принято решение о возбуждении уголовного дела в 119 случаях (11,2 %), 585 «отказных» (55,1 %), из которых по пунктам 1,2 ч. 1 статьи 24 УПК РФ – 583 «отказных» (99,9 %), отменено 210 «отказных» (35,9%) с последующим возбуждением 29 уголовных дел (14 % от числа «отказных»).

На основании анализа статистических данных можно утверждать, что на протяжении последних нескольких лет количество принятых решений о возбуждении уголовного дела по поступившим сообщениям о незаконной банковской деятельности на этапе их проверки едва превышает 15 % от их общего числа. Напротив, число принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 172 УК РФ, превалирует и устойчиво превышает 45 % от их общего числа.

Заметим, что тенденции и закономерности, характерные как для преступлений в сфере экономической деятельности в целом, так и для преступлений, предусмотренных статьей 172 УК РФ, в частности, являлись предметом анализа на протяжении как минимум последних 10 лет [7, 8, 9]. Однако отсутствие реальных изменений и сохранение обозначенных проблем лишь подчеркивает значимость, актуальность и необходимость разработки предложений по устранению накопившихся проблемных вопросов и оптимизации правоохранительной деятельности в обозначенном направлении.

На первый взгляд, незначительный процент возбужденных по результатам проверки сообщений о таких преступлениях уголовных дел может сподвигнуть к мысли о том, что сам факт возбуждения уголовного дела о незаконной банковской деятельности – четко выверенное и согласованное процессуальное решение должностных лиц органов предварительного следствия, но соответствует ли сложившаяся практика относительно низкого процентного соотношения возбуждаемых по результатам проверки сообщений уголовных дел о незаконной банковской деятельности значимости своевременного противодействия данным преступным деяниям?

Опираясь на практический опыт, возможно утверждать, что специфика фиксации информации, имеющей ключевое доказательственное значение для последующего законного, обоснованного и мотивированного решения о возбуждении уголовного дела о незаконной банковской деятельности и его расследования имеет место в большинстве случаев не на этапе проверки по поступившему сообщению процессуальным путем, а на более раннем этапе, характеризующемся полномочиями должностных лиц органов дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), в рамках которой в порядке действующей «Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [10] (далее– Инструкция) происходит до-

кументирование соответствующих материалов, свидетельствующих о наличии признаков названного преступления, и предоставление результатов ОРД в органы предварительного следствия, должностными лицами которых проводится последующее рассмотрение поступивших материалов на предмет установления повода и основания для возбуждения уголовного дела.

Необходимо подчеркнуть, что согласно пункту 18 Инструкции «результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если они известны), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела», чем и руководствуются должностные лица оперативных подразделений органов внутренних дел при документировании полученных ими сведений.

Исходя из изложенного, становится очевидным, что предъявляемые требования к материалам, собранным в результате ОРД, по сути своей, могут и должны устанавливать не только признаки, но и состав этого преступления еще до возбуждения уголовного дела, ориентируясь также на то, что правоприменительная практика продолжает предъявлять к лицу, проводящему проверку сообщения о преступлении, требования об установлении всех признаков состава преступления, чтобы исключить дальнейшее прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Все эти факторы особенно остро проявляются по уголовным делам в сфере экономической деятельности и, в частности, по статье 172 УК РФ.

Следовательно, если правоприменительная практика продолжает предъявлять такие требования, можно выдвинуть гипотезу о том, что проверка поступивших в виде результатов ОРД сообщений о незаконной банковской деятельности должна сводиться к преобладающему принятию положительного решения о возбуждении уголовного дела в рамках сроков проведения проверки, предусмотренных статьей 144 УПК РФ, и как следствие – отражаться в отличных от текущего положения статистических данных о количестве возбужденных уголовных дел. Между тем можно засвидетельствовать некий диссонанс в данном вопросе, что, несомненно, нуждается в исследовании с анализом сложившейся практики и ее теоретико-прикладном осмыслением.

Библиографический список

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Президент Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 16.02.2026).

2. Выступление Президента Российской Федерации на расширенной коллегии МВД России 5 марта 2025 г. // Президент Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 14.02.2026).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25.

4. Панфилов П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. : МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2019.

5. Савченко М. М. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления в денежно-кредитной сфере : дис. … д-ра юрид. наук. М : Московский гуманитарный университет, 2025.

6. Жеребченко А. В., Правкин И. В., Чугунов А. А. Актуальные проблемы отграничения незаконного предпринимательства от смежных составов преступлений // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 192–197.

7. Волков В. В. Произвольная активность правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью. Анализ статистики / В. В. Волков, Э. Л. Панеях, К. Д. Титаев. СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2010. 24 с.

8. Четверикова И. Уроки либерализации : отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009–2013 гг. (исследовательский отчет). СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2016. С. 24, 26.

9. Четверикова И. Аналитический обзор «Структура и основные черты экономических преступлений в России (на основе данных 2013–2016 годов)» / И. Четверикова, К. Титаев. СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2017. 54 с.

10. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Крашенинников Д. М., 2026

УДК 343.1

Курченко М. Ю. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова (Россия, г. Хабаровск)

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PROBLEMS OF SEIZURE PRODUCTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ института выемки в российском уголовном судопроизводстве. Актуальность статьи обусловлена системными проблемами, возникающими на стыке нормативного регулирования и правоприменительной практики, которые затрудняют соблюдение баланса между эффективностью расследования и защитой конституционных прав участников процесса. В ходе исследования установлено, что основными источниками правовых неопределенностей являются расплывчатая формулировка оснований для производства выемки, недостаточное разграничение этого действия от обыска. Особое внимание уделено противоречиям в регулировании следственных действий в помещениях организаций с особым правовым статусом, таким как ломбарды. Автор приходит к выводу, что решение существующих проблем требует не только законодательных изменений, но и повышения профессионального уровня должностных лиц, осуществляющих производство следственных действий.

Ключевые слова: выемка, производство выемки, основания для производства выемки, уголовное судопроизводство, доказывание.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the institution of seizure in Russian criminal proceedings. The relevance of the article is due to systemic problems that arise at the junction of regulatory regulation and law enforcement practice, which make it difficult to maintain a balance between the effectiveness of the investigation and the protection of the constitutional rights of participants in the process. The study found that the main sources of legal uncertainty are the vague formulation of the grounds for seizure, insufficient differentiation of this action from a search. Particular attention is paid to the contradictions in the regulation of investigative actions in the premises of organizations with a special legal status, such as pawnshops. The author comes to the conclusion that solving existing problems requires not only legislative changes, but also improving the professional level of officials conducting investigative actions.

Keywords: excavation, excavation, grounds for excavation, criminal proceedings, evidence.

В условиях правового государства фундаментальные устои общественного устройства опираются на принцип верховенства закона, который выступает в качестве универсального регулятора и ориентира для всех участников общественных отношений. В сфере уголовно-процессуального права данный принцип приобретает особое значение, предполагая строгое и последовательное соблюдение установленных процессуальных норм всеми субъектами уголовного судопроизводства.

Проблемы производства выемки в уголовном судопроизводстве являются многоаспектными и проистекают как из несовершенства законодательной регламентации, так и из трудностей, возникающих в правоприменительной практике. В рамках уголовного судопроизводства проблематика производства выемки обусловлена фундаментальным противоречием между оперативной необходимостью сбора доказательственной базы и императивом защиты прав, свобод и законных интересов как физических, так и юридических лиц. Одним из ключевых источников указанных коллизий выступает недостаточная нормативная определенность ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), касающихся как оснований, так и процессуального порядка осуществления выемки.

В частности, расплывчатая формулировка понятия «предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 182 УПК РФ) порождает значительную правоприменительную неопределенность. Кроме того, на практике встречаются случаи, когда под видом выемки, санкционированной судом, часто производится полноценный обыск, при котором нарушаются гарантии неприкосновенности жилища и личной свободы. Это особенно актуально в случаях, когда лицо, у которого производится выемка, не является подозреваемым или обвиняемым, а просто владеет интересующими следствие предметами или документами. В таких ситуациях баланс между интересами правосудия и правами граждан смещается в сторону обвинения [1, с. 163].

Одной из существенных проблем, сопряженных с институтом выемки в уголовном процессе, является недостаточная нормативная конкретизация ее процессуальных оснований. Положение ч. 1 ст. 182 УПК РФ, допускающее производство выемки «в случае, если точно известно, где и у кого находятся предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела», характеризуется значительной абстрактностью и правовой неопределенностью.

Подобная формулировка наделяет следователя чрезмерно расширенными усмотрительными полномочиями, что открывает возможность для произвольного и субъективного толкования условий, при которых допустимо производство выемки. Такая правовая неопределенность неизбежно ведет к росту рисков необоснованного вторжения в личную сферу граждан, а также к нарушению законных интересов юридических лиц. Подобные

практики находятся в прямом противоречии с конституционными гарантиями, закрепляющими право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции Российской Федерации) и свободу предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции Российской Федерации).

В то же время на оперативном уровне часто возникают объективные сложности, связанные с подтверждением точного местонахождения предметов или документов, подлежащих изъятию. Отсутствие в законе четких, верифицируемых критериев, позволяющих отнести имеющуюся информацию к категории «точно известной», способствует тому, что выемка нередко инициируется на основе предположений, косвенных данных или недостаточно проверенных сведений. В таких условиях следственное действие теряет свою целенаправленность, превращаясь в формальную процедуру, которая не только не способствует установлению истины по делу, но и может наносить ущерб репутации и деятельности лиц, не имеющих отношения к совершенному преступлению. Следовательно, детализация и нормативное уточнение оснований для производства выемки выходит за рамки исключительно процессуальной техники: это становится необходимым условием обеспечения справедливого баланса между публичным интересом в раскрытии преступлений и защитой фундаментальных прав личности в уголовном судопроизводстве.

Недостаточно регламентирован вопрос о праве лица, у которого производится выемка, на юридическую помощь. В условиях психологического давления и стресса, вызванного следственным действием, участие адвоката могло бы обеспечить соблюдение законности и предотвратить возможные нарушения. Однако УПК РФ не обязывает следователя предоставлять такую возможность, что ставит лицо в неравное положение перед государством [2, с. 44–46].

Решение данных проблем видится в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. Необходимо внести ясность в определение оснований и порядка проведения выемки, четко отграничив ее от обыска. Следует установить более строгие критерии определения «предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела».

В этой связи особого внимания заслуживает правовое регулирование выемки, закрепленное в ст. 183 УПК РФ. Юридическая конструкция данной нормы вызывает серьезные сомнения в плане ее соответствия специфике и функциональному назначению следственного действия.

Существенное методологическое упущение заключается в отсутствии в законе четкого дефиниционного определения выемки как самостоятельного процессуального института. Вместо этого законодатель отсылает к процедуре обыска, регулируемой иной нормой (ст. 182 УПК РФ), несмотря на то, что обыск и выемка преследуют принципиально разные цели: если обыск направлен на обнаружение неизвестных следствию объектов, то вы-

емка предполагает изъятие заранее идентифицированных предметов или документов.

Такое нормативное смешение двух юридически различных действий порождает внутренние коллизии в правовой конструкции статьи 183 УПК РФ, затрудняет ее единообразное применение на практике и создает риски нарушения процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства. В конечном счете, это снижает эффективность доказывания и подрывает стабильность правового регулирования в сфере производства следственных действий. Сложности в применении выемки как процессуального действия обусловлены нечеткой формулировкой ст. 183 УПК РФ, которая имеет значительное сходство со ст. 182 УПК РФ.

Сравнение законодательных норм, регламентирующих обыск и выемку в уголовном судопроизводстве, демонстрирует незначительные различия в основаниях и практически полную идентичность процедур их проведения. Ч. 1 ст. 182 УПК РФ устанавливает, что основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в определенном месте или у определенного лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела. В свою очередь, ч. 1 ст. 183 УПК РФ указывает, что «при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка». При этом, ч. 2 ст. 183 УПК РФ устанавливает, что выемка проводится в порядке, установленном ст. 182 УПК РФ для обыска.

Несмотря на кажущуюся схожесть целей обыска и выемки, содержание ч. 1 ст. 183 УПК РФ, определяющей основания для производства выемки, представляется более узким по сравнению с обыском. Это выражается, во-первых, в требовании точной информации о местонахождении предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и установлении конкретного лица, в распоряжении которого они находятся. Во-вторых, в четком понимании значимости изымаемых предметов или документов для уголовного дела на момент проведения следственных действий [3, с. 322].

Для повышения эффективности уголовного судопроизводства и обеспечения единообразного применения законодательства, необходимо скорректировать нормы УПК РФ, дополнив его определением «выемка», отражающим сущность и назначение данного процессуального действия. Согласно ч. 5 ст. 182 УПК РФ, выемка может предшествовать обыску. В этой ситуации следователь вправе предложить добровольную выдачу искомых объектов. И. И. Абросимов и М. А. Меркулова полагают, что добровольная выдача может быть расценена как выемка, что исключает необходимость проведения обыска [4, с. 40]. Однако если местонахождение предметов заранее неизвестно и нет уверенности в их выдаче, сначала проводится обыск как самостоятельное действие.

Проблемы при проведении выемки возникают на различных этапах из-за неясностей в законодательстве и правовых нормах. В частности, спорным является вопрос об определении достаточности оснований для проведения выемки. И. А. Уварова подчеркивает, что отдельные сведения приобретают доказательственную силу только после их надлежащего оформления и приобщения к материалам дела [5, с. 36].

Действующее законодательство запрещает проведение выемки в ночное время, которое, согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ, длится с 22:00 до 06:00 часов. Предполагается, что, если следственное действие не может быть завершено до 22:00 часов, оно приостанавливается, помещение опечатывается и ставится под охрану, а утром возобновляется. Такая процедура может привести к пусть и небольшому, но затягиванию расследования, поскольку иногда проще завершить действие сразу, чем откладывать его. Однако при невозможности опечатывания помещения и выставления охраны допускается продолжение следственного действия, если это обусловлено неотложностью ситуации, предусмотренной законом.

На наш взгляд, существенным упущением в законодательстве является отсутствие четко определенного списка мер, направленных на предотвращение разглашения информации о частной или личной жизни гражданина, которая может стать известна в процессе выемки. Помимо взятия с участников подписки о неразглашении информации (ст. 161 УПК РФ) и предупреждения об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), иные меры не предусмотрены. Вместе с тем, ряд исследователей полагают, что этот перечень необходимо расширить и конкретизировать.

Распространенной проблемой в ходе выемки является заявление лица, у которого производится выемка, о том, что определенные предметы были ему подброшены. Такое заявление может поставить под сомнение результаты всего следственного действия, поэтому все участвующие лица должны активно участвовать в процессе. Это подразумевает внимательное наблюдение за происходящим, личное присутствие в момент обнаружения и изъятия предметов, документов, ценностей и других вещей. Это необходимо для того, чтобы в случае заявления подозреваемого о фальсификации, иметь возможность аргументированно подтвердить или опровергнуть эту версию. В связи с этим, целесообразно разработать соответствующее положение в УПК РФ и ввести его в действие.

Следует отметить, что, несмотря на отдельные критические замечания в адрес практики применения выемки, значительная часть научного сообщества в целом признает обоснованность существующего правового регулирования, особенно в части производства выемки объектов, обладающих особым правовым статусом.

Особого внимания заслуживает дисбаланс в нормативном регулировании следственных действий, проводимых в помещениях ломбардов. В со-

ответствии с п. 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ обыск в ломбарде может осуществляться без судебного разрешения, тогда как выемка допустима исключительно на основании судебного решения. Как справедливо отмечает А. А. Хайдаров, подобное различие создает риски нарушения процессуальных гарантий: если вместо выемки в ломбарде проводится обыск, предметы (в частности, драгоценности или иные ценности), изъятые в ходе такого действия, могут быть признаны недопустимыми доказательствами, поскольку их изъятие не соответствовало установленному законом порядку для объектов с особым правовым режимом. Указанное противоречие свидетельствует о потребности в унификации процессуальных предпосылок для подобных следственных действий, с обязательным учетом правовой природы и специфики объекта.

Подводя итог следует отметить, что выемка как самостоятельный институт доказывания в уголовном процессе нуждается в комплексном и теоретически обоснованном переосмыслении. Существующая нормативная неопределенность, проявляющаяся в недостаточной конкретизации отдельных положений уголовно-процессуального законодательства, обусловливает необходимость разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию, как процессуальных процедур, так и терминологического аппарата. Уточнение и детализация правовых норм, регулирующих порядок производства выемки, способны не только усилить гарантии законности при ее осуществлении, но и сформировать единообразное понимание ее пределов и условий всеми участниками процесса – следователями, судьями, а также лицами, в отношении которых данное следственное действие применяется.

Принудительный характер выемки как следственного действия предопределяет безусловную необходимость соблюдения конституционных гарантий прав и свобод личности, в отношении которой оно осуществляется. Следует особо подчеркнуть, что факт обнаружения и изъятия предмета или документа, формально имеющего значение для уголовного дела, сам по себе не может свидетельствовать о доказанности вины подозреваемого или обвиняемого. Даже при высокой доказательственной ценности таких материалов они не способны в отрыве от совокупности других доказательств служить достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора.

Анализ практики применения выемки позволяет сделать вывод о том, что совокупность проблем, связанных с ее нормативным регулированием и реализацией, носит системный и междисциплинарный характер. Их решение требует комплексного подхода, сочетающего научную проработку доктринальных основ института выемки, совершенствование законодательной базы и повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов.

В числе приоритетных направлений реформирования следует выделить:

– четкое разграничение выемки и обыска – необходимо закрепить в законе дифференцированные критерии выбора того или иного следственного действия, исходя из их функционального назначения: выемка должна применяться исключительно в случаях, когда объект изъятия заранее известен, тогда как обыск – при отсутствии такой определенности;

– конкретизация оснований производства выемки – требуется уточнение формулировок, исключающих произвольное толкование положений УПК РФ;

– унификация процессуального оформления результатов выемки –целесообразно разработать единые стандарты протоколирования, предусматривающие детальное описание изъятых объектов, фиксацию их количественных и качественных характеристик.

Реализация указанных мер позволит не только повысить эффективность доказывания, но и укрепить доверие к уголовному судопроизводству как к институту, балансирующему между интересами правосудия и защитой фундаментальных прав человека.

В целях устранения существующих коллизий и повышения системности правового регулирования представляется целесообразным внести в УПК РФ существенные структурные изменения. Предлагается включить в УПК РФ новую гл. 25.1, посвященную исключительно выемке, ее юридическим последствиям и комбинированным следственным действиям. При этом в действующей гл. 25 УПК РФ следует сохранить лишь нормы, регулирующие обыск.

В контексте современных изменений уголовно-процессуального законодательства особую актуальность приобретает не только нормативное регулирование, но и повышение квалификационного потенциала уполномоченных должностных лиц, осуществляющих следственные действия, в частности – выемку. Существенную роль играет усиление практико-ориентированной составляющей профессиональной подготовки следователей и дознавателей, предполагающее системное освоение ими сложных процессуальных аспектов и нюансов доказывания. Достижение оптимального баланса между оперативной эффективностью расследования и неукоснительным соблюдением конституционных гарантий прав и свобод участников уголовного судопроизводства возможно исключительно при условии совместного взаимодействия двух факторов: четкости и прозрачности правовых норм, с одной стороны, и высокого уровня профессионализма их непосредственных субъектов – с другой.

Следует проводить регулярные обучающие семинары, посвященные вопросам правильного применения норм УПК РФ, соблюдения прав граждан и организаций при проведении следственных действий, а также совре-

менным методам фиксации доказательств. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательной базы и повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов, позволит обеспечить законность и эффективность производства выемки в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Мисюра И. А. О признаках жилища, как места проведения отдельных видов обыска и выемки // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5.

2. Фонова Т. П. Гарантии прав гражданина при производстве обыска // Научная перспектива. 2021. № 1. С. 44–46.

3. Кушков Р. Х., Бжахов Г. М. Проблемы правовой регламентации и производства выемки в российском уголовном процессе // Образование и право. 2024. № 5.

4. Меркулов М. А., Абросимов И. И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85).

5. Уварова И. А. Право на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве как важнейший элемент правового статуса личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2.

© Курченко М. Ю., 2026

УДК 343.1

Латыпов В. С. – начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

УГОЛОВНОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ СУВЕРЕНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF POLITICS SOVEREIGNIZATION OF RUSSIAN LAW

Аннотация. В статье исследуется процесс трансформации досудебного производства в российском уголовном процессе сквозь призму суверe-

низации национального права и цифровой трансформации правосудия. Отказ от либеральной парадигмы и формирование собственной правовой идеологии ставят перед доктриной задачу переосмысления основ предварительного расследования. В работе анализируются факторы, обусловившие необходимость отказа от механического заимствования зарубежных процессуальных институтов.

Рассматриваются концептуальные подходы к построению новой модели досудебного производства, основанной на историческом опыте, публично-правовых началах, национальных интересах и внедрении цифровых технологий. Автором обосновывается тезис о том, что суверенизация уголовного процесса не означает его изоляцию, а предполагает создание конкурентоспособной модели, сочетающей следственные традиции с современными стандартами правосудия и возможностями цифровизации. Сформулированы предложения по ключевым направлениям реформирования: унификация начального этапа производства, укрепление процессуальной самостоятельности следователя, преодоление избыточной формализации итоговых решений, внедрение электронного уголовного дела и технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, суверенизация права, предварительное расследование, национальный интерес, процессуальная самостоятельность, обвинительное заключение, цифровизация, электронное уголовное дело, искусственный интеллект.

Abstract. The article examines the process of transformation of pre-trial proceedings in the Russian criminal process through the prism of the sovereignization of national law and the digital transformation of justice. The rejection of the liberal paradigm and the formation of its own legal ideology pose the task of rethinking the foundations of the preliminary investigation for the doctrine. The paper analyzes the factors that necessitated the rejection of the mechanical borrowing of foreign procedural institutions.

Conceptual approaches to building a new model of pre-trial proceedings based on historical experience, public law principles, national interests and the introduction of digital technologies are considered. The author substantiates the thesis that the sovereignization of the criminal process does not mean its isolation, but implies the creation of a competitive model that combines investigative traditions with modern standards of justice and the possibilities of digitalization. Proposals are formulated on key areas of reform: unification of the initial stage of proceedings, strengthening the procedural independence of the investigator, overcoming excessive formalization of final decisions, introduction of electronic criminal cases and artificial intelligence technologies.

Keywords: criminal procedure, pre-trial proceedings, sovereignization of law, preliminary investigation, national interest, procedural independence, indictment, digitalization, electronic criminal case, artificial intelligence.

В современной юридической литературе все чаще звучит тезис о суверенизации российского права, под которой понимается не изоляция от мирового опыта, а обретение национальной правовой системой способности к самостоятельному развитию на основе собственных исторических, культурных и ценностных оснований. Уголовно-процессуальное право, будучи наиболее чувствительным к состоянию государственности, не может оставаться в стороне от этих процессов. Как справедливо отмечает С. В. Гурдин, государственный суверенитет в области уголовного судопроизводства есть основанная на Конституции Российской Федерации совокупность положений национального законодательства, посредством реализации которой достигается назначение уголовного судопроизводства независимо от правил международных договоров, противоречащих Конституции Российской Федерации [1, с. 56].

Формирование новой модели досудебного производства становится не просто вопросом оптимизации процессуальной формы, но и важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности и правового суверенитета страны. При этом существенным фактором модернизации выступает цифровая трансформация, которая способна придать национальной модели уголовного судопроизводства новые качества, не копируя зарубежные образцы, а развивая собственные технологические решения.

Генезис современного досудебного производства свидетельствует о его эклектичном характере. Принятый в 2001 году Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) стал результатом компромисса между советской следственной традицией и либеральными идеями, заимствованными из зарубежных правовых систем. Как отмечают исследователи, в основе реформирования уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве нередко лежали не столько потребности национальной юстиции, сколько стремление к смене цивилизационной идентичности, где уголовный процесс имплицитно рассматривался как элемент общего культурного пространства с иными государствами [2, с. 99].

Однако попытки внедрения германской или англо-американской моделей без учета особенностей отечественной правовой системы привели к возникновению внутренних противоречий. Принцип состязательности был механически наложен на публично-правовую по своей сути конструкцию предварительного расследования, что породило дисбаланс процессуальных статусов и функций участников судопроизводства. В связи с этим в доктрине обоснованно ставится вопрос о необходимости преодоления устоявшегося подхода, рассматривающего отношения между концепциями состязательности и розыска как антагонистические, поскольку такой подход не отражает истинной природы этих отношений и строится на идеологических предпочтениях, а не на объективных методологических основаниях [8, с. 14].

Современный этап развития российского права, обусловленный геополитическими изменениями и проведением специальной военной операции (далее – СВО), знаменует собой отказ от глобалистской идеологии в пользу укрепления собственной правовой традиции.

Л. В. Головко, характеризуя происходящие процессы, справедливо указывает, что будущее российской государственности, а значит, и будущее российского права решается сегодня в условиях, требующих переосмысления действующих подходов. Изменение правовой эволюции такой страны как Россия неизбежно будет иметь общемировое значение, поскольку такое изменение априори антиглобально, пробивая брешь в идеологии, стремящейся быть тотальной [3]. В этих условиях уголовно-процессуальная политика нуждается в выработке четкой национальной стратегии, позволяющей преодолеть «лоскутный» характер предшествующих реформ [4].

Ключевым направлением суверенизации уголовного процесса выступает пересмотр концепции досудебного производства. Действующая модель, унаследовавшая от советского периода стадию возбуждения уголовного дела, создает искусственный процессуальный барьер, нередко препятствующий оперативному реагированию на преступления [5]. Легализация на этапе проверки сообщений о преступлении лишь ограниченного перечня следственных действий приводит к волоките, утрате доказательств и формализации принимаемых решений. Представляется, что новая модель должна основываться на принципе непрерывного процессуального реагирования, где моментом начала уголовно-процессуальной деятельности признается акт официальной регистрации сообщения о преступлении. С этого момента уполномоченное должностное лицо обязано незамедлительно приступить к производству всего комплекса неотложных следственных действий, направленных на фиксацию и сохранение доказательств.

Дифференциация процессуальных форм расследования становится необходимым условием эффективности правосудия. В новой модели следует выделить несколько форм: ускоренное протокольное производство по очевидным преступлениям небольшой тяжести, дознание в полном объеме для преступлений средней тяжести и предварительное следствие по тяжким и особо тяжким преступлениям. При этом важно обеспечить гибкость процессуальной формы, позволяющую переходить от одной формы к другой по мере усложнения обстоятельств дела. Такой подход соответствует как публичным интересам процессуальной экономии, так и частным интересам участников судопроизводства в своевременном разрешении уголовно-правового конфликта. Как справедливо отмечается в современной процессуальной литературе, уголовный процесс должен быть максимально открыт для поступления информации о преступлении и опираться на технологии, улавливающие эту информацию, а также стремиться раскрывать, расследовать

преступления и разрешать уголовные дела в максимально короткие сроки (быстрота) [8, с. 28].

Суверенизация досудебного производства невозможна без решения проблемы процессуального статуса следователя. Современное положение следователя характеризуется внутренней противоречивостью: декларируемая процессуальная самостоятельность существенно ограничена институтом согласования ключевых решений с руководителем следственного органа. Как справедливо отмечается в литературе, следователь, освободившись от всевластия прокурора, во многих случаях превратился в квалифицированного дознавателя, лишенного реальной самостоятельности [6, с. 636]. Укрепление процессуальной автономии следователя должно идти по пути замены разрешительного порядка на уведомительный при возбуждении перед судом ходатайств о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. Противовесом такой самостоятельности призваны стать эффективный судебный контроль и усиление роли прокурора как органа надзора за законностью. В условиях цифровизации процессуальная самостоятельность следователя может быть дополнительно обеспечена автоматизированными системами учета и контроля, снижающими влияние субъективного фактора при принятии процессуальных решений.

Важнейшим элементом новой модели досудебного производства выступает реформирование института итоговых процессуальных решений. Гипертрофированная форма обвинительного заключения, требующая детализированного изложения всех собранных доказательств и их анализа, превратилась, по меткому выражению С. Б. Россинского, в «автореферат» следственного производства [7, с. 192]. Это приводит к смещению центра тяжести уголовного процесса с судебного разбирательства на предварительное расследование, что противоречит принципу непосредственности исследования доказательств. Обвинительное заключение должно быть возвращено к своему истинному функциональному предназначению – выступать обвинительным актом, содержащим формулировку обвинения и систематизированный перечень доказательств без их детального описания. Такое упрощение позволит перераспределить процессуальные функции: задача следователя – сформулировать обвинение и представить доказательства, задача суда – непосредственно исследовать каждое доказательство в ходе судебного следствия.

Суверенизация досудебного производства не означает отказа от общепризнанных стандартов справедливого правосудия. Напротив, формирование собственной модели предполагает создание эффективных механизмов защиты прав личности, учитывающих национальные правовые традиции. Как обоснованно указывается в литературе, в мыслях русского человека ценность права заключается в достижении тождественности законности

с глубинным образом своего собственного жизнепонимания [1, с. 56]. Поэтому новая модель досудебного производства должна быть ориентирована не на формальное соблюдение процедуры, а на достижение объективной истины и восстановление нарушенных преступлением прав.

В юридической науке сегодня формируется понимание того, что российское досудебное производство обладает собственным потенциалом для того, чтобы претендовать на роль мирового эталона. Как отмечает Ю. А. Цветков, национальные уголовно-процессуальные модели могут рассматриваться как один из инструментов «мягкой силы» [2, с. 101]. Однако для этого необходимо преодолеть имеющий место в научной среде «комплекс неполноценности», выражающийся в неверии в собственный творческий и научный потенциал. Отечественная модель предварительного расследования, основанная на принципе публичности и всесторонности исследования обстоятельств дела, имеет глубокие исторические корни и способна обеспечить как эффективность уголовного преследования, так и надежные гарантии прав личности.

Особого внимания в контексте модернизации досудебного производства заслуживает цифровая трансформация уголовного процесса. Внедрение информационных технологий способно качественно изменить характер процессуальной деятельности, повысить ее эффективность и прозрачность. В этой связи следует выделить несколько ключевых направлений цифровизации.

Во-первых, формирование электронного уголовного дела представляется неизбежным этапом эволюции досудебного производства. Электронная форма ведения уголовного дела позволяет обеспечить оперативный доступ участников процесса к материалам, исключить их утрату или повреждение, создать эффективную систему поиска и систематизации доказательственной информации. При этом важно сохранить процессуальные гарантии достоверности и неизменности содержащейся в деле информации, что может быть обеспечено использованием технологий электронной подписи и распределенного хранения данных.

Во-вторых, использование технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве открывает новые возможности для оптимизации процессуальной деятельности. В досудебном производстве искусственный интеллект может применяться для анализа больших массивов информации, выявления закономерностей и связей между доказательствами, автоматизации рутинных процедур. Как обоснованно указывается в процессуальной доктрине, уголовный процесс должен опираться на оптимальные процедуры получения объективного и достоверного знания и быть открытым для внедрения новых технологий, в том числе и цифровизации (технологичность) [8, с. 28].

В-третьих, цифровая трансформация досудебного производства предполагает создание единого информационного пространства для взаимодей-

ствия всех участников уголовного процесса. Это касается как обмена процессуальными документами между органами предварительного расследования, прокуратурой и судом, так и обеспечения доступа сторон к материалам уголовного дела в электронной форме. Подобная система способна существенно сократить сроки производства по уголовным делам и снизить нагрузку на должностных лиц, осуществляющих расследование.

В-четвертых, внедрение цифровых технологий в досудебное производство должно сопровождаться разработкой адекватных процессуальных гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства. В условиях цифровизации особое значение приобретает обеспечение информационной безопасности, под которой понимается защита информации, имеющей значение для уголовного дела, и защита участников уголовного судопроизводства [8, с. 28]. Необходимо создать правовые механизмы, предотвращающие несанкционированный доступ к материалам электронного уголовного дела, искажение содержащейся в нем информации и ее неправомерное использование.

С учетом изложенного, формирование новой модели досудебного производства должно осуществляться по следующим направлениям:

Во-первых, необходима унификация начального этапа уголовного процесса путем упразднения искусственной стадии возбуждения уголовного дела и перехода к единой процедуре начала производства.

Во-вторых, требуется укрепление процессуальной самостоятельности следователя при одновременном усилении судебного контроля и прокурорского надзора, в том числе с использованием цифровых инструментов мониторинга процессуальной деятельности.

В-третьих, следует радикально упростить форму итоговых процессуальных решений, вернув обвинительному заключению функцию обвинительного акта.

В-четвертых, важно обеспечить дифференциацию процессуальных форм расследования в зависимости от категории уголовных дел.

В-пятых, необходимо законодательное закрепление основ цифровой трансформации досудебного производства, включая введение института электронного уголовного дела, регламентацию порядка использования технологий искусственного интеллекта и обеспечение информационной безопасности.

Реализация этих направлений возможна лишь при условии формирования четкой национальной уголовно-процессуальной стратегии, которая нашла бы отражение в концептуальном документе, определяющем векторы развития отрасли на долгосрочную перспективу с учетом как традиционных основ отечественного судопроизводства, так и возможностей, открываемых цифровой трансформацией. Такой подход позволит преодолеть фрагментарность предшествующих реформ и выстроить целостную, внутренне непротиворечивую модель досудебного производства, отвечающую историче-

ским вызовам времени и обеспечивающую подлинный суверенитет российского уголовно-процессуального права в условиях становления цифрового общества.

Библиографический список:

1. Гурдин С. В. Уголовно-процессуальный суверенитет Российской Федерации // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 55–59.

2. Цветков Ю. А. Уголовно-процессуальная геополитика и российская модель досудебного производства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 98–103.

3. Будущее российского права и государственности решается в зоне СВО – Головко // Российское агентство правовой и судебной информации. 21 октября 2025 г. URL: https://rapsinews.ru/ (дата обращения: 16.02.2026).

4. Латыпов В. С. Современная уголовно-процессуальная политика : лоскутный подход или обдуманная стратегия? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 2 (71). С. 5–12.

5. Основы уголовного процесса Российской Федерации и Республики Таджикистан : учебное пособие / В. С. Латыпов, Р. Р. Рахмаджонзода, А. А. Свяженина, А. Б. Гришина. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2026.

6. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации : факторы формирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3. С. 621–642.

7. Россинский С. Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2. С. 191–199.

8. Шуров А. Ю. Разыскные начала современного уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2026. 34 с.

© Латыпов В. С., 2026

УДК 343.1

Лизунов А. С. – профессор кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Нижний Новгород);
Крошилин А. Е. – старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России (Россия, г. Нижний Новгород)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРЕЮДИЦИОНАЛЬНОСТЬЮ СУДЕБНЫХ АКТОВ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО, АРБИТРАЖНОГО ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ПО ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

ABUSE BY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE PREJUDICALITY OF JUDICIAL ACTS ADOPTED IN THE FRAMEWORK OF CIVIL, ARBITRATION OR ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN ECONOMIC MATTERS

Аннотация. В статье исследуется феномен злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве с акцентом на использование межотраслевой преюдиции для совершения экономических преступлений, в частности рейдерских захватов. Предлагается законодательное расширение полномочий органов следствия для инициирования пересмотра судебных решений, полученных в результате фальсификации или введения суда в заблуждение.

Ключевые слова: злоупотребление правом, уголовный процесс, межотраслевая преюдиция, рейдерство, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, признаки преступления.

Abstract. The article examines the phenomenon of abuse of law in criminal proceedings with an emphasis on the use of intersectoral prejudice to commit economic crimes, in particular raiding. It is proposed to legislatively expand the powers of investigative bodies to initiate a review of court decisions obtained as a result of falsification or misleading the court.

Keywords: abuse of law, criminal procedure, intersectoral prejudice, raiding, civil procedure, arbitration process, administrative process, signs of a crime.

Злоупотребление правом – это реализация правовых норм вопреки их социальному назначению, причиняющее вред другим участникам правоот-

ношения. Злоупотребление правом нельзя отнести ни к варианту правомерного поведения, ни к варианту правонарушения. Это особый вид юридически значимого поведения. Но при этом создаваемые в результате злоупотребления правом определенные выгоды, преференции для недобросовестного субъекта правоотношений могут быть в последующем включены в механизм совершения им преступления.

В уголовно-процессуальном законодательстве в формально-юридическом смысле отсутствует запрет на злоупотребление правом участниками уголовно-процессуальных отношений, равно как и отсутствует требование к добросовестности их поведения. Вместе с тем, это вовсе не означает, что данное требование, которое на наш взгляд, заслуживает того, чтобы оно было возведено в ранг принципа, лишено должного юридического оформления. Отметим в этой связи, что согласно части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Это и есть по сути своей форма закрепления общеправового принципа недопустимости злоупотребления права, которую вполне можно экстраполировать и на уголовно-процессуальные правоотношения. Другое дело, что в отличие от гражданского права в уголовном процессе практически отсутствуют механизмы, позволяющие оперативно пресечь подобное социально деструктивное поведение.

В рамках дальнейшего исследования, дабы не отклониться от намеченного нами научно-изыскательского курса, перейдем к обсуждению злоупотреблений участниками уголовного процесса преюдициональностью судебных актов, принятых в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Ключевая проблема, на наш взгляд, здесь состоит в отличительных особенностях доказывания данных видов процессов по сравнению с уголовным процессом. Гражданский, арбитражный и административный процессы предусматривают некоторые обстоятельства, которые признаются «бесспорными» и не нуждаются в проверке и установления их судом. Помимо преюдиции к таковым обстоятельствам относятся факты, с которыми соглашается другая сторона – оппонент в гражданском арбитражном либо административном процессе. То есть, если одна сторона высказала какие-либо доводы, сославшись на конкретные обстоятельства в обоснование своих требований или возражений, а другая сторона с ними согласилась, то данные обстоятельства не нуждаются в доказывании (ст. 68 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и 70 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 65 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). К этой же категории обстоятельств относятся факты умолчания. Речь идет о том, что, если в рамках судебного заседания обсуждается какой-либо факт, а стороны и иные участвую-

щие лица против его сути не возражают, как бы молчаливо с ним соглашаются, то оно воспринимается судом как бесспорное. Здесь действует правило: «молчание – знак согласия», в доказывании оно не нуждается.

Если стандарты доказывания в гражданском, арбитражном либо административном производстве позволяют пренебречь необходимостью в установлении истинности вышеуказанных, так называемых «бесспорных обстоятельств», то в уголовном процессе такая практика невозможна. Если сравнить уголовно-процессуальный режим получения доказательств с режимом доказывания по гражданским либо административным делам, то можно заключить, что во втором случае имеется значительно меньше гарантий достоверности установленных обстоятельств дела.

Приведенные выше межотраслевые процессуальные проблемы, связанные с реализацией института преюдиции в уголовном процессе, создают благоприятную почву для использования их для совершения экономических преступлений, в том числе и рейдерского захвата имущества юридических лиц. Эти законодательные противоречия существенным образом затрудняют доступ к правосудию собственников захваченного имущества, стремящихся защитить в суде свои права и законные интересы.

Подчеркнем, что само по себе получение судебного решения в рамках гражданского, арбитражного либо административного процесса, с использованием вышеуказанных особенностей доказывания, которое в последующем будет иметь преюдициональное значение в уголовном процессе, нельзя отнести к противоправным действиям. В случае действий совершения с последующим намерением апеллирования судебного решения в уголовном процессе с целью создания препятствий на пути осуществления уголовного преследования или наоборот инициируя уголовное преследование – это, не что иное, как злоупотребление правом.

Поскольку наше исследование посвящено уголовно-правовому противодействию рейдерству, рассмотрим отдельные способы совершения рейдерских атак, при которых используются несовершенство законодательства, регулирующее применение правил межотраслевой преюдиции.

К наиболее типичным действиям рейдеров, использующих в своих целях преюдициальное значение судебных актов, можно отнести следующие. Рейдеры заключают гражданско-правовой договор, например, договор поставки товара с организацией, являющейся объектом их атаки. При этом в договоре закрепляются такие условия, при которых осуществить эту поставку в установленные договором сроки для организации весьма затруднительно, но организация идет на эти риски, поскольку иные условия договора для нее с экономической точки зрения выгодны. Естественно, о наличии умысла на преднамеренное неисполнение договорных обязательств, что по смыслу п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» является признаком преступных действий

говорить в этой ситуации нельзя. Поскольку рейдеры произвели оплату товара, но товар в установленные договором сроки поставлен не был, они обращаются за защитой своих прав в Арбитражный суд [1]. Судебная перспектива здесь очевидна, и рейдеры получают решение суда о взыскании с организации – цели уплаченных по договору поставки денежных средств. В этом же решении суд указывает на неисполнение организацией-целью условий договора, как основание для взыскания с нее денежных средств. Следующим шагом рейдеров является обращение в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления, а именно мошенничества, совершенного путем преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

На этой основе нередко возбуждаются уголовные дела в отношении руководителя организации-жертвы, что создает широкие возможности для последующего шантажа и манипуляций, оказываемых в отношении него. В дальнейшем ему может быть предложено на основании ч. 2 ст. 76.1 Уголовным кодексом Российской Федерации (освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности) в полном объеме возместить причиненный ущерб, причем сумма этого ущерба, с учетом понесенных рейдерами «издержек», будет значительно превышать его реальную задолженность по договору. При невозможности возместить ущерб в полном объеме директору организации-цели может быть также высказано предложение на законных основаниях передать рейдерам часть имущества организации либо часть акций (долей) этого предприятия.

Главное в этой преступной схеме для рейдеров – добиться возбуждения уголовного дела в отношении руководителя организации-цели. Конечно, это сделать непросто, но здесь нужно учесть два фактора, один из которых носит объективный, а другой – субъективный. Дело в том, что согласно ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных о признаках преступления. Обратим внимание на то, что законодатель здесь указывает на наличие именно достаточных данных, а не доказательств. И еще одно важное замечание: в приведенной норме речь идет о признаках преступления, а не о признаках состава преступления. Как известно, к признакам преступления относятся: общественная опасность, противоправность, наказуемость, а к признакам состава преступления – объект преступления, объективная сторона преступления, субъект преступления и субъективная сторона преступления. Сказанное дает основание сделать вывод о том, что на стадии возбуждения уголовного дела может быть не установлена вина в форме умысла, мотив, цель преступления (субъективная сторона), лицо его совершившее (субъект). Данные обстоятельства подлежат установлению и доказыванию уже на последующих стадиях уголовного процесса. Поэтому для того, чтобы возбудить уголовное

дело формально может быть достаточно заявления о преступлении и вступившего в законную силу судебного решения, имеющего преюдициональное значение.

Что касается объективных факторов, то здесь нельзя сбрасывать со счетов коррупционную «связку» с рейдерами следователя и иных сотрудников правоохранительных органов, наделенных полномочиями по производству доследственной проверки и принятию решения о возбуждении уголовного дела.

Выше мы проанализировали ситуацию, при которой рейдеры используя межотраслевую преюдицию инициировали возбуждение уголовного дела в отношении директора организации – жертвы. Однако в следственные и судебные практики встречаются ситуации, при которых межотраслевая преюдиция служит препятствием для возбуждения уголовного дела в отношении самих рейдеров.

Примером здесь могут служить материалы проверки сообщения о преступлении, проводимой Управлением экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Кемеровской области. В данное подразделение обратился один из участников общества с ограниченной ответственностью, указавший, что некий гражданин подделал договор займа и расписку о получении займа в сумму 17 млн руб., на основании которого суд вынес решение о взыскании с общества в пользу данного гражданина указанной суммы. В последующем была проведена технико-криминалистическая экспертиза, согласно заключению которой расписка в получении денег составлена задним числом, заключение бухгалтерского исследования, согласно которому заем в размере 17 млн руб. в бухгалтерском учете общества не отражен и другие доказательства по делу. Собранные материалы проверки по данному факту были направлены в следственные органы для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако следователем было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Причиной отказа стала невозможность преодоления преюдициальной силы вступивших в законную силу решения суда. Данную позицию также поддержала прокуратура.

Преодолеть межотраслевую преюдицию в сложивших условиях достаточно сложно. Для этого необходимо выполнить целый ряд условий: доказать факт совершения преступления против правосудия, либо наличие обстоятельств, установленных в ходе расследования уголовного дела и не входящих в предмет доказывания по гражданскому делу, либо наличие доказательств, не исследованных судом по гражданскому делу, позволяющих сделать вывод о целенаправленном введении суда в заблуждение.

Мы привели лишь два примера, отрицательного влияния межотраслевой преюдиции на практику борьбы с рейдерскими атаками. Однако рейдеры весьма изобретательны, используя несовершенство института межот-

раслевой преюдиции, они могут создавать и другие способы захвата бизнеса. Так, в ходе расследования или рассмотрения уголовного дела в суде в качестве доказательств (иных документов) могут предоставляться сфабрикованные судебные решения по иным видам судопроизводства, может быть заявлено ходатайство о невозможности принятия итогового решения по делу до тех пор, пока не вступит в законную силу судебное решение по параллельно рассматривающийся делу в арбитражном суде и др.

По сути в настоящее время есть лишь один действенный способ преодолеть межотраслевую преюдицию. Для этого необходимо собрать достаточное количество данных, свидетельствующих о фальсификации доказательств по гражданскому либо арбитражному делу; по этим основаниям возбудить уголовное дело, расследовать его и направить в суд; получить обвинительный приговор, который должен вступить в законную силу. Только после получения приговора суда и оспаривания решения суда в гражданском или арбитражном процессе можно будет преодолеть межотраслевую преюдицию.

Весомое значение в толковании уголовно-процессуальных норм и даже обновлений отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имеют руководящие разъяснения Конституционного суда Российской Федерации. Не остался в стороне от внимания указанного суда и вопрос о преюдициольной силы принимаемых в рамках гражданского процесса судебных решений. В этой связи обращает на себя внимание Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30, в котором суд указал, что фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не предопределяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных уголовно-процессуальным законом процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам [2].

Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации осторожно указывает на то, что несогласие суда, рассматривающего уголовное дело по существу, с выводами, изложенными в ранее вынесенном судебном акте, имеющем преюдициональное значение для рассматриваемого уголовного дела, может служить основанием для инициирования пересмотра ранее принятого судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам.

На наш взгляд, для того чтобы противодействовать рейдерству и другим экономическим преступлениям, совершаемым с использованием межотраслевой преюдиции, необходимо органам, осуществляющим уголовное преследование, предоставить право инициировать процедуру пере-

смотра решений суда при установлении фактов фальсификации доказательств, вынужденного признания или умолчания факта, иного введения суда в заблуждение относительно конкретного события или действия, отраженного в решении.

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е.А. Власенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 2. Ст. 398.

3. Карданец А. В. Преюдиции в российском праве (Проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

4. Оськина И., Лупу А. Как избежать судебных противоречий // ЭЖ-Юрист. 2015. № 1.

5. Белкин А. Р. Теория доказывания : научно-методическое пособие. М. : НОРМА. 2005.

6. Салеева Ю. Е. Преюдиция в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014.

7. Ильин А. В. Межотраслевая преюдиция в уголовном процессе // Закон. 2023. № 8.

8. Каландаришвили Х. А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юр. наук. Иркутск, 2021.

9. Борисевич Г. Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1.

10. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. 8-е изд., перераб. М., 2022.

© Лизунов А. С., 2026
© Крошилин А. Е., 2026

УДК 343.134.1

Лысов К. Г. – старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

TO THE QUESTION OF CURRENT PROBLEMS ARISING WHEN CONCLUDING A COOPERATION AGREEMENT

Аннотация. В современном мире тема организованной преступности является основным проблемным направлением в работе сотрудника полиции, которую необходимо решать быстро и эффективно, так как эти преступления несут наибольшую общественную опасность. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве является одним из основных инструментов, позволяющих раскрывать и расследовать преступления в короткие сроки, изобличать и привлекать к уголовной ответственности именно организаторов преступлений, а не только посредственных исполнителей.

Ключевые слова: досудебное соглашение, экономические преступления, прокурор, следователь, предварительное следствие.

Abstract. In the modern world, the topic of organized crime is the main problem area in the work of a police officer, which must be resolved quickly and effectively, since these crimes pose the greatest public danger.The institution of pre-trial cooperation agreements is one of the key tools that allows for the rapid detection and investigation of crimes, as well as the exposure and prosecution of the perpetrators of crimes, not just the mediocre perpetrators.

Keywords: pre-trial agreement, economic crimes, prosecutor, investigator, preliminary investigation.

Известно, что самым эффективным инструментов раскрытия и расследования преступлений является привлечение одного из участников к сотрудничеству со следствием. Благодаря информации, полученной в процессе досудебного соглашения о сотрудничестве, удается максимально быстро и безопасно установить всех участников преступления, восстановить картину произошедшего и пресечь другие готовившиеся преступления, тем самым спасти жизни, здоровье и имущество граждан от преступного посягательства.

По этой причине международные организации приняли нормы, способствующие сотрудничеству участников преступных группировок с правоохранительными органами. Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ

«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в российское уголовное судопроизводство введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве» [2].

Возможность получить смягчение наказания (вплоть до освобождения от наказания) мотивирует преступника охотно сотрудничать со следствием. Подозреваемый (обвиняемый) точно знает, что при заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и исполнении им всех взятых на себя обязанностей по содействию следствию, он получит защиту от других соучастников преступления, выделение уголовного дела в отношении него в отдельное производство и смягчение наказания. До появления такого процессуального документа как досудебное соглашение о сотрудничестве, подозреваемый (обвиняемый), сотрудничающий со следствием, не был защищен законом от возможных неправомерных действий следователя, который мог пообещать привилегии в виде смягчения наказания взамен на информацию, значимую для следствия, а после получения такой информации отказаться от своих слов и не удовлетворить ожидания подозреваемого (обвиняемого).

Во второй главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплены правовые идеи руководящего значения, которые определяют принципы построения всех стадий и форм уголовного судопроизводства, его наиболее существенные черты и особенности, основные направления реализации и качества предварительного расследования, а также при рассмотрении уголовных дул в судебных инстанциях.

Эти исходные, основополагающие правовые положения, принято называть принципами уголовного процесса. Также, в главу 2 УПК РФ включена и статья 6 – назначение уголовного судопроизводства [2]. Этим самым, законодатель придал краеугольный характер определению «назначение уголовного судопроизводства», поскольку именно назначение уголовного производства является стержневым для реализации принципов уголовного судопроизводства.

Судопроизводственные принципы определяют порядок организации деятельности органов и лиц, осуществляющих правосудие:

– законность при производстве по уголовному делу – полное соответствие всех актов и процессуальных действий суда, прокурора, следователя, органа дознания, дознавателя закону;

– уважение чести и достоинства личности;

– неприкосновенность личности;

– охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве;

– неприкосновенность жилища;

– тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

– презумпция невиновности;

– обеспечение права подозреваемому и обвиняемому права на защиту;

– свобода оценки доказательств;

– право на обжалование процессуальных действий и решений.

Все указанные принципы уголовного судопроизводства, нашли отражение и при проведении предварительного расследования, а также при рассмотрении уголовных дел в суде с применением досудебного соглашения о сотрудничестве, что в свою очередь позволяет выполнить главное назначение уголовного судопроизводства:

– защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

– защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Так, один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства – это обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Защита необходима по любому делу. Как писал А. Ф. Кони, «нет такого падшего и преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению, к которому не было бы места слову снисхождения» [3]. Также и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве указанный принцип подлежит неукоснительному соблюдению. Если адвокат не приглашен самим обвиняемым, то участие защитника обеспечивается следователем. Поэтому законодатель и определил в статье 317.1 УПК РФ, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен подписать также и адвокат.

В силу статьи 14 УПК РФ Презумпция невиновности – это стержневой принцип уголовного судопроизводства, в том числе и при применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В части 6 статьи 317.7 УПК РФ определено, что «описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый».

Презумпция невиновности впервые была провозглашена в статье 9 Декларации прав человека и гражданина в начале Великой французской революции: «Каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное».

Главнейший принцип уголовного судопроизводства закреплен в статье 8 УПК РФ – это осуществление правосудия только судом. В соответствии со статьей 118 Конституции Российской Федерации [1], суд является единственным государственным органом, уполномоченным от имени Российской Федерации осуществлять судебную власть. Суды, таким образом, самостоятельно разрешают уголовные дела, руководствуясь исключительно законом и правосознанием. Этот принцип уголовного судопроизводства

в полной мере направлен на выполнение назначения уголовного судопроизводства, закрепленное в статье 6 УПК РФ, а именно на защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Именно суд, применяя все принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в главе 2 УПК РФ, основываясь на указанных принципах уважения чести и достоинства личности, презумпции невиновности, состязательности сторон, в соответствен со статьей 317.7 УПК РФ может назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или же подсудимый может быть освобожден от отбывания наказания.

Таким образом, достигается назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в статье 6 УПК РФ: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере, отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

В уголовном правосудии справедливость как нравственное начало реализуется в двух аспектах: материальном и процессуальном. В первом качестве справедливость выступает нормативно-правовое требование, предъявляемое к приговору (статья 297 УПК РФ), воплощающее уголовно- правовой принцип назначения справедливого наказания, которое должно быть определено в законодательно установленных пределах и соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (статья 6 УК РФ). Например, в практике Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан был случай: двое полицейских вместе с соучастниками, которые представлялись сотрудниками полиции, совершили вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением насилия. На стадии предварительного следствия один из полицейских обратился с ходатайством на имя заместителя прокурора о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обязался содействовать органам предварительного следствия, дать правдивые показания по обстоятельствам расследуемого события, указать лиц, которые принимали участие в расследуемых событиях и сообщить сведения к их изобличению и уголовному преследованию. Постановлением первого заместителя прокурора ходатайство было удовлетворено, досудебное соглашение о сотрудничестве с ним заключено, после чего предварительное следствие по делу в отношении последнего проведено с учетом требований статьи 317.4 УПК РФ. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний приговором

№ 1-878/2021 от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-878/2021 Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан подсудимому было назначено наказание в виде четырех лет и шести месяцев лишения свободы с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти сроком на два года [4].

Наказание было определено в законодательно установленных пределах и соответствовало характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, но также был учтен факт заключения досудебного соглашения и активной помощи следствию со стороны обвиняемого, и обвиняемый получил заслуженное снижение наказания.

Другой процессуальный аспект справедливости представлен международно-правовым принципом справедливого судебного разбирательства, который закреплен в положениях статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод человека и гражданина, и предстает в виде совокупности фундаментальных правовых положений – эталонов правосудия [5]. Хотя справедливость судопроизводства не обозначена в УПК РФ как принцип уголовного процесса, она в силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации и части 3 статьи 1 УПК РФ, будучи общепризнанным принципом, закрепленным в международно- правовых нормах, воспринимается правоведами и реализуется в правоприменительной практике как совокупность общих, обязательных для соблюдения субъектами производства по делу процедурных правил. Кроме того, большинство критериев справедливого правосудия, интегрированных в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод человека и гражданина, воплощены в отечественном правосудии в качестве самостоятельных принципов уголовного процесса.

Применительно к приговору справедливость требует не только назначения соразмерного наказания, но и правильной юридической оценки совершенного деяния, без которой невозможно обеспечить справедливое, адекватное содеянному воздаяние (наказание). В свою очередь, для правильной квалификации требуется точное, достоверное знание о событии преступления и всех его значимых обстоятельств. Приговор, по которому осужден невиновный или оправдан виновный, с нравственных позиций всегда воспринимался и будет восприниматься как несправедливый.

Таким образом, речь идет об истинности акта правосудия, о его соответствии установленным обстоятельствам. Данный подход применим к оценке справедливости любого судебного решения. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации не может считаться справедливым актом правосудия судебное решение, в котором неверно отражены существенно значимые обстоятельства события, являющиеся предметом исследования по уголовному делу.

После изучения проблемных аспектов реализации уголовно- процессуального механизма досудебного соглашения о сотрудничестве можно сделать ряд выводов.

Процесс реализации досудебного соглашения о сотрудничестве подразумевает ряд дополнительных процессуальных действий, которые увеличивают время уголовного судопроизводства, но это компенсируется активной помощью лица, заключившего такое соглашение и предоставляющего следователю сведения, которые сам следователь получал бы гораздо дольше. Также целью института досудебного соглашения о сотрудничестве является борьба с преступностью, а не ускорение уголовных разбирательств.

Выделение уголовного дела в отдельное производство происходит в момент, когда следователь считает, что все совместные обязательные следственные действия уже проведены и достаточная доказательная база собрана. В дальнейшем оба разделенных дела ведутся одним следователем. Таким образом, он владеет информацией обо всех обстоятельствах и участниках уголовного дела в целом.

Все полученные сведения от лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, тщательно проверяются и документируются, так как в будущем обвиняемый (подозреваемый) может отказаться от своих показаний. Также бывают ситуации в уголовной практике, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, с самого начало вело следствие по ложному следу, поэтому нельзя верить показаниям на слово.

В рамках реализации досудебного соглашения о сотрудничестве все уголовно-процессуальные действия строго регламентируются законом. Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, должно получить обещанные привилегии в виде смягчения наказания, если со своей стороны оно выполнило все условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Обвиняемый (подозреваемый) должен быть защищен от возможных неправомерных действий следователя или прокурора, которые могут получить от него нужные им для эффективного и быстрого расследования сведения, а после расторгнуть досудебное соглашение о сотрудничестве.

Определяющая роль суда при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве заключается в том, что именно судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, принимает законное и обоснованное решение и назначает подсудимому справедливое наказание с учетом «преференций», указанных в части 5 статьи 317.7 УПК РФ, согласно которым: «По усмотрению суда подсудимому с учетом положений статей 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания».

Уголовный процесс ведется в соответствии с уголовно- процессуальными принципами: законность при производстве по уголовному; уважение

чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпция невиновности; обеспечение права подозреваемому и обвиняемому права на защиту; свобода оценки доказательств; право на обжалование процессуальных действий и решений.

Все указанные принципы уголовного судопроизводства, нашли отражение и при проведении предварительного расследования, а также при рассмотрении уголовных дел в суде с применением досудебного соглашения о сотрудничестве, что в свою очередь позволяет выполнить главное назначение уголовного судопроизводства.

Главным свойством принципов уголовного судопроизводства является их всеобщность, то, что они действуют на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства, и в любых формах судопроизводства, в том числе и при применении особого порядка принятия судебного решения при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 20.03.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кони Н. П. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука в XXI веке : актуальные проблемы и перспективы их решений : сборник научных статей по итогам работы третьего круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 16 марта 2020 года. Том 1. Шахты : Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2020. С. 91–93.

4. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкала Республики Дагестан № 1-878/2021 от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-878/2021 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 20.03.2026).

© Лысов К. Г., 2026

УДК 343.132.5

Магомедалиев М. М. – заместитель начальника кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В основе деятельности, связанной с уголовными процессами, лежит активное изучение деталей преступления, что необходимо для проведения эффективного расследования и формирования вердикта, основанного на законности. Специфический характер такого изучения требует следования установленным принципам познания и соответствует уникальным требованиям уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: расследование уголовных дел, доказательства, следователь, доказывание, познание, судопроизводство.

Abstract. Criminal proceedings involve the active study of the details of a crime, which is necessary to conduct an effective investigation and form a verdict based on the law.The specific nature of such a study requires adherence to established principles of knowledge and corresponds to the unique requirements of criminal procedural law.

Keywords: criminal investigation, evidence, investigator, proof, cognition, legal proceedings.

В рамках уголовных дел, процесс выявления фактов носит название «Доказывание», и этот процесс является ключевым на всех этапах судопроизводства. Тем не менее, доказывание видоизменяется и приспосабливается к целям и задачам на разных этапах, а также к взаимоотношениям между участниками процесса, что придает ему уникальные черты.

При исследовании преступлений процесс установления фактов представляет собой уникальный метод познания с характерными чертами и целями, включая анализ конкретных ситуаций, связанных с преступлением. Этот процесс разделяется на несколько ключевых шагов: сбор информации, ее анализ и последующая оценка собранных данных. Данные нужно оценивать, учитывая их относимость, допустимость и достоверность. В конечном итоге, все доказательства, собранные во время следствия, подвергаются оценке на предмет их общей достаточности для принятия решения по уголовному делу.

С течением времени вместе с эволюцией общественных установлений и законодательных рамок, претерпевал изменения механизм сбора и оценки

доказательств. Такие трансформации отражались на уголовном процессе, вызывая корректировки в подходах к доказыванию и критериях оценки доказательств. По мере того как правовая осведомленность населения возрастала, происходила эволюция в методах добычи доказательств и их интерпретации в контексте их надежности и полноты для вынесения вердикта. Кроме того, доказательства играют ключевую роль не только в раскрытии преступлений, но и в обеспечении выполнения задач и соблюдения основ уголовного судопроизводства.

В рамках уголовного судопроизводства законы, касающиеся уголовно-процессуального порядка, строго регламентируют процедуры нахождения, анализа и сбора доказательств. Эти процедуры обеспечивают надлежащую защиту прав и свобод всех участников процесса: как тех, кто подозревается в совершении преступлений, так и жертв преступных действий, предотвращая неправомерные обвинения и незаслуженное уголовное преследование. В свою очередь, процесс доказывания представляет собой регламентированную законодательством активность, которая включает в себя сбор, анализ и оценку доказательств для выявления фактов, необходимых для разрешения уголовного дела, и осуществляется уполномоченными на то лицами.

Сложно недооценить весомость процесса сбора и предъявления доказательств в контексте уголовного судопроизводства. Во-первых, соблюдение законности при обеспечении доказательственной базы и ее достоверность лежат в основе принятия решений о применении мер пресечения, которые могут глубоко влиять на основополагающие права индивида. Во-вторых, ошибки и трудности, связанные с процессом доказывания, часто приводят к тому, что вышестоящие судебные инстанции отменяют вынесенные ранее приговоры, отправляют дела на пересмотр или даже прекращают их.

Законодательная система России в области уголовного судопроизводства прошла значительную трансформацию с тех времен, как в XI–XIII веках действовала «Русская Правда», которая представляла собой сборник княжеских указов и регулировала правовые отношения того времени. В те дни в стране не проводилось четкое разграничение между гражданскими и уголовными судебными процессами, и понятие «преступление» трактовалось как личная «обида», причиненная другому человеку. С течением времени механизмы привлечения к ответственности и представления доказательств в российской юридической системе претерпели глубокие изменения [1].

Весь процесс уголовного судопроизводства состоит из доказывания и доказательств. Институт доказательства является одним из важнейших в процессе расследования уголовного дела и регламентирован процессуальным законом. От правильности собирания доказательств и дальнейшего их процессуального оформления и применения зависит правильность и спра-

ведливость принятого решения по итогам расследования. Уголовный процесс связан с возможностью применения мер принуждения в отношении лица, поэтому весь процесс доказывания и собирания доказательствам четко регламентирован уголовно-процессуальным законом.

Для того, чтобы правильно уяснить смысл понятия «доказательство», рассмотрим цели использования доказательств. В научной литературе предлагаются различные цели применения доказательств.

Например, М. А. Джаватханов отмечает, что основная цель использования доказательств заключается в собирании информации о совершенном деянии путем получения сведений из разных источников, которые раскрывает тот или иной обязательный элемент состава преступления [2]. В данном случае автор соотносит доказательства с составом преступления, но не раскрывает процессуальную сторону доказательств. Мы считаем, что данное понятие не совсем полное.

Т. Б. Рамазанов указывает, что цель доказательств связана с предметом доказывания и процессуальными решениями, которые следователю следует подтвердить или опровергнуть [3]. В данном случае мы согласны с его мнением. Действительно, цель доказательств заключается в выяснении всех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания. В статье 73 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) указаны обстоятельства, которые должны быть установлены по уголовному делу. С помощью доказательств следователь устанавливает факт наличия или отсутствия каждого обстоятельства. Другими словами, доказательства выступают «способом» установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Таким образом, цель доказательств заключается:

– установление всех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания;

– обоснование оснований принятия тех или иных процессуальных решений [4].

В ст. 74 УПК РФ дается законодательное определение доказательств: «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [5].

Положительным моментом является тот факт, что законодатель дал легальное определение доказательства, что во много облегчает процесс его раскрывания. Анализ научной литературы свидетельствует, что понятия, которые даются юристами, во много исходят из законодательного определения.

Рассмотрим процесс формирования точек зрения и основных подходов в понимании «доказательства». Данный процесс можно разделить на несколько этапов:

1. Дореволюционный (183–1917 гг.). Это этап, где происходили первые попытки формирования понятия «доказательств». В этот период данные понятия не были связаны с законом, больше носили криминалистический характер.

2. Советский период (1917–1991 гг.). В данный период были предложены большинство мнений относительно понятия «доказательства». Некоторые понятия стали фундаментом для законодательного закрепления данного понятия.

3. Современные позиции российских ученых по отношению к понятию доказательства (с 1991 года – по настоящее время) [6].

Концепция определения доказательств через «факты объективной действительности» является одним из основных принципов, используемых в юридической практике для установления истинности фактов и вынесения справедливого решения. Эта концепция предполагает, что для признания факта доказанным необходимо наличие объективных свидетельств или доказательств, на которые можно положиться.

Основными элементами данной концепции являются факты и объективная действительность. Факты – это происшествия, события или обстоятельства, которые имеют место в реальности и могут быть подтверждены наблюдением или другими видами свидетельских показаний. Объективная действительность – это то, что существует независимо от человеческого восприятия и может быть проверено наблюдением или экспериментом.

Концепция определения доказательств через «факты объективной действительности» предполагает использование различных методов и приемов для сбора и анализа таких фактов. Например, это может быть использование экспертных заключений, свидетельских показаний, фото- и видеоматериалов, документов и других материальных доказательств.

Важно отметить, что для признания факта доказанным необходимо иметь достаточное количество надежных свидетельств или доказательств. Это означает, что каждый факт должен быть подтвержден несколькими независимыми источниками или иметь достаточное количество убедительных свидетельских показаний. Такой подход обеспечивает более объективную оценку событий и минимизирует вероятность ошибочного вывода.

Концепция определения доказательств через «факты объективной действительности» также предусматривает использование принципа презумпции невиновности. Согласно этому принципу, каждый человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана на основе достаточного количества объективных свидетельств или доказательств.

Однако следует отметить, что концепция определения доказательств через «факты объективной действительности» имеет свои ограничения

и критикуется некоторыми правозащитниками. Например, существует опасность манипуляции искажением фактов для достижения желаемого результата. Кроме того, объективные свидетельства могут быть подвержены ошибкам или быть неполными.

Ученые 60–70-х годов XIX века находились под влиянием немецкой уголовно-процессуальной доктрины, которая больше основывалась на эмоциональном, чувственном опыте восприятия объективных обстоятельств и фактов как способе познания. Например, Я. И. Баршев отмечал, что доказательства могут быть связаны только с самим человеком, который непосредственно воспринимал (осмотрел, наблюдал, совершал действия) или который непосредственно убедился (слышал, рассказал). Доказательства, которые не могли быть восприняты непосредственно, не могут лечь в основу доказывания и стать доказательством, на основании которого принимается решение о применении к лицу наказания [7].

Возьмем, к примеру, мнение В. Д. Спасовича, который утверждал, что уголовными доказательствами называются основания, по которым судья убеждается в виновности или невиновности подсудимого, заподозренного в определенном преступлении, и благодаря которым применяется к нему уголовное наказание. Другая точка зрения заключалась в том, что доказательством следует считать все, что способствует прояснению ситуации в уголовном преступлении и выяснению степени виновности обвиняемого [8].

П. А. Лупинская дала очень интересной понятия доказательств. Она указала, что доказательства являются фактами, на основании которых устанавливаются обстоятельства произошедшего [9].

Мы согласны с мнением П. А. Лупинской и тоже считаем, что использование термина «фактические данные» более правильнее, чем «любые данные», которые использован в ст. 74 УПК РФ. Использование термина «фактические данные» указывает на конкретное явление, которое связано с исследуемым событием.

Таким образом, что под доказательствами по уголовному делу следует понимать фактические данные, которые содержатся в источниках доказательств. Именно на основе этих данных суд, прокурор, следователь и дознаватель в соответствии с УПК РФ устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, которые требуют доказательства в уголовном процессе, а также других обстоятельств, которые имеют значение для дела.

Библиографический список

1. Ярцев Р. В. Устав уголовного судопроизводства Российской империи : система проверки и пересмотра приговоров // Мировой судья. 2020. № 1.

2 Джаватханов М. А. Особенности определения доказательств в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 2.

3. Рамазанов Т. Б. Понятие доказательства в головном процессе : формирование и современное понимание // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3 : Общественные науки. 2023. № 2.

4. Воскобойник И. О. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2021. № 2.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2002. 11 января.

6. Ражабов Б. А. Доказывание в уголовном процессе // Проблемы науки. 2019. № 3 (136).

7. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001.

8. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001.

9. Курбанова М. М. Субъекты доказывания в уголовном процессе России // Гос. служба и кадры. 2020. № 2.

© Магомедалиев М. М., 2026

УДК 343.1

Маламагамедова А. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

ИЗЪЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

SEIZURE OF ITEMS AND DOCUMENTS AT THE STAGEOF CRIMINAL INITIATION

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела. Отмечаются пробелы в конструировании норм рассматриваемого уголовно-процессуального института, что приводит к неоднозначному их теоретическому пониманию и неоднородной правоприменительной практике.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, выемка, обыск, изъятие предметов и документов.

Abstract. In this article, the author examines the features of the seizure of items and documents at the stage of initiating a criminal case. The article high-

lights the gaps in the construction of the norms of the criminal procedure institution under consideration, which leads to ambiguous theoretical understanding and diverse law enforcement practices.

Keywords: criminal proceedings, the stage of initiating a criminal case, checking a crime report, seizure, search, and removal of items and documents.

Возбуждение уголовного дела традиционно рассматривается как исходный и концептуально значимый этап досудебного производства по уголовному делу. На протяжении длительного времени данная стадия остается предметом научной полемики: исследователи анализируют ее функциональное назначение, пределы допустимой процессуальной активности и в отдельных случаях ставят под сомнение необходимость самостоятельного существования указанного этапа уголовного судопроизводства. При этом по настоящее время неизменным остается одно – уполномоченные лица нуждаются в существовании определенного процессуального интервала, в рамках которого можно совершать проверочные действия, направленные на установление наличия или отсутствия признаков состава преступления.

Современное уголовно-процессуальное законодательство характеризуется постепенным расширением инструментов, применяемых на рассматриваемой стадии. Перечень полномочий должностных лиц в разный период времени претерпевал изменения. Стремясь отвечать запросам современности, действовать в интересах пострадавших лиц и оптимизировать работу уполномоченных органов, законодатель на сегодняшний день остановился на ограниченном перечне процессуальных действий, посредством которых уполномоченные должностные лица могут осуществить проверку наличия или отсутствия состава преступления. Ввиду своей неопределенности и неоднозначности, особый интерес вызывает следующая законодательная формулировка, указанная в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Порядок и процессуальная форма такого изъятия законодателем не раскрыты, что приводит к разному пониманию данного процессуального действия учеными, а также неоднородной правоприменительной практике. Так возникло мнение, согласно которому изъятие фактически приравнено к выемке, что представляется не совсем верным.

Профессор А. А. Сумин занял достаточно категоричную позицию, обозначив, что «совершенно непонятно, что имел ввиду законодатель, говоря об изъятии». Он также обращает внимание на то, что «не может быть речи об отожествлении законодателем следственного действия «выемка» и непонятное изъятие» [5, с. 55].

Выемка как следственное действие сопровождается возможностью принуждения в случае отказа в добровольной выдаче запрашиваемых объектов. Этот факт выводит ее за рамки простого изъятия и обуславливает

необходимость подробного законодательного регулирования рассматриваемого процессуального действия. Отсутствие прямого нормативного закрепления возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела формирует пространство для расширительного толкования закона.

Хотелось бы обратить внимание на информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 августа 2014 г. № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела», согласно которому Генеральной прокуратурой Российской Федерации проведен анализ практики изъятия предметов и документов при осуществлении следственных действий на стадии рассмотрения сообщений о преступлениях, которые выявил случаи применения изъятия в ходе таких следственных действий, как выемка и обыск. Вместе с тем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела. Согласно обозначенной выше норме к таковым относятся осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, в протоколе о производстве которых должны найти отражение сведения об изъятии документов. В связи с чем их изъятие при производстве иных следственных действий законом исключается. Здесь же указано, что в соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК РФ совершение обозначенных действий в нарушение требований закона влечет признание полученных доказательств недопустимыми [2].

Также согласно информационному письму Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 30 декабря 2014 г. № 211-51098-14 «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении» указанная в ч. 1 ст. 144 УПК РФ ссылка «в порядке, установленном настоящим Кодексом» не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ (в том числе путем производства выемки ст. 183) [2].

С целью выяснения мнений представителей практических подразделений по вопросу проведения выемки до возбуждения уголовного дела был проведен опрос сотрудников органов предварительного расследования по г. Москве и Московской области. В опросе приняли участие 60 сотрудников, занимающих должности следователей, старших следователей, начальников Следственных управлений УВД ГУ по г. Москве, начальников Следственных управлений УВД по Московской области. Стаж службы в следственном подразделении у опрошенных составил от двух до девятнадцати лет (опрос проводился в период с января по май 2025 года). Результаты опроса показали, что в большинстве практических подразделений (70 % опрошенных) практика сложилась таким образом, что выемка предметов и документов производится на этапе проверки сообщения о преступлении. В качестве

обоснования принятого решения должностные лица ссылаются на положения ст. 144 и 183 УПК РФ. Фактически сотрудниками органов предварительного расследования поставлен знак равенства между категориями «изъятие» и «выемка». Они абсолютно отождествляют данные действия, не видя препятствий к реализации полномочий, данных им ст. 183 УПК РФ. При этом обыск на данном этапе не проводился. Подобный подход демонстрирует стремление обеспечить оперативное получение доказательственной информации, однако одновременно ставит вопрос о соблюдении процессуальных гарантий.

Е. А. Прохорова справедливо отмечает, «что столь свободное толкование используемых в законе терминов недопустимо, поскольку нарушает логику единой законодательной конструкции» [4, с. 102].

Вопрос допустимости различных способов «изъятия» предметов и документов до настоящего времени не имеет единого понимания как со стороны ученых, так и со стороны правоприменителей. Вызвано это, в первую очередь, отсутствием единообразного конструирования уголовно-процессуальных норм.

Дополнительную сложность создает отсутствие прямых указаний на допустимость проведения выемки и обыска до возбуждения уголовного дела, в нормах, регламентирующих порядок их производства. Данный факт отличает выемку от осмотра и судебной экспертизы, в отношении которых законодатель прямо закрепил допустимость их осуществления на этапе проверки сообщения о преступлении. Статьи, регламентирующие производство обыска и выемки, не содержат аналогичных предписаний. Подобная нормативная неопределенность формирует пространство для двойственного толкования и способствует возникновению противоречивой практики.

Однако правоприменительная практика демонстрирует стремление легитимировать производство выемки на этапе проверки сообщения о преступлении. Так Верховный Суд Российской Федерации, изучив кассационную жалобу осужденного С. и действующего в его интересах адвоката З., рассмотрев среди прочего доводы о недопустимости использования в качестве доказательств результатов производства выемки флэш-карты до возбуждения уголовного дела, пришел к следующему выводу: «Выемка проведена после получения заявления о преступлении, в соответствии с ч. 1 ст. 144, 182, 183 УПК РФ, что, по мнению судьи Верховного Суда Российской Федерации соответствует требованиям УПК РФ и результаты такого следственного действия являются допустимыми доказательствами» [5].

Аналогичные подходы прослеживаются и в практике судов апелляционной инстанции, где выемка фактически интерпретируется как разновидность изъятия, допустимая на стадии возбуждения уголовного дела. Примером может служить апелляционное постановление № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12 июля 2018 г. по делу № 22-301/2018, согласно которому суд также указывает на то, что «частью 1 статьи 144 УПК РФ предусмотрено

право уполномоченного лица в ходе доследственной проверки не только истребовать, но и изымать предметы и документы. Облечение же волеизъявления следователя о принудительном характере получения указанных документов – их изъятии – в предусмотренную уголовно-процессуальным законом форму постановления о производстве выемки соответствует компетенции данного процессуального лица и отвечает требованиям статей 7, 38, 144, 183 УПК РФ» [1]. Данное судебное решение вновь демонстрирует признание правоприменителями выемки разновидностью изъятия. В указанном апелляционном постановлении суд ссылается на вышеназванное постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 16-УД17-16, цитируя данный документ и указывая на то, что «производство выемки до возбуждения уголовного дела не противоречит требованиям части 1 статьи 144, а также положениям статей 182, 183 УПК РФ».

Отмечая значимость данных судебных решений, все же обратим внимание на то, что прямое указание на такие следственные действия как выемка и обыск в ч. 1 ст. 144 УПК РФ отсутствует. Представляется, что признание допустимости выемки на этапе доследственной проверки порождает ряд теоретических и практических проблем. В первую очередь возникает вопрос о пределах расширительного толкования полномочий следователя. Принцип законности уголовного судопроизводства предполагает наличие четкого нормативного основания для любого ограничения прав личности.

Помимо этого наблюдается смещение процессуальных гарантий. Лица, фактически вовлеченные в проверочные действия, часто не обладают статусом участника уголовного процесса, что также не позволяет им в полном объеме отстаивать свои права. Императивный характер уголовного судопроизводства предполагает, что любые формы ограничения конституционно защищаемых прав должны иметь четкое нормативное основание и сопровождаться достаточными гарантиями судебного и процессуального контроля. Отсутствие прямого законодательного регулирования создает риск произвольного вмешательства в сферу частной жизни и имущественных прав, что требует дополнительного доктринального осмысления и совершенствования законодательства.

Еще одним негативным аспектом можно назвать возникающую размытость границ между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, что искажает структуру уголовного процесса.

Проблема допустимости выемки на рассматриваемом этапе ставит под сомнение вопрос возможности использования полученных сведений в качестве доказательств. Представляется, что устранение существующей неопределенности возможно посредством последовательного применения правил юридической техники и прямого закрепления перечня следственных действий, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела. Если законодатель прямо указывает на возможность проведения отдельных следственных действия на стадии возбуждения уголовного дела,

логичным является распространение аналогичного подхода и на выемку при условии установления необходимых процессуальных гарантий. Такой подход позволит обеспечить баланс между эффективностью расследования и защитой прав участников уголовного судопроизводства, а также сформировать единообразную правоприменительную практику.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12 июля 2018 г. по делу № 22-301/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

2. О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела : информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 августа 2014 г. № 36-11-2014 // Международный русскоязычный полицейский веб-форум. URL: http://www.police-russia.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

3. Об отказе в передаче кассационной жалобы для расмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции : постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 16-УД17-16 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

4. Прохорова Е. А. Правовая модель начального этапа уголовно-процессуальной деятельности: эволюция и современные проблемы : монография. М. : Юрлитинформ, 2023. 152 с.

5. Сумин А. А. Новые проблемы рассмотрения сообщений о преступлениях // Вестник Московского университета МВД России. 2013.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Маламагамедова А. Р., 2026

УДК 343.1:004.896(470)

Маликова Н. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);
Таухетдинова Э. Э. – следователь следственной части по РОПД ГСУ МВД по РБ (Россия, г. Уфа)

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY AN INVESTIGATOR IN THE INVESTIGATION OF A CRIMINAL CASE

Аннотация. На сегодняшний день искусственный интеллект набирает все большую популярность в различных сферах жизни, например, IT-сфера, образование, медицина, бизнес и других. Уголовное судопроизводство не стало исключением. Внедрение нейронных сетей (далее – нейросетей) при расследовании преступлений позволит более полно и тщательно разрешить уголовное дело. В статье приводятся перспективные направления использования искусственного интеллекта в сфере уголовного процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, следователь, расследование, уголовное дело, уголовное судопроизводство.

Abstract. Today, artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) is gaining increasing popularity in various areas of life, such as IT, education, medicine, business, and others. Criminal proceedings are no exception. The introduction of neural networks (hereinafter referred to as neural networks) in the investigation of crimes will allow for a more comprehensive and thorough resolution of criminal cases. This article presents promising areas for the use of artificial intelligence in the field of criminal proceedings.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, investigator, investigation, criminal case, criminal proceedings.

Новый тип информационной реальности создается благодаря активному развитию цифровых технологий, которые вошли во все административные процессы, в том числе и в правоохранительную деятельность государства [1, с. 15]. Поэтому совершенствование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в современном мире способствует быстрому принятию решений, достижению поставленных целей и выполнение действий, требующих огромного труда.

Следует отметить, что использование ИИ сотрудниками органов внутренних дел является немаловажным направлением в их работе. Существует множество баз данных, которые позволяют, например, вычислить преступника (программы FindFace и «Безопасный город», система «Блок», позволяющая расследовать экономические преступления) [2, с. 76]. Следственными подразделениями использование возможностей ИИ позволяет более эффективно расследовать дела и облегчает их работу, поскольку в установленные сроки, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, следователь часто из-за большого объема задач не укладывается.

В последние годы интерес исследователей к анализу применения ИИ при расследовании преступлений значительно возрос. Среди концептуальных работ в этой сфере следует назвать диссертационное исследование Бахтеева Д. В. [3], рассматривающее перспективы использования ИИ в процессе раскрытия и расследования преступлений. В нем предложена модель сбора больших данных и разработки прикладных интеллектуальных систем. Также заслуживает внимания научная статья Пучковой Е. В. и Морозова Р. М. [4], в которой проанализированы современные способы применения технологий ИИ в правоохранительной деятельности зарубежных стран, таких как США, Китай, страны Европейского союза. Эти и многие другие ученые отмечают большое будущее за ИИ, поскольку он позволяет повысить продуктивность работы правоохранительных органов.

Распространение мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в большинстве случаев связано с организованными преступными группировками, предполагающими сложную структуру, поэтому применение ИИ поможет в кратчайшие сроки разрешить дело. Это становится возможным осуществить при помощи чата-GPT, которого необходимо «научить мыслить, как следователь». Для этого его нужно обучить, то есть указать, что он является следователем; определить задачи, написать примеры процессуальных документов и добавить различные уточнения.

Затем чату-GPT даются сведения по совершенному преступлению, и, исходя из этого, ИИ отправляет информацию о личности преступника (смягчающие и отягчающие обстоятельства, необходимо ли применение мер медицинского характера и др.), следственные версии, какие оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия необходимо провести, и на что нужно сделать уклон при расследовании уголовного дела. Также в чате-GPT можно узнать возможное местонахождение преступников, какие процессуальные решения следует принять по тому или иному событию, поскольку нейросеть считывает все информацию, содержащуюся в сети Интернет, в различных базах данных и в судебной практике.

Кроме того, отметим, что ИИ позволяет быстро подготовиться к таким следственным и процессуальным действиям, как:

– допрос (в чате-GPT следователь вносит сведения о допрашиваемом лице, то есть указывает какую роль он сыграл в совершенном общественно-опасном деянии, и далее программа выдает вопросы, которые следует задать лицу, благодаря чему можно выяснить информацию, имеющую значение для уголовного дела);

– осмотр места происшествия, обыск (в данном случае чат-GPT фиксирует результат проведенного следственного действия и фиксирует все в протоколе);

– составление процессуальных документов (чат-GPT поможет составить сразу несколько, к примеру, постановлений о проведении судебных экспертиз с учетом того что имеются разные объекты для исследования. Например, в ходе личного досмотра у лица было изъято пять сотовых телефонов, и по ним назначаются компьютерные судебные экспертизы. Следователь пишет в чате фабулу уголовного дела; уточняет, какой предмет необходимо направить на экспертизу и какие вопросы поставлены перед экспертом; далее указывает количество постановлений и на основании этого нейросеть отправляет готовые документы);

– составление документов от третьего лица, что позволит в последующем подготовить следователю обвинительное заключение (изначально допрос свидетеля пишется от первого лица, но сведения, данные им, необходимо отразить от третьего лица).

Таким образом, использование следователем возможностей ИИ при расследовании уголовных дел представляет собой перспективное направление, которое повышает качество и оперативность работы. Применение нейронных сетей открывает новые возможности для углубленного анализа доказательственной информации и процессуальных материалов. Это позволяет выявлять закономерности в связях между субъектами преступной деятельности и условиями совершения преступлений, идентифицировать серийные преступления, обнаруживать неочевидные логические цепочки между отдельными эпизодами и формировать научно обоснованные криминалистические гипотезы. В результате достигается существенное повышение результативности расследований и укрепление доказательной базы. [5]. Для более полноценного и законного применения нейросетей необходимы четкие нормативные рамки, регламентирующие порядок ее использования, защиту прав участников уголовного судопроизводства и контроль за достоверностью получаемых данных.

Библиографический список

1. Пешков М. А. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве : перспективы и актуальные проблемы // Правовой альманах, 2024. С. 15–21.

2. Безгачев Ф. В. Применение искусственного интеллекта (нейронных сетей) в деятельности полиции // Скиф. Вопросы студенческой науки, 2023. С. 73–77.

3. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений» // Диссертационное исследование на соис. уч. степени док. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.

4. Пучкова Е. В., Морозов Р. М. Российский и зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Право и управления, № 1. 2025. С. 337–341.

5. Агеев В. Н. Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 182–196.

© Маликова Н. В., 2026,
© Таухетдинова Э. Э., 2026

УДК 343.14: 004.773.5(470)

Миняшева Г. И. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ФОРМАТЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

ADMISSIBILITY OF EVIDENCE DURING INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE FORM OF VIDEO CONFERENCING

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы допустимости проведения следственных действий в формате видео-конференц-связи. Проводится анализ правового регулирования и практики проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи, направленный на выявление степени соответствия данного процессуального инструментария конституционным и уголовно-процессуальным стандартам защиты прав личности, а также на оценку надежности доказательственной информации, полученной дистанционным способом.

Ключевые слова: доказательства, допустимость, видеоконференцсвязь, следственные действия.

Abstract. The article discusses certain issues of the admissibility of conducting investigative actions in the format of video conferencing. It analyzes the

legal regulation and practice of conducting investigative actions through video conferencing, aimed at identifying the extent to which this procedural tool complies with constitutional and criminal procedural standards for protecting individual rights, as well as assessing the reliability of evidence obtained remotely.

Keywords: evidence, admissibility, video conferencing, and investigative actions.

Современное уголовное судопроизводство находится в состоянии активной трансформации, обусловленной глобальным процессом цифровизации. Одним из наиболее значимых проявлений этой тенденции является внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее –ИКТ) в процессуальную ткань, что находит отражение в расширяющемся использовании видеоконференцсвязи (далее – ВКС) для производства следственных и судебных действий. Данный инструмент перестал быть экзотическим исключением, превратившись в рутинный, а в некоторых случаях – необходимый элемент процессуальной деятельности. Его востребованность закономерно возрастает на фоне структурных изменений в преступности, где все большую долю занимают деяния, совершаемые дистанционно с использованием ИКТ.

В этой связи проведение следственных действий в формате ВКС представляет собой логичный и прагматичный ответ системы уголовной юстиции на новые вызовы. Уголовное судопроизводство держится на фундаментальных принципах, призванных обеспечить справедливость, защитить личность от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения прав и свобод.

Законодательное закрепление возможности проведения процессуальных действий с использованием ВКС стало результатом постепенной адаптации уголовно-процессуального закона к технологическим и социальным реалиям. Изначально регламентация носила точечный характер и была сосредоточена преимущественно на судебных стадиях, в частности, на опросе свидетелей, находящихся за пределами места проведения судебного заседания. Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который ввел в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) отдельную статью 189.1, специально посвященную производству следственных действий с применением ВКС. Это создало единую правовую основу для дистанционного взаимодействия на досудебных стадиях.

Согласно статье 189.1 УПК РФ ВКС определяется как информационная система, обеспечивающая одновременную двустороннюю передачу, обработку, преобразование и отображение аудио- и видеоинформации в режиме реального времени. Данное легальное определение подчеркивает

ключевые атрибуты технологии: синхронность, интерактивность и мультимедийность, что принципиально отличает ВКС от простой аудиозаписи или последующего просмотра видеоматериалов. Закон устанавливает, что решение о применении ВКС принимается следователем (дознавателем) с согласия руководителя следственного органа (начальника органа дознания), а при производстве судебных действий – судом. УПК РФ содержит примерный перечень следственных действий, которые могут быть проведены дистанционно: допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, а также участие лица, содержащегося под стражей, в иных следственных действиях [6].

Важно отметить, что нормативная база не ограничивается положениями УПК РФ. Детальная регламентация технических и организационных аспектов осуществляется подзаконными актами. Ключевое значение имеет Инструкция по организации видео-конференц-связи, утверждаемая совместными приказами МВД России, Следственного комитета России, Министерства юстиции России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Действующая редакция такого документа, как правило, устанавливает порядок взаимодействия между органами, требования к аппаратно-программным комплексам (обязательное использование сертифицированного отечественного программного обеспечения и защищенных каналов связи), процедуру назначения, подготовки и проведения сеанса связи, а также правила фиксации его результатов [3]. Эти ведомственные инструкции имеют непосредственное практическое значение, поскольку несоблюдение их предписаний, как показывает судебная практика, может привести к признанию доказательства недопустимым.

Эволюция регулирования демонстрирует тенденцию к расширению сферы применения ВКС, однако законодатель сохраняет определенный консерватизм в отношении ключевых гарантий. Ярким примером является правило части 4 статьи 247 УПК РФ, согласно которому судебное разбирательство по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении проводится с обязательным участием подсудимого, содержащегося под стражей, что предполагает его физическую доставку в зал суда. Участие такого подсудимого в заседании через ВКС допускается лишь в исключительных случаях по ходатайству самого подсудимого или по инициативе суда (например, при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей). Эта норма отражает приоритет принципа непосредственности и права на личную защиту в центральной стадии процесса.

Внедрение дистанционных технологий не должно приводить к ослаблению или формализации гарантий прав личности, закрепленных в Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуальном законе. Создание «виртуального процессуального пространства» требует адаптации классических институтов защиты и создания новых, специфических гарантий,

компенсирующих риски, порождаемые технологическим посредничеством. Система таких гарантий должна обеспечивать реальное, а не фиктивное равенство прав участников независимо от формата их участия.

Гарантии прав подозреваемого и обвиняемого. Для этой категории участников, положение которых изначально уязвимо в силу самого факта уголовного преследования, применение ВКС сопряжено с наибольшими рисками. Первостепенной гарантией является добровольность и осознанность участия в следственном действии в дистанционном формате. Следователь обязан до начала сеанса связи разъяснить подозреваемому или обвиняемому его право участвовать в действии непосредственно, в том числе право ходатайствовать о личной явке. Согласие на использование ВКС должно быть явно выраженным, свободным от какого-либо принуждения и зафиксированным в протоколе. Отсутствие такого разъяснения или давление на волю лица является существенным нарушением, ставящим под сомнение законность всей процедуры.

Краеугольным камнем системы защиты является право на помощь защитника. Законодательство прямо предусматривает, что при производстве следственного действия с применением ВКС обеспечивается участие защитника, если его участие является обязательным по закону (п. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Принципиальная позиция Верховного Суда Российской Федерации заключается в том, что право на защиту должно быть обеспечено в его материальном содержании, а не формально. Это означает, что защитник должен иметь реальную возможность находиться физически рядом со своим доверителем в том же помещении, откуда осуществляется подключение к ВКС. Только такое присутствие позволяет обеспечить конфиденциальное общение, наблюдать за нюансами поведения следователя и своего подзащитного, своевременно реагировать на нарушения. Попытки организовать дистанционное участие самого защитника (например, когда защитник подключается из своего офиса, а обвиняемый – из СИЗО) судами расцениваются как ненадлежащее обеспечение права на защиту и могут повлечь признание доказательств недопустимыми [2].

Неразрывно с предыдущей гарантией связано обеспечение конфиденциальности общения с защитником. Перед началом любого следственного действия, в котором участвует защитник, ему должна быть предоставлена возможность приватной встречи со своим доверителем (ч. 1 ст. 53 УПК РФ). При использовании ВКС это предполагает, что администрация учреждения (например, следственного изолятора) обязана предоставить оборудованное помещение, где обвиняемый и защитник могут остаться наедине, без визуального и аудиоконтроля со стороны технических средств или третьих лиц. Нарушение этой гарантии лишает защиту одного из ключевых инструментов выработки позиции и координации действий.

Гарантии прав потерпевшего и свидетеля. Для этих участников ВКС часто выступает не источником рисков, а инструментом обеспечения их

прав и законных интересов. Прежде всего, это касается гарантии безопасности. Потерпевший по делу о насильственном преступлении или свидетель, обоснованно опасающийся мести, могут быть допрошены из другого региона или специально оборудованного помещения, что минимизирует психологическую травму и риск физического воздействия.

Однако дистанционный формат порождает и специфические риски для достоверности показаний. Ключевой гарантией здесь является обеспечение независимости и добровольности дачи показаний. Следователь, организующий сеанс связи, обязан перед началом допроса не только удостовериться в личности допрашиваемого по документу, но и убедиться, что в помещении, где находится свидетель или потерпевший, отсутствуют посторонние лица, способные оказывать на него давление, подсказывать ответы или иным образом влиять на содержание показаний. На практике эта проверка должна быть отражена в протоколе [4].

Отдельного внимания заслуживает гарантия охраны персональных данных и приватности. Сеанс ВКС предполагает передачу биометрических данных (изображение лица, голос). В условиях обострения проблем с защитой цифровой информации недопустима передача таких данных по открытым или ненадежным каналам. Использование сертифицированного отечественного программного обеспечения, предписанное ведомственными инструкциями, направлено именно на минимизацию рисков утечки или перехвата информации.

Доказательства, полученные в ходе следственного действия, проведенного с использованием ВКС, подлежат оценке на общих основаниях, предусмотренных статьей 88 УПК РФ, по критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Однако специфика цифрового формата наполняет эти критерии, в первую очередь критерий допустимости, особым содержанием и выдвигает на первый план процедурные аспекты. Нарушение установленного порядка дистанционного производства является наиболее частым основанием для признания таких доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Процедурные основания допустимости:

1. Наличие надлежащего процессуального решения. Производство следственного действия посредством ВКС должно быть санкционировано постановлением следователя, вынесенным с согласия руководителя следственного органа.

2. Добровольное согласие участника. Как уже отмечалось, протокол должен содержать четкое указание на то, что право на личное участие было разъяснено и от него участник добровольно отказался, дав согласие на дистанционный формат.

3. Надлежащее обеспечение права на защиту. Если в деле участвует защитник, его физическое присутствие рядом с обвиняемым и возможность

конфиденциального общения должны быть неоспоримо подтверждены. Суды последовательно исключают доказательства, полученные в ситуации, когда защитник подключался дистанционно, а обвиняемый находился в учреждении один.

4. Соблюдение технических стандартов. Использование непредусмотренных инструкцией средств связи (например, публичных мессенджеров Zoom, Skype или социальных сетей) является безусловным нарушением, ведущим к недопустимости доказательства.

5. Надлежащая фиксация хода и результатов. Сеанс ВКС в обязательном порядке записывается на видеоноситель с обеих точек подключения.

Проблема достоверности и оценки. Критерий достоверности доказательств, полученных через ВКС, тесно связан с техническими и психологическими ограничениями технологии. Суд и стороны лишены возможности в полной мере наблюдать за обстановкой, в которой находится допрашиваемый. Ограниченный угол обзора камеры не позволяет контролировать, что происходит за ее пределами: нет ли в помещении посторонних лиц, плакатов с подсказками или иных факторов давления. Это создает объективные сложности для оценки свободного волеизъявления лица и независимости его показаний.

Возникает и психологический аспект: общение через экран может искажать восприятие, способствовать большей формальности или, наоборот, вызывать у участников дополнительный стресс. Следователь, лишенный возможности в полной мере использовать методы невербального взаимодействия и наблюдения, может столкнуться с трудностями в установлении психологического контакта и оценке искренности допрашиваемого.

Вопрос о принципе непосредственности. Использование ВКС на досудебных стадиях вносит коррективы в реализацию принципа непосредственности, традиционно понимаемого как необходимость личного восприятия доказательств следователем и судом из первоисточника. При дистанционном допросе следователь воспринимает информацию не напрямую, а через техническое средство – систему аудио-визуальной передачи. Однако в доктрине и судебной практике сложился подход, согласно которому такое опосредованное восприятие не противоречит принципу непосредственности, если технология обеспечивает адекватную и синхронную передачу информации, позволяющую следователю непосредственно в момент производства действия видеть и слышать допрашиваемого, задавать вопросы и получать ответы в реальном времени [1, с. 145]. Таким образом, ВКС не заменяет непосредственность, а становится ее технически опосредованной формой, допустимость которой строго обусловлена соблюдением всех процессуальных гарантий.

На практике оценка допустимости доказательств, полученных через ВКС, носит строго формализованный характер. Судьи тщательно проверяют материалы дела на предмет соответствия процедуры букве закона:

наличие санкции руководителя, запись о разъяснении прав, данные об обеспечении защитника, технические характеристики использованного оборудования.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что ВКС утвердилась в российском уголовном процессе в качестве легитимного и востребованного инструмента, применение которого продиктовано как логикой технологического развития, так и необходимостью адекватного ответа на новые формы преступности, в частности, на взрывной рост киберпреступлений и дистанционных мошенничеств [5]. Нормативная база, сформированная вокруг этого института, представляет собой многоуровневую систему, включающую как материально-процессуальные нормы УПК РФ, так и детальные ведомственные регламенты, определяющие технико-организационные аспекты. Тем не менее, сохраняются проблемные зоны, требующие дальнейшего осмысления и регулирования. К ним относятся: риск скрытого давления на участника из-за ограниченности угла обзора камеры; проблемы верификации личности и обстановки на «удаленном» конце; необходимость разработки четких стандартов качества связи и протоколов действий при технических сбоях; а также вопрос о потенциальном расширении перечня следственных действий, проводимых дистанционно, с разработкой для каждого из них специальной процедуры, минимизирующей риски.

Библиографический список

1. Волколупова А. В. Принцип непосредственности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Закон. 2023. № 8. С. 145–158.

2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 7.

3. Об организации видео-конференц-связи : инструкция (утв. совместным приказом МВД России, СК России, Минюста России от 15 марта 2022 г. № 145/19/85) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2022. № 28.

4. Сапрыгина Ю. Количество киберпреступлений в России выросло на треть. Мошенники больше не охотятся на бабушек, а ищут жертв помоложе и побогаче // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/ (дата обращения: 16.02.2025).

5. Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40 % // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/18957905 (дата обращения: 16.02.2025).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации

22 ноября 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Миняшева Г. И., 2026

УДК 343.1

Мичурина О. В. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Москва)

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE DELEGATION OF CRIMINAL PROCEDURAL POWERS

Аннотация. Статья посвящена теоретико-прикладным аспектам правового регулирования делегирования уголовно-процессуальных полномочий. В ней рассматриваются процессуальные механизмы, позволяющие осуществлять передачу полномочий от одного участника уголовного судопроизводства другому, анализируются правовые нормы, регулирующие этот процесс, поднимаются проблемы его правоприменения. Делается вывод, что делегирование уголовно-процессуальных полномочий является важным инструментом, позволяющим оптимизировать деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные полномочия, делегирование полномочий, способы делегирования, возложение полномочий, уполномочивание, поручение, участники уголовного судопроизводства.

Abstract. The article is devoted to the theoretical and applied aspects of the legal regulation of the delegation of criminal procedural powers. It examines the procedural mechanisms that allow the transfer of authority from one participant in criminal proceedings to another, analyzes the legal norms governing this process, and raises the problems of its enforcement. It is concluded that the delegation of criminal procedural powers is an important tool for optimizing the activities of government agencies and officials conducting criminal proceedings.

Keywords: criminal procedural powers, delegation of powers, methods of delegation, assignment of powers, authorization, assignment, participants in criminal proceedings.

Государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, для выполнения своих процессуальных функций наделены соответствующими полномочиями, предусмотренными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) и другими нормативными правовыми актами, обеспечивающими легитимность их деятельности. Следователь и дознаватель обладают полномочиями на осуществление уголовного преследования, полномочия прокурора тоже связаны с уголовным преследованием, а также надзором за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, полномочия суда – с осуществлением правосудия и судебным контролем. Эти и все другие уголовно-процессуальные полномочия властных участников уголовного судопроизводства изначально делегированы им государством. Так, в соответствии со ст. 296 УПК РФ, суд при разрешении уголовного дела по существу постановляет приговор именем Российской Федерации, а согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, прокурор, следователь, дознаватель по уголовным делам публичного и частно-публичного характера осуществляют уголовное преследование от имени государства.

При этом в практике правоприменения нередко возникает необходимость перераспределения отдельных уголовно-процессуальных полномочий, для чего они делегируются одними государственными органами и должностными лицами другим. Что представляет собой такое делегирование?

Несмотря на то, что термин «делегирование» не упоминается в УПК РФ, в уголовно-процессуальной науке он давно и прочно закрепился. Так, О. Н. Игнатова в своей кандидатской диссертации непосредственно ведет речь о делегировании процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве [1]. О. В. Химичева, исследуя концептуальные основы процессуального контроля и надзора в уголовном судопроизводстве, относит к неподлежащим делегированию полномочия прокурора, касающиеся осуществляемого им надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия [2, с. 156]. В. В. Кальницкий и Т. И. Сальникова, подвергая анализу утраченную прокурором нормативную возможность поручить должностному лицу органа предварительного расследования поддержание государственного обвинения в суде, называют ее делегированием полномочий [3, с. 27]. В. О. Захарова связывает делегирование с оптимизацией предварительного расследования [4, с. 143]. С. В. Супрун, подробно исследуя формы делегирования начальником органа дознания должностному лицу органов внутренних дел уголовно-процессуальных

полномочий, особый акцент делает на их делегировании должностным лицам, не замещающим штатную должность дознавателя специализированного подразделения дознания [5, с. 52–54]. Внимание делегированию уголовно-процессуальных полномочий внутри системы органа дознания уделено и другими учеными, исследовавшими различные аспекты, связанные со сферой производства дознания или иных полномочий органа дознания [6, 7, 8, 9, 10, 11].

Делегирование уголовно-процессуальных полномочий может осуществляться через поручение, выступающее одним из способов его реализации. О нем непосредственно идет речь в УПК РФ, например: поручение следователем, дознавателем органу дознания производства отдельных следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 1 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41); поручение следователем, дознавателем другому следователю, дознавателю или органу дознания производства следственных действий не по месту производства предварительного расследования (ч. 1 ст. 152); поручение следователем органу дознания производства следственных действий, включая следственные действия розыскного характера, после выполнения неотложных следственных действий и направления уголовного дела руководителю следственного органа (ч. 4 ст. 157); поручение следователем, дознавателем и судом производства освидетельствования, связанного с обнажением освидетельствуемого лица другого пола (ч. 4 ст. 179 и ч. 2 ст. 290).

С точки зрения А. А. Минина, поручение представляет собой специфический уголовно-процессуальный акт, обусловленный необходимостью делегирования полномочий по производству следственных (иных процессуальных) действий либо принятию иных требуемых мер в случаях, когда производство таких действий или принятие таких мер самим должностным лицом невозможно, затруднительно либо нецелесообразно [12, с. 11].

Таким образом, поручение в уголовном судопроизводстве представляет собой разовое задание, которое в случае необходимости нужно выполнить тому, кому оно адресовано. При этом поручение в уголовном судопроизводстве не всегда бывает связано с делегированием в уголовно-процессуальном смысле, к примеру, когда оно касается розыска, оперативно-розыскных мероприятий, поручений учреждению связи о задержании почтово-телеграфных отправлений, подвергнутых аресту или соответствующему органу производства технической части контроля и записи телефонных и иных переговоров. Производство данных действий не входит в компетенцию следователя, дознавателя, а является исключительным полномочием органа дознания или иного соответствующего компетентного органа или учреждения. В этом случае поручение имеет место вне уголовно-процессуальных полномочий и, соответственно, вне уголовно-процессуального делегирования.

В контексте делегирования в УПК РФ упоминается также возложение, роль которого усматривается в приобретении уголовно-процессуальных

полномочий или процессуальных прав, а именно: возложение на представителя, включая законного представителя, прав потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя (ч. 2 и 3 ст. 45), а также на представителя – прав гражданского ответчика (ч. 2 ст. 55); возложение на следователя, дознавателя полномочий по производству неотложных следственных действий в случае, если уголовное дело ему неподследственно (ч. 5 ст. 152); возложение на орган дознания полномочий по выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (п. 2 ч. 1 ст. 40, ч. 1–3 ст. 157). Тем самым, возложение полномочий в уголовном судопроизводстве, в отличие от поручения, подразумевает передачу более широкого спектра функциональных обязанностей, чем какое-то ограниченное разовое задание.

Следует обозначить также уполномочивание, которое тоже напрямую связано с делегированием уголовно-процессуальных полномочий и затрагивает изначальное уполномочивание государством властных участников уголовного судопроизводства. Не зря применительно к конкретному должностному лицу или государственному органу в законе указывается на то, что они уполномочены (п. 24, 40.1, 41, 54 ст. 5, ст. 21, 37, 38, 39, ст. 40.1, 40.2, 41 и др. УПК РФ). В уголовном судопроизводстве инициатива уполномочивания может исходить и от самого должностного лица, а именно начальника органа дознания, но только тогда, когда органом дознания назван государственный орган (п. 7 ст. 5, п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). В случаях же делегирования уголовно-процессуальных полномочий должностным лицом, наделенным статусом органа дознания, включая органы дознания, специфика деятельности которых не связана с уголовно-процессуальной сферой (п. 3 ч. 1, ч. 2, п. 1–3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ), речь должна вестись не об уполномочивании, а скорее о возложении полномочий, которое выражается в предоставлении одному субъекту действовать от имени другого.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон связывает поручение, возложение полномочий и уполномочивание с определенной необходимостью и (или) случаями. Они и выступают фактическими основаниями делегирования уголовно-процессуальных полномочий. Правовым основанием является процессуальный документ, оформляющий фактическое основание делегирования (письменное поручение, постановление и пр.). Допустимы также ситуации, когда фактическое основание не находит отражения в конкретном процессуальном документе (к примеру, при необходимости производства неотложных следственных действий).

Делегирование уголовно-процессуальных полномочий представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом процесс передачи полномочий от одного субъекта другому через поручение, возложение, уполномочивание в силу прямого предписания закона или по волеизъявлению субъекта делегирования. Для принятия делегированных полномочий необходимо наличие соответствующей компетенции у субъекта, к ко-

торому они переходят, что влечет за собой возникновение у него определенных прав и обязанностей, связанных с их реализацией. В данном контексте следует отметить, что правовое регулирование данного института должно обеспечивать баланс между эффективностью правоприменительной деятельности и соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Игнатова О. Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2021.

2. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. М., 2004.

3. Кальницкий В. В., Сальникова Т. И. Поддержание дознавателем (следователем) государственного обвинения: недолгая судьба одной нормы и ее неутраченный смысл // Законодательство и практика. 2020. № 1.

4. Захарова В. О. Право следователя на дачу поручения : ошибки и рекомендации // Уголовный процесс и криминалистика : правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Академия управления МВД России, 3 ноября 2023 года. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 143–148.

5. Супрун С. В. Дознаватель органов внутренних дел : предусмотренные законом и выработанные практикой формы делегирования полномочий начальником ОВД // Административное право и процесс. 2025. № 8. С. 52–55.

6. Гуткин И. М. Вопросы совершенствования процессуального и организационного руководства в сфере дознания // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 3–17.

7. Есина А. С. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

8. Митюкова М. А. Полномочия начальника органа дознания в системе органов внутренних дел // Сибирский Юридический Вестник. 2004. № 4. С. 79–84.

9. Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008.

10. Митькова Ю. С. Дознание в органах внутренних дел как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.

11. Россинский С. Б., Калачева А. В. Органы дознания в уголовном судопроизводстве России : монография / под ред. С. Б. Россинского. М., 2025.

12. Минин А. А. Поручения следователя в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

© Мичурина О. В., 2026

УДК 343.1

Мичурин В. С. – доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

TRANSITION TO AN ELECTRONIC CRIMINAL CASE MODEL: ADVANTAGES AND RISKS

Аннотация. Статья посвящена анализу преимуществ и рисков при трансформации уголовного дела в электронный формат. Делается вывод, что внедрение электронного уголовного дела является закономерным и прогрессивным этапом в развитии отечественного уголовного судопроизводства. При этом оно связано не только с технической модернизацией, но и фундаментальным сдвигом, который приведет к смене парадигмы уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, цифровизация, уголовное судопроизводство, электронный документооборот, стандарты судопроизводства.

Abstract. The article analyzes the advantages and risks of converting a criminal case into an electronic format. It is concluded that the introduction of electronic criminal proceedings is a natural and progressive stage in the development of domestic criminal proceedings. At the same time, it is associated not only with technical modernization, but also with a fundamental shift that will lead to a paradigm shift in criminal proceedings.

Keywords: electronic criminal case, digitalization, criminal proceedings, electronic document management, standards of legal proceedings.

В настоящее время уголовное судопроизводство подвергается активному внедрению информационных технологий. Под влиянием различных политических, экономических и социальных факторов отдельные институты уголовно-процессуального права устаревают и не справляются с надлежащим нормативным регулированием. А при дороговизне и обремененности процессуальной формы это побуждает к ее упрощению, очевидной утрате свойства социального завоевания [1, с. 47].

При этом изменения, вносимые в уголовно-процессуальное законодательство, носят пока ограниченный, подготовительный характер для более значительных нововведений в перспективе. Одним из них является внедрение электронного уголовного дела. Хотя конкретные сроки реализации данного проекта пока не определены, законодатель уже предпринимает первые шаги в этом направлении. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) уже предусматривает использование систем видео-конференц-связи для дистанционного проведения следственных, судебных и иных процессуальных действий, а также для дистанционного участия в судебных заседаниях (ст. 189.1, 240, 241.1, 278.1). Кроме того, допускается дистанционное направление и получение электронных документов с использованием информационных систем (ст. 747.1 и 474.2 УПК РФ).

Под электронным уголовным делом большинством исследователей понимается единая, целостная, защищенная информационная база (сайт, портал, платформа) для сбора, организации, отправления, хранения и пр. электронных документов, а также иной электронной информации [2, с. 122; 3, с. 88; 4, с. 97–98; 5, с. 85 и др.].

Следует констатировать, что электронное уголовное дело не является полным аналогом бумажного носителя информации. Внедрение данной системы влечет за собой значительные трансформации, затрагивающие фундаментальные основы уголовно-процессуальной деятельности. Эти изменения влияют на традиционные модели взаимодействия между участниками процесса и формируют новый уровень реализации принципов уголовного судопроизводства. Эти принципы направлены на установление основополагающих и руководящих начал функционирования уголовного процесса, что, в свою очередь, определяет новые стандарты в данной области. Следует отметить ряд ключевых аспектов, связанных с этими изменениями.

1. Электронный формат уголовного дела повышает формальную строгость соблюдения процедур. Система может быть запрограммирована так, чтобы стать более контролируемой со стороны суда, прокурора, процессуальных руководителей из сферы предварительного следствия и дознания, не допускать нарушения процессуальных сроков (например, автоматически отслеживать время содержания под стражей, сроки предварительного расследования), требовать обязательного заполнения всех параметров процессуального документа, исправлять в нем технические ошибки и пр. Каждому

процессуальному документу в электронном уголовном деле, подписанному усиленной квалификационной электронной подписью, будет гарантироваться его юридическая значимость и защита от несанкционированного изменения. Система электронного протоколирования следственных, судебных и иных процессуальных действий обеспечит полный аудит того, кто, когда и с какими материалами уголовного дела работал. Это снизит произвол и фальсификацию, риск утраты, порчи или незаконного изъятия материалов уголовного дела, повысит уровень законности производства по нему, о которой идет речь в ст. 7 УПК РФ. Кроме того, снижаются риски утери или повреждения материалов уголовного дела, содержащих личную и семейную тайны, а также иную конфиденциальную информацию, так как доступ к нему будет логироваться. Протоколы, результаты фото- и видеосъемки после осмотра, обыска, выемки и иных следственных действий смогут сразу загружаться в систему, что затруднит их последующее изъятие или изменение и обеспечит допустимость доказательственной информации. Все это положительно отразится также на реализации принципов уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ), неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ).

2. Внедрение электронного уголовного дела позволит значительно повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности, сократить длительность процессуальных сроков, оптимизировать процесс документооборота, ликвидировать временные и пространственные барьеры. Возможность мгновенного обмена процессуальными документами (ходатайства, представления, жалобы, постановления, запросы, поручения и пр.) устранит непроизводительные потери времени, связанные с их физической пересылкой. Полноценное внедрение электронного документооборота в уголовное судопроизводство решит целый комплекс процедурных проблем, в том числе упростит и ускорит порядок ознакомления как с отдельными процессуальными документами, так и всеми материалами уголовного дела. Это напрямую повлияет на соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, установленного ст. 6.1 УПК РФ.

3. Электронное уголовное дело способно сделать более технологичным осуществление правосудия судом (ст. 8 УПК РФ). Расширение возможности для проведения судебных заседаний в форме видео-конференц-связи ускорит уголовное судопроизводство и сделает его доступнее. Материалы уголовного дела в электронной форме упростят суду работу с доказательствами.

4. Уголовно-процессуальная деятельность может стать более доступной для участников уголовного судопроизводства, выведя на новый уровень принцип состязательности и нивелируя традиционное информационное преимущество стороны обвинения, формирующей бумажное уголовное

дело. Тем самым решится не только комплекс проблем, касающихся единого информационного пространства для эффективного дистанционного взаимодействия, но и надлежащей реализации прав участников уголовного судопроизводства, что предоставит дополнительные возможности для реализации принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ), а также в большей степени гарантирует обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

5. Электронное уголовное дело позволит напрямую включать в него мультимедийный контент (аудио- и видеозаписи допросов, видеосъемку с места происшествия, в том числе в 3D-формате, результаты сложных экспертных исследований в цифровом виде). Это сформирует более полную, наглядную и достоверную доказательственную базу для суда, отвечая современным требованиям работы с доказательствами, что значительно увеличит возможности их оценки по внутреннему убеждению, сформулированному в ст. 17 УПК РФ. Кроме того, можно будет быстро сопоставлять показания разных лиц, находить в них противоречия, выстраивать хронологию событий, работать с аудио- и видеоматериалами непосредственно в интерфейсе уголовного дела.

6. Система электронного уголовного дела может быть оснащена встроенными инструментами автоматического перевода для участников, не владеющих языком уголовного судопроизводства, что ускорит и удешевит процедуру перевода и внесет существенные изменения в привычную роль переводчика – физического лица (ст. 18 УПК РФ).

Однако, несмотря на очевидные преимущества электронного уголовного дела, которое сможет сделать уголовное судопроизводство более быстрым, эффективным, прозрачным, контролируемым и даже более состязательным, переход на новые стандарты может быть сопряжен с рядом проблем, которые в перспективе, безусловно, будут разрешены, но в настоящее время еще сохраняют свою актуальность.

1. В рамках уголовного судопроизводства существует цифровое неравенство между участниками, обладающими различным уровнем технической оснащенности и цифровой грамотности.

2. Необходимо учитывать потенциальные киберриски, связанные с возможностью несанкционированного доступа к базам данных и утечкой конфиденциальной информации, что может привести к нарушению принципа недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ), презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), а также к ущемлению прав и законных интересов участников уголовного процесса. В связи с этим требуется разработка и внедрение эффективных мер защиты информации.

3. Чрезмерная формализация уголовного судопроизводства, вызванная алгоритмизацией процессов, может привести к ситуации, когда долж-

ностные лица, такие как судьи, следователи и дознаватели, вынуждены принимать решения не на основании внутреннего убеждения, а в соответствии с алгоритмами, не позволяющими отступить от предписанных процедур.

4. Возможны юридические коллизии, обусловленные недостаточной адаптацией законодательства к новым процедурам, связанным с использованием электронных документов и данных в уголовном процессе. Это потребует внесения изменений в законодательство и принятия подзаконных нормативных актов, регулирующих все аспекты работы с электронными материалами уголовного дела.

5. Интеграция систем на базе искусственного интеллекта в уголовное дело может привести к возникновению дополнительных ошибок, связанных не только с человеческой деятельностью, но и с функционированием самих систем искусственного интеллекта. Например, качество машинного перевода может исказить содержание информации, что, в свою очередь, может привести к недостоверности доказательств и нарушению прав участников уголовного процесса.

Переход к электронному уголовному делу сопряжен с рядом других проблем, требующих своевременного и адекватного правового регулирования. В противном случае существует риск недостаточной эффективности реализации данного процесса [6, с. 109]. В юридической литературе справедливо отмечается, что цифровизация включает в себя техническую и процессуальную составляющие, имеющие различную правовую природу и находящиеся в тесной взаимосвязи. Технические аспекты нуждаются в надлежащей процедуре внедрения, в то время как процессуальные компоненты требуют своевременной модификации уголовно-процессуальной формы [7, с. 159].

В заключение следует подчеркнуть, что электронное уголовное дело представляет собой не только техническую модернизацию, но и фундаментальный сдвиг в парадигме уголовного процесса. Это переход к модели уголовного судопроизводства будущего, которая должна быть ориентирована на человека и оснащена самыми современными техническими инструментами. При этом внедрение электронного уголовного дела и других процедур, основанных на информационных технологиях, не должно за собой предполагать вытеснение уже имеющихся ценностей уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Григорьев В. Н. О некоторых тенденциях в развитии уголовного судопроизводства Российской Федерации на современном этапе // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 46–49.

2. Дикарев И. С., Миликова А. В. Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 120–127.

3. Моругина Н. А. Электронное уголовное дело : понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок : история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 84–89.

4. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

5. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 83–94.

6. Мичурина О. В. Пять ключевых аргументов в пользу информатизации уголовного судопроизводства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 105–109.

7. Химичева О. В., Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 158–164.

© Мичурин В. С., 2026

УДК 343.13

Мугинова З. Р. - заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И КАЧЕСТВО ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

SPECIAL PROCEDURE OF JUDICIAL PROCEEDINGS AND THE QUALITY OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования и практической реализации особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). На основе анализа законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и статистических данных исследуются ключевые проблемы: соотношение процессуальной экономии и справедливости правосудия, формальный подход судов к оценке доказательств, ограничение права обвиняемого на защиту, риски осуждения невиновных. Сформулированы

предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, глава 40 УПК РФ, согласие с обвинением, качество правосудия, процессуальная экономия.

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of legal regulation and practical implementation of the special procedure of judicial proceedings with the consent of the accused with the charges brought (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Based on the analysis of legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and statistical data, key problems are investigated: the relationship between procedural economy and justice, the formal approach of courts to the evaluation of evidence, the restriction of the accused's right to defense, the risks of convicting the innocent. Proposals for improving criminal procedure legislation are formulated.

Keywords: special procedure of judicial proceedings, Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure, consent to the charge, quality of justice, procedural economy.

С момента введения в действие главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» прошло более двух десятилетий. За это время институт особого порядка судебного разбирательства из исключительной процедуры превратился в доминирующую форму рассмотрения уголовных дел. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ежегодно в таком порядке рассматривается более 60 % всех уголовных дел, а по отдельным категориям преступлений этот показатель достигает 80 % [1]. Столь широкое распространение упрощенных процедур закономерно ставит вопрос о сохранении качества правосудия и соблюдении прав участников процесса. Анализ научных источников позволяет констатировать, что проблема соотношения процессуальной экономии и справедливости судебного разбирательства остается дискуссионной. В частности, А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский характеризуют особый порядок как упрощенную форму, при которой суд не проводит полноценного исследования доказательств, ограничиваясь изучением личности подсудимого и обстоятельств, влияющих на наказание [2, с. 512].

Законодательная конструкция особого порядка (ст. 314–317 УПК РФ) базируется на трех ключевых элементах: согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, его добровольное волеизъявление после консультации с защитником и отсутствие возражений со стороны государственного обвинителя и потерпевшего. При этом суд освобождается от необходимости непосредственного исследования доказательств, ограничиваясь проверкой

формальных условий и изучением данных о личности. Как представляется, именно последнее обстоятельство – отказ от полноценного судебного следствия – порождает основное противоречие между стремлением к ускорению процесса и требованием справедливого правосудия. Следует согласиться с мнением О. В. Качаловой, что «особый порядок судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным обвинением сегодня – это не исключение, а правило. И это порождает серьезные вопросы о качестве правосудия, о реальной, а не декларируемой роли судьи в уголовном процессе» [5, с. 13].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. В Определении от 20 февраля 2014 г. № 291-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыбакова А.Н. на нарушение его конституционных прав статьями 314, 316 и 317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что особый порядок судебного разбирательства не предполагает возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора без исследования и оценки доказательств в случае, если обвиняемый фактически не согласен с предъявленным обвинением [3]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» конкретизировал эти требования, разъяснив, что судья обязан удостовериться в осознании обвиняемым характера и последствий заявленного ходатайства, его добровольности и наличии консультации с защитником [4, п. 2]. При этом возражения потерпевшего, хотя и не являются безусловным основанием для отказа в применении особого порядка, должны учитываться судом [4, п. 4].

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на проблемы, возникающие при применении особого порядка. Так, О. В. Качалова ставит под сомнение способность упрощенной процедуры обеспечить справедливость приговора, отмечая, что формальные ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не могут заменить полноценного исследования обстоятельств дела [5, с. 12]. По мнению Т. К. Рябининой, ограничение права на защиту при особом порядке проявляется в невозможности для адвоката в полной мере реализовать свои профессиональные функции, поскольку исключается оспаривание доказательств и заявление ходатайств об их исключении [6, с. 1108]. Исследуя практическую сторону вопроса, Е. А. Прохорова указывает на нередкие случаи, когда назначенные защитники, стремясь к скорейшему завершению дела, не проявляют должной активности в разъяснении подзащитному всех последствий заявления ходатайства [7, с. 13]. Кроме того, как отмечает Д. А. Степаненко, «особый порядок нередко воспринимается сторонами как способ получить

гарантированное смягчение наказания, что может приводить к согласию с обвинением даже при наличии сомнений в виновности» [9, с. 45].

Анализ статистических данных подтверждает наличие проблем в правоприменении. Согласно Обзору статистических данных о рассмотрении дел в Верховном Суде Российской Федерации, в первом полугодии 2025 года Судебной коллегией по уголовным делам было рассмотрено 337 уголовных дел в кассационном порядке, при этом отменены обвинительные приговоры с прекращением дела по реабилитирующим основаниям в отношении 9 осужденных [8]. Хотя эти цифры не выделяют отдельно дела, рассмотренные в особом порядке, они свидетельствуют о наличии системных ошибок, часть которых, несомненно, приходится на упрощенные процедуры. Кроме того, анализ апелляционной и кассационной практики, опубликованной в справочно-правовых системах, показывает, что суды не всегда уделяют должное внимание проверке добровольности заявления ходатайства. Нередки случаи, когда вышестоящие инстанции констатируют формальный подход судов первой инстанции к выяснению обстоятельств заявления ходатайства, отсутствие в материалах дела сведений о полноценной консультации с защитником, игнорирование возражений потерпевших [9]. Например, в одном из определений Верховного Суда Российской Федерации было отмечено, что суд первой инстанции не проверил, разъяснены ли подсудимому последствия особого порядка в полном объеме, и не выяснил, не является ли его согласие вынужденным [10].

Особого внимания заслуживает вопрос о пределах судейского усмотрения при проверке обоснованности обвинения. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, суд даже при согласии обвиняемого с обвинением не освобождается от обязанности проверять, обоснованно ли предъявлено обвинение, подтверждается ли оно доказательствами, собранными по делу. Однако механизм такой проверки в законе не прописан. Как указывают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, на практике судьи ограничиваются проверкой наличия в деле достаточных, по их мнению, доказательств, но не оценивают их критически, не сопоставляют между собой, не выявляют противоречий [2, с. 513]. Такая ситуация создает риск вынесения приговора на основе неполных или противоречивых материалов предварительного расследования. Более того, как отмечает И. С. Зюзин, «отсутствие у суда обязанности исследовать доказательства приводит к тому, что приговор в особом порядке фактически дублирует обвинительное заключение, а судья превращается в регистратора воли сторон» [11, с. 22].

Проблема добровольности заявления ходатайства также требует более детальной регламентации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 декабря 2006 года № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» разъяснил, что суду надлежит проверять, не является ли ходатайство результатом незакон-

ного воздействия [4, п. 5]. Однако закон не устанавливает конкретных процедур такой проверки. Исследователи обращают внимание на то, что судьи, как правило, ограничиваются формальным вопросом: «Подтверждаете ли вы свое ходатайство?», не вникая в глубинные мотивы и обстоятельства его заявления [7, с. 12]. Между тем в условиях, когда обвиняемый находится под стражей, испытывает психологическое давление или не доверяет назначенному защитнику, реальное содержание добровольности может быть искажено. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить более детальную процедуру выяснения добровольности, включая, например, обязательный опрос обвиняемого в отсутствие других участников процесса (за исключением защитника) с занесением результатов в протокол.

Вопрос о праве потерпевшего возражать против применения особого порядка урегулирован ч. 4 ст. 314 УПК РФ таким образом, что окончательное решение остается за судом. Как отмечает О. В. Качалова, мнение потерпевшего должно иметь определяющее значение, поскольку именно потерпевший является лицом, которому преступлением причинен вред, и его право на справедливое правосудие должно быть защищено не менее, чем право обвиняемого на ускоренное рассмотрение дела [5, с. 16]. Представляется, что действующая редакция, предоставляющая суду право, а не обязанность перейти к общему порядку при наличии возражений потерпевшего, не в полной мере соответствует принципу состязательности и равноправия сторон. В правоприменительной практике нередки случаи, когда суды, несмотря на возражения потерпевшего, рассматривают дело в особом порядке, мотивируя это отсутствием препятствий, предусмотренных законом. Такой подход, по мнению ряда авторов, ущемляет права потерпевшего и снижает доверие к правосудию [12, с. 33].

Анализ зарубежного опыта показывает, что в ряде стран существуют более дифференцированные подходы к упрощенным процедурам. Так, в некоторых государствах для преступлений средней тяжести предусмотрены дополнительные гарантии: обязательное участие защитника, письменное подтверждение добровольности согласия, минимальное исследование доказательств. Представляется, что такой подход мог бы быть воспринят и российским законодателем. По мнению Т. К. Рябининой, для преступлений средней тяжести с наказанием свыше трех лет лишения свободы следовало бы предусмотреть более строгие гарантии [6, с. 1112]. В частности, можно ввести обязательное участие защитника независимо от желания обвиняемого (то есть расширить применение ст. 51 УПК РФ), а также предусмотреть обязанность суда исследовать хотя бы основные доказательства, подтверждающие вину, например, допросить потерпевшего или свидетелей, если их показания являются ключевыми.

Кроме того, заслуживает внимания предложение о введении письменной формы согласия обвиняемого с обвинением, которая должна содержать

не только подтверждение добровольности, но и развернутое указание на понимание последствий. Такое согласие могло бы составляться защитником и подписываться обвиняемым в присутствии судьи, что создавало бы дополнительные гарантии. Подобная практика существует, например, в уголовном процессе Германии, где согласие на упрощенное производство оформляется специальным протоколом с подробными разъяснениями [13].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что действующая модель особого порядка, при всей ее востребованности для обеспечения процессуальной экономии, нуждается в серьезной корректировке. Основной вектор изменений должен быть направлен на усиление гарантий справедливости судебного разбирательства, не допускающих превращения правосудия в формальную процедуру утверждения обвинения. Для достижения этой цели предлагается комплекс мер как законодательного, так и правоприменительного характера.

Во-первых, целесообразно дополнить ст. 314 УПК РФ положением, обязывающим суд при принятии решения о возможности рассмотрения дела в особом порядке проверять наличие в материалах дела доказательств, подтверждающих обоснованность обвинения. При наличии неустранимых сомнений в обоснованности обвинения суд должен быть обязан вынести постановление о рассмотрении дела в общем порядке. Такая норма будет соответствовать правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и позволит исключить случаи осуждения при явной недостаточности доказательств.

Во-вторых, следует ввести в ст. 316 УПК РФ норму, предусматривающую обязательное минимальное исследование доказательств в судебном заседании, включая проверку допустимости ключевых доказательств. Такое исследование может быть ограниченным, но должно обеспечивать возможность выявления очевидных противоречий и нарушений. Например, суд мог бы огласить наиболее важные доказательства и предложить сторонам высказаться относительно их допустимости. Это не приведет к существенному увеличению времени рассмотрения дела, но повысит гарантии справедливости.

В-третьих, необходимо изменить редакцию ч. 4 ст. 314 УПК РФ, заменив право суда на обязанность назначать рассмотрение дела в общем порядке при наличии обоснованных возражений потерпевшего против применения особого порядка. Это усилит процессуальные гарантии потерпевшего и будет соответствовать принципу состязательности. При этом под обоснованными возражениями следует понимать не просто несогласие, а мотивированную позицию, например, указание на то, что потерпевший желает непосредственного исследования доказательств, допроса свидетелей и т. п.

В-четвертых, представляется обоснованным ввести дифференциацию особого порядка в зависимости от категории преступления. Для преступлений средней тяжести (с наказанием свыше 3 лет лишения свободы) следует

предусмотреть дополнительные гарантии: обязательное участие защитника, письменное подтверждение добровольности заявления ходатайства, исследование ключевых доказательств. Для преступлений небольшой тяжести может быть сохранен действующий порядок.

В-пятых, целесообразно дополнить ст. 51 УПК РФ положением об обязательном участии защитника при рассмотрении дела в особом порядке, а также ввести требование о письменном подтверждении защитником факта разъяснения подзащитному всех последствий применения данной процедуры и добровольности его волеизъявления. Такое подтверждение должно приобщаться к материалам дела и могло бы служить дополнительной гарантией, а также облегчить проверку законности приговора в вышестоящих инстанциях.

Кроме того, требуется разработка постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного вопросам применения особого порядка судебного разбирательства, с разъяснениями по следующим вопросам: критерии добровольности заявления ходатайства; порядок проверки обоснованности обвинения; права потерпевшего и порядок учета его мнения; основания для возвращения дела в общий порядок; особенности обжалования приговоров, постановленных в особом порядке. Такое постановление могло бы обобщить накопившуюся практику и дать ориентиры для единообразного применения закона.

Реализация предложенных мер позволит сохранить преимущества особого порядка как инструмента процессуальной экономии, но при этом существенно снизить риски судебных ошибок и обеспечить реальную, а не декларируемую справедливость правосудия. Это будет соответствовать конституционному принципу приоритетной защиты прав и законных интересов личности и способствовать укреплению доверия граждан к судебной системе.

Библиографический список

1. Данные судебной статистики о рассмотрении уголовных дел в особом порядке // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 20.02.2026).

2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 784 с.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыбакова А. Н. на нарушение его конституционных прав статьями 314, 316 и 317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2014 года № 291-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 года № 60 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.

5. Качалова О. В. Судья – это не технический исполнитель : тренды уголовного процесса 2026 и разбор особого порядка // Уголовный процесс. 2026. № 2. С. 10–18.

6. Рябинина Т. К. Роль судебной власти в трансформации соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 4. С. 1105–1121.

7. Прохорова Е. А. Проблемы реализации права обвиняемого на защиту при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Мировой судья. 2025. № 8. С. 10–15.

8. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел по разрешению экономических споров и дел об административных правонарушениях : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Степаненко Д. А. Особый порядок судебного разбирательства : проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 44–48.

10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2025 года № 67-УД25-8-К9 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Зюзин И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и особый порядок судебного разбирательства // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 20–26.

12. Петрова Н. Е. Защита прав потерпевшего при особом порядке судебного разбирательства // Законность. 2024. № 5. С. 31–35.

13. Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. М. : Юрлитинформ, 2022. 312 с.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ : ред. от 28.02.2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Мугинова З. Р., 2026

УДК 343.13; 342.7

Муминов М. Э. – заместитель начальник кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент (Республика Узбекистан, г. Ташкент);
Очилова С. Р. – курсант 2-го курса очного обучения Академии МВД Республики Узбекистан (Республика Узбекистан, г. Ташкент)

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ВРЕМЕННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА ВЫЕЗД ИЗ СТРАНЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF TEMPORARY RESTRICTION ON CITIZENS' RIGHT TO LEAVE THE COUNTRY FROM THE PERSPECTIVE OF THE LEGISLATION OF UZBEKISTAN AND THE NORMS OF INTERNATIONAL LAW

Аннотация. В данной статье рассматриваются правовые основы института временного ограничения права граждан Республики Узбекистан на выезд за пределы страны и их соответствие нормам международного права, а также вопрос баланса между конституционно закрепленными правами на свободу передвижения и выезд из страны и законными основаниями для их ограничения. Кроме того, практика применения данного института сопоставлена с требованиями международно-правовых документов, в частности, Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах. В ходе исследования была оценена степень обеспечения принципов необходимости, пропорциональности и верховенства закона при ограничении права граждан на выезд, а также выработаны предложения и рекомендации по приближению законодательства Узбекистана к международным стандартам.

Ключевые слова: временное ограничение, право на выезд, свобода передвижения, международные правовые стандарты, пропорциональность, верховенство закона.

Abstract. This article examines the legal foundations of the institution of temporarily restricting the right of citizens of the Republic of Uzbekistan to leave the country and its compliance with international legal norms, as well as the issue of balancing constitutionally guaranteed rights to freedom of movement and the right to leave the country with the legal grounds for their limitation. In addition,

the practice of applying this institution is compared with the requirements of international legal instruments, in particular the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights. The study assesses the degree to which the principles of necessity, proportionality, and the rule of law are ensured when restricting citizens' right to exit, and proposes recommendations for aligning Uzbekistan's legislation with international standards.

Keywords: temporary restriction, right to leave, freedom of movement, international legal standards, proportionality, rule of law.

В последние годы, проводимые в нашей стране реформы не обходят стороной и судебно-правовую систему. Реализуются широкомасштабные меры, направленные на дальнейшую демократизацию отрасли и обеспечение реализации конституционных прав граждан.

В новой редакции Конституции Республики Узбекистан одним из важнейших гарантий обеспечения прав и свобод граждан закреплено, что права лиц, пострадавших от правонарушений, подлежат защите законом, а государство обязано создавать условия для возмещения им причиненного ущерба. Однако в случаях, когда в отношении лиц, совершивших преступление, не применяется мера пресечения в виде заключения под стражу, наблюдаются ситуации, когда эти лица покидают территорию Республики Узбекистан и скрываются от следствия или суда.

В результате снижается возможность восстановления нарушенных прав потерпевших и возмещения причиненного им ущерба. С целью предотвращения подобных ситуаций в уголовном процессе была проведена очередная реформа. Законом Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием института мер процессуального принуждения в уголовном процессе» [1], вступившим в силу 15 августа 2025 года, были устранены отдельные пробелы процессуального законодательства.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве нормы, предусматривающей возможность временного ограничения права участников уголовного процесса на выезд из Узбекистана, приводило к тому, что они покидали страну и уклонялись от следствия и суда. Это, в свою очередь, вызывало затягивание досудебного и судебного производства и препятствовало своевременному восстановлению нарушенных прав граждан. По данным последних четырех лет, в отношении 39 038 лиц, совершивших преступления и скрывшихся от следствия и суда, был объявлен розыск. Самое печальное, что 17 535 из них, или 44,9 %, покинули Узбекистан. Следовательно, к этим лицам не была применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Поэтому при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, совершившее преступление, может покинуть территорию страны и без уважительных причин уклониться от дознания, предварительного

следствия или суда, в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан были внесены соответствующие изменения и дополнения, предусматривающие порядок временного ограничения его права на выезд из страны [2].

В частности, Законом Республики Узбекистан от 15 августа 2025 года № ЗРУ-1081 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием института мер процессуального принуждения в уголовном процессе», а также в главах 282 и статьях 254.7–254.11 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее – УПК Республики Узбекистан) закреплен порядок применения процессуальной меры принуждения в виде временного ограничения права на выезд из страны.

Меры принуждения, связанные с ограничением права на выезд из Республики Узбекистан, рассматриваются как важный гарантийный механизм в уголовном процессе. Как отмечает М. Каримов, при применении данных мер первостепенное значение должны иметь конституционные права личности [3]. В свою очередь, Б. Хусанов подчеркивает, что такие принудительные ограничения должны применяться только под судебным контролем и при наличии достаточных оснований, в противном случае они могут необоснованно затрагивать права человека [4].

Временное ограничение права на выезд из Республики Узбекистан применяется в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в тех случаях, когда к нему не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, однако имеются достаточные основания полагать, что он может покинуть территорию Республики Узбекистан и без уважительных причин уклониться от дознания, предварительного следствия или суда.

Данная новая мера процессуального принуждения применяется в рамках уголовных дел, и ее основная цель – предотвратить возможность скрытия обвиняемого или подсудимого от следствия или суда, обеспечить его участие в следственных и судебных процедурах и не допустить его уклонения. Подобная специальная мера ранее в УПК Республики Узбекистан отсутствовала. Хотя существовали альтернативные меры пресечения, например, подписка о надлежащем поведении, однако они не предоставляли прямых полномочий на запрет пересечения государственной границы. Принятый нормативный правовой акт создал правовые возможности для введения такого запрета.

Введенная в Республике Узбекистан мера «временного ограничения права на выезд из Узбекистана» является одним из универсальных и эффективных механизмов предотвращения скрытия участников уголовного процесса, применяемых на международном уровне. Новая мера отличается тем, что внесена в УПК Республики Узбекистан как самостоятельная мера процессуального принуждения, однако по своей сути она выполняет такую же функцию, что и сходные ограничения в других государствах.

Мера «временного ограничения права на выезд из Узбекистана» является стандартной практикой в международной деятельности, особенно в уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских и западных стран; различие лишь в том, что она применяется под разными названиями и в несколько ином порядке в зависимости от государства. В уголовно-процессуальных кодексах государств – членов СНГ мера по ограничению выезда из страны существует уже давно. Как и в Республике Узбекистан, она направлена на предотвращение уклонения лица от следствия и суда. В частности:

1. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации существует мера пресечения в виде «подписки о невыезде и надлежащем поведении». Применение данной меры запрещает лицу покидать место постоянного или временного проживания без разрешения следователя или суда, что фактически означает ограничение на выезд за пределы страны.

2. В Уголовно-процессуальных кодексах Казахстана, Кыргызстана и других государств аналогичная подписка о невыезде используется как традиционная и активно применяемая мера пресечения.

В западных странах подобные ограничения, как правило, устанавливаются в рамках «мер пресечения» (Pre-trial release conditions). В частности:

1. США и Великобритания (Bail Conditions / Release on Recognizance). В этих странах лицо освобождается из-под стражи под денежный залог (bail) или под личное обязательство (recognizance). В перечень условий такого освобождения регулярно включаются «Travel Restrictions» (ограничения на перемещение). Эти ограничения запрещают не только выезд за пределы государства, но иногда и покидание определенного штата или округа. Изъятие паспорта лица также является обычной практикой.

2. В законодательстве Германии и Франции в качестве альтернативы заключению под стражу применяются меры, запрещающие изменение места жительства, покидание определенной территории (например, такие меры, как *Hausarrest* – аналог домашнего ареста), а также изъятие заграничного паспорта.

С международной точки зрения, Всеобщая декларация прав человека ООН (1948 г., статья 13) закрепляет право человека покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее как фундаментальное право [5]. Кроме того, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г., статья 12) устанавливает, что каждый человек имеет право свободно передвигаться и покидать свою страну, однако это право может быть ограничено только на законных основаниях, если того требуют национальная безопасность, общественный порядок или защита прав других лиц. Также Европейская конвенция о защите прав человека (1950 г., статья 2 Протокола № 4) гарантирует право покидать любую страну и возвращаться

в нее, подчеркивая, что любые ограничения должны быть законными, пропорциональными и основанными на необходимости [6]. Данные международные нормы имеют важное значение для укрепления принципов пропорциональности и законности при применении процессуальных мер принуждения в законодательстве Республики Узбекистан.

Практика запрещения лицу покидать определенную территорию из-за уголовного дела или долгов существовала еще в древних цивилизациях. В Древнем Риме и Греции для предотвращения побега подозреваемого до суда применялись механизмы коллективного поручительства (залога). Если лицо освобождалось под денежный залог, ему запрещалось покидать определенную территорию (город или провинцию). Это считается предшественником современной меры пресечения в виде *подписки о надлежащем поведении*.

Эта мера имеет очень долгую историю в российской правовой системе, откуда она перешла во все постсоветские государства, включая Республику Узбекистан. В уголовно-процессуальном законодательстве бывшего Советского Союза (и ранее – Российской империи) мера пресечения в виде «подписки о невыезде и надлежащем поведении» существовала уже в начале XX века. Ее закрепление в УПК СССР и влияние на законодательства государств СНГ приходится на 1920–1960-е годы. Данная мера запрещала лицу покидать место жительства без разрешения, что фактически означало запрет на выезд из страны.

Несмотря на то, что идея ограничения выезда из страны возникла в древних правовых системах, наиболее близкой по своей сути к мере, введенной сегодня в Республике Узбекистан, является практика «запрета на выезд под обязательство надлежащего поведения», которая наибольшее распространение получила в странах континентальной правовой семьи, прежде всего в российской/советской правовой школе. Однако новая мера, введенная в Республике Узбекистан, выделена как самостоятельная мера процессуального принуждения и применяется исключительно под судебным контролем, что отличает ее от традиционной подписки о невыезде.

В соответствии с действующим законодательством, даже если к подозреваемому, обвиняемому или подсудимому не применена мера пресечения в виде заключения под стражу, может быть установлен порядок временного ограничения его права на выезд из Республики Узбекистан. Это осуществляется в тех случаях, когда существуют достаточные основания полагать, что лицо может уклониться от дознания, предварительного следствия или суда без уважительных причин. Такое ограничение вводится решением дознавателя, следователя, прокурора или суда.

Данная мера процессуального принуждения применяется только на основании судебного постановления или решения прокурора. При этом должны существовать достаточные основания для ограничения права на выезд. Например:

– наличие обоснованных подозрений, что лицо может скрыться от следствия или суда;

– наличие у него постоянного места жительства за рубежом или гражданства иной страны;

– совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Срок действия ограничения сохраняется до завершения следствия и судебного разбирательства.

Действующий УПК Республики Узбекистан был дополнен новой главой, предусматривающей процессуальную меру принуждения – временное ограничение права лица на выезд из Республики Узбекистан. В ней изложены цели и основания временного ограничения права на выезд из страны, порядок подачи ходатайства о временном ограничении, рассмотрение такого ходатайства, судебное постановление, а также вопросы отмены меры.

В другие статьи УПК Республики Узбекистан внесены соответствующие дополнения, предусматривающие, что суд, следственный судья, следователь или дознаватель на основании их ходатайства могут приостанавливать действие паспорта, временно ограничивать право на выезд из Республики Узбекистан или отказывать в таком ограничении, а также отменять применение процессуальной меры в виде временного ограничения права на выезд при вынесении судебного решения.

В законе «О судах» была введена норма о рассмотрении судами ходатайств о приостановлении действия паспорта [7]. Однако в законе не предусматривались полномочия судов по данному вопросу. В связи с этим в закон были внесены дополнения, определяющие полномочия междурайонных, районных и городских судов гражданской юрисдикции, районных и городских судов по уголовным делам, а также междурайонных, районных и городских экономических судов по рассмотрению ходатайств о приостановлении действия паспорта.

В законе «О прокуратуре» имелась норма, позволяющая прокурору рассматривать ходатайства о приостановлении действия паспорта и при согласии направлять их в суды, однако полномочия прокурора не были полностью закреплены. Поэтому новый закон дополнил полномочия прокурора, включая рассмотрение таких ходатайств и направление их в суды при согласии.

Введенные новым законом институты повышают качество правосудия и совершенствуют судебное делопроизводство. Закон обеспечивает защиту конституционных прав и свобод граждан через суд и предотвращает причинение ущерба их законным правам и интересам.

Теоретическим анализом подобных процессуальных мер занимаются профессора и доктора юридических наук, которые уделяют внимание балансу между правами человека и процессуальными гарантиями. В их научных работах глубоко исследуются процессуальные основания ограничения свободы передвижения. Так, по мнению А. Турсунова, ограничение права

на выезд из страны является исключительной мерой и оправдано только процессуальной необходимостью [8].

В этом же контексте Д. Джораев подчеркивает необходимость применения мер принуждения с минимальным воздействием на свободу личности. Заместитель Генерального прокурора Шерзод Тухтабоев отмечает, что выезд лиц за пределы страны препятствует своевременному восстановлению нарушенных прав и задерживает процесс правосудия. Депутат Олий Мажлиса Фирдавс Шарипов указал, что «механизм отмены временного ограничения права на выезд полностью не раскрыт». Например, временное ограничение должно отменяться при завершении расследования или предварительного следствия, при вынесении судебного решения или вступлении приговора в законную силу. Однако необходимо уточнить, на основании какого решения или документа мера может быть отменена, если уголовное дело еще не завершено.

Для решения этих и других вопросов, а также устранения вышеуказанных проблем, депутатские фракции приняли новый законопроект с множеством изменений и дополнений, который в будущем обеспечит эффективное применение процессуальных мер принуждения [9].

По мнению И. Расулова, защита конституционных прав и свобод граждан – это деликатная и чрезвычайно чувствительная тема, требующая применения мер принуждения только на законных и обоснованных основаниях [10]. Н. Худойбердиев добавляет, что государство должно действовать как активный субъект защиты прав человека, а ограничения – соответствовать принципам необходимости и пропорциональности [11].

Временное ограничение права на выезд из Республики Узбекистан является важным процессуальным институтом, который приостанавливает конституционную свободу личности на определенный срок, обеспечивая правильное, беспристрастное и непрерывное проведение следственных и судебных действий. Применение этой меры должно строго соответствовать принципам законности, обоснованности, пропорциональности и приоритета прав человека. В противном случае возникает риск нарушения конституционных прав. Таким образом, временное ограничение права на выезд является законным и справедливым только при наличии процессуальной необходимости, обеспечении процессуальных гарантий и под судебным контролем. Закон, являющийся правовой основой этой меры, повышает качество правосудия и совершенствует судебное делопроизводство, а также служит защите конституционных прав и законных интересов граждан через суд.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием института мер процессуального принуждения в уголовном процессе : закон Республики

Узбекистан от 15 августа 2025 г. № ЗРУ-1081 // URL: https://lex.uz/uz/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. Abduraimova N. Jinoyatchilarning chegaradan chiqa olmasligiga qaratilgan majburlov choralari qo‘llaniladi. // URL: http://nhrc.uz/oz/news/m16230.

3. Karimov M. Jinoyat-protsessual huquq. 2-nashr, qayta ishl. va to‘ldir. Toshkent: TDYU nashriyoti, 2021. 476 b.

4. Xusanov B. Protsessual majburlov choralari: nazariya va amaliyot. Toshkent: Adolat, 2019. 298 b.

5. United Nations. Universal Declaration of Human Rights. New York : UN, 1948. 12 p.

6. European Court of Human Rights. Case-law on Freedom of Movement. Strasbourg: ECHR Publications, 2021. 84 p.

7. О судах : закон Республики Узбекистан. Ташкент : Адолат, 2022. 58 с.

8. Tursunov A. Shaxsning harakat erkinligini cheklash choralari. Toshkent : Yuridik adabiyotlar nashriyoti, 2020. 212 b.

9. Abduqodirov O. Sud amaliyotida cheklov choralarining qo‘llanilishi (tahliliy sharh). Toshkent: Adolat, 2020. 176 b.

10. Rasulov I. Shaxsning konstitutsiyaviy huquqlari va ularni cheklash asoslari. Toshkent : Huquq nashriyoti, 2022. 234 b.

11. Xudoyberdiyev N. Inson huquqlari va erkinliklarini himoya qilishda davlatning majburiyatlari. Toshkent: TDYU nashriyoti, 2023. 240 b.

© Муминов М. Э., 2026
© Очилова С. Р., 2026

УДК 343.1

Мухаметшин А. Ф. – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ

GROUNDS FOR STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF SECURITY OF PROTECTED PERSONS

Аннотация. В представленной статье исследуются фактические и юридические основания государственной защиты участников уголовного судопроизводства, а также проблемы правовой определенности и организационной реализуемости мер безопасности в рамках государственной защиты.

Ключевые слова: меры безопасности, основания, обеспечение государственной защиты, правовое регулирование.

Abstract. This article examines the factual and legal grounds for state protection of participants in criminal proceedings, as well as the issues of legal certainty and organizational feasibility of security measures within the framework of state protection.

Keywords: security measures, grounds, ensuring state protection, legal regulation.

Основанием применения мер безопасности, согласно действующему законодательству, является «данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожение или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты». Но какие именно данные можно считать приносящими угрозу – законодатель официально не закрепил. Поэтому решение о применении мер безопасности остается на усмотрение органов, осуществляющих безопасность.

Данный вопрос освещали многие деятели современной российской литературы. Например, вопрос о наличии формального и фактического основания применения мер обеспечения государственной защиты в своих ра-

ботах освещала О. А. Зайцева [1, с. 512]. Свою точку зрения о том, что основание для процессуальных действий, связанных с применением мер государственной защиты, можно разделить на фактические и процессуальные, высказал А. Ю. Епихин [2, с. 460]. Ряд других ученых придерживается мнения о разделении оснований применения мер государственной защиты на фактические и юридические.

Юридические основания – обстоятельства, которые закреплены на законодательном уровне и отражаются в каком-либо нормативном правовом акте. Данные основания прописаны в Федеральном законе от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Фактическим называется основание, выраженное неким фактом (наличие какого-либо определенного события), наличие которого побуждает возникновение определенных явлений, решений, действий и т. д.

К данной группе оснований можно отнести смерть человека, причинение вреда здоровью любой тяжести, причинение имущественного вреда либо угрозы осуществления данных действий в отношении как непосредственных участников уголовного судопроизводства, так и их близких родственников, родственников и иных близких лиц. То есть для установления наличия фактического основания необходимо определить:

1. Наличие юридического события.
2. Установить и доказать реальность наступления данных событий.
3. Определить в сторону какого участника уголовного процесса направлены преступные действия.

Таким образом, фактические основания применения мер обеспечения государственной безопасности – совокупность фактов, реальность которых доказана, направленных на воздействие участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Данная ситуация является одной из проблем в обеспечении государственной защиты, так как весь смысл данного правового института в том, чтобы обеспечить сохранность жизни и здоровья до того, как произойдут юридические события, направленные на воздействие участников уголовного судопроизводства.

Следовательно, чтобы институт обеспечения государственной защиты успешно выполнял поставленные перед ним задачи, необходимо работать напрямую с угрозами как с уже произошедшими, так и с угрозами, возможными в будущем. А решение о принятии мер государственной защиты не должно зависеть только от заявления защищаемого лица.

Практика применения государственной защиты выявляет проблемы правовой определенности и организационной реализуемости мер безопасности.

Неполнота регламентации отдельных мер и процедур проявляется, в частности, в отсутствии легального определения меры «личная охрана»,

что формирует неоднородность правоприменительных подходов и различие стандартов исполнения в регионах [3].

Организационно ресурсные ограничения выражаются в трудоемкости ключевых мер, дефиците материально технических средств и кадровой нагрузке подразделений, что повышает риск несвоевременности реакции на угрозу и снижает устойчивость режима безопасности. На этом фоне возрастает значение межведомственного взаимодействия и защищенного информационного обмена, поскольку эффективность защиты зависит от скорости согласования действий и соблюдения режима конфиденциальности.

Процессуальный баланс между конфиденциальностью и гарантиями состязательности проявляется при использовании псевдонима, раздельного хранения сведений о личности и иных специальных режимов. Конституционный Суд Российской Федерации в 2024 году обозначил ориентиры, связанные с недопустимостью конфликта процессуальных ролей и необходимостью соблюдения требований справедливого разбирательства при оценке допустимости доказательств [4].

В судебной практике Верховного Суда Российской Федерации встречаются ситуации, где оценка допустимости и достаточности доказательств сопрягается с вопросами применения специальных режимов и соблюдения процессуальных гарантий [5]. Доверие к институту государственной защиты зависит от предсказуемости процедур и практической реализуемости мер, связанных с изменением образа жизни (переселение, смена документов, изменение места работы). При этом цифровые риски, обусловленные масштабом утечек персональных данных, усиливают требования к качеству конфиденциальности.

Наличие устойчивого массива преступлений против правосудия и против порядка управления поддерживает высокую нагрузку на систему правоприменения и усиливает требования к эффективности защиты ключевых участников процесса. Официальная судебная статистика за 2024 год отражает масштаб уголовного преследования и судимости, что задает контекст для оценки потребности в мерах защиты [6].

Перед практикой встает также проблема избирательности применения мер государственной защиты и недостаточной информированности участников процесса о правовых возможностях. В ряде ситуаций субъект доказывания делает акцент на предупреждении об уголовной ответственности за отказ от показаний или за дачу ложных показаний, тогда как разъяснение порядка государственной защиты и инициирование мер безопасности при наличии угрозы объективно эффективнее и соответствует назначению уголовного судопроизводства. При этом правоприменительная избирательность проявляется в том, что меры защиты фактически чаще применяются по заявлению или ходатайству лица, тогда как модель «проактивной защиты» по инициативе органа расследования используется ограниченно [7, с. 125].

Отдельным узлом является необходимость увязки мер государственной защиты с исполнением приговора и контролем поведения осужденных, когда лицо, отбывающее наказание без изоляции от общества, одновременно приобретает статус лица, нуждающегося в защите в связи с содействием правосудию. В таких ситуациях возникает коллизия между режимом исполнения наказания и режимом безопасности, что требует точной процессуальной настройки и координации органов, иначе защита либо становится формальной, либо приводит к нарушениям в сфере исполнения наказаний. Современная литература фиксирует наличие таких неурегулированных ситуаций и необходимость корректировки правового механизма для достижения реальной защищенности участников процесса.

Библиографический список

1. Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса: учебное пособие. М. : Экзамен, 2002. С. 512.

2. Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : учебное пособие. Сыктывкар, 2004. С. 460.

3. Тарасова М. Ю. Личная охрана в системе мер безопасности : проблемы реализации и законодательные перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81).

4. По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 г. № 37 П // Официальное опубликование правовых актов. URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 25.01.2026).

5. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2024 г. по делу № 224-УД24-30-А6 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 25.01.2026).

6. Данные судебной статистики за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 25.01.2026).

7. Кряжев В. С., Степаненко Д. А. Некоторые тактические и организационные особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1. С. 124–134.

© Мухаметшин А. Ф., 2026

УДК 343.1

Мухаметшин Ф. Б. -- профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

A FUNCTIONAL APPROACH TO DISTINGUISHING THE PROCEDURAL STATUS OF EXPERTS AND SPECIALISTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Аннотация. В статье исследуются теоретические и правовые проблемы разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве. Автор, обращаясь к функциональному подходу в науке уголовного процесса, обосновывает наличие у специалиста самостоятельной уголовно-процессуальной функции – функции содействия правосудию, нейтральной по отношению к функциям обвинения и защиты. На основе критического анализа двух противоположных научных позиций выявляются системные противоречия действующего правового регулирования. Автором обосновывается вывод о невозможности наделения специалиста исследовательскими полномочиями в условиях сохранения действующего института ответственности и отсутствия четких критериев разграничения компетенции.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, специалист, уголовно-процессуальная функция, доказательственное право, дифференциация компетенции, разграничение полномочий.

Abstract. This article examines the theoretical and legal issues surrounding the distinction between the procedural status of experts and specialists in criminal proceedings. Drawing on a functional approach to criminal procedure, the author substantiates the specialist's independent criminal procedural function–the function of assisting justice, neutral in relation to the functions of the prosecution and defense. Based on a critical analysis of two opposing scientific positions, systemic contradictions in current legal regulations are identified. The author substantiates the conclusion that it is impossible to grant specialists research powers while maintaining the existing institution of liability and the lack of clear criteria for delineating competence.

Keywords: special knowledge, expert, specialist, criminal procedural function, law of evidence. differentiation of competence, delimitation of powers.

Современный этап развития уголовно-процессуального права Российской Федерации характеризуется устойчивым усложнением доказывания, что объективно обусловлено интеграцией в правоприменительную деятельность новейших достижений науки и техники. В этих условиях институт специальных знаний приобретает ключевое значение, однако именно здесь наиболее отчетливо проявляются системные противоречия, связанные с разграничением процессуального статуса двух фундаментальных фигур – эксперта и специалиста. Как справедливо показывает правоприменительная практика, роль и степень вовлеченности отдельных участников уголовного судопроизводства в расследование уголовного дела существенно разнится, причем объем выполняемых ими действий, их направленность и функциональное назначение в научном сообществе принято определять через категорию «функция участника». Полагается, что именно функциональная характеристика участников уголовного судопроизводства имеет первостепенное методологическое значение, поскольку именно функциональный набор детерминирует место и роль, в нашем случае, эксперта и специалиста в системе уголовно-процессуальных отношений, предопределяет пределы их компетенции и, в конечном счете, доказательственную значимость полученных результатов.

В этой связи особого внимания заслуживают фундаментальные исследования В. С. Латыпова, который, отойдя от традиционного восприятия эксперта и специалиста как сугубо вспомогательных элементов процессуальной системы, обосновал наличие у специалиста самостоятельной, нейтральной по отношению к основным сторонам обвинения и защиты, уголовно-процессуальной функции содействия правосудию [1]. Более того, В. С. Латыпов убедительно показал, что достижение назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), обеспечивается не только деятельностью властных субъектов, но и реализацией процессуальных функций лицами, не наделенными властными полномочиями, к числу которых относится и специалист. Эта теоретическая посылка имеет принципиальное значение, поскольку выводит специалиста из разряда «технических помощников» в категорию полноценных участников, формирующих доказательственную базу и влияющих на исход дела.

Однако, несмотря на очевидный научный прогресс в осмыслении роли специалиста, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с устойчивой проблемой разграничения полномочий эксперта и специалиста. Корень этой проблемы лежит, считается, не столько в несовершенстве законодательной техники, сколько в глубоких доктринальных расхождениях относительно природы деятельности этих субъектов. Легальные дефиниции, закрепленные в ст. 57 и ст. 58 УПК РФ, на первый взгляд, проводят четкое разделение: эксперт назначается для производства экспертизы и дачи

заключения по ее результатам, тогда как специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применения технических средств, постановки вопросов эксперту и разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Казалось бы, законодатель недвусмысленно относит проведение исследований и выдачу по ним заключений к исключительной компетенции эксперта, в то время как сведения, полученные от специалиста, носят характер суждения, не опосредованного самостоятельным исследованием. Однако непосредственно эта, на первый взгляд, стройная конструкция является сегодня эпицентром научной полемики.

В российской правовой доктрине исторически сложилась традиция разделения целей привлечения к расследованию эксперта и специалиста, чему предшествовал длительный путь развития данных институтов в системе уголовного процесса. Еще В. Н. Махов предупреждал, что несоблюдение процессуальных условий, обеспечивающих различие между правовым статусом специалиста и эксперта, неизбежно приведет к размыванию граней между ними, сделает их нечеткими, что, в свою очередь, девальвирует само экспертное производство как наиболее строгую процессуальную форму получения нового знания [2, с. 24]. С этим суждением нельзя не согласиться. Однако существуют и другие позиции.

Речь идет о последовательной позиции ряда авторов, которые полагают, что специалисту необходимо предоставить право проведения исследования в том же объеме, который имеется у эксперта. При этом, дабы сохранить формальную разницу между двумя фигурами, предлагается разграничивать их компетенцию на уровне решаемых задач: эксперт исследует материалы уголовного дела на логическом, теоретическом уровне, тогда как специалист – на эмпирическом. Наиболее последовательно эту позицию отстаивает Я. В. Комиссарова, утверждающая, что исследование, проводимое специалистом, ничуть не уступает по полноте экспертному, в связи с чем специалиста следует наделить законодательным правом на его проведение [3, с. 140].

Уязвимость этой концепции обнаруживается, по меньшей мере, по двум основаниям. Во-первых, критерий разграничения компетенции, предлагаемый ее сторонниками, является сугубо оценочным. Следователь, дознаватель, судья не обладают специальными познаниями в той области, для исследования которой привлекается сведущее лицо. Требовать от правоприменителя квалификации глубины необходимого исследования – значит заведомо возлагать на него непосильную задачу. Практика показывает, что даже имея на руках детальные справочники и методические рекомендации, следователи допускают грубые ошибки при формулировке вопросов эксперту, что уж говорить о такой тонкой материи, как уровень познавательной деятельности. Во-вторых, и это представляется принципиальным, логический и эмпирический уровни познания в реальной исследовательской

практике неразрывно взаимосвязаны. Любое эмпирическое исследование требует логической обработки данных, построения умозаключений, синтеза полученных результатов, тогда как экспертный вывод всегда опирается на чувственно воспринимаемые признаки объектов.

Существует и диаметрально противоположная точка зрения, представленная, в частности, А. Р. Хаметовой, которая настаивает на том, что проведение специалистом исследований невозможно в принципе, поскольку он не обладает для этого соответствующей компетенцией, а его роль исчерпывается консультационно-справочной функцией [4, с. 23]. Эта позиция, хотя и выглядит излишне консервативной, имеет под собой твердое нормативное основание: действующий УПК РФ действительно не предусматривает исследовательской функции специалиста. Однако игнорировать объективные потребности практики и эволюцию правового регулирования было бы методологически неверно.

В этой связи особого внимания заслуживает Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», которым специалист был наделен принципиально новым полномочием – правом оценивать заключения эксперта. Данное положение знаменует собой качественный сдвиг в понимании роли специалиста в уголовном процессе. Фактически Верховный Суд Российской Федерации признал, что специалист способен не просто комментировать действия эксперта или разъяснять термины, но осуществлять проверочную деятельность интеллектуального характера. Такое положение дел объективно увеличивает значимость специалиста, способствует расширению возможностей использования его знаний и практического опыта.

Вместе с тем, именно вокруг доказательственной силы показаний и заключений специалиста в науке уголовного процесса сложилась наиболее острая дискуссия. Одни ученые, исходя из буквального толкования ст. 74 УПК РФ, признают заключение специалиста полноценным доказательством по уголовному делу. Другие, и их позиция представляется мне более обоснованной с точки зрения гносеологии, утверждают, что заключение специалиста не имеет и не может иметь доказательственного значения в том смысле, который придается заключению эксперта [5]. Согласно нашему мнению, заключение специалиста является доказательством, однако его природа действительно иная: это не результат исследования, а профессиональное суждение, основанное на специальных знаниях. Доказательственное значение такого суждения заключается не в установлении новых фактов, а в подтверждении или опровержении достоверности уже имеющихся доказательств, в выявлении нарушений процессуального порядка их получения, в обосновании ходатайств и жалоб стороны защиты.

Возвращаясь к вопросу о наделении специалиста исследовательскими функциями, следует признать, что эта задача находится в очевидном противоречии с действующим процессуальным законодательством. С высокой

долей вероятности можно утверждать, что, если специалист будет наделен правом осуществлять полноценные исследования, следователи и суды станут назначать значительно меньше экспертиз, прибегая к ним лишь в прямо указанных законом случаях, поскольку процедура проведения экспертизы объективно более трудоемкая, требует соблюдения строгой процессуальной регламентации и сопряжена со значительными временными затратами. При этом необходимо отчетливо понимать, что именно строгая процессуальная форма экспертизы, включающая подробное описание исследования, указание на методики, предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, позволяет проводить исследование наиболее качественно. Упрощение процедуры за счет подмены экспертизы исследованием специалиста неизбежно приведет к снижению качества доказательственной базы.

Подводя общий итог, следует констатировать, что функциональная дифференциация эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве представляет собой сложнейший теоретико-прикладной комплекс проблем, находящихся на стыке процессуального права, криминалистики, теории судебной экспертизы и доказательственного права. Сохранение действующей модели, в рамках которой специалист рассматривается лишь как технический помощник следователя, вступает в противоречие с современным уровнем развития состязательности и объективными потребностями стороны защиты в доступе к специальным знаниям. Однако механическое, непродуманное наделение специалиста исследовательскими функциями, без решения вопросов ответственности и разграничения компетенции, способно дискредитировать саму идею использования специальных знаний в уголовном процессе. Перспективным направлением реформирования видится не слияние статусов и не поглощение одного института другим, а создание гибкой, многовариантной системы использования специальных знаний, где судебная экспертиза сохраняет значение высшей и наиболее достоверной формы доказательственной информации, а исследование специалиста выступает оперативным, доступным и эффективным состязательным инструментом проверки доказательств. Дальнейшая научная разработка указанных проблем и законотворческая деятельность должны быть направлены на поиск оптимального баланса между процессуальной экономией и быстротой расследования, с одной стороны, и фундаментальным правом на справедливое правосудие и достоверное установление обстоятельств дела – с другой.

Библиографический список

1. Латыпов В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 304 с.

2. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М. : Изд-во РУДН, 2000. 296 с.

3. Комиссарова Я. В. К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5 (33). С. 135–142.

4. Хаметова А. Р. Основные аспекты правовых статусов и полномочий эксперта и специалиста на предварительном следствии и в суде // Закон и власть. 2022. № 1. С. 20–24.

5. Быков В. М. Заключение и показания специалиста как новые виды доказательств // Право и политика. 2006. № 3. С. 131–136.

© Мухаметшин Ф. Б., 2026

УДК 343.1

Назарова М. Д. – преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ВИДЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF PROCEDURAL ENFORCEMENT MEASURES SUCH AS ARREST OF PROPERTY

Аннотация. В рамках настоящей статьи автором были рассмотрены «исторические корни» меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. Помимо этого, произведен краткий анализ изменений, внесенных в нормативное регулирование рассматриваемой меры процессуального принуждения, на основе которого автор приходит к выводу, что не все пробелы законодательного регулирования в настоящее время решены.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; устав уголовного судопроизводства; федеральный закон; исторический анализ; процесс становления.

Abstract. In this article, the author examines the "historical roots" of the procedural coercion measure of property seizure. Additionally, the article provides a brief analysis of the changes made to the regulatory framework for this

procedural coercion measure. Based on this analysis, the author concludes that not all gaps in the legal regulation have been addressed.

Keywords: seizure of property; criminal procedure code; federal law; historical analysis; formation process.

Наложение ареста на имущество представляет собой меру процессуального принуждения, действующую в российском уголовно-процессуальном законодательстве с момента вступления в силу в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Но стоит отметить, что данная мера принуждения имеет гораздо более глубокие исторические корни и претерпела значительные изменения в своем развитии, что будет рассмотрено в тексте настоящей статьи.

Процесс становления наложения ареста на имущество условно можно разделить на шесть независимых друг от друга дополняющих этапов:

1. ***Начало XVIII в. – середина XIX в.*** Первые упоминания о наложении ареста на имущество, среди обеспечительных мер. В рассматриваемый период перед наложением ареста на имущество ставилась цель – обеспечение иска.

2. ***1864–1917 годы.*** Судебная реформа привела к формированию института гражданского иска и соответствующих мер по его обеспечению. Принятый в 1864 году Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) содержал две нормы (268 и 305), предусматривающие наложение ареста на имущество обвиняемого лица. Однако в УУС законодатель не установил процедуру наложения ареста на имущество во время уголовного процесса. Впервые правила и методы ареста имущества обвиняемого были закреплены нормативным документом иной отрасли права – Уставом гражданского судопроизводства 1892 года (ст. 602–626).

Из вышесказанного видно, что от введения термина «арест имущества» до законодательного закрепления его процедуры прошло практически 30 лет, поэтому можно утверждать, что рассматриваемый институт сформировался как целостный только в последние годы XIX в. и приобрел межотраслевой характер.

3. ***1917–1922 годы.*** Этот этап является своеобразным «пробелом» в истории российского уголовного судопроизводства в части касающейся защиты имущественных прав граждан. В революционные годы законодательство регулировало вопросы ареста имущества крайне фрагментарно. Рассматриваемый вопрос находил отражение в первых советских декретах, где процедура изъятия и конфискации собственности была представлена как проявление властной воли государства.

4. ***1922–1960 годы.*** В рамках данного периода вступают в законную силу УПК РСФСР 1922 и 1923 года, которые рассматривали арест имущества, как механизм, обеспечивающий удовлетворение гражданских исков и компенсацию причиненного вреда вне зависимости от подачи такого иска.

Например, УПК РСФСР 1922 года устанавливал право следователя на применение мер направленных на обеспечение предъявленного иска (ч. 1 ст. 124), фактически подразумевая возможность наложения ареста на имущество. В свою очередь, УПК РСФСР 1923 года ввел норму, позволяющую предпринимать действия по предотвращению сокрытия имущества, подлежащего конфискации (ст. 124).

5. ***1960–2001 годы.*** Начинается рассматриваемый период с утверждения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года, в котором впервые детально прописана процедура наложения ареста на имущество. Ст. 175, 176 и 177 установлены три основные цели наложения ареста на имущество: возмещение материального ущерба, связанного с совершенным преступлением; обеспечение исполнения гражданского иска; исполнение приговоров суда о конфискации имущества. Процессуальное закрепление в рамках рассматриваемого нормативно-правового акта наложение ареста на имущество имело в главе 14, которая регламентировала порядок проведения ряда следственных действий. В данный период наложение ареста на имущество было отнесено к числу следственных действий.

6. ***С 2001 года по настоящее время.*** УПК РФ наложение ареста на имущество помещено в раздел «Меры процессуального принуждения» в главе 14 УПК РФ «Иные меры процессуального принуждения» [1, с. 21–25].

Краткое историческое обозрение демонстрирует постепенное развитие уголовно-процессуальной регламентации ареста имущества, в ходе которого правовая сущность рассматриваемой меры процессуального принуждения неоднократно претерпевала изменения: от обеспечительной меры перетекло в следственное действие, а впоследствии приобрело статус самостоятельной меры процессуального принуждения.

Следует отметить, что наложение ареста на имущество и будучи мерой процессуального принуждения, претерпела значительное количество корректировок законодательного регулирования, путем принятия федеральных законов о внесении изменений в нормы УПК РФ. Так, начиная с 2002 года законодатель предпринял попытки по совершенствованию законодательного регулирования рассматриваемой меры принуждения.

Статья 115 УПК РФ с 2002 года по настоящее время была дополнена следующими наиболее важными дополнениями и изменениями:

– наделение лица, чье имущество подвергается аресту правом получения копии протокола о применении данной меры процессуального принуждения;

– указание способов происхождения арестовываемого имущества;

– акцент на имущество, которое не может быть подвернуто аресту;

– корректировка круга лиц, которые принимают участие при реализации следователем (дознавателем) ареста на имущество;

– расширение круга лиц, чье имущество может быть подвергнуто аресту;

– расширение целей применения наложения ареста на имущество;

– обязанность для суда указывать конкретные установленные ограничения, которые могут быть связанны как с владением, пользованием, так и распоряжением арестованным имуществом.

– наделение должностных лиц обязанностью разъяснения прав и обязанностей лицу, чье имущество подвергается аресту;

– наделение лица, чьем имущество подвергнуто аресту правом ходатайствовать об изменении или снятии ограничений [2, с. 92–93];

– возможность наложения ареста на цифровую валюту и краткий порядок реализации.

Следует отметить, что перечень выше перечисленных изменений, внесенных в законодательное регулирование, наложения ареста на имущество не является исчерпывающим, но в виду ограниченности рамок настоящей статьи автором были перечислены наиболее значимые поправки, затрагивающие рассматриваемую меру процессуального принуждения.

Представляется, что вносимые изменения в законодательное регулирование наложения ареста на имущество можно расценить, как стремление законодателя сделать работу по реализации данной меры принуждения более эффективной, отвечающей потребностям современной правоохранительной практики. Однако, несмотря на то, что законодатель старается идти в ногу со временем и вносит изменения и дополнения в нормы уголовно-процессуального законодательства в регламентации наложения ареста на имущество есть ряд нерешенных вопросов. Таких как:

– необходимо уточнить состав круга «третьих лиц», имущество которых может подлежать аресту согласно ч. 3 ст. 115 УПК РФ, особенно в аспекте определения их процессуального статуса, защиты прав и законных интересов;

– имеется неопределенность относительно сроков действия ареста имущества, данный аспект не урегулирован законодательно и оставлен на усмотрение правоприменителей;

– отсутствие оснований применения, продления и рассматриваемой меры процессуального принуждения;

– остается неразрешенным вопрос об основаниях и порядке возмещения вреда, причиненного вследствие незаконного наложения ареста на имущество.

Как мы видим, наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве прошло значительный путь становления и развития, но несмотря на это в его законодательном регулировании до сих пор остается ряд неразрешенных вопросов.

Библиографический список

1. Назарова М. Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество : дис. … канд. юрид. наук. Орел. 2024. 264 с.

2. Тутынин И. Б. Оценка изменений в регламентации мер уголовно-процессуального принуждения на примере наложения ареста на имущество // Вестник Московского университета МВД России. № 2. 2012. С. 91–93.

© Назарова М. Д., 2026

УДК 343.1

Насыров Р. Р. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);

Телицын Н. А. – доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности УНК ПЭиНП Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Нижний Новгород)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ON THE CONCEPT OF INTERACTION BETWEEN OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES IN THE PROCESS OF CRIME DETECTION

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия взаимодействие оперативных подразделений и следственных аппаратов в процессе раскрытия и расследования преступлений, рассмотрены ее особенности, возникающие в процессе взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, раскрытие преступлений, расследование преступлений, оперативно-розыскные мероприятия, взаимодействие.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of interaction between operational units and investigative bodies in the process of solving and

investigating crimes. It examines the features that arise during the interaction process in solving and investigating crimes.

Keywords: operational and investigative activities, crime detection, crime investigation, operational and investigative measures, and cooperation.

Формирование правового государства неразрывно связано с эффективной деятельностью правоохранительных органов, и, в первую очередь, органов внутренних дел. Одной из главных задач, поставленных государством перед правоохранительными органами, является защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства [8].

Несмотря на принимаемые меры, оперативная обстановка в России продолжает оставаться сложной. Устойчивый характер приобретают тенденции роста тяжких преступлений, вооруженности преступников, развитие межрегиональных и транснациональных преступных сообществ. Преступность становится все более организованной и профессиональной.

Создавшееся положение предопределяет необходимость быстрого, полного, всестороннего расследовании уголовных дел. Для этого необходимо тесное, четко организованное взаимодействие сотрудников оперативных подразделений и следователей органов внутренних дел, когда компетенции одного органа усиливаются за счет интеграции с компетенциями другого.

При анализе организационных форм взаимодействия следует более подробно рассмотреть данное понятие. В словаре русского языка С. И. Ожегова взаимодействие имеет следующее определение: «1) взаимная связь двух явлений; 2) взаимная поддержка» [9].

Исходя из общефилософской трактовки взаимодействие как философская категория отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения [19, с. 88]. Другими словами, в философии взаимодействие определяется как «всеобщая форма связи тех или иных явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. Два или более взаимодействующих тела или явления составляют систему, в которой совершается процесс превращения движения, причин в действие и обратно» [17, с. 81].

В научной литературе представлены различные точки зрения на содержание данного понятия как философской категории [6; 11, с. 17; 13; 18 с. 576]. Большинство ученых сходится во мнении, что данная категория охватывает лишь действующие связи и реальное воздействие взаимодействующих элементов; она характеризуется наличием не менее двух взаимодействующих систем (элементов); взаимодействующие системы действуют одновременно. Так, например, А. Г. Спиркин указывает, что явления мира

находятся не только во взаимной зависимости, они взаимодействуют: один предмет воздействует определенным способом на другой и испытывают его воздействие на себе, а также на то, что при рассмотрении взаимодействующих объектов необходимо иметь в виду, что одна из сторон взаимодействующая может быть ведущей, определяющей, а другая – производной, определяемой [15, с. 289]. Другие ученые полагают, что вследствие взаимодействия различных объектов друг на друга изменяется их первоначальное состояние [11, с. 17]. Вместе с тем отдельными авторами взаимодействие в сфере управления рассматривается по-иному. Например, в одном случае как «необходимое условие повышения эффективности управления системой этих органов» [7, с. 23], в другом – как «один из путей совершенствования управления службами МВД России и как средство повышения организаторской работы» [5, с. 103].

Проанализировав теоретические источники, можно прийти к выводу, что всеми авторами признаются обязательными признаки взаимодействия, характеризующие сущность понятия «взаимодействие». Наиболее важными из них являются следующие:

1. Взаимодействие – это «согласованная деятельность» [2, с. 91], «совместное согласованное» [4, с. 10] или «совместная деятельность» [1, с. 8].

2. Взаимодействие предполагает согласованность действий по целям, месту и времени [3, с. 21].

Необходимость взаимодействия, как представляется, обусловливается, прежде всего, единством задач и целей, наличием у оперативных подразделений определенных возможностей (подготовленные сотрудники для проведения оперативно-розыскных мероприятий, наличие эффективных средств и методов).

Указанное взаимодействие представляет собой интегрированный подход, объединяющий ресурсы и компетенции следственных органов и оперативных подразделений органов внутренних дел, деятельностью в процессе раскрытия, предварительного расследования, которая согласована по целям, задачам, силам, средствам, методам, месту и времени. Следователь обладает процессуальным механизмом в области борьбы с преступностью. Его основной задачей является надлежащее производство уголовного дела, посредством, которого осуществляется уголовное преследование в отношении виновного лица в совершении общественно опасного деяния, запрещенным уголовным законом. Он наделен полномочиями производства своих собственных мероприятий, направленных на поиск, сбор и фиксацию доказательственной базы, а также придание ей процессуального значения.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) посредством осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) может направить организацию предварительного расследования на нужный путь. Полученная оперативная информация не всегда может являться в дальней-

шем доказательством по уголовному делу в связи с особенностями производства данных мероприятий. Данная информация имеет ориентирующее значение для организации расследования, но при необходимости может приобретать процессуальное значение доказательства в уголовном деле. Во-первых, она должна соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам, предусмотренным главами 10 и 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [14], во-вторых, должен быть соблюдена процедура представления результатов ОРД, в соответствии требованиями Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд [10]. В-третьих, соблюдение особых условий при представлении оперативной информации, полученной оперативными подразделениями органов внутренних дел по результатам проведенных ОРМ. Данные основы процессуальной деятельности оперативного сотрудника позволяют говорить о том, что он является полноценным субъектом расследования преступления.

В настоящее время результаты осуществляемого расследования, а также раскрытия совершаемого общественно опасного деяния напрямую обусловлено от организованного взаимодействия между структурными подразделениями правоохранительной системы государства. Уголовное преследование осуществляется при взаимодействии органов предварительного расследования и оперативных подразделений внутренних дел, так как только в сочетании процессуальной и ОРД существует возможность сформировать достаточную доказательственную базу в целях привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой систему процессуальных действий, осуществляемых органами государства, а также участвующими в деле лицами. Эта деятельность заключается не в разрозненных действиях, а в единой системе действий, в основе которой лежит единство задач и принципов уголовного процесса.

На основании вышесказанного можно заключить, что взаимодействие оперуполномоченного со следователем по своей сути представляет собой объединение усилий названных субъектов в процессе раскрытия и расследования преступлений, самостоятельное осуществление каждым из них согласованных действий при руководящей, организующей роли следователя. Взаимодействие оперуполномоченного уголовного розыска со следователем – это основанный на законах и ведомственных нормативных актах, осуществляемый в особых процессуальных формах вид совместной, согласованной правоприменительной деятельности указанных органов по оказанию ими друг другу содействия в решении вопросов, связанных с началом уголовного производства и его дальнейшим расследованием.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Насыров Р. Р., 2026
© Телицын Н. А., 2026

УДК 343.1

Нуреева Л. В. –преподаватель кафедры информационного и технического обеспечения Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

HISTORICAL, LEGAL AND ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS OF THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Аннотация. Статья посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу генезиса и современного состояния организационно-правовых основ уголовного судопроизводства в России, странах континентальной (романо-германской) и англосаксонской правовых семей. Исследование выявляет глубокую взаимосвязь между исторически сложившимися типами уголовного процесса (обвинительным и инквизиционным) и формированием институциональной архитектуры современных систем правосудия. В работе последовательно рассматривается историческая эволюция моделей, организационный каркас, включающий роль суда, прокуратуры, следствия и защиты, а также ключевые процессуальные формы (принципы оценки доказательств, степень формализации процесса).

Ключевые слова. Уголовное судопроизводство, историко-правовые основы, организационные основы, состязательная модель, розыскная (инквизиционная) модель, континентальное право, англосаксонское право, сравнительный анализ, судебная реформа, конвергенция права.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive comparative legal analysis of the genesis and current state of the organizational and legal foundations of criminal justice in Russia, countries of the continental (Romano-Germanic) and Anglo-Saxon legal families. The study reveals a deep interconnection

between historically established types of criminal process (accusatorial and inquisitorial) and the formation of the institutional architecture of modern justice systems. The work sequentially examines the historical evolution of models, the organizational framework, including the roles of the court, prosecution, investigation, and defense, as well as key procedural forms (principles of evidence evaluation, degree of process formalization).

Keywords: criminal procedure, historical and legal foundations, organizational foundations, adversarial model, inquisitorial model, civil law, common law, comparative analysis, judicial reform, convergence of law.

Построение уголовного судопроизводства представляет собой фундаментальный элемент правовой системы любого государства, непосредственно отражающий его политическую философию, культурные традиции и уровень развития гражданского общества. Организационные и процессуальные формы, через которые осуществляется правосудие по уголовным делам, являются результатом длительной исторической эволюции и сложного взаимодействия разнообразных правовых доктрин. Сравнительный анализ историко-правовых и организационных основ уголовного процесса в России и ряде зарубежных государств позволяет не только выявить уникальные национальные черты, но и обнаружить универсальные тенденции, связанные с поиском баланса между эффективностью борьбы с преступностью и гарантиями прав личности. Актуальность такого исследования обусловлена процессами глобализации права, сближением процессуальных стандартов и необходимостью совершенствования национальной системы правосудия с учетом как исторического опыта, так и современных международных требований. Настоящая статья ставит своей целью комплексное исследование генезиса и современного состояния организационных структур уголовного судопроизводства в сравнительно-правовой перспективе [1].

Становление современных систем уголовного судопроизводства неразрывно связано с историческим выбором между двумя классическими типами процесса: обвинительным (состязательным) и инквизиционным (розыскным). Этот выбор, осуществлявшийся в разные эпохи в различных регионах мира, предопределил базовую архитектуру судебной власти, распределение процессуальных функций и положение личности в уголовном процессе.

В странах Западной Европы отправной точкой для формирования континентальной (романо-германской) модели послужила рецепция римского канонического права в эпоху позднего средневековья. Решающую роль в этом процессе сыграли постановления Четвертого Латеранского собора (1215 г.), отменившие ордалии и способствовавшие переходу к рациональному доказыванию. Однако параллельно с этим происходило усиление розыскных начал, характерных для инквизиционного процесса, где судья аккумулировал в своих руках функции обвинения, защиты и разрешения дела.

Данная модель, формализованная в Каролине (1532 г.), отличалась письменностью, тайностью и строгой формальной оценкой доказательств, при этом практически лишая обвиняемого возможности реальной защиты. Великая французская революция ознакомилась с этой системой, положив начало масштабным реформам, которые, однако, не привели к полному отказу от наследия инквизиционного процесса. Напротив, многие его элементы, такие как ведущая роль государственного обвинителя (прокурора) в досудебном производстве и активная позиция суда в установлении истины, были инкорпорированы в Кодекс уголовного следствия 1808 года и легли в основу современного французского и германского процесса [4].

На Британских островах эволюция пошла принципиально иным путем. Здесь, в силу специфики феодальных отношений и раннего развития институтов присяжных, сохранился и модернизировался обвинительный (состязательный) тип судопроизводства. Его становление связано с постепенным ограничением королевской власти, оформлением принципов (надлежащей правовой процедуры) и формированием независимой адвокатуры. Уголовный процесс в Англии исторически строился как спор равных сторон (короны и защиты) перед пассивным арбитром – судьей и представителями общественности – присяжными заседателями. Эта модель, впоследствии экспортированная в США и другие страны общего права, сделала своей центральной ценностью не установление объективной материальной истины, а обеспечение честного состязания сторон в рамках строгих процессуальных правил [8].

Исторический путь России демонстрирует сложный синтез и чередование различных влияний. Дореволюционный русский процесс прошел путь от состязательных начал в Русской Правде и Судебниках через полное господство инквизиционной формы в Соборном уложении 1649 года и Воинских артикулах Петра I к радикальной либеральной реформе 1864 года. Судебные уставы Александра II ознаменовали собой попытку заимствования элементов состязательности (введение института присяжных заседателей, адвокатуры, гласности), что позволило многим исследователям говорить о формировании в пореформенный период оригинальной смешанной модели. Однако советский период ознакомился с этими завоеваниями, вернувшись к упрощенной и идеологизированной розыскной модели, где процесс рассматривался как продолжение государственной борьбы с классовыми врагами, а права обвиняемого были существенно ограничены. Этот исторический опыт продолжает оказывать неявное, но существенное влияние на правовую культуру и практику даже в условиях современных реформ [7].

Организационные основы уголовного судопроизводства представляют собой систему институтов, наделенных властными полномочиями по возбуждению, расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел. Структура и взаимоотношения этих институтов кардинально различаются в зависимости от избранной модели процесса.

Постсоветская Россия, приняв в 2001 г. новый Уголовно-процессуальный кодекс, декларативно провозгласила переход к состязательной модели. Однако организационные основы, заложенные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), демонстрируют сложный гибридный характер. С одной стороны, была упразднена санкционирующая функция прокурора на досудебной стадии (впоследствии частично возвращенная), а суду предоставлены полномочия по контролю за следственными действиями, ограничивающими конституционные права (санкционирование ареста, обыска). Это явное заимствование элементов судебного контроля по англосаксонскому образцу. С другой стороны, центральной фигурой предварительного расследования остался следователь – должностное лицо органа предварительного следствия (Следственного комитета, МВД России), который не является судьей, но обладает широкой процессуальной самостоятельностью. Прокурор утратил функцию процессуального руководства следствием, сохранив надзорные полномочия. Таким образом, российская организационная модель не повторяет ни континентальную (где следствие ведет независимый следственный судья), ни англосаксонскую (где расследование – дело полиции и обвинителя), представляя собой уникальный синтез. Суд, согласно УПК РФ, должен быть беспристрастным арбитром, но исторически унаследованная культура судебного активизма и обязанность всесторонне исследовать доказательства (ст. 240 УПК РФ) постоянно создают напряжение между декларируемой состязательностью и розыскными привычками [7].

Таблица

Сравнительный анализ организационных основ уголовного судопроизводства

Организационный элемент	**Континентальная модель (на примере Германии)**	**Англосаксонская модель (на примере США)**	**Современная российская модель (по УПК РФ)**
Ведущий субъект досудебного расследования	Полиция под надзором прокурора, по сложным делам – следственный судья (Ermittlungsrichter)	Полиция под руководством прокурора (District Attorney). Следственного судьи нет	Следователь (СК, МВД, ФСБ) – процессуально самостоятельное лицо. Прокурор осуществляет надзор
Судебный контроль на досудебной стадии	Следственный судья санкционирует ключевые действия. Судебный контроль интегрирован в следствие	Эпизодический: судья выдает ордера по ходатайству стороны обвинения. Контроль разделен со следствием	Судебный санкционирование ареста, обыска и др. действий. Контроль осуществляется постфактум, судья не ведет следствие

Продолжение таблицы

Роль и позиция суда в судебном разбирательстве	Активная. Судья руководит процессом, допрашивает, стремится установить материальную истину	Пассивная-арбитральная. Судья обеспечивает соблюдение правил, разрешает правовые споры. Факты устанавливают присяжные.	Формально –арбитр. Фактически – сохраняет активную позицию в исследовании доказательств (ст. 240, 273 УПК РФ)
Ключевой организационный принцип	Единство и последовательность стадий. Досудебная стадия как подготовительная, но объективная	Дуализм и параллелизм. Резкое разделение досудебного (подготовка сторон) и судебного (состязание) этапов	Эклектика. Попытка совместить судебный контроль «англосаксонского» типа с сильным и самостоятельным «континентальным» следователем

Помимо институционального каркаса, историко-правовые основы находят свое непосредственное выражение в конкретных процессуальных формах, которые также демонстрируют как устойчивые различия, так и тенденции к сближению.

Одним из наиболее ярких отличий является подход к оценке доказательств. Для континентальной традиции, вышедшей из инквизиционного процесса с его «формальными доказательствами», характерен принцип свободной оценки доказательств судом по внутреннему убеждению. Однако это внутреннее убеждение должно сформироваться на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех материалов дела, что возлагает на суд активную роль. В англосаксонской системе доминирует строгое правило о недопустимости доказательств (exclusionary rule), основанное на прецедентном праве. Доказательства, полученные с нарушением процессуальных гарантий (например, без ордера или без разъяснения прав Миранды), могут быть исключены из судебного разбирательства по ходатайству защиты, даже если они достоверно устанавливают вину. Эта доктрина служит важнейшим инструментом дисциплинирования правоохранительных органов и защиты прав личности. Российское законодательство (ст. 75 УПК РФ) формально восприняло идею недопустимости доказательств, но ее практическое применение остается ограниченным, что связано как с трудностями доказывания факта нарушений, так и с сохраняющейся ориентацией на установление объективной истины любой ценой [9].

Другой ключевой аспект – степень формализации и письменности процесса. Континентальный процесс, несмотря на провозглашение принципа устности, сохраняет значительный пласт письменности, особенно

на досудебной стадии, где основным источником информации для суда часто служит объемное письменное дело (досье). Англосаксонский процесс в своей идеальной форме является устным и непосредственным: суд присяжных должен вынести вердикт на основе того, что они увидели и услышали в зале суда, а не на основе протоколов. Российский процесс, стремясь к состязательности, пытается сочетать устное судоговорение с опорой на материалы предварительного расследования, что на практике нередко приводит к их доминированию [8].

В XXI веке отчетливо прослеживается тенденция конвергенции процессуальных систем. Страны континентальной Европы активно внедряют элементы состязательности: расширяют права защиты на досудебной стадии, вводят институты сделки с правосудием – например, упрощенное производство по признанию вины во французском и немецком праве. США и Великобритания, в свою очередь, сталкиваясь с проблемой перегруженности судов, формализуют и ужесточают процессуальные правила, усиливая элементы контроля. Россия в этом глобальном движении занимает двойственную позицию. С одной стороны, в УПК РФ последовательно вводятся упрощенные процедуры (особый порядок, досудебное соглашение), заимствованные с Запада. С другой, в последние годы наблюдается законодательное усиление розыскных начал, расширение полномочий следствия в ущерб судебному контролю и гарантиям защиты, что можно охарактеризовать как «ре-инквизицию» процесса под лозунгами борьбы с терроризмом и обеспечения государственной безопасности. Это возвращает нас к исторической цикличности российской модели, в которой баланс между розыском и состязательностью остается крайне неустойчивым и политически зависимым [10].

Проведенный историко-правовой и сравнительно-организационный анализ позволяет сделать вывод о глубокой связи между историческим опытом, организационным построением и конкретными процессуальными формами уголовного судопроизводства в России и зарубежных государствах. Континентальная и англосаксонская модели, сформировавшиеся на различных историко-культурных основаниях, представляют собой относительно целостные системы, в которых организационные принципы (активный или пассивный суд, роль следственного судьи или прокурора) согласованы с процессуальными доктринами (поиск материальной или формальной истины, свободная оценка или строгие правила о доказательствах). Российская модель, в силу специфики своего исторического развития, характеризующегося разрывами и резкими сменами парадигм, лишена такой внутренней цельности. Она представляет собой эклектичную конструкцию, в которой декларируемые состязательные начала, заимствованные извне, накладываются на устойчивый организационный каркас и правовую культуру, несущие в себе мощный инерционный заряд розыскного (инквизиционного) процесса [7].

Современная тенденция к конвергенции, безусловно, оказывает влияние на все системы, однако она не ведет к их унификации. Заимствование отдельных институтов (например, сделки с правосудием) происходит выборочно и адаптируется к национальному контексту, подчас искажая первоначальную суть института. Для России ключевой вызов заключается не в механическом копировании иностранных образцов, а в осознанном формировании собственной, последовательной и внутренне непротиворечивой модели. Это требует не только изменений в законодательстве, но и глубокой трансформации правосознания судей, следователей, прокуроров и адвокатов, а также создания реальных организационных условий для реализации конституционных принципов состязательности и равноправия сторон. Без такого комплексного подхода любые реформы уголовного судопроизводства рискуют остаться лишь декларацией на бумаге, не меняющей его подлинных историко-правовых основ.

Библиографический список

1. Агузаров А. Т. Эволюция состязательных начал в российском уголовном судопроизводстве : от Судебной реформы 1864 г. к УПК РФ / А. Т. Агузаров // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 34–41.

2. Волеводз А. Г. Процессуальные гарантии прав личности в уголовном процессе России и стран Совета Европы: сравнительно-правовое исследование / А. Г. Волеводз // Российская юстиция. 2024. № 5. С. 18–24.

3. Гаврилов Б. Я. Инквизиционная и состязательная формы уголовного процесса : историческая ретроспектива и современное прочтение / Б. Я. Гаврилов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 8. С. 112–125.

4. Даровских С. М. Принцип состязательности в уголовном процессе : теоретическая модель и российская практика / С. М. Даровских // Lex russica. 2024. № 3 (208). С. 9–22.

5. Ефимичев С. П. Конвергенция уголовно-процессуального права в глобализирующемся мире : тенденции и противоречия / С. П. Ефимичев, И. С. Дикарев // Государство и право. 2025. № 1. С. 67–79.

6. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / П. А. Лупинская ; отв. ред. П. А. Лупинская. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. 864 с.

7. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. М. : Проспект, 2024. 288 с.

8. Смирнов А. В. Сравнительное уголовно-процессуальное право : монография / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2023. 512 с.

9. Тарасов А. А. Следственный судья : зарубежный опыт и дискуссии о его имплементации в российский уголовный процесс / А. А. Тарасов // Закон. 2024. № 7. С. 102–115.

10. Шаталов А. С. Уголовный процесс зарубежных государств (Англия, США, Франция, Германия) : учебное пособие / А. С. Шаталов. 3-е изд., перераб. М. : Статут, 2025. 398 с.

© Нуреева Л. В, 2026

УДК 343.132

Нуркаева М. К. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ УСТНОГО СООБЩЕНИЯ ДОПРАШИВАЕМОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМНОГО ВОПРОСА

FEATURES OF FORMING EVIDENCE WHEN RECEIVING AN ORAL MESSAGE FROM THE PERSON INTERROGATED: STATEMENT OF THE PROBLEM

Аннотация. В статье поднимается проблема недопонимания следственного действия как акта познания со стороны правоприменителя; показывается на примерах некоторых следственных действий как лицо, осуществляющее предварительное расследование, лишь организует процесс и распоряжается его ходом, обращается внимание на особенности формирования доказательств при получении устного сообщения допрашиваемого; делается вывод, что российскому законодателю предстоит решить трудную задачу по совершенствованию в рамках теории фактов, значимых для принятия уголовным судом справедливого решения по делу, терминологической базы.

Ключевые слова: следственные действия, способ познания, правоприменитель, организационный процесс, виды формирования доказательств.

Abstract. The article raises the problem of misunderstanding of investigative action as an act of cognition on the part of the law enforcement officer, shows, using examples of some investigative actions, how the person conducting the preliminary investigation only organizes the process and manages its progress, and draws attention to the peculiarities of the formation of evidence when receiving an oral message from the person being interrogated; It is concluded that the Russian legislator will have to solve the difficult task of improving the terminological base within the framework of the theory of facts that are significant for the criminal court to make a fair decision on the case.

Keywords: investigative actions, method of cognition, law enforcement officer, organizational process, types of evidence formation.

В действующем Уголовно – процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части установления порядка осуществления участниками судебного процесса определенных процессуальных обязанностей существует пробел, обусловленный тем, что в документе не учтено понимание следственного действия как акта познания со стороны лица, уполномоченного проводить предварительное расследование.

Как утверждает В. А. Семенцов, в действиях по назначению и осуществлению экспертных исследований [1, с. 47], контролю и записи переговоров, получению данных о контактах абонентов телефонной сети процесс обобщения и опосредованного отражения действительности со стороны лица, осуществляющего предварительное расследование, имеет совсем иные характеристики, чем в ходе осмотра, обследования помещений и лиц в целях обнаружения предметов, значимых для уголовного дела, устного опроса свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т. д.

Часто лицо, осуществляющее предварительное расследование, лишь организует процесс и распоряжается его ходом, формулируя определенные поручения. Оно, к примеру, не может принять участия в выборе специалиста, который будет осуществлять экспертные исследования и в предварительной работе с таковым, а также непосредственным образом контактировать с источником сведений, а значит, не может лично воспринимать и преобразовывать их. Выдав задачи соответствующим субъектам, лицо, осуществляющее предварительное расследование, получает уже сформированные данные, имея право лишь на то, чтобы их изучить, проверить, оценить и применить в своей работе.

Такие способы собирания фактов, значимых для принятия судом справедливого решения, наиболее близки к истребованию предметов и документов, что не является следственным процессуальным действием. Тот, кто осуществлял экспертное исследование, формирует и экспертное заключение, согласно мнению С. А. Шейфера [2, с. 121].

С этих же позиций можно указать на отсутствие признаков познавательной деятельности в акте наложения ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ). Именно так называет данное (следственное) действие В. А. Семенцов [1, с. 48], хотя по разделяемому нами определению С. Б. Россинского, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления является лишь элементом процессуальной комбинации, включающей в себя также ее осмотр и выемку [3, с. 56]. Собственно, наложение ареста (тоже своего рода комбинация ходатайства следователя, согласия руководителя следственного органа и решения суда) – юридическое основание для задержания корреспонденции – создает предпосылки для ее осмотра и выемки примерно так же, как это имеет место при производстве обыска в жилище,

или эксгумация трупа, без которой его осмотр и последующее исследование в принципе невозможны. Точно так же лишены познавательной характеристики такие относительно новые «следственные действия», как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Интересно отметить, что несмотря на внешнюю схожесть процессуальных действий, в каждом случае предполагается: а) получение судебного решения; б) направление его для исполнения в соответствующий компетентный орган; в) осмотр полученного источника информации и г) приобщение его к делу. Способ получения доказательства, включенный в структуру каждой из названных процессуальных комбинаций, принципиально различен. Получение почтовых отправлений происходит путем совершения выемки. Информация о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, как и о состоявшихся переговорах, представляется следователю в виде документа (в первом случае) или предмета (фонограммы, как говорит ч. 6 ст. 186 УПК РФ). То есть в первом случае в качестве способа собирания доказательств мы имеем следственное действие, в двух других - комбинацию истребования и принятия (или представления и принятия), которые, как давно (ст. 70 УПК РСФСР 1960 г.) и хорошо известно, следственными действиями не являются. Осмотр полученных источников информации, необходимый во всех трех случаях, является самостоятельным следственным действием, который в двух случаях производится после их принятия, а в отношении почтовых отправлений предшествует выемке. Попутно отметим неудачность формулировки ч. 5 ст. 185 УПК РФ, согласно которой в протоколе осмотра отражается также факт задержания почтового отправления после его осмотра, хотя очевидно, что задержание, которое осуществили работники учреждения связи, предшествует осмотру. Можно полагать, что законодатель имел в виду необходимость перечисления в протоколе осмотра изымаемых из учреждения связи почтовых отправлений.

Во всех рассмотренных случаях собираемые сведения не претерпевают какого-либо преобразования, они уже имеют пригодную для использования форму и в дополнительном формировании не нуждаются. В этих, как и иных указанных выше, случаях следователь, если что и формирует, то лишь протокол соответствующего следственного или иного процессуального действия (выемки, осмотра, эксгумации, ознакомления с постановлением о назначении экспертизы), который сам по себе способен играть роль доказательства, обеспечивающего, главным образом, допустимость полученных таким образом доказательств.

На особое место в этом контексте следует поставить такой вид фактов, значимых для принятия правильного судебного решения по уголовному делу, как устное сообщение допрашиваемого следователю. Охарактеризуем его подробно.

В части 2 ст. 74 отечественного УПК РФ среди иных видов фактов, значимых для справедливого судебного решения, названо и устное сообщение допрашиваемого, обладающего определенными процессуальными правами и обязанностями, следователю. Этот вид доказательств интересен тем, что его содержание и форму можно назвать в какой – то мере тождественными.

Определенное физическое лицо сообщает в устной форме данные, являющиеся следствием отражения его сознанием реального мира. Следовательно, вне речи данного субъекта эти данные не существуют. А после того, как их фиксируют в протоколе допроса, они теряют статус сообщения, имеющего устную форму и, соответственно, становятся фактом, значимым для принятия справедливого судебного решения, другого вида. Неоспоримо, что устный опрос кого-то следователем – это действие уполномоченного лица по проверке фактов, значимых для принятия судом справедливого решения по уголовному делу. Значит, процессуальный документ, составленный по результатам применения процессуального поведения по уголовному делу, следует считать протоколом производимых следователем в соответствии с УПК РФ действий по собиранию и проверке фактов, значимых для принятия судом справедливого решения, а не форма устного сообщения допрашиваемого.

Таким образом, устное сообщение допрашиваемого и процессуальный документ, составленный по результатам применения процессуального поведения по уголовному делу, представляют собой разные виды фактов, значимых для принятия справедливого судебного решения. Данные, преобразовываемые из слов в образы и обратно, обязательно искажаются, а часть их утрачивается, что отрицательно сказывается на правдивости информации. Это подтверждается многочисленными исследованиями, проводимыми судебными психологами.

В ч. 2 ст. 74 отечественного УПК РФ прямо указано при перечислении видов фактов, значимых для принятия справедливого судебного решения по уголовному делу, что устные сообщения допрашиваемых следователю и процессуальный документ, составленный по результатам применения процессуального поведения не тождественны.

В этой связи нельзя считать правильным указания ст. 276, 281, 281.1 УПК РФ о том, что сведения субъектов, подвергшихся допросу, следует оглашать в процессе следствия, поскольку в таком случае оглашению подлежат процессуальные документы, составленные по результатам применения процессуального поведения. Содержание этих норм вступает в противоречие с требованием ч. 1 ст. 240 УПК РФ, согласно которой в обязанности органа правосудия входят заслушивание устных сообщений и оглашение процессуальных документов, составленных по результатам применения процессуального поведения.

Бесспорно, что в условиях действующей системы правового воздействия на общественные отношения не просто решить, насколько допустимо оглашение в суде процессуальные документы, составленные по результатам применения процессуального поведения. Однако в свете того, что допрос со стороны лица, уполномоченного производить предварительное расследование – это один из способов формирования фактов, значимых для принятия справедливого судебного решения, можно, по нашему мнению, признать, что устному опросу в суде можно придавать такое значение.

Системой идей и взглядов на формирование фактов, значимых для принятия справедливого судебного решения, которая во многом предопределила развитие научной мысли, нельзя руководствоваться, объясняя сущность фактов, значимых для принятия судом справедливого решения, с точки зрения права.

Действия уполномоченных лиц по сбору и проверке фактов, значимых для принятия судом справедливого решения по уголовному делу – это не общий для всех случаев способ получения таких фактов даже в уголовном процессе, который не основан на состязании сторон. Понятие системы таких действий, как и понятие системы других средств и методов собирания фактов, значимых для справедливого рассмотрения и разрешения уголовного дела, еще предстоит разработать.

Предлагаем усовершенствовать в рамках теории фактов, значимых для принятия уголовным судом справедливого решения по делу, терминологическую базу, чтобы более полно и точно описывать и объяснять специфику комплексного института уголовно – процессуального права, нормами которого регулируется деятельность органов, ведущих процесс, по установлению фактических обстоятельств совершенного деяния с целью достижения объективной истины по делу.

Библиографический список

1. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : монография. Екатеринбург. : Изд-во «Уральская государственная юридическая академия», 2006. 298 с.

2. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica. 2015. № 10. С. 115–127. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М. : Норма, 2018. 240 с.

© Нуркаева М. К., 2026

УДК 4414:343

Одиназода Н. С. – преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук (Республика Таджикистан, г. Душанбе)

СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

SUBJECTS OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к пониманию основных понятий процесса доказывания, таких как доказательство, собирание, проверка и оценка доказательств, а также определение предмета доказывания. Раскрываются основные элементы доказывания в уголовном процессе, определяются актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе. Особое внимание уделяется классификации субъектов, непосредственно участвующих в процессе доказывания, а также собиранию доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательство, элементы, собирание, проверка, оценка, субъекты доказывания.

Abstract. The article discusses various approaches to understanding the basic concepts of the proof process, such as proof, collection, verification, and evaluation of evidence, as well as the definition of the subject of proof. The main elements of proof are revealed in the criminal process, and current issues of evidence in the criminal process are identified. Special attention is paid to the classification of subjects who are directly involved in the proof process, as well as the collection of evidence.

Keywords: criminal procedure, evidence, elements, collection, verification, evaluation, subjects of proof.

В соответствии со ст. 19 Конституции Республики Таджикистан, каждому гарантируется судебная защита. Каждый вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом.

Никто не может быть подвергнут без законных оснований задержанию и аресту. Каждое лицо может с момента задержания пользоваться услугами защитника (адвоката) [1].

После принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан 2009 г. (далее – УПК РТ) в уголовно-процессуальной деятельности доказывание возложено на субъектов доказывания. Также в эту деятельность включен дополнительный участник уголовного процесса

в лице частного обвинителя, а также расширились полномочия защитника по сбору и представлению доказательств, что свидетельствует о процессуальном равноправии сторон, т. е. защитника и иных уполномоченных лиц. Необходимо отметить, что частный обвинитель может воспользоваться всеми правами и обязанностями потерпевшего при участии в уголовном судопроизводстве. Также участники в соответствии со ст. 86 УПК РТ имеют право собирать доказательства и в дальнейшем представлять их субъектам доказывания.

Если проанализировать ст. 86 и 88 УПК РТ, то из этого можно сделать вывод, что полноценными субъектами доказывания являются дознаватель, следователь, прокурор и суд, для которых доказывание является обязанностью. Субъектами восприятия являются участники уголовного процесса, включая подозреваемого, обвиняемого и адвоката защиты. В соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РТ защитник, допущенный к участию в деле, имеет право: представлять доказательства; собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи; запрашивать справки, характеристики и иные документы из различных учреждений, организаций, предприятий, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии; запрашивать с согласия подзащитного мнение специалистов для разъяснения возникших в связи с оказанием юридической помощи вопросов, требующих специальных познаний [4, с. 62–63].

Необходимо отметить, что УПК РТ не содержит нормативного выражения «субъекты доказывания». Однако в разделе 2 УПК РТ «Участники уголовного судопроизводства» указано, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [4, с. 20]. Также следует подчеркнуть, что суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд обеспечивает стороны условиями для осуществления процессуальных прав и обязанностей.

Из данной статьи УПК РТ можно сделать вывод, что функции центральных субъектов уголовного судопроизводства четко разделены. Суд – выступает как нейтральный субъект, осуществляющий правосудие, прокурор (государственный обвинитель) выполняет функцию обвинения, а защитник, осуществляющий функцию защиты, имеет право собирать доказательства.

Следует добавить, что в юридической литературе существуют споры относительно субъектов доказывания. Некоторые ученые считают, что защитник, выступая в качестве активного субъекта доказывания, имеет право собирать доказательства. Однако исходя из положений УПК РТ можно прийти к заключению, что защитник не выступает в качестве полноправного субъекта доказывания [7, с. 127]. Хотя, в ст. 9 Закона Республики Таджикистан «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 18 марта 2015 г. предусмотрено, что при осуществлении адвокатской деятельности адвокат имеет

право собирать и представлять доказательства и информацию, необходимые для оказания юридической помощи [2].

Таким образом, адвокат имеет право не только собирать информацию, но и представлять их в процессе доказывания. Он также может принимать участие в сборе доказательств по уголовному делу и представлять собранные документы и предметы уполномоченным лицам.

В законодательных нормах, определяющих процессуальный статус неофициальных участников судебного разбирательства, установлено их право на представление доказательств следственным органам и суду [12, с. 89]. Действующий УПК РТ делит участников уголовного судопроизводства на четыре группы: 1) суд; 2) участники уголовного судопроизводства, осуществляющие уголовное преследование; 3) участники уголовного процесса, защищающие свои или представительские права и интересы; 4) иные участники уголовного процесса, способствующие осуществлению правосудия.

Следует отметить, что гл. 4 УПК РТ под названием «Суд», регламентирует полномочия суда, состав суда, порядок получения разрешения суда и т. д.

Исследователь К. М. Мадвализода в целях устранения существующих проблем, а также придания суду статуса центрального участника уголовного судопроизводства предлагает пересмотреть гл. 4 УПК РТ и дать ей другое законодательное название – «Участник, выполняющий функцию рассмотрения уголовного дела» [10, с. 76–77].

В свою очередь ученый Н. П. Кузнецов условно разделил всех участников уголовного процесса на отдельных пять групп, например:

1) государственные органы и должностные лица, уполномоченные по уголовному делу и его ведению: суд, судья, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, орган дознания и лицо, осуществляющее дознание;

2) участники уголовного процесса, лично заинтересованные в исходе дела: обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик;

3) лица, представляющие интересы других субъектов: защитники подозреваемого и обвиняемого, представители потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика;

4) представители общественных организаций и трудовых коллективов: общественные обвинители и общественные защитники;

5) лица, оказывающие помощь государственным органам и должностным лицам в осуществлении судебного преследования: свидетели, эксперты, специалисты, понятые, переводчики и др. [9, с. 190].

Всех названных участников К. М. Мадвализода считает приемлимым, однако, по его мнению, некоторые элементы для УПК РТ являются чужды.

Так, такие участники судебного процесса как «общественный обвинитель» и «общественный защитник» в УПК РТ отсутствуют.

Полагаем, отсутствие указанных субъектов является обоснованным, ибо фигуры «общественный обвинитель» и «общественный защитник» являются пережитком прошлого опыта и в настоящее время по различным причинам в современном уголовном процессе не актуальны.

На наш взгляд, субъекты доказывания можно разделить на две группы:

1. Уполномоченные лица, ответственные за собирание, проверку и оценку доказательств.

2. Лица, имеющие право на участие в предварительном расследовании и судебном разбирательстве в соответствии с положениями законодательства.

К первой группе относятся дознаватель, следователь, прокурор, суд и судья как уполномоченные субъекты, которые обязаны в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела собирать, проверять и оценивать доказательства.

Вторая группа включает подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их законного представителя, которые имеют право (но не обязаны) принять участие в доказывании в ходе предварительного расследования уголовного дела и судебного разбирательства. В данном контексте вызывает интерес мнение И. Л. Петрухина, который пишет, что «субъекты доказывания – это те органы и лица, которые в ходе доказывания осуществляют не разовую или сиюминутную деятельность, а постоянную (по возможности в пределах одного судебного периода) деятельность».

Кроме того, ученый указывает на основные признаки субъектов доказывания, что, по нашему мнению, представляется правильным подходом:

1) постоянное участие субъектов в процессе доказывания;

2) ответственность за проведение доказывания (сбор, проверка и оценка доказательств);

3) право на активное и долгосрочное участие в процессе доказывания в целях защиты своих интересов или охраняемых законом участников.

Иные субъекты, имеющие процессуальные права и обязанности, выполняют вспомогательную или сиюминутную деятельность, а также не могут продвигать свои процессуальные интересы. Именно по этому признаку они не входят группу субъектов, осуществляющих деятельность процессуального доказывания [10, с.78]. На основании вышеуказанных признаков, И. Л. Петрухин определил субъекты доказывания следующим образом: с одной стороны, органы предварительного следствия, прокурор и суд; с другой стороны обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник, представители потерпевшего, гражданского истца и представители гражданского ответчика. Другие субъекты хотя

и привлекаются (вовлекаются) к деятельности, связанное с процессом доказывания, однако они не могут признаваться субъектами доказывания [6, с. 495].

По этому поводу отечественный ученый О. Т. Тохирзода обоснованно пишет, что хотя уголовно-процессуальное законодательство предусматривает право частных лиц заниматься собиранием и представлением доказательств, но по причине отсутствия у них публичных полномочий нецелесообразно признавать их в качестве полноценных субъектов доказывания [11, с. 131–132].

Известный таджикский ученый П. С. Абдуллаев разграничил субъекты доказывания на две группы:

1. Государственные органы и должностные лица, обладающие полномочиями собирать, проверять и оценивать доказательства.

2. Лица, имеющие право участвовать в доказывании определенных обстоятельств.

В первую группу входят суд, судья, прокурор, следователь и дознаватель, обладающие процессуальными полномочиями собирать, проверять и оценивать доказательства. К второй группе относятся обвиняемый, его законный представитель, защитник и др., участие которых в доказывании является их правом и обязанностью [7, с. 126].

Субъекты доказывания также делятся на две группы: субъекты доказывания и субъекты, имеющие полномочия доказывания, то есть субъекты доказывания, заинтересованные в ходе расследования уголовных дел и судебного разбирательства в качестве участников уголовного процесса. К таким субъектам относятся подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их законные представители, которые в ходе дознания, расследования уголовного дела и судебного разбирательства имеют право собирать, представлять доказательства, имеющие отношение к делу.

В качестве субъекта доказывания также могут выступать специалист, эксперт и оперативный работник. Специалист – это лицо, незаинтересованное в исходе уголовного дела, обладающее специальными знаниями, опытом и привлеченное дознавателем, следователем, прокурором, судом, судьей для обоснования вещественных доказательств и проведения юридической оценки. В случае представления доказательств эксперту, он изучает факты и с целью предоставления точного заключения, запрашивает у заинтересованных лиц доказательства для сопоставления при проведении биологических, медицинских и других экспертиз. Кроме того, в п. 3 ч. 2 ст. 18 Закона Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» предусмотрено, что эксперт не имеет право самостоятельно собирать материалы для производства государственной судебной экспертизы [3].

Следует отметить, что субъекты доказывания можно разделить на активные и пассивные. Активные субъекты имеют право собирать, проверять и оценивать доказательства, в то время как пассивные субъекты не имеют таких прав.

Субъекты, обязанные доказывать виновность лица в совершении преступления, указаны в ст. 15 УПК РТ, и подобная обязанность возлагается на обвинителя (государственного и частного обвинителя). Подозреваемый, обвиняемый и подсудимый не обязаны доказывать свою невиновность. В то же время в соответствии с положениями данной статьи УПК РТ обязанность доказывания возлагается на дознавателя, следователя и прокурора.

Судья не вправе по собственной инициативе принимать меры для доказательства виновности подсудимого в совершении преступления [5]. На основании ст. 86–88 УПК РТ суд вправе собирать, проверять и оценивать доказательства, или в соответствии со ст. 323 УПК РТ суд, судья, признав необходимым осмотреть какое-либо помещение или местность, производит осмотр с участием сторон. Поэтому суд играет важную роль в установлении истины и доказательстве обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, при этом он не занимает позицию не одной из сторон конфликта (стороны обвинения и зашиты). Основная задача суда, как полноценного субъекта доказывания, это разрешить уголовное дело и вынести справедливое решение по делу.

Другой ученый М. Шахидуллозода отмечает об участии прокурора в качестве государственного обвинителя, где он при доказывании высказывает в суде свое мнение о: 1) применении уголовного закона и назначении обвиняемому основного и дополнительного наказания; 2) применении принудительных медицинских мер; 3) применении системы отбывания наказания; 4) взыскании суммы ущерба; 5) принятии соответствующего решения в отношении имущества; 6) также, вещественных доказательствах [11, с. 80].

Относительно роли следователя как профессионального субъекта доказывания можно отметить, что его полномочия достаточно подробно регламентированы в ст. 39 УПК РТ. Он по общему правилу больше всех заинтересован в своевременности и полноты расследования уголовного дела, т. к. закон обязывает его принять меры для всестороннего, полного и беспристрастного расследования обстоятельств, имеющих отношение к делу [6, с. 57].

Деятельность субъекта доказывания как дознавателя также указаны в ст. 40 УПК РТ, который осуществляет необходимые процессуальные действия самостоятельно, за исключением отдельных случаев, предусмотренных УПК РТ, когда утверждение его решений предусмотрены начальником органа дознания, прокурором или судом [4, с. 26].

В связи с этим можно сделать вывод, что деятельность субъектов доказывания составляет основу уголовного судопроизводства и оно осуществляется должностными лицами, уполномоченными специальным законом (УПК РТ) собирать, проверять и оценивать доказательства в ходе предварительного расследования и разрешения уголовных дел. Хотя субъектами доказывания выступают многие участники уголовного процесса (судебного разбирательства) и по УПК РТ к ним относятся как сторона обвинения, так и сторона защиты. Вместе с тем они находятся в различных правовых отношениях и их статус, а также полномочия различаются. У профессиональных субъектов доказывания их полномочия установлены в силу их публичных (государственных) обязательств, в свою очередь, частные или же непрофессиональные участники могут воспользоваться таким правом исходя из их усмотрения.

Указанное обстоятельство вызывает противоречивые рассуждения среди ученых, т. к. по закону частные лица хотя и могут заниматься доказательственной деятельностью, однако они не обладают публичной властью и не могут реально повлиять на ход и итог доказывания в той степени как это подвластно профессиональным участникам (следователь, дознаватель, прокурор, судя). По этой причине вопрос целесообразности отнесения того или иного субъекта доказывания в современном уголовном судопроизводстве требует дальнейшего научного исследования.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года с дополнениями и изменениями от 26 сентября 1999 года, 22 июня 2013 года и 22 мая 2016 года (на таджикском и русском языках). Душанбе : Гандж, 2016. 135 с.

2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности : закон Республики Таджикистан от 18 марта 2015 года // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2015 г. № 3. Ст. 204.

3. О государственной судебной экспертизе : закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 года // URL: https://mmk.tj/system/files/Legislation/102_tj.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан с дополнениями и изменениями от 23 июля 2016 года // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №12. Ст. 815.

5. О практике судов по применению законодательства, регулирующего передачу уголовного дела на дополнительное расследование : постановление Верховного Суда Республики Таджикистан от 23 декабря 2011 года // URL: https://mmk.tj/system/files/Legislation/102_tj.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

6. Арипов А. Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии : по законодательству Республики Таджикистан : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 57.

7. Абдуллоев П. С., Ҷалолов Х. Ғ. Назарияи далелҳо дар мурофиаи ҷиноятӣ : воситаи таълимӣ. Душанбе : Нашри Мубориз, 2021. 247 с.

8. Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.

9. Кузнецов Н. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Воронеж, 1998.

10. Мадвализодв К. М. Исботкунӣ дар мурофиаи судии ҷиноятӣ : масъалаҳои назариявӣ, танзими ҳуқуқӣ ва мушкилоти амалӣ [Матн] : дис. ... номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ: 12.00.09 / Мадвализода Комрон Мадвалӣ. Душанбе, 2024. 217 с.

11. Тохирзода О. Т., Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : монография. Душанбе: Ирфон, 2025. 240 с.

12. Шаҳидуллозода М. Пешниҳод ва баҳодиҳии далелҳо аз ҷониби айбдоркунандаи давлатӣ дар мурофиаи судӣ / М. Шаҳидуллозода // Қонуният (Законность) Маҷаллаи илмию амалӣ ва назариявии Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2014. № 5.

13. Шейфер С. А. Доказательство и доказывание по уголовным делам : проблема теории правового регулирования. М., 2012.

© Одиназода Н. С., 2026

УДК 343.9

Петров С. А. – доцент кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова (Россия, г. Хабаровск)

ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ

IDENTIFICATION OF LIVING PERSONS: TACTICAL ISSUESAND PROBLEMS

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых проблемных вопросов, возникающих при опознании живых лиц. Высказывается мнение, что при проведении следственного действия может быть использовано симультанное, одномоментное опознание. Рассматривается правомерность повторного опознания лица после того как произошло опознание по фотографии.

Ключевые слова: предъявления для опознания, признаки внешности, отождествление, повторное опознание, фотография.

Abstract. This article discusses some of the problematic issues that arise during the identification of living persons. It is suggested that simultaneous, one-time identification can be used during an investigative action. The legality of re-identifying a person after photo identification is being considered.

Keywords: identification, appearance, identification, re-identification, photograph.

Несмотря на множество публикаций, посвященных такому распространенному и достаточно сложному в тактическом отношении следственному действию как опознание, до настоящего времени имеется ряд неразрешенных проблем, что предопределяет необходимость дальнейшего совершенствования тактических приемов и методов опознания на теоретико-методологическом и практическом уровнях.

Значительное количество противоправных действий, в первую очередь, таких как разбойные нападения, грабежи, мошенничества, хулиганства, совершается на глазах у очевидцев, либо преступление фиксирует камера видеонаблюдения, что предопределяет необходимость использования как на стадии предварительного следствия, так и в суде такого следственного действия как предъявление для опознания лица.

Особое значение такого важнейшего следственного действия, как предъявление для опознания, обусловлено ценностью доказательственной информации, получаемой при его успешном проведении [1, с. 27]. Результаты предъявления для опознания подлежат особенно тщательной оценке

в тех ситуациях, когда они являются краеугольным камнем собранной совокупности доказательств и основным (а иногда и единственным) способом идентификации лица, совершившего преступление [2, с. 98].

Предъявление для опознания лица является одним из наиболее сложных следственных действий, требующих от следователя профессиональных знания в организации его подготовки, выборе тактических приемов и учета психологических особенностей участников опознания.

Нарушение уголовно-процессуального законодательства, ошибки в выборе тактических приемов и способов проведения следственного действия однозначно влияют на достоверность результатов опознания. Такую точку зрения, например, высказывает Е. А. Бартенев, считая, что при ближайшем рассмотрении становится ясно, что провал явился следствием незнания либо пренебрежения тактическими приемами при проведении следственного действия и ошибок, допущенных в процессе его подготовки [3, с. 80].

Рассуждая о спорных аспектах тактики предъявления для опознания, мы, в своем большинстве, сталкиваемся с проблемными вопросами тактического характера проведения следственного действия при предъявлении для опознания лица вживую. Справедливо замечено, что в научных и учебных трудах по криминалистике, связанных с предъявлением для опознания, данное следственное действие изучается с позиции тактических особенностей предъявления живого лица, а при невозможности предъявить его вживую – проведение опознания по фотографии [4, с. 2].

Опознание строится на усвоении (создание мысленного образа воспринятого объекта, имеющего отношение к преступлению) и распознавании (отождествление предъявляемого объекта со сформированным образом), т. е. в основе данного следственного действия лежат психофизиологические процессы и, соответственно, в процессе его подготовки и проведения важно учитывать некоторые психологические особенности этих психофизиологических процессов.

В настоящее время Уголовно-процессуальном Российской Федерации (далее – УПК РФ) процессуально регламентировано сукцессивное опознание, когда опознающее лицо заранее оговаривает признаки, по которым может опознать подозреваемого и затем, в ходе проведения следственного действия, опознает именно по этим признакам. Процесс опознания строится на постепенном сравнении отдельных признаков внешности, предъявленных для опознания лица, и мысленным образом, сформированном при визуальном контакте с опознаваемым.

На практике часто опознание происходит не по признакам, которые ранее указывались опознающим, а по другим, ранее запечатленными в его памяти и возникшими при визуальном наблюдении предъявленного для опознания лица. Иногда допрашиваемый заявляет, что он не запомнил примет

лица и не может его описать (ширина лба, густота бровей, величина, разрез, цвет глаз, форма носа и т. д.), но при предъявлении сможет опознать его.

Основная проблема в данной ситуации заключается в доказательственном значении проведенного опознания, когда ранее допрошенное лицо не указало точные приметы опознаваемого или вообще не смогло их назвать.

Заметим, что единую точку зрения на доказательную силу результатов такого познания ученые за последние несколько десятилетий выработать так и не смогли. Одни считают результаты такого познания не имеющими доказательного значения и даже высказываются за нецелесообразность проведения опознания, если человек не может указать на предварительном допросе четкие идентифицирующие признаки. Так Ю. Г. Корухов указывал на необходимость, чтобы опознающий не только назвал признаки, по которым он опознает лицо, но охарактеризовал их также как ранее при допросе [5, с. 27].

Другие допускают возможность признания результатов такого опознания, апеллируя именно психологическими механизмами восприятия и узнавания. Высказывается мнение, что в криминалистике принят ошибочный подход при определении критерия точного опознания и восприятие осуществляется, как правило, симультанно – одномоментно, целостно и обобщенно [6, с. 55].

Мы придерживаемся точки зрения, что симультанное опознание, как мгновенное, одномоментное отождествление лица по ранее запечатленному мысленному образу может быть использовано в процессе получения доказательств при раскрытии и расследовании преступлений.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуальной нормы при опознании лица опознающий должен указать его приметы, то есть вербализировать признаки, по которым осуществлена идентификация лица. Память человека избирательна и при восприятии субъекта фиксируются лишь те признаки, которые имеют значение для опознания лица.

Несомненно, на объективность результатов опознания влияют такие факторы, как условия и длительность восприятия опознаваемого; изменения, произошедшие с внешностью человека; индивидуальные качества опознающего: возраст, эмоциональное состояние, состояние органов чувств, наличие алкогольного опьянения. Обоснованно замечено, что неспособность описать объект не исключает возможность безошибочного опознания, так же как правильное описание не исключает ошибки при опознании [7, с. 35].

Еще одним проблемным аспектом законодательной регламентации предъявления для опознания живых лиц является отсутствие возможности повторного опознания. Уголовно-процессуальная норма содержит прямой запрет на проведение повторного опознания тем же опознающим и по тем же признакам.

По нашему мнению, повторное опознание живого лица является неправомерным, даже если оно будет проведено в исключительных случаях, например, первоначальное опознание проведено в неблагоприятных условиях, у опознаваемого были значительные изменения внешности, опознающий был испуган, находился в сильном душевном волнении, вспомнил существенные признаки. Нельзя с достоверностью установить, что при первоначальном опознании имели место обстоятельства, препятствующие или влияющие на результат проведенного следственного действия. Такое опознание теряет доказательственное значение с точки зрения объективности его результатов и может признано судом недопустимым доказательством.

На практике возникают ситуации, когда первоначально лицо опознается по фотографии, а впоследствии, при установлении его местонахождения и доставления к следователю, вживую. При проведении оперативно-розыскных и поисковых мероприятий потерпевшему или свидетелю предоставляются фотоальбомы, видеозаписи с видеокамер или видеорегистраторов. При установлении преступника он предъявляется для опознания в натуре. Как быть с таким опознанием и не противоречил ли оно закону?

Действующий УПК РФ не содержит прямого запрета на опознание лица после того как было проведено его опознание по фотографии, но по смыслу ст. 193 УПК РФ следует, что это будет являться повторным опознанием, которое не может проводиться тем же опознающим и по тем же признакам.

Мы исходим из того, что опознание по фотографии и опознание при предъявлении лица очно нельзя приравнять к законодательной регламентации «по тем же признакам». Снимки с видеокамер и с видеорегистраторов могут искажать внешние признаки человека и отождествление личности по ним с большей вероятностью могут быть ошибочными. Действия по установлению лица при предъявлении фотоальбомов или записей с видеокамер, видеорегистраторов являются не предъявлением для опознания, а опознаванием, отождествление личности по фотографии и содержат ориентирующий, розыскной характер, направленный на установление подозреваемого.

Некоторые авторы считают, что опознание по фотографии вызывает еще больше вопросов, поскольку фотографии, которые часто предъявляются при проведении опознания, бывают устаревшими или не отвечают требованиям (ксерокопии, плохого качества и т. д.) либо статичность объекта на фотографии не позволяет опознающему полностью воспринимать его со всех сторон [8, с. 133].

По нашему мнению, для исключения двусмысленности толкования уголовно-процессуального закона, придания четкости и ясности действия нормы права, целесообразно законодательно закрепить возможность проведения повторного опознания живого лица, опознанного ранее по фотографии или по видеоизображению.

Библиографический список

1. Белкин А. Р. Процессуально-тактические сложности предъявления для опознания // Вестник криминалистики. 2015. № 4 (56). С. 27–35.

2. Челышева О. В. Предъявление для опознания и оценка прокурором его результатов // Криминалисть. 2021. № 4 (37). С. 96–101.

3. Бартенев Е. А. Тактические особенности предъявления для опознания с точки зрения риска и защиты доказательственной информации // Вестник Новосибирского государственного университета, серия : Право. 2014. Т. 10. № 1. С. 78–83.

4. Ильин Н. Н. Предъявление для опознания : криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // Российский следователь. 2025. № 4. С. 2–8.

5. Корухов Ю. Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и суде : лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1968. 30 с.

6. Будякова Т. П. Экспериментальная оценка эффективности системы словесного портрета при опознании личности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 53–65.

7. Мазурин Я. М., Мазурин П. Я. Тактика предъявления для опознания по «общему образу» // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации». Сиб. юрид. ун-т. Омск, 22 апреля 2022 г. С. 32–36.

8. Кругликова О. В. Некоторые аспекты тактики предъявления для опознания // Право и государство : теория и практика. 2020. № 12 (192). С. 133–134.

© Петров С. А., 2026

УДК 340:343.1

Платонова Е. И. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва);
Научный руководитель:
Ендольцева А. В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЕЕ ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

UNCERTAINTY IN LAW AS A MEANS OF REGULATING PROCEDURAL ACTIVITY: ITS CAUSES AND FORMS OF MANIFESTATION IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются понятийные границы неопределенности в праве в широком и узком смыслах, предлагается собственное видение понятия правовой неопределенности применительно к досудебному производству. Особое внимание уделяется анализу объективных и субъективных причин, порождающих неопределенность в механизме правового регулирования, выделяются формы проявления исследуемого феномена.

Ключевые слова: право, правовая неопределенность, правовое явление, досудебное уголовное производство, законодательство, дефект права, оценочные категории, уголовно-процессуальные отношения.

Abstract. The article examines the conceptual boundaries of uncertainty in law in both broad and narrow senses, and offers its own perspective on the concept of legal uncertainty in relation to pre-trial proceedings. Special attention is paid to the analysis of objective and subjective reasons that generate uncertainty in the mechanism of legal regulation, the forms of manifestation of the phenomenon under study are highlighted.

Keywords: law, legal uncertainty, legal phenomenon, pre-trial criminal proceedings, legislation, defect of law, evaluative categories, criminal procedural relations.

В современном правовом пространстве уголовно-процессуальные отношения нередко характеризуются наличием феномена неопределенности. При этом указанное явление не воспринимается исключительно как дефект законотворчества и приобретает амбивалентный характер, выступая в качестве сознательного приема юридической техники. Особенно рельефно эта двойственность проявляется в досудебном уголовном производстве: на этапе, где принимается решение о наличии состава преступления, формируется доказательственная база, обеспечиваются права личности, вовлеченной в уголовный процесс, закладываются основы для судебного разбирательства.

Актуализация любого правового явления требует от исследователя прежде всего установления понятийных границ, и лишь затем изучения причин его возникновения и форм проявления. Применительно к неопределенности в праве такие границы очерчиваются следующим образом: в широком смысле это явление несовершенства правового регулирования, обусловленное объективными и субъективными факторами правообразования и обозначающее неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормотворческой воли [1, с. 60]. В узком значении неопределенность, по мнению авторов, подразделяется на: 1) условное средство правового регулирования; 2) технико-юридический дефект текста права [1, с. 62]. Разделение неопределенности на сознательно используемый прием юридической техники и законотворческую ошибку придает теоретической конструкции практическую индивидуальность.

Имманентная двойственная природа правовой неопределенности с особой остротой актуализирует проблему ее содержательного наполнения именно на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В контексте данных стадий под неопределенностью в правовом регулировании понимается отсутствие полноты, понятности, непротиворечивости и предсказуемости правовых норм.

Возникает закономерный вопрос: чем же обусловлена правовая неопределенность именно на досудебных стадиях уголовного производства? Анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет выделить следующие причины:

1) невозможность формализации всех жизненных ситуаций [2], важность учета индивидуальности каждого уголовного дела – в данном случае оценочные понятия (являющиеся частью неопределенности) единственный способ преодолеть разрыв межу абстрактностью нормы и конкретными обстоятельствами реальных преступлений [3];

2) потребности следственной тактики, где жесткая регламентация препятствует оперативной смене версий и методов доказывания: сотрудники органов предварительного расследования должны обладать определенной степенью свободы в выборе линии поведения при работе с доказа-

тельствами и во взаимодействии с участниками процесса, а наличие относительно определенных предписаний создает ту необходимую свободу, которая позволяет органу предварительного расследования своевременно корректировать свои действия, не нарушая при этом закон [4];

3) необходимость сохранения публичного начала в балансе с состязательностью – функция уголовного преследования не может осуществляться эффективно, если каждое действие властного субъекта заранее расписано до мелочей, а гибкость закона вынуждает сторону защиты проявлять повышенную активность и профессионализм, чтобы не допустить злоупотребления со стороны государственных органов. В данном случае неопределенность в праве выступает своеобразным катализатором, поддерживающим динамическое равновесие между публичным интересом и правами личности [5];

4) природа правового регулирования, при этом такие категории, как «обоснованность», «добросовестность», «уважительность» или «исключительность случая» выполняют особую регулятивную функцию именно благодаря своей абстрактности [6];

5) динамизм общественных отношений, выражающийся в быстрой смене криминогенной обстановки и появлении новых способов совершения преступлений, объективно обуславливает отставание законодательной базы, которое проявляется в наличии пробелов и коллизий [7; 8].

Таким образом, неопределенность в праве – явление не случайное, а системное, вызванное совокупностью объективных и субъективных факторов. Закономерным следствием существования этих причин стало появление неопределенности в следующих ее формах:

1) неясность – невозможность однозначно уяснить содержание нормы из ее буквального текста;

2) неточность – несоответствие между смысловым полем нормы и ее текстуальным выражением;

3) двусмысленность – одна норма может допускать несколько вариаций толкования;

4) нечеткость – размытость границ понятия, отсутствие ясных критериев его применения [1, с. 74].

Представленный перечень форм проявления неопределенности в праве носит обзорный характер и не претендует на исчерпывающую полноту, однако позволяет зафиксировать ключевые каналы, через которые данное явление проникает в ткань уголовно-процессуального регулирования. Каждая из обозначенных форм (неясность, неточность, двусмысленность, нечеткость) обладает собственной природой и спецификой влияния на досудебное производство, требуя дальнейшего детального изучения. В зависимости от глубины и характера проявления, указанные формы могут выступать как необходимым инструментом гибкости, так и становиться препятствием для единообразного применения закона, порождая ошибки в правоприменитель-

ной деятельности. Каждая из названных форм в контексте конкретных институтов досудебного уголовного производства нуждается в исследовании с тем, чтобы определить ее конструктивность или неконструктивность с соответствующим регулированием в последнем случае.

Таким образом, неопределенность в уголовно-процессуальном праве представляет собой, с одной стороны, неотъемлемый атрибут правовой нормации, имеющий под собой системные причины, а с другой, – недостаток права, который нуждается в устранении. Проявляясь в различных формах – от неясности текста нормы права до неточности или неполноты формулировок, данный феномен демонстрирует сложность и многогранность правового регулирования уголовного судопроизводства и, в частности, его досудебных стадий, требуя дальнейшей научной разработки с целью минимизации негативных последствий для правоприменения, направленного на реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2006. 211 с.

2. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 89–91.

3. Алексеева Л. Б. Уголовно-процессуальные нормы : понятие и структура // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 28. С. 72–75.

4. Осипов Ю. К. К вопросу о соотношении уголовно-процессуального права и следственной тактики // Правоведение. Л., 1973. № 6. С. 102–105.

5. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции. М., 1986. 267 с.

6. Баранов В. М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция : логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Н. Новгород, 2007. С. 54–58.

7. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 63–65.

8. Баранов В. М. Тенденции развития законодательства в современной России // Государство и право. М., 2011. № 12. С. 30–33.

© Платонова Е. И., 2026
© Ендольцева А. В., 2026

УДК 343.1

Погорелова К. Р. – адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, г. Санкт-Петербург);
Научный руководитель:
Чабукиани О. А. – начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

ВНЕДРЕНИЕ ПРОГРАММ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В ЮВЕНАЛЬНУЮ ЮСТИЦИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

IMPLEMENTATION OF RESTORATIVE JUSTICE PROGRAMS IN JUVENILE JUSTICE FOR PUBLIC PROSECUTIONS

Аннотация. Статья посвящена реализации элементов восстановительного правосудия по уголовным делам публичного обвинения с участием несовершеннолетних. Автором анализируется судебная статистика осужденных несовершеннолетних, совершивших преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Утверждается, что снижение возраста уголовной ответственности за совершение диверсии, не является эффективным с точки зрения достижения целей уголовного наказания. Автором предлагается использование программ восстановительного правосудия как вспомогательного элемента к уголовному наказанию. Обосновывается, что именно внедрение элементов восстановительного правосудия в ювенальную юстицию будет способствовать воспитанию и социальной интеграции.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, несовершеннолетние, воспитание, профилактика, диверсия, террористический акт.

Abstract. The article is devoted to the implementation of elements of restorative justice in criminal cases of public prosecution involving minors. The author analyzes the judicial statistics of convicted minors who committed crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state. It is argued that lowering the age of criminal responsibility for committing sabotage is not effective in terms of achieving the goals of criminal punishment. The author proposes the use of restorative justice programs as an auxiliary element to criminal punishment. It is substantiated that the introduction of elements

of restorative justice in juvenile justice will contribute to education and social integration.

Keywords: restorative justice, minors, education, prevention, sabotage, terrorist act.

Вектор гуманизации уголовного процесса способствует развитию концепции восстановительного правосудия в России. Все больше уделяется внимание как в научных сообществах, так и в практической деятельности вопросам развития дружественного правосудия к ребенку, а также поиску альтернатив традиционному правосудию в целях полного обеспечения прав и интересов потерпевших от преступлений лиц.

Восстановительное правосудие ориентировано на восстановление нарушенных отношений, возмещение вреда, а также ресоциализацию лиц, совершивших общественно опасное деяние. Особенно актуальным представляет внедрение программ восстановительного правосудия в ювенальную юстицию. Совершение несовершеннолетними преступлений является сигналом для государства и общества о несовершенстве функционирования определенных сфер жизни общества.

Однако те преступления, которые совершаются несовершеннолетними лицами в последнее время, требуют повышенного внимания государства и принятия жестких мер со стороны правоохранительный и судебных органов, образовательных организаций органов публичной власти и институтов гражданского общества. Для иллюстрирования ситуации, можно привести достаточное количество примеров из практики, когда преступления террористической и экстремистской направленности совершаются несовершеннолетними.

Так, в Волгоградской области трое несовершеннолетних обвиняются в организации и совершении диверсии группой лиц по предварительному сговору, повлекшей причинение значительного имущественного ущерба [1]. Подростки руководствовались корыстными мотивами.

В Архангельской области двое подростков обвиняются в поджоге объектов транспортной инфраструктуры [2]. Кроме того, один из обвиняемых поджег два релейных шкафа. В данном случае несовершеннолетние согласились на совершение преступления с целью получения материальных средств от украинских спецслужб.

Подобные преступления не являются единичными, они имеют место во многих субъектах России [3], [4]. В имеющей тенденции изменения структуры преступности несовершеннолетних сложно говорить о дружественном правосудии, применении альтернатив, внедрении элементов восстановительного правосудия. Вместе с тем совершение подобных преступлений несовершеннолетними может свидетельствовать о необходимости принятия дополнительных мер, помимо назначения уголовного наказания.

Обратимся к данным судебной статистики (рисунок). Заметим, что с 2022 года количество преступлений данного вида возросло, связано это с началом специальной военной операции на Украине, изменением политической обстановки, действиями по распространению радикальных идей в молодежной среде и провокаций в отношении российских граждан. Следует отметить, что изменилась и структура назначаемых наказаний несовершеннолетними. Если в 2023 году лишение свободы назначалось 29 % осужденным, то в 2024 году – 79,3 %. Снизилось количество условно осужденных по данным статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации: в 2022 году 77,3 % несовершеннолетних были условно осуждены; в 2023 году – 61,3 %; в 2024 году – 28,2 %. В качестве основного вида наказания очень редко назначаются иные виды наказания как обязательные исправительные работы, ограничение свободы. Кроме того, единицы освобождаются от уголовного наказания, т. е. несовершеннолетним, совершившим подобные преступления, не назначаются принудительные меры воспитательного воздействия.

	2019	2020	2021	2022	2023	2024	6 мес. 2025
Всего осуждено несовершеннолетних	12	12	16	22	31	39	29
Осуждено к лишению свободы	1	1	1	3	9	23	22
Условно осуждены к лишению свободы	8	9	12	17	19	11	5
Назначен штраф	1	2	3	1	1	1	1
Назначено наказание в виде обязательных работ	0	1	0	0	1	2	1
Освобождены от наказания (не ПММВ)	2	1	0	0	1	0	0

Рис. Количество осужденных несовершеннолетних за совершение преступлений, закрепленных в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»

Говоря о судебном штрафе следует отметить, что он назначаются также в единичных случаях. Анализируя данные судебной статистики, мы выявили, что большинство осужденных несовершеннолетних являются учащимися либо же нигде не работают и не учатся, лишь единицы имеют место работы, что обусловлено их возрастом. Исходя из этого следует, что штраф будет взиматься с родителей несовершеннолетнего лица, совершившего преступление. То есть само лицо, по сути, не несет ответственности, а соответственно вряд ли осознают реальный характер и вред, который он причинил своими преступными действиями.

Таким образом, наблюдается общая тенденция увеличения числа несовершеннолетних, осужденных за данный вид преступлений, и увеличение количество назначения в виде лишения свободы.

Недавние изменения, которые были введены Федеральным законом от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» [6] в уголовное законодательство, расширили перечень преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет. В данный перечень включены преступления диверсионного и террористического характера. Действительно, данные общественно опасные деяния представляют угрозу национальной безопасности страны, а также обществу.

Вместе с тем следует обратить внимание, что лица, осуществляющие расследование по указанным преступлениям в отношении несовершеннолетних, должны обращать пристальное внимание на истинные мотивы совершения подобных общественно опасных деяний.

Несовершеннолетние лица ввиду неокрепшей психики, излишней эмоциональности и юношеского максимализма склонны к уговорам, обману, подкупу, что сподвигает их на необдуманные поступки. Ввиду современной политической обстановки совершению подобных преступлений «предшествует предварительная многоэтапная и профессиональная психологическая обработка личности несовершеннолетнего, в ходе которой он оказывается запрограммированным анонимными подстрекателями именно на такое свое поведение [7, с. 152].

Должностному лицу предстоит выяснить действительно ли преступление совершенно под воздействием идей подрыва национальной безопасности или на несовершеннолетнего было оказано воздействие, либо совершение преступления обусловлено желанием получения материальных средств. Именно данное обстоятельство будет лежать в основе действий лица, осуществляющего расследование, в том числе и по предупреждению совершения дальнейших преступлений.

Следует также обратить внимание на то, что несовершеннолетние лица могут находиться в уязвимом положении, в силу чего легко подда-

ваться влиянию различных факторов, таких как социальное окружение, нестабильная политическая обстановка, проблемы в семье и отсутствие поддержки со стороны близких лиц.

Ранее нами было установлено, что основной причиной совершения преступлений несовершеннолетними лицами является недостаточное воспитание со стороны родителей (законных представителей), образовательных учреждений и общества в целом [8, с. 138]. Неоднократно обращалось внимание на то, что преступление – это сигнал для родителей обратить на ребенка внимание.

Безусловно, уголовное наказание по уголовным делам публичного обвинения террористической и экстремисткой направленности должно быть суровым и справедливым. Тем не менее, следует обращать внимание на необходимость проведения иной работы с несовершеннолетними.

Данная точка зрения подтверждается словами Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина: «залогом успешного предупреждения экстремизма должны являться патриотическое воспитание молодого поколения, эффективная государственная молодежная политика, развитие волонтерского движения с привлечением представителей гражданского общества и молодежи [9]».

Федеральное законодательство также говорит о том, профилактика экстремистской деятельности должна осуществляться путем принятия «воспитательных, пропагандистских, мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности [10]».

Подобного мнения придерживается А. В. Польшиков, говоря о том, что оптимизация мер ранней профилактики диверсий и террористических актов, совершаемых подростками, требует комплексного подхода, который включает в себя образовательные, психологические, и социальные меры, а также активного взаимодействия между субъектами профилактики [11, с. 213]. Аналогичной позиции придерживаются и В. В. Мирончуковская и Б. С. Полтавский [12, с. 151], Т. М. Тхазеплов [13, с. 24].

Способом предупреждения и снижения степени криминализации несовершеннолетних А. Л. Иванова считает в усиление уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних [14, с. 20]. Следует отметить, что данная точка зрения находит свое отражение в недавних изменениях уголовного законодательства.

Соглашаясь с законодателем об установлении пониженного возраста уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности заметим, что применением уголовного наказания нельзя ограничиваться. Потому что, на наш взгляд, целью должно стать именно исправление несовершеннолетнего, чтобы в дальнейшем он не совершал подобных преступлений. Ввиду своего возраста он может не понимать реальный характер общественной опасности осуществляемых им действий.

О применении восстановительного правосудия в ювенальной юстиции многие авторы говорят, когда преступление затрагивает частные интересы лиц. По нашему мнению, по делам экстремистской и террористической направленности элементы восстановительного правосудия также могут быть полезны и выполнять следующие функции:

1. Образовательная, воспитательная функция. Несовершеннолетний в силу возраста может не осознавать характер опасности причиняемых им действий. Задача восстановительного правосудия здесь будет заключаться в обращении к его чувствам, чтобы он осознал, что он сделал. Кроме того, ввиду политической направленности совершаемых в последнее время преступлений, следует обратить внимание несовершеннолетних лиц на отечественную историю, подвиги героев нашей страны. Важно также разъяснять подросткам законодательство в данной области, рассказывать им какие преступления могут скрываться за «безобидными» действиями.

2. Осуществление социальной интеграции. После отбытия уголовного наказания несовершеннолетнему необходимо вернуться в общество, в коллектив сверстников. Школьные службы примирения могут помочь ему избежать конфликтов в коллективе образовательной организации, помочь ему ресоциализироваться, и в целом оказывать поддержку и осуществлять контроль за его поведением.

3. Осуществление поддержки семьи. Как говорилось нами ранее, именно недостатки в воспитании, конфликты в семье, желание быть замеченным являются одной из причин совершения ими преступлений. Службы примирения, медиаторы, а также иные лица, осуществляющие примирительные процедуры, в рамках восстановительного подхода могут работать с семьями с целью налаживания взаимосвязи и укрепления социальных отношений.

Программы восстановительного правосудия могут быть применены еще на стадии предварительного расследования. Видится это следующим образом: получив информацию о преступлении данной направленности, совершенным несовершеннолетним лицом, должностное лицо сообщает в территориальную службу примирения или школьную службу примирения. Службы примирения, осуществляя беседы с несовершеннолетним, его родителями (законными представителями), предоставляют соответствующие материалы в орган расследования или в суд. Помимо этого, работа с несовершеннолетним и его семьей должна продолжаться и после постановления приговора суда, и после отбытия уголовного наказание или иных мер уголовно-правового характера.

В заключении следует отметить, что в настоящей статье предлагается в качестве дополнения к наказанию использовать ряд элементов восстановительного правосудия, которые помогут восстановить разрушенные социальные отношения, будут способствовать осознанию несовершеннолетним

вреда, который он причинил своими действиями, что будет влиять на предупреждение совершение им в дальнейшем преступлений по своему внутреннему убеждению, а не только из-за страха наказания. Это требует комплексного подхода и огромных усилий со стороны государства, общества и правоохранительных органов, а также создания определенных условий, в которых элементы восстановительного правосудия могут быть реализованы.

Библиографический список

1. В Волгоградской области завершено расследование уголовного дела о диверсии, совершенной группой несовершеннолетних // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).

2. В деле о поджоге релейных шкафов в Поморье выявлен новый эпизод // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).

3. В Тульской области возбуждено уголовное дело по факту диверсии, совершенной группой подростков // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).

4. В Челябинске несовершеннолетним предъявлено обвинение в совершении диверсии // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).

5. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 21.11.2025).

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Даньшин М. В., Котяжов А. В., Кочеткова Е. В. К вопросу противодействия вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений против безопасности государства // Разумовские чтения 2024 : к 110-летию начала Первой мировой войны : сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции, Москва, 7–8 ноября 2024 года. М. : ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 151–157.

8. Погорелова К. Р. Медиация как способ гуманной реализации ювенальной юстиции // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3. С. 135–148.

9. Председатель Следственный комитет Российской Федерации выступил на сессии «Бесогон и право» в рамках XI Петербургского международного юридического форума // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).

10. О противодействии экстремистской деятельности (в ред. от 23 июня 2025 года) : федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Польшиков А. В. Проблемы предупреждения фактов вовлечения несовершеннолетних посредством сети интернет в совершение террористических актов и диверсий на территории России // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 210–214.

12. Мирончуковская В. В., Полтавский Б. С. Молодежный и подростковый экстремизм : современный контекст // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 3 (105). С. 142–152.

13. Тхазеплов Т. М. Противодействие экстремизму и терроризму как педагогическая задача образовательных организаций МВД России // Международный научный вестник. 2024. № 9. С. 20–25.

14. Иванова А. Л. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений : современное состояние и тенденции развития // Криминологические чтения : материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию юридического образования в Республике Бурятия, Улан-Удэ, 30 мая – 1 июня 2024 года. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2025. С. 18–22.

© Погорелова К. Р., 2026
© Чабукиани О. А., 2026

УДК 343.265:355.2(470)

Поезжалов В. Б. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРАВОМЕРНОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В СИТУАЦИИ С НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНОЙ

LEGAL BASIS FOR AN ACCOUNT IN A CASE OF NECESSARY DEFENSE

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются положения о правовой природе необходимой обороны и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния, с позиции правовых оснований для постановления оправдательного приговора. Автором высказаны предложения по необходимости внесения соответствующих изменений в текст Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью преодоления существующего положения о применении уголовно-процессуального закона по аналогии.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния, постановление оправдательного приговора, уголовная ответственность.

Abstract. This article examines the legal nature of necessary defense and other circumstances precluding the criminality of an act, from the perspective of the legal grounds for rendering an acquittal. The author proposes appropriate amendments to the Russian Criminal Procedure Code to overcome the current provision on applying criminal procedural law by analogy.

Keywords: crime, elements of a crime, necessary defense, circumstances excluding the criminality of an act, acquittal, criminal liability.

Одним из важнейших положений действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) является понятие о преступлении, которое дано в ч. 1 ст. 14. Законодатель определил, что преступным может быть признано только такое деяние, которое общественно опасно, предусмотрено в уголовном законе, совершено лицом виновно и за данное деяние предусмотрено наказание.

Классическая уже формулировка преступления является основным ориентиром, позволяющим отличить преступное поведение от непреступного. При этом вопрос об уголовной ответственности лежит, как правило, в призме юридического свойства любого преступления, которое находит

свое выражение в составе преступления. Именно наличие в деянии лица всех необходимых признаков конкретного состава преступления является основанием привлечения его к уголовной ответственности.

С позиции уголовного закона и соответственно уголовного права понятия о преступлении и составе преступления не только не идентичны, но и различны по сути. Преступление характеризует деяние виновного лица как явление, а состав преступления раскрывает преступное поведение с позиции его юридических признаков – элементов.

Для любого преступления набор признаков одинаков, а для состава преступления – набор строго индивидуален, поскольку состав преступления конкретен, индивидуален и очерчен законом в статьях Особенной части УК РФ. Эти «очертания» неповторимы и такие «наборы признаков» строго определены. Не все признаки составов преступлений «прописаны» в тексте конкретных норм-преступлений в УК РФ, ряд из них непосредственно в той или иной статье не назван, но может быть выявлен и определен посредством того или иного способа толкования уголовного закона.

Особое место среди норм уголовного закона занимают нормы, предоставляющие гражданам право на реализацию самозащиты. К числу таких норм может быть отнесена норма о необходимой обороне. В ст. 37 УК РФ дается не только понятие о необходимой обороне, но и указываются определенные условия правомерности поведения защищающегося лица.

Норма о необходимой обороне отнесена законодателем к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данное положение дает основания говорить о том, что в случае правомерных оборонительных действий лица речь идет об отсутствии в его поведении признаков преступления. И это естественно, поскольку правомерная защита себя и других охраняемых правом интересов – дозволена и отнесена к общественно полезному поведению (к числу управомочивающих норм), а, значит, не является общественно опасным поведением, т. е. непреступна по своей природе. Поэтому в случае с необходимой обороной мы говорим [1, с. 32] об отсутствии в поведении защищающегося лица такого признака преступления как «общественная опасность».

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики, в том числе обобщений, которые сделаны на самом высоком уровне высшей судебной инстанцией, говорят о том, что подход к данному вопросу не так однозначен. Пленум Верховного Суда Российской Федерации на этот счет пояснил следующее: «в случаях правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны … основанием вынесения оправдательного приговора или постановления (определения) о прекращении уголовного дела является отсутствие в деянии состава преступления» [2]. Правоприменитель в данном случае основывает свои выводы на том, что нет в данном случае того или иного состава преступления в поведении защищающегося лица по которому его можно было бы привлечь к уголовной ответственности.

Однако, как полагаем, это не совсем так, поскольку в поведении защищающегося лица должны быть признаки того или иного состава преступления, например, убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества. Это связано с тем, что защищающийся в состоянии необходимой обороны умышленно причиняет вред посягающему, и вред это настолько тяжек, что требует уголовно-правовой оценки. Но, поскольку условия правомерности причиненного вреда защищающимся были соблюдены, а точнее – защищающийся действовал в рамках, предоставленных ему по закону прав и не вышел за их пределы, то и правоприменитель может сделать вывод о непреступности, т. е. правомерности его действий.

Судебное разъяснение тем не менее не говорит о непреступности действий защищающегося, а определяет его поведение через указание на «отсутствие в деянии состава преступления».

Преступление и состав преступления как уже было отмечено выше разные понятия и их смешение недопустимо. Тогда возникает вопрос: «Почему именно это основание избирает высшая судебная инстанция для оценки действий лица в состоянии необходимой обороны?» Дело в том, что правоприменитель ограничен в своих «ресурсах» в случае необходимости принятия решения о вынесении, в частности, оправдательного приговора в рассматриваемой ситуации.

Основания для постановления оправдательного приговора перечислены в ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Сюда законодателем отнесены: отсутствие события преступления, непричастность к данному преступлению, отсутствие в деянии состава преступления и вынесение присяжными заседателями оправдательного вердикта. Среди данных оснований нет ни одного, которое напрямую относилось бы к природе такого поведения, как правомерные действия лица в состоянии необходимой обороны, а именно – отсутствие признаков преступления.

Полагаем, что данную ситуацию нельзя признать приемлемой, поскольку это нарушает принципы законности и справедливости и говорит о применении закона по аналогии, что недопустимо.

Стоит отметить, что данное положение относится не только к необходимой обороне, но и ко всем другим обстоятельствам, исключающим преступность деяния (ст. 38–42 УК РФ), а также и к ч. 2 ст. 14 УК РФ, которая предусматривает положение о малозначительном деянии.

Думается, что определенным выходом из создавшейся ситуации в целом было бы принятие решения не на правоприменительном, а на законодательном уровне в виде внесения изменений в соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые устранили бы данный пробел.

Библиографический список

1. Поезжалов В. Б. К вопросу о юридической природе необходимой обороны // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 3 (65). С. 30–33.

2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Поезжалов В. Б., 2026

УДК 343.85

Полев М. С. – следователь следственного отдела по г. Когалым следственного управления Следственного комитета России по ХМАО-Югре (Россия, г. Когалым);

Бадамшин И. Д. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

FEATURES OF CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF ACTIVITIES IN COMBATING ILLEGAL MIGRATION

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовно-процессуального регулирования противодействия незаконной миграции в условиях реформирования миграционного законодательства России. Анализируются особенности доказывания по преступлениям, предусмотренным ст. 322.1–322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также процессуальные аспекты реализации мер уголовно-правового характера. Особое внимание уделяется проблемам взаимодействия органов предварительного расследования с миграционными подразделениями и использованию цифровых технологий в доказывании.

Ключевые слова: уголовный процесс, незаконная миграция, предварительное расследование, подследственность, фиктивная регистрация, организация незаконной миграции, доказывание.

Abstract. The article examines the features of the criminal procedure regulation of countering illegal migration in the context of the reform of migration legislation in Russia. The article analyzes the specifics of proving crimes under Articles 322.1-322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the procedural aspects of implementing criminal law measures. Special attention is paid to the problems of interaction between the bodies of preliminary investigation with migration units and the use of digital technologies in evidence.

Keywords: criminal procedure, illegal migration, preliminary investigation, criminal jurisdiction, fictitious registration, organization of illegal migration, proving.

Противодействие незаконной миграции в современных условиях приобретает характер одного из приоритетных направлений уголовной политики России. Федеральным законом 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» организация незаконной миграции отнесена к категории особо тяжких преступлений с максимальным наказанием до 15 лет лишения свободы [1]. Однако усиление репрессивности уголовного закона в контексте целеполагания превентивной деятельности, направленной на минимизацию общего количества рассматриваемых общественно опасных деяний, объективно требует адекватного совершенствования процессуальных механизмов его реализации. Как справедливо отмечается в доктрине, преступность в сфере миграции разнопланова [2, с. 470], что предопределяет сложность процессуальной деятельности, необходимость учета специфики доказывания по различным категориям дел и координации усилий различных правоохранительных органов.

Процессу доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере миграции свойственна определенная специфика, обусловленная самим характером совершаемых противоправных деяний. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 322.1–322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), требует установления целого ряда обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Ключевое значение имеет установление факта незаконности въезда, пребывания или транзитного проезда иностранного гражданина. Для этого необходимо исследовать значительный массив документов: миграционные карты, уведомления о прибытии, отрывные части бланков уведомлений, документы, удостоверяющие личность и др. При этом часто указанные документы либо отсутствуют, либо содержат признаки подделки. В связи с этим важное доказательственное значение приобретают сведения из автоматизированных систем учета.

Доказательственная база по данной категории дел традиционно формируется на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Проверочная закупка, наблюдение, обследование помещений позволяют задокументировать факты фиктивной постановки на учет, организации незаконного пребывания иностранцев. Однако использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном процессе требует строгого соблюдения процедур их передачи следователю, что на практике нередко нарушается, влечет признание доказательств недопустимыми.

Как мы уже ранее констатировали, ужесточение уголовной ответственности за преступления в сфере миграции требует адекватного последовательного применения соответствующих уголовно-процессуальных институтов. Прежде всего, изменение категории преступления влечет применение более строгих мер пресечения. Если ранее по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ (преступление средней тяжести) заключение под стражу применялось лишь при наличии исключительных обстоятельств, то в настоящее время по ч. 2 и 3 указанной статьи (тяжкие и особо тяжкие преступления) избрание меры пресечения в виде заключения под стражу осуществляется на общих основаниях. Вместе с тем следует учитывать, что подозреваемые и обвиняемые по данной категории дел часто не имеют постоянного места жительства на территории Российской Федерации, документов, удостоверяющих личность, легальных источников дохода, что создает риски их сокрытия от следствия и суда. Очевидна необходимость более активного применения заключения под стражу, а также, при непосредственном наличии объективных критериев – домашнего ареста с использованием электронных средств контроля.

Важным нововведением стало установление в ст. 63 УК РФ отягчающего обстоятельства – совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации. Данная норма имеет прямое и существенное процессуальное значение, поскольку обязывает органы предварительного расследования устанавливать и документально подтверждать факт незаконного нахождения обвиняемого на территории Российской Федерации. Требуется направление запросов в миграционные подразделения, истребование сведений о пересечении границы, законности въезда, наличия разрешительных документов. Процессуальное закрепление указанного обстоятельства должно находить отражение в обвинительном заключении и в дальнейшем учитываться судом при назначении наказания.

Эффективность противодействия незаконной миграции во многом зависит от качества взаимодействия между органами предварительного расследования, подразделениями по вопросам миграции МВД России, Пограничной службой ФСБ России, органами прокуратуры. Наиболее типичными проблемами в сфере правоприменительного сотрудничества являются несвоевременное предоставление миграционными органами запрашиваемых

сведений, отсутствие единых автоматизированных баз данных, доступных для следователей в режиме реального времени.

Определенным шагом вперед стала цифровизация миграционного учета. Внедрение государственной информационной системы миграционного учета позволяет получать сведения о въезде и выезде иностранных граждан, их регистрации, постановке на миграционный учет, оформлении патентов и разрешений на работу. Однако доступ следователей к указанным системам технически ограничен, что приводит к необходимости направления межведомственных запросов и, как следствие, затягиванию сроков расследования [4, с. 90].

Важное значение для формирования доказательственной базы имеют сведения из информационно-телекоммуникационных сетей. Часть 2 ст. 322.1 УК РФ в новой редакции в качестве квалифицирующего признака предусматривает совершение преступления с использованием сети «Интернет». Тем самым актуализируется необходимость производства следственных действий, направленных на фиксацию интернет-активности: осмотра сайтов и страниц в социальных сетях, выемки электронных носителей информации, назначения компьютерно-технических экспертиз. При этом сохраняются нерешенные проблемы процессуального закрепления электронных доказательств, обеспечения их допустимости с учетом требований ст. 75 УПК РФ.

Криминалистически значимой информацией по делам рассматриваемой категории также являются сведения о соединениях между абонентами (детализации звонков), данные геолокации, позволяющие установить фактическое местонахождение иностранного гражданина и сопоставить его с адресом регистрации. Получение указанной информации осуществляется в порядке ст. 186.1 УПК РФ, однако требует от следователя понимания технических особенностей работы операторов связи и своевременного направления запросов ввиду ограниченных сроков хранения данных.

Таким образом, необходимо принимать меры по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности в сфере противодействия незаконной миграции.

Во-первых, необходима разработка ведомственных актов, регламентирующих порядок взаимодействия следователей с подразделениями по вопросам миграции, включая обеспечение доступа к информационным ресурсам миграционного учета в электронном виде без необходимости направления межведомственных запросов.

Во-вторых, актуальной является задача методического обеспечения доказывания по делам о незаконной миграции. Высокая латентность данных преступлений, использование организованных форм преступной деятельности, противодействие расследованию требуют разработки типовых программ расследования, алгоритмов использования специальных знаний, тактики проведения отдельных следственных действий.

В-третьих, в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства важно обеспечить процессуальную регламентацию порядка собирания и проверки электронных доказательств по делам о незаконной миграции, включая возможность проведения оперативного осмотра интернет-ресурсов до возбуждения уголовного дела.

От эффективности процессуальных механизмов напрямую зависит результативность борьбы с незаконной миграцией и обеспечение миграционной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. Магнутов Ю. С. Современные криминальные вызовы миграции : институционально-правовые основы противодействия // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1–4). № 3. С. 469–474.

3. Богаткина Р. Ш. Уголовно-процессуальные аспекты деятельности правоохранительных органов по противодействию незаконной миграции : проблемы и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 85–92.

© Полев М. С., 2026
© Бадамшин И. Д., 2026

УДК 343.13

Полякова А. В. – преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

PROBLEMS OF ENSURING CONFIDENTIALITY OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA AND THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN THE PROCESS

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения конфиденциальности данных предварительного расследования и прав участников уголовного процесса. На основе анализа указанных проблем, а также существующей правоприменительной практики и доктринальных позиций, предлагаются направления совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: конфиденциальные сведения, предварительное следствие, участники процесса, права и обязанности, частная жизнь, кибербезопасность, цифровизация, следователь.

Abstract. This article examines current issues related to ensuring the confidentiality of preliminary investigation data and the rights of participants in criminal proceedings. Based on an analysis of these issues, as well as existing law enforcement practices and doctrinal positions, directions for improving current criminal procedure legislation are proposed.

Keywords: confidential information, preliminary investigation, participants in the process, rights and obligations, privacy, cybersecurity, digitalization, investigator.

В современном мире, где информационные технологии проникают во все сферы жизни, вопрос защиты конфиденциальных данных приобретают особую значимость – в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Предварительное расследование содержит множество сведений, доступ к которым ограничен законом: персональные данные участников процесса, доказательства, сведения о частной жизни и т. д.

Проблема заключается в том, что необходимость сохранения тайны следствия нередко вступает в противоречие с правами участников процесса. С одной стороны, утечка данных может сорвать расследование, поставить

под угрозу безопасность свидетелей или исказить картину дела. С другой – чрезмерное засекречивание способно нарушить права подозреваемого, потерпевшего или адвоката.

Правовую основу защиты данных в уголовном процессе составляют несколько ключевых нормативных актов:

– Конституция Российской Федерации (ст. 23–24) гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени.

– Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), в частности ст. 161, прямо запрещает разглашение данных предварительного следствия без разрешения следователя или дознавателя.

– Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует обработку персональных данных, включая те, что фигурируют в уголовном деле.

– Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает общие принципы защиты информации.

Под конфиденциальными данными предварительного расследования следует понимать не только доказательства, но и широкий спектр сведений: информацию о планируемых следственных действиях, персональные данные потерпевших, свидетелей и подозреваемых, сведения о мерах безопасности участников процесса, а также данные оперативно-розыскной деятельности.

Одной из наиболее острых проблем современности стала цифровизация уголовного процесса. Внедрение электронных систем документооборота, таких как ГАС «Правосудие», безусловно, повышает скорость обмена информацией между ведомствами. Однако вместе с этим возникают и новые угрозы: кибератаки на базы данных, несанкционированный доступ сотрудников к материалам дел, утечки при передаче информации. Даже самые защищенные системы не гарантируют абсолютной безопасности – достаточно одного уязвимого звена, чтобы конфиденциальные данные попали в открытый доступ [1, с. 22].

Не менее значимой проблемой является противоречие между гласностью судопроизводства и необходимостью сохранения тайны следствия. Принцип открытости, закрепленный в ст. 10 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 123 УПК РФ, предполагает доступность информации о рассмотрении дел. Однако в досудебной стадии излишняя публичность может нанести вред: публикации в средствах массовой информации или социальных сетях способны повлиять на показания свидетелей, поставить под угрозу их безопасность или исказить общественное восприятие дела еще до вынесения приговора.

Еще одна сложность связана с размытыми границами ответственности. Закон не всегда четко определяет, кто именно обязан обеспечивать конфиденциальность данных: следователь, ведущий дело, сотрудники канцелярии, IT-специалисты, обслуживающие системы хранения, или адвокаты и другие участники процесса. В результате возникает ситуация, когда формально ответственность несут все, а фактически – никто. Это приводит к формальному отношению к защите данных и повышает риск утечек.

Проблемы реализации мер безопасности, предусмотренных ст. 11 УПК РФ и Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», также заслуживают внимания. На практике часто не хватает ресурсов для полноценной защиты участников процесса: смена личности свидетелей остается скорее исключением, чем правилом, а засекречивание данных нередко носит формальный характер. Кроме того, отсутствуют единые стандарты шифрования электронных документов, что делает информацию уязвимой при хранении и передаче.

Особую озабоченность вызывает ограничение прав участников процесса из-за режима секретности. Чрезмерное засекречивание может нарушить права:

– подозреваемого или обвиняемого, затрудняя ознакомление с материалами дела (ст. 217 УПК РФ);

– потерпевшего, ограничивая доступ к информации о ходе расследования;

– адвоката, осложняя подготовку к защите, особенно если доступ к ключевым доказательствам ограничен.

Наконец, неоднозначность судебной практики усугубляет ситуацию. Суды по-разному трактуют, что считать разглашением данных следствия (ст. 310 УК РФ), какие сведения подлежат обязательной защите и как балансировать между публичными интересами и тайной следствия. Это создает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение закона.

Так, например, адвокат В. Черный был осужден по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования. В рамках уголовного дела в отношении его подзащитного он дал подписку о неразглашении сведений, ставших ему известными в связи с участием в деле. Однако в период ознакомления с материалами в порядке ст. 217 УПК РФ без согласия следователя изготовил копии отдельных материалов, касающихся результатов оперативно-розыскной деятельности, и направил их в Федеральную таможенную службу России в виде приложения к адвокатскому запросу.

Суды (включая апелляционную и кассационную инстанции) признали действия адвоката разглашением охраняемой законом тайны предварительного расследования. Они указали, что документы содержали сведения о ли-

цах, выступающих свидетелями обвинения, а были направлены в государственное ведомство, не являющееся органом предварительного расследования. Это привело к тому, что доступ к части материалов дела получили лица, не относящиеся к участникам уголовного судопроизводства.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 29 мая 2025 года № 1246-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черного Виталия Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 части четвертой и пунктом 1 части шестой статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отклонил жалобу адвоката. Суд не усмотрел нарушения конституционных прав В. Черного, указав, что оспариваемые нормы (ст. 310 УК РФ, п. 1 ч. 4 и п. 1 ч. 6 ст. 161 УПК РФ) не препятствуют защитнику знакомиться с протоколами следственных действий и иными документами, которые предъявлялись или должны были предъявляться подозреваемому или обвиняемому. При этом реализация конституционных прав на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь не должна приводить к нарушению прав и свобод иных лиц.

Для устранения правовых пробелов и снижения риска произвольного толкования закона необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство, а именно:

– конкретизировать в УПК РФ перечень сведений, относящихся к тайне следствия – это позволит четко разграничить информацию, доступ к которой должен быть ограничен, и данные, подлежащие оглашению;

– закрепить обязанности должностных лиц по защите конфиденциальных данных на каждом этапе предварительного расследования;

– регламентировать порядок электронного взаимодействия ведомств при обмене материалами уголовных дел, установив единые стандарты шифрования, аутентификации и хранения информации;

– предусмотреть правовые гарантии для участников процесса при использовании цифровых технологий (например, порядок ознакомления с электронными материалами дела, правила фиксации доказательств в цифровой форме) [3, с 90].

Помимо технических и правовых решений критически важны организационные изменения внутри правоохранительных органов. Одним из вариантов решения проблемы можно определить создание специализированных подразделений по кибербезопасности в структуре следственных органов. Такие подразделения могли бы заниматься мониторингом угроз, реагированием на инциденты и профилактикой утечек.

Обучение сотрудников правилам работы с конфиденциальной информацией и основам кибербезопасности помогут снизить риск ошибок, вызванных человеческим фактором. Четкое распределение обязанностей

и санкции за нарушения дисциплины в области информационной безопасности дисциплинируют персонал и заставят более ответственно относиться к своим обязанностям.

Защита конфиденциальности не должна идти в ущерб правам подозреваемых, потерпевших и адвокатов. Для достижения баланса необходимо разработать механизмы частичного раскрытия данных без ущерба для расследования. Например, адвокаты могли бы знакомиться с материалами в защищенных режимах – в специальных помещениях с ограниченным доступом или через защищенные электронные порталы, где отдельные фрагменты документов (имена свидетелей, адреса и т. д.) автоматически анонимизируются.

Потерпевшие имеют право знать о ключевых этапах расследования (возбуждении дела, предъявлении обвинения, продлении сроков и т. д.), не нарушая при этом тайну следствия, в связи с чем, им необходимо обеспечить доступ потерпевших к информации о ходе дела. Участники процесса должны иметь действенный инструмент защиты своих прав – например, возможность оперативно обратиться к руководителю следственного органа или в суд с требованием раскрыть отдельные сведения, не влияющие на ход расследования.

Отсюда следует, что существующая система сталкивается с фундаментальным противоречием: с одной стороны, закон требует сохранения тайны следствия (ст. 161 УПК РФ) для обеспечения эффективности расследования, с другой – необходимо гарантировать конституционные права подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и иных участников процесса.

Ключевые проблемы носят комплексный характер и проявляются на нескольких уровнях:

1. Технологический. Цифровизация уголовного процесса создает новые риски: утечки данных при электронном документообороте, кибератаки на информационные системы, несанкционированный доступ к материалам дел. При этом технические средства защиты (шифрование, аутентификация) внедряются фрагментарно и не всегда соответствуют современным угрозам.

2. Нормативный. Законодательство содержит пробелы и неоднозначности:

– не закреплен четкий перечень сведений, относящихся к тайне следствия;

– размыты границы ответственности должностных лиц за обеспечение конфиденциальности;

– отсутствуют единые стандарты электронного взаимодействия ведомств.

– Организационный. В правоохранительных органах недостаточно развиты:

– специализированные подразделения по кибербезопасности;

– программы обучения сотрудников основам защиты информации;

– механизмы персональной ответственности за утечки данных.

3. Правоприменительный. На практике чрезмерное засекречивание материалов дела может ограничивать:

– право обвиняемого на ознакомление с доказательствами (ст. 217 УПК РФ);

– доступ потерпевшего к информации о ходе расследования;

– возможности адвоката полноценно защищать интересы подзащитного [2, с 46].

Пути решения требуют системного подхода и включат в себя, прежде всего:

– технологическую модернизацию, а именно: внедрение сквозного шифрования, двухфакторной аутентификации, блокчейна для фиксации доступа к материалам дела;

– нормативное совершенствование: конкретизацию перечня конфиденциальных сведений, регламентацию электронного взаимодействия, закрепление обязанностей должностных лиц;

– организационные изменения: создание подразделений кибербезопасности, обучение сотрудников, введение персональной ответственности;

– гарантии прав участников: разработку механизмов частичного раскрытия данных (например, анонимизированных копий документов), упрощение процедур обжалования необоснованного засекречивания;

– адаптацию международного опыта: использование проверенных зарубежных практик (специальные электронные платформы, стандарты шифрования) [1, с 17].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: баланс между конфиденциальностью данных предварительного расследования и правами участников процесса возможен только при комплексном реформировании системы.

Библиографический список

1. Количенко А. А., Мушаков В. Е., Грачева О. А. Особенности обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом участнике уголовного процесса в условиях цифровизации // Полицейская деятельность. 2024. № 4. С. 14–24.

2. Крутиков И. Л. Разглашение данных предварительного расследования: дефекты законодательной техники // Адвокатская практика. 2025. № 4. С. 44–49.

3. Лаврушко Е. А. Проблемы законодательного регулирования обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 2. С. 88–94.

© Полякова А. В., 2026

УДК 343.1

Попова М. В. – адъюнкт адъюнктуры Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ТРАДИЦИОННЫЙ И ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ

APPLICABILITY LIMITS OF THE PRINCIPLE OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA PRIVACY: TRADITIONAL AND ELECTRONIC FORMAT

Аннотация. Статья посвящена вопросу определения границ действия требования о неразглашении данных предварительного расследования во времени. Автор делает акцент на различии в интерпретации законодательной нормы в доктрине и практике, а также предлагает свой взгляд на решение данного вопроса с учетом цифровых реалий судопроизводства.

Ключевые слова: предварительное расследование, конфиденциальность информации, недопустимость разглашения данных предварительного расследования, электронная тайна предварительного расследования.

Abstract. The article is devoted to the issue of determining the scope of the requirement not to disclose the data of the preliminary investigation in time. The author emphasizes the difference in the interpretation of the legal norm in the doctrine and practice, and also offers his own view on the solution of this issue, taking into account the digital realities of legal proceedings.

Keywords: preliminary investigation, confidentiality of information, inadmissibility of disclosure of preliminary investigation data, electronic secrecy of the preliminary investigation.

Вопросы обеспечения конфиденциальности данных предварительного расследования в эпоху цифровой трансформации судопроизводства приобретают острую актуальность, поскольку выступают базисом социальной легитимации нового порядка уголовного производства – электронного. Вместе с тем, до настоящего момента остаются без должного внимания некоторые фундаментальные аспекты реализации данного принципа в традиционном формате, что обличает преждевременность разработки регулирования систем обеспечения безопасности информации в рамках цифрового правосудия и необходимость первостепенного разрешения проблем реализации указанной правовой гарантии в базовой теории уголовного процесса.

Предметом настоящей статьи является определение временных условий действия режима конфиденциальности данных предварительного расследования. В доктрине, законодательстве и практике различаются позиции относительно момента начала и окончания действия в отношении информации режима неразглашения. В частности, В. Е. Евсеенко считает необходимым распространение действия статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] на данные, собранные в ходе доследственной проверки повода к возбуждению уголовного дела. В. Е. Евсеенко предлагает расширить сферу действия правого режима охраны информации, формулируя дефиницию охраняемой законом тайны в уголовном процессе как «особого правового режима обращения информации об обстоятельствах проведения проверки сообщения о преступлении, совершения преступления, о результатах предварительного расследования, частной жизни участников уголовного судопроизводства и иных лиц» [2, с. 19]. Таким образом, и уточняется перечень охраняемой информации и переносится на более ранний этап начало действия ограничений, отвечающих целям охраны сведений.

В текущей редакции статьи 144 УПК РФ в части 1.1. предусматривается право следователя (дознавателя) отобрать подписку о неразглашении данных в порядке 161 статьи уже на этапе предварительной проверки материалов, однако остается неразъясненной коллизия: фактически норма распространяет свое ограничительное действие на информацию о предварительном расследовании в момент, когда расследование как таковое еще не начато. Более того, поскольку у лица на стадии возбуждения уголовного дела еще отсутствует процессуальный статус, оно не предупреждается об ответственности по статье 310 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3], в связи с чем в указанной ситуации институт конфиденциальности утрачивает элемент санкции, а, следовательно, лишается аспекта государственно-правовой охраны.

Спорная ситуация касается и понимания момента окончания действия рассматриваемого режима. Исходя из существа диспозиции «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» запрет на распространение информации должен быть исчерпан с момента перехода процесса на стадию назначения судебного разбирательства или иного вида окончания предварительного расследования, как например, прекращение дела. Однако правоприменительная практика показывает случаи иной оценки временных рамок действия данной статьи. Так, интересен в данном смысле описанный в сети Интернет случай находящегося в производстве уголовного дела в отношении адвоката В. Бузюргина по статье 310 УК РФ. Так, 3 октября 2023 г. в Новосибирской области было возбуждено дело по факту разглашения данных предварительного расследования адвокатом.

Как следует из материалов средств массовой информации: «По версии следствия, в период с 15 августа 2022 г. по 28 апреля 2023 г. адвокат неустановленным образом передал копии материалов уголовного дела П. неустановленному сотруднику акционерного общества «Первый канал» для размещения в выпуске телепередачи «Мужское/Женское», вышедшей 28 апреля 2023 г. и ставшей доступной для просмотра неограниченному кругу лиц. В постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении Владимира Бузюргина отмечалось, что копии материалов дела в отношении П. были получены защитником в порядке ст. 217 УПК РФ в период с 15 августа по 9 сентября 2022 г., а затем переданы в период с 15 августа 2022 г. по 28 апреля 2023 г. неустановленному сотруднику телеканала. При этом дело по обвинению П. было направлено в суд в сентябре 2022 г., а 28 марта 2023 г. по делу был вынесен оправдательный вердикт присяжных» [4]. Более того, в опубликованном в сети последнем слове подсудимого [5] адвокат ссылается на рекомендованные Министерством образования и науки Российской Федерации пособия для подготовки юристов и комментарии к уголовному закону, подтверждающие тезис защиты о том, что действия по распространению сведений, совершенные после окончания расследования дела, не образуют состава статьи 310 УК РФ, а как утверждает В. Бузюргин на момент передачи материалов телеканалу по уголовному делу его подзащитного было окончено судебное следствие и вынесено итоговое решение.

Следовательно, исходя из хронологии повествования, на момент распространения информации о ходе расследования дело уже находилось на стадии судебного производства. Вместе с тем, как отмечает защитник С. Краузе, в рамках судебных прений, состоявшихся в январе 2026 года сторона обвинения подкрепляла свою позицию следующей трактовкой процессуального законодательства: «тайна следствия прекращается со вступлением в силу соответствующего судебного акта, которым заканчивается разбирательство по делу». Указанная позиция вступает в противоречие с мнением Конституционного суда Российской Федерации: «следственная тайна действует … с момента возбуждения уголовного дела и до момента направления уголовного дела с обвинительным заключением (актом или постановлением) прокурору либо прекращения уголовного производства – с момента вынесения соответствующего постановления» [6]. Судебное производство значительным образом отличается от процесса досудебного не только субъектно, но и в принципах своей реализации. Если на момент предварительного расследования вопросы сохранения в тайне сведений о его ходе и результатах ставятся во благо повышению качества собираемых материалов, то, когда дело доходит до судебных инстанций, актуализируется аспект транспарентности производства. Подтверждением тому является наличие в структуре общих условий судебного разбирательства статьи 241 УПК РФ, провозглашающей его гласность.

В связи с указанным обстоятельством, считаем, требование о неразглашении не только утрачивает свой смысл на данном этапе, но и противоречит принципам гласности судебного разбирательства, а также посягает на законные интересы подсудимого. Таким образом, необходимо констатировать, что налицо разночтение буквы закона, вызванное недостаточно доскональной проработкой вопроса обеспечения конфиденциальности данных досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве и доктрине.

Представляется, с учетом необходимых процедурных реформ наиболее целесообразно определять время действия режима конфиденциальности следующим образом: начало действия соотносится с моментом предупреждения следователем о недопустимости разглашения и предупреждения об уголовном ответственности вне зависимости от наличия или отсутствия процессуального статуса; конец действия – окончание предварительного расследования в любой форме (направление уголовного дела в суд, прекращение и др.).

При преломлении традиционных уголовных процедур на цифровой формат судопроизводства возникают дополнительные проблемы в уяснении момента, когда начинается и когда заканчивается действие режима конфиденциальности. В цифровом формате материалы могут оставаться доступными даже после того, как дело ушло в суд. Поэтому вопрос о временных границах действия тайны досудебного производства в условиях электронного документооборота значительно сложнее и требует специального рассмотрения с учетом специфических информационных рисков.

Поскольку данная задача требует глубинного самостоятельного исследования, в рамках указанной статьи представляется целесообразным обозначить необходимость научного осмысления угроз конфиденциальности в условиях глобальной цифровизации уголовно-процессуальных отношений и на его основании разработать механизмы защиты законных интересов участников процесса. Только на основании принципиально новых доктринальных основ возможна формулировка концепции «электронной тайны предварительного расследования» и определение временных условий ее функционирования.

Подводя итог, отметим, что концептуализация признаков, отличающих институт конфиденциальности данных досудебного производства от смежных правовых категорий, таких как защита персональных данных, врачебная и банковская тайна и иные, играет ключевую роль в определении пределов действия режима конфиденциальности, включая его временные границы, что непосредственно влияет на эффективность защиты прав участников уголовного судопроизводства и интересов правосудия в условиях цифровой трансформации.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Евсеенко В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. Наук : 12.00.09. Краснодар, 2016. 31 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Завершились судебные прения по уголовному делу в отношении адвоката В. Бузюргина // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/ (дата обращения: 17.02.2026).

5. Тайна следствия – краеугольный камень // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/ (дата обращения: 17.02.2026).

6. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2022 г. № 77-3157/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Попова М. В., 2026

УДК 343.1

Рахмаджонзода Р. Р. – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент (Таджикистан, г. Душанбе)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН И ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

CRIMINAL PROCEDURE LAW AND ISSUES CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые вопросы изменений и дополнений Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, а также предлагается авторская интерпретация сущности, содержания и самой дефиниции уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, уголовно-процессуальный закон, изменения и дополнения, уголовно-процессуальная деятельность.

Abstract. In the article, the author discusses some issues of amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, and

also suggests the author's interpretation of the essence, content and definition of criminal procedural activities.

Keywords: The Republic of Tajikistan, the Criminal Procedure Law, amendments and additions, criminal procedural activity.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан переживает период качественного обновления. Интенсивность изменений и дополнений действующего уголовно-процессуального законодательства и варианты оптимизации, которые осуществляют законодательный корпус и инициаторы законопроектов, дополнительно подтверждают о необходимости совершенствования отдельных норм и положений закона, где некоторые из норм повторно обновляются.

Как нам представляется, прежде всего необходимо проанализировать изменения и дополнения Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК Республики Таджикистан) с момента его вступления в действие и до 31 декабря 2025 г. включительно. Анализ указанных изменений и дополнений включает в себя как количественные, так и содержательные аспекты внесенных поправок.

За анализируемый период в УПК Республики Таджикистан были внесены изменения и дополнения 31 законами Республики Таджикистан, которые существенно обновили порядка 232 уголовно-процессуальных норм. Из них:

1. **Новые части** – часть IV «Международное сотрудничество в области уголовного производства».

2. **Новые разделы** – раздел XII «Взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с уполномоченными органами и должностными лицами иностранных государств».

3. **Новые главы** – глава 48 «Взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам»; глава 49 «Оказание правовой помощи»; глава 50 «Продолжение уголовного преследования»; глава 51 «Выдача лиц»; глава 52 «Признание и исполнение приговоров, постановлений судов иностранных государств».

4. **Новые статьи** – ст. 351 «Порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий»; ст. 881 «Недопустимые доказательства»; ст. 1671 «Восстановление уголовного дела»; ст. 501 «Оплата услуг защитника за счет государства»; ст. 352 «Порядок получения разрешения суда на проведение следственного действия»; ст. 771 «Заключение и показания специалиста»; ст. 1191 «Порядок направления жалобы лица, задержанного или содержащего под стражей».

5. **Статьи в новой редакции** – ст. 88 «Оценка доказательств»; ст. 94 «Порядок задержания подозреваемого»; ст. 203 «Особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего».

6. **Редакционные и технические уточнения статей** – пункты 21, 22, 25, 26, 28, 36, 41, 42, 45–51, 53, 54, 56-59, 61-65, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 94–97, 99, 100, 107, также название двух глав (главы 14 и 22) были существенно доработаны и уточнены [1, с. 67–122].

В основном приведенные изменения и дополнения носят редакционно-содержательный и орфографический характер, также среди них встречаются и существенные нововведения.

Следует также отметить, что количество изменений, вносимых каждым из принятых законов в УПК Республики Таджикистан, различно по содержанию и не имеет однозначной связи с численностью последних, что выделяется в приведенных таблицах. Масштабные правки были в 2011 г. – двумя законами 44 правки (0,88 %), а в 2016 г. – четырьмя законами 33 правки (1,32 %). Исключением не стал и 2021 г. – четырьмя законами внесено 49 правок (1,96 %). Единственный год, в котором в УПК Республики Таджикистан не было введено правок, стал – 2023 г. В общем, 31 законом Республики Таджикистан в текст УПК Республики Таджикистан было внесено порядка 232 изменений и дополнений. В процентном соотношении вышеуказанные правки составляют порядка 6,33 %.

Изменения и дополнения текста УПК Республики Таджикистан, которые касаются как содержания, так и отдельных недостатков, не всегда имеют цель систематизации и конкретизации его основных норм.

Концептуальные основы в реформировании того или иного законодательства порой, а то и часто законодателем не учитываются, и разрабатываются проекты законов без их учета и общего согласования однородных норм. К этой категории законодательных актов можно отнести Закон Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1332 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» [2], который, как нам представляется, в некоторой степени стер границы между делами частного и частно-публичного обвинения [3, с. 109]. Единственным отличием стала норма, которая также указывает на тот шаблонный подход, где в случае примирения пострадавшего лица с обвиняемым и в последующем возмещении нанесенного вреда пострадавшему, производство по уголовному делу прекращается. Также здесь остается открытым вопрос о временном пределе примирения и процессуальном порядке примирения. Подобные требования также были включены в полномочия следователя.

Здесь необходимо отметить, что законодатель в соответствии с Законом Республики Таджикистан от 23 ноября 2015 г. № 1229 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» впервые установил специальное уточнение по факту вступления внесенных поправок в законную силу. Так, ч. 1 и 2 указанного закона

вступят в силу с 27 марта 2016 г., тогда как ч. 3 и 5 закона вступают в действие уже с момента официального их издания.

Частично проанализированные новшества и соответствующие правки в УПК Республики Таджикистан подтверждают отсутствие системного подхода в процессе разработки отдельных норм закона. Редакционная правка УПК Республики Таджикистан еще раз доказывает, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании. Явным примером может быть дополнение относительно дистанционного допроса свидетеля и потерпевшего. В ст. 197 УПК Республики Таджикистан добавили ч. 2 в следующей редакции: «В случае нахождения свидетеля или потерпевшего за пределы республики допрос может быть осуществлен дистанционно с использованием телекоммуникационных систем и электронной почты с составлением протокола, подтвержденного цифровой подписью. Следователь может производить дистанционный допрос в присутствии понятых. Допрос производится с соблюдением требований ст. 199–203 настоящего Кодекса без составления протокола» [4]. Видится явным недоработанность в виде составления протокола или его не составление.

Все это дополнительно объясняется тем фактом, что проведенный нами опрос подтвердил наши опасения. Так, 94 % респондентов в своей профессиональной деятельности пользуются УПК Республики Таджикистан на таджикском языке, 2 % на русском языке, а также 2 % считают, что оба текста противоречат друг другу, остальные 2 % придерживаются иного мнения по данному вопросу [5, с. 238].

Процесс кодификации уголовно-процессуального законодательства, профессор Л. В. Головко характеризует с нескольких позиций. Так, им отмечается, что с одной стороны, речь также идет о достаточно умеренной кодификации, которую в определенном духе можно назвать консервативной и которая выдержана в определенном духе постсоветских уголовно-процессуальных кодексов «первой волны» (1990-х годов). С другой стороны, при разработке нового УПК Республики Таджикистан в значительно большей мере, нежели, допустим Республики Туркменистан, следовал реформаторским тенденциям, прислушивался к мнению зарубежных экспертов и стремился отказаться от советской уголовно-процессуальной инфраструктуры [6, с. 195]. С приведенными обоснованными суждениями приходится согласиться.

И, как нам представляется, центральный вопрос, нуждающийся в уточнении, является определение уголовно-процессуальной деятельности. Применительно к науке и практике отечественного уголовного судопроизводства этот аспект исследования имеет важное значение, так как от него исходит и понятие уголовного преследования как одной из функции в уголовном судопроизводстве.

Данная проблематика недостаточно изучена в уголовно-процессуальной науке России, о чем свидетельствует только пять диссертационных исследований (две докторские и три кандидатские), которые нам стали известны исходя из анализа найденных нами источников.

Первое диссертационное исследование, посвященное общим положениям уголовно-процессуальной деятельности, было защищено в 2002 г. Л. И. Малаховой [7, с. 28]. После достаточно длительного перерыва были защищены две диссертации, посвященные мотивации уголовно-процессуальной деятельности [8, с. 26] и понятию и системе средств уголовно-процессуальной деятельности [9, с. 22], с разницей лишь в два года. Следует отметить, что разноплановость проблематики уголовно-процессуальной деятельности имеет также межотраслевое соединение, на основании которых две последние диссертации были защищены на стыке двух научных специальностей – 12.00.11 и 12.00.09.

В 2015 г. А. А. Крымов защищает докторскую диссертацию, посвященную уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [10, с. 59]. И. Е. Адаменко в 2018 г. защищает также докторскую диссертацию, специально посвященную анализу системообразующим основаниям и компонентам уголовно-процессуальной деятельности [11, с. 55]. В начале 2022 г. О. И. Даровских защищает докторскую диссертацию, посвященную теоретическим, правовым и организационным основам обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности [12, с. 538].

Из всех вышеприведенных диссертаций, развернутое определение уголовно-процессуальной деятельности предлагает Л. И. Малахова. По ее мнению, уголовно-процессуальная деятельность – это система целенаправленных действий отдельных участников уголовного судопроизводства, осуществляемая в пределах, предоставленных им уголовно-процессуальным законом прав и возложенных обязанностей. Далее, ею утверждается, что уголовно-процессуальная деятельность имеет свою структуру, которая представлена внешней и внутренней стороной. Внешняя сторона уголовно-процессуальной деятельности соответствует общей структуре деятельности и включает в себя объект (предмет) деятельности, субъект, цели, задачи, форму, содержание и сам процесс деятельности. Важнейшим компонентом уголовно-процессуальной деятельности является результат, т.е. тот конечный итог, к которому стремился или пришел субъект действия. Во внутренней стороне деятельности выделяют процессуальное доказывание, юридическую оценку фактических обстоятельств дела и логическое доказывание [7, с. 13]. Такого же мнения придерживается и Д. И. Селезнев, что ядро системы средств уголовно-процессуальной деятельности образовывают доказательства и доказывание [9, с. 7].

Исходя из анализа точек зрения ученых-процессуалистов, устоявшихся позиций уголовно-процессуальной науки и реалий правоприменi-

тельной практики, считаем, что основу теоретической модели разработанного нами уголовно-процессуального учения о функции уголовного преследования должно составлять уточнение определения уголовно-процессуальной деятельности.

В контексте уточнения определения, основу наших позиций составили две характерные черты уголовно-процессуальной деятельности: 1) сущность и 2) содержание. Сущность и содержание уголовно-процессуальной деятельности состоят из компонентов, которые в целом раскрывают основное направление деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан.

Следовательно, уголовно-процессуальная деятельность – это предусмотренная уголовно-процессуальным законодательством процедура, основной задачей которой является решение задач уголовного судопроизводства, и регламентирующая возложенную законом обязанность различных субъектов уголовного судопроизводства по раскрытию и расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел.

Библиографический список

1. Сравнительная таблица изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018.

2. О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1332 // Джумхурият. 2016. № 146–149. 28 июля.

3. Искандаров З. Х., Салимзода Т. Н. Некоторые процессуальные правила участия прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел // Правовая жизнь. 2018. № 4 (24).

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 19 июля 2022 г. № 1900 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2022. № 7. Ст. 442.

5. Рахмаджонзода Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан : дис. … д-ра юрид. наук. Душанбе, 2023. Т. 2.

6. Головко Л. В. Современное развитие уголовного процесса в странах бывшего СССР (на постсоветском пространстве) // Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук., проф. Л. В. Головко. М., 2016.

7. Малахова Л. И. Уголовно-процессуальная деятельность : общие положения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.

8. Рязапов Д. Т. Мотивация уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

9. Селезнев Д. И. Средства уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.

10. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015.

11. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность : системообразующие компоненты и основания : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018.

12. Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022.

© Рахмаджонзода Р. Р., 2026

УДК 343.3

Рашидов Б. Н. – начальник кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан, г. Ташкент)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ВОЗБУЖДАЕМЫМ НА ОСНОВАНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

THEORETICAL, LEGAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEEDINGS INITIATED ON THE BASIS OF A VICTIM'S APPLICATION IN ACCORDANCE WITH THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Аннотация. В статье анализируются теоретические, правовые и практические проблемы, связанные с возбуждением и ведением уголовного дела на основании заявления потерпевшего в системе уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан. Особое внимание уделяется порядку возбуждения уголовного дела по заявлению потерпевшего, а также содержанию и значению принципа диспозитивности и института частного обвинения. В исследовании выдвигаются предложения и описываются механизмы, направленные на усиление гарантий обеспечения диспозитивных прав потерпевшего и упрощение процессуальных процедур.

Ключевые слова: уголовный процесс, заявление потерпевшего, диспозитивность, частное обвинение, процессуальные гарантии, возбуждение уголовного дела, примирение, осуществление частного обвинения.

Abstract. The article analyzes the theoretical, legal and practical problems related to the initiation and conduct of criminal proceedings based on a victim's application within the criminal procedural legislation system of the Republic of Uzbekistan. Special attention is paid to the procedure for initiating criminal proceedings upon a victim's application, as well as to the content and significance of the principle of dispositivity and the institution of private prosecution. The study proposes recommendations and mechanisms aimed at strengthening guarantees for ensuring the victim's dispositive rights and simplifying procedural procedures.

Keywords: criminal procedure, victim's complaint, dispositivity, private prosecution, procedural guarantees, initiation of criminal proceedings, reconciliation, implementation of private prosecution.

В рамках концепции современного правового государства одним из основных направлений уголовно-правовой политики остается совершенствование механизмов защиты прав личности. Особое значение приобретает вопрос защиты интересов потерпевшего в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан определяет важные процессуальные основы возбуждения уголовных дел. Эти нормы служат обеспечению баланса между принципами публичности и диспозитивности в уголовном процессе.

Институт возбуждения уголовного дела по заявлению потерпевшего исторически восходит к системе римского права и совершенствовался под влиянием норм шариата и научного ренессанса. В настоящее время он широко применяется в законодательстве большинства государств. Развитие данного института тесно связано с тенденциями обеспечения приоритета прав человека.

В научной литературе существуют различные подходы к понятию потерпевшего. В традиционном понимании потерпевший рассматривается как лицо, которому причинен вред в результате совершения преступления.

Современные криминологические школы рассматривают потерпевшего не только как пострадавший субъект, но и как активного участника системы профилактики преступности.

В Конституции Республики Узбекистан права человека закреплены в качестве высшей ценности, а обязанность процессуальной защиты потерпевшего возложена на государство.

В уголовном процессе также взаимодействуют два принципа: 1) защита публичных интересов; 2) защита личных интересов.

Институт возбуждения уголовного дела по заявлению потерпевшего относится к делам частного обвинения. На первый взгляд он направлен

на защиту личных интересов, однако одновременно служит и защите публичных интересов. Часто обращение потерпевшего с требованием восстановления нарушенных прав, которое служит основанием для начала уголовно-процессуальной деятельности, содержит обвинительный характер и выражает функцию обвинения.

Необходимость начала производства по делу (возбуждения дела), зависящая от воли потерпевшего и предполагающая возможность использования установленного права по собственному усмотрению, относится к содержанию принципа диспозитивности в уголовном процессе. Свобода использования права является проявлением института диспозитивности, который в гражданском праве признается принципом (лат. *dispositio* – распоряжение; англ. *disposition*) [1, с. 140]. Иными словами, это свобода использования процессуальных прав, связанных с возбуждением, движением и прекращением производства по делу с целью защиты прав и законных интересов.

Как принцип «диспозитивность» означает, что возникновение, изменение и прекращение процессуальных отношений непосредственно зависят от инициативы участников спорных материально-правовых отношений, а также предполагает возможность использования ими своих процессуальных прав с помощью суда.

Закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве диспозитивных прав участников уголовного процесса, в частности лиц, защищающих свои интересы, является формой проявления принципа диспозитивности в уголовном процессе. Диспозитивность предполагает наличие прав, и само существование права является основанием для начала деятельности. Соответственно, установление обязательности начала уголовно-процессуальной деятельности во всех случаях противоречило бы содержанию принципа диспозитивности и не соответствовало бы целям уголовного процесса.

Согласно принципу диспозитивности, при возбуждении, продолжении или прекращении уголовно-процессуальной деятельности необходимо исходить из воли лица, чьи права считаются нарушенными, что должно быть закреплено в законе и реализовываться на практике.

Отказ лица требовать восстановления нарушенных прав, а также наличие у него права использовать свою волю в этом вопросе и составляет сущность диспозитивности. Наличие диспозитивных предпосылок в системе оснований начала уголовно-процессуальной деятельности служит предотвращению нецелесообразного, ненужного и нелогичного осуществления процессуальной деятельности.

Кроме того, институт частного обвинения в уголовном процессе представляет собой простую форму разрешения спора между потерпевшим и лицом, совершившим общественно опасное деяние, которая выражает принцип диспозитивности и обеспечивает выполнение задач уголовного процесса посредством сокращенной процессуальной процедуры [2, с. 159].

В действующем уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее – УПК) процессуальный порядок ведения дел частного обвинения не определен в полной мере. В частности, в законодательстве не урегулированы вопросы разъяснения потерпевшему правовых последствий неподачи жалобы по преступлениям, предусмотренным статьей 325 УПК, порядок оформления отказа от подачи жалобы, отношение лица, предполагаемого виновным в совершении преступления, к отказу в возбуждении уголовного дела по данному основанию, а также, что особенно важно, вопросы их правового статуса. Это создает определенные сложности и несоответствия в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов при организации и проведении проверки и принятии законных процессуальных решений.

В действующем УПК правила применения института частного обвинения изложены кратко. В частности, приведены виды преступлений, уголовные дела по которым возбуждаются исключительно на основании жалобы потерпевшего. Установлено, что при отсутствии жалобы потерпевшего, то есть если жалоба вовсе не подана, должно быть отказано в возбуждении уголовного дела либо возбужденное дело подлежит прекращению. Предусмотрена также возможность прекращения дела на основании примирения сторон и установлен порядок производства по делам о примирении [3]. Однако особенности досудебного производства, доследственной проверки, проведения следствия и судебного разбирательства по делам частного обвинения отдельно не регламентированы. Между тем указанные этапы являются стадиями производства, формирующими механизм реализации института частного обвинения, и требуют более детального правового регулирования.

Известно, что дела частного обвинения должны рассматриваться в особом порядке. Однако в современной судебно-следственной практике, ввиду отсутствия специальных норм в УПК, расследование и судебное рассмотрение дел данной категории осуществляется на основе общих правил уголовного судопроизводства, а также в отдельных случаях прекращается на основании примирения сторон. В результате диспозитивные права потерпевших не всегда обеспечиваются в полной мере, а иногда и нарушаются. Существующий порядок производства по делам о примирении также не в полной мере соответствует современным требованиям с точки зрения реализации диспозитивных прав. В этой связи целесообразно закрепить в законодательстве отдельный порядок производства по делам частного обвинения.

Недостаточная регламентация прав потерпевшего при применении института частного обвинения создает предпосылки для возникновения ситуаций, когда по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 325 УПК, даже при отсутствии жалобы потерпевшего или при его нежелании

подавать жалобу различными способами предпринимаются попытки получить такую жалобу либо, наоборот, склонить потерпевшего к отказу от подачи жалобы.

В статье 84 УПК приведены основания прекращения уголовного дела без решения вопроса о виновности. В системе этих оснований закреплено правило о том, что «если уголовное дело может быть возбуждено только по жалобе потерпевшего, то при отсутствии такой жалобы дело подлежит прекращению, за исключением случаев, предусмотренных статьей 325 настоящего Кодекса». Данная норма свидетельствует о существовании института частного обвинения и частично определяет порядок производства. Кроме того, в статье указано, что по отдельным категориям преступлений суд может прекратить дело в особом порядке в связи с примирением потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым. Данная норма также определяет порядок производства и отсылает к механизму применения института частного обвинения, то есть требует соблюдения норм, регулирующих порядок прекращения производства на основании примирения сторон. Вместе с тем следует отметить, что хотя институт примирения и входит в систему института частного обвинения, он представляет собой лишь форму пассивного использования потерпевшим своих диспозитивных прав в уголовном процессе и не охватывает полностью механизм применения института частного обвинения.

Статья 325 УПК носит название «Возбуждение уголовного дела по жалобе потерпевшего» и содержит основные положения системы норм УПК, регулирующих механизм применения института частного обвинения. В данной статье определены виды преступлений, уголовные дела по которым возбуждаются исключительно на основании жалобы потерпевшего, указано, что в жалобе потерпевшего должно содержаться требование о привлечении виновного лица к ответственности. Предусмотрено также, что в исключительных случаях, когда потерпевший по определенным причинам не может самостоятельно защитить свои права и законные интересы, прокурор обязан возбудить уголовное дело и без жалобы потерпевшего. Кроме того, установлено, что по делам о некоторых преступлениях, совершенных работником в отношении юридического лица, в уставном фонде которого отсутствует государственная доля, уголовное дело может быть возбуждено только по заявлению руководителя данного юридического лица, его собственника или уполномоченного органа управления (гражданского истца). Следует отметить, что данная статья посвящена заявлениям лиц как одному из поводов для возбуждения уголовного дела, в частности жалобе потерпевшего (гражданского истца), и поэтому содержит лишь краткие положения. В частности, потерпевший в своей жалобе обязательно должен указать требование о привлечении лица, совершившего преступление, к ответственности. Вместе с тем отсутствие иных требований к содержанию жалобы потерпевшего можно рассматривать как пробел в законодательстве.

В действующем УПК предусмотрено, что по делам о преступлениях частного обвинения доследственная проверка, предварительное расследование и судебное разбирательство осуществляются в общем порядке. Однако известно, что производство по делам данной категории имеет ряд специфических особенностей, вследствие чего на практике возникают определенные проблемы. Например, если потерпевший, первоначально подавший жалобу в состоянии сильного эмоционального возбуждения, впоследствии заявляет о желании отозвать ее; если потерпевший отказался подавать жалобу, но для правильной квалификации деяния необходимо проведение некоторых следственных действий с его участием; либо если после возбуждения дела потерпевший отказывается от обвинения и желает отозвать жалобу. В подобных ситуациях возникают вопросы о необходимости поддержания обвинения от имени государства наряду с частным обвинением. Кроме того, возникает необходимость определения случаев сокращенного производства и в целом упрощенного порядка рассмотрения дел. По нашему мнению, указанные вопросы являются особенностями производства по делам частного обвинения и требуют закрепления отдельного порядка их рассмотрения в законодательстве, подобно законодательству соседних и иных государств [4, с. 94–95].

В статье 333 УПК также содержится отсылочная норма, согласно которой при отсутствии жалобы потерпевшего должностное лицо органа доследственной проверки, дознаватель, следователь или прокурор выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. На первый взгляд может показаться, что проведение доследственной проверки по делам частного обвинения в общем порядке не вызывает существенных проблем. Однако, хотя установление факта совершения преступления либо его отсутствия может осуществляться в общем порядке, возникают сложности при определении того, относится ли конкретное деяние к категории дел частного обвинения. Кроме того, необходимо урегулировать порядок оформления отказа потерпевшего от подачи жалобы без какого-либо давления, а также порядок действий в случаях наличия такого давления или иных обстоятельств.

Институт примирения составляет часть производства по делам, связанным с частным обвинением, и в действующем законодательстве относительно подробно урегулирован. В частности, в статье 582 УПК предусмотрены положения об уголовных делах, рассматриваемых в связи с примирением сторон, в статье 583 – о содержании заявления о примирении, в статье 584 – о порядке направления данной категории дел в суд, а в статье 585 – о порядке проведения судебного разбирательства.

Тем не менее действующий порядок производства по делам о примирении также трудно назвать полностью совершенным, поскольку при применении института примирения возникают отдельные вопросы, которые дают основания для такого вывода. Представляется целесообразным остановиться на некоторых из них.

В следственной практике по уголовным делам, которые могут быть прекращены на основании примирения, несмотря на выполнение всех условий, установленных законом, институт примирения нередко не применяется из-за того, что лицо, объявленное в розыск, не может явиться в суд, тогда как его участие в судебном заседании является обязательным. В подобных случаях целесообразно создать возможность рассмотрения дел о примирении в суде и без непосредственного участия такого лица.

Если в ходе судебного заседания по делам о примирении устанавливается факт отказа от возмещения причиненного ущерба, суд выносит определение о направлении дела прокурору для проведения расследования в общем порядке. На первый взгляд данное положение не вызывает сомнений в своей правильности. Однако отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве общих норм, регулирующих порядок определения характера и размера ущерба, причиненного преступлением, создает условия для выдвижения некоторыми потерпевшими необоснованных и незаконных требований различного характера. В частности, встречаются случаи, когда потерпевший требует одновременно возмещения как материального, так и морального вреда, а также удовлетворения иных интересов. Например, после направления уголовного дела в суд для прекращения на основании примирения потерпевший в ходе судебного разбирательства, не отказываясь от заявления о примирении, выдвигает дополнительные условия: оказание определенных услуг, приобретение дорогостоящих вещей, содействие в решении отдельных вопросов, связанных с материальными затратами, и тому подобное. По нашему мнению, в подобных случаях целесообразно решать вопрос о возмещении ущерба на стадии досудебного производства, а также ввести практику письменного подтверждения факта возмещения ущерба на основании соглашения сторон.

Следует также отметить, что действующее законодательство предусматривает возможность применения института примирения лишь судом первой инстанции. Однако даже если у потерпевшего возникает желание примириться с осужденным после вступления обвинительного приговора в законную силу либо позднее, суд, исходя из требований закона, не может применить примирение. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть возможность применения института примирения и после вынесения приговора, а также в судах вышестоящих инстанций.

Дела частного обвинения по характеру возникающих общественных отношений охватывают преступления, связанные с причинением вреда здоровью, нарушением половой неприкосновенности и свободы, унижением чести и достоинства личности, нарушением неприкосновенности жилища, а также нарушением имущественных прав. Исходя из этого, особенности проверки требуют их осуществления в четырех различных формах. Характер доследственной проверки также зависит от момента поступления сообщения о совершенном преступлении.

В практике проведения доследственной проверки по делам частного обвинения возникают следующие проблемы:

– невозможность установить личность потерпевшего или его местонахождение;

– отказ потерпевшего не только от подачи жалобы, но и от прохождения экспертного обследования;

– подача потерпевшим жалобы первоначально в состоянии эмоционального возбуждения и последующее желание отозвать ее спустя некоторое время.

Уголовные дела частного обвинения, как правило, связаны с тремя основными направлениями общественных отношений, и их расследование соответственно осуществляется по трем различным направлениям. Преступления, связанные с причинением телесных повреждений, расследуются отдельно; преступления сексуального характера – отдельно; а дела о оскорблении и клевете имеют свои особенности и требуют специфического порядка расследования.

По делам частного обвинения обвинение и вынесение обвинительного приговора возможны лишь в том случае, если потерпевший последовательно поддерживает обвинение до конца. Отсутствие у потерпевшего права отозвать свою жалобу нередко приводит к тому, что лица, ответственные за разрешение дела, вынуждены обходить требования закона. Данные обстоятельства, в свою очередь, обусловливают необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство по делам частного обвинения, в соответствии с современными требованиями, полного отражения в законодательстве диспозитивных прав потерпевших, а также внедрения эффективных механизмов производства по делам данной категории [5, с. 89–94].

Особенности применения института частного обвинения в судебной практике наиболее ярко проявляются при прекращении уголовных дел на основании примирения сторон. Однако при рассмотрении в суде дел о преступлениях, не подлежащих примирению (например, изнасилование), возможны случаи отказа потерпевшего от обвинения. В таких ситуациях единственным возможным решением становится вынесение оправдательного приговора. В условиях существующего законодательного пробела при рассмотрении дел частного обвинения в суде иногда имеют место случаи оказания воздействия со стороны государственного обвинителя, а иногда и со стороны суда, на потерпевшего (гражданского истца) с целью недопущения его отказа от показаний или обвинения.

Для устранения пробелов в законодательстве, связанных с применением института частного обвинения, и решения проблем, возникающих на практике, необходимо учитывать следующее:

1. Отменить обязательность проведения расследования по делам частного обвинения и предусмотреть порядок принятия необходимых организационных мер для рассмотрения жалобы потерпевшего непосредственно в суде, а также порядок представления в суд собранных необходимых материалов.

2. В случаях проведения расследования оно должно осуществляться в общем порядке, однако лицо, проводящее расследование, не должно обладать правом оценки доказательств и принятия решений по существу дела. По итогам расследования лицо, осуществляющее частное обвинение, должно представить в суд обвинительный акт или обвинительное заключение вместе с материалами дела.

3. Судебное разбирательство должно осуществляться в порядке, сходном с действующим, однако после назначения даты рассмотрения дела до начала судебного разбирательства стороны обвинения и защиты должны иметь право собирать необходимые сведения (доказательства) для защиты своих интересов и представлять их суду. Кроме того, необходимо установить порядок проведения сокращенного судебного разбирательства в случае признания вины.

В заключение следует отметить, что система производства по уголовным делам на основании заявления потерпевшего является важным институтом современного уголовного процесса. Внедрение эффективных механизмов применения данной системы способствует защите прав человека, повышению эффективности судебного разбирательства и обеспечению социальной справедливости.

Библиографический список

1. Ўзбекистон юридик энциклопедияси / Нашр учун масъул Р. А. Муҳитдинов ва бошқ. Т. : Адолат, 2010. Б. 140.

2 Рашидов Б. Анализ диспозитивных норм в уголовно-процессуальном законодательстве // Современные проблемы развития уголовно-процессуального права, 2023. 1(1). С. 158–165 // InLibrary. URL: https://inlibrary.uz/index.php/(дата обращения: 28.02.2026).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 22 сентября 1994 г. № 2013–XII // InLibrary. URL: https://lex.uz/docs/-111460 (дата обращения: 28.02.2026).

4. Рашидов Б. Н. Развитие частного обвинения в качестве отдельной формы обеспечения правосудия в уголовном процессе (Жиноят процессида одил судловни таъминлашнинг алоҳида шакли сифатида хусусий айбловни ривожлантириш) // Правовой мир. Научно-практический журнал. № 1. Сентябрь. 2022 г. Ташкент, 2022. № 1. Б. 94–95 // Huquqiy OLAM. URL: https://drive.google.com/(дата обращения: 28.02.2026).

5. Рашидов Б. Н. Проблемы, связанные с механизмом применения института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве

(Жиноят-процессуал қонунчиликдаги хусусий айблов институтини қўллаш механизми билан боғлиқ муаммолар) // Вестник Академии МВД Республики Узбекистан. 2020. № 1. Б. 89–94 // Huquqiy OLAM. URL URL: https://drive.google.com/(дата обращения: 28.02.2026).

© Рашидов Б. Н., 2026

УДК 343.98.06

Рябчиков С. А. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа);
Марушко А. В. – адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (Россия, г. Москва)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ИЗОБРАЖЕНИЯ И (ИЛИ) ГОЛОСА (DEEPFAKE)

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED USING BIOMETRIC DATA: IMAGES AND (OR) VOICES (DEEPFAKE)

Аннотация. В статье рассмотрено понятие и сущность технологии дипфейк (deepfake), а также особенности преступных деяний, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Авторами проанализированы основные элементы криминалистической характеристики таких преступлений, их характерные черты. Новизна исследования заключается в систематизации механизма совершения преступлений, в ходе осуществления которых использовалась технология дипфейк.

Ключевые слова: дипфейк, киберпреступность, криминалистическая характеристика преступлений, механизм совершения преступления, противодействие ИТ-преступлениям.

Abstract. The article examines the concept and essence of Deepfake technology, as well as the features of criminal acts committed with the help of information and telecommunication technologies. The authors analyzed the main elements of the forensic characteristics of such crimes and their characteristic features. The novelty of the study lies in the systematization of the mechanism of committing crimes, during the commission of which deepfake technology Deepfake.

Keywords: deepfake, cybercrime, criminalistic characteristics of crimes, crime commission mechanism, countering IT crimes.

Современный мир сегодня – это цифровизация всех процессов, протекающих в жизни общества и государства. Информационно-телеком-муникационные технологии (далее – ИТТ) создают новые возможности и перспективы развития: экономия времени, обширность источников при поиске, возможность обрабатывать и анализировать большой объем информации, облегченный способ покупок, обучение в дистанционном формате и многое другое.

Актуальность исследования темы обусловлена стремительным развитием информационных систем, применяемых различными субъектами правоотношений, и формирующимися угрозами, связанными с уязвимостями и целевыми атаками на объекты информационно-технического взаимодействия.

Обеспечение безопасности человека, общества и государства от различных преступных проявлений является приоритетным направлением развития Российской Федерации. Так, Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 «О стратегии научно-технического развития страны» задает направление для научно-технической поддержки реализации важнейших задач и национальных приоритетов, определенных в планах стратегического развития страны, где одним из аспектов безопасности личности является создание условий, при которых невозможно использование персональных данных и документов, удостоверяющих личность, для совершения преступлений [1].

Биометрические данные личности – одно из ведущих направлений стратегии информатизации общества, которые используются во многих сферах жизнедеятельности человека сегодня. Федеральный закон, принятый 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу отдельных законодательных положений законодательных актов Российской Федерации», послужил предпосылкой создания государственной цифровой платформы единой биометрической системы (далее – ЕБС) [2].

С помощью данной системы можно получать государственные и коммерческие услуги дистанционно и очно. Как следует из информации, размещенной на портале «Госуслуги», в ЕБС используется три типа биометрии: подтвержденная, стандартная и упрощенная. Подтвержденная биометрия позволяет пользоваться юридическими услугами, например, получить кредит, открыть счета в банке онлайн. Стандартная биометрия позволяет получать государственные и иные услуги, например, оформить карту болель-

щика без посещения Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ), оплачивать товары и услуги до 5 000 рублей, дистанционно заключать договор мобильной связи. С помощью упрощенной биометрии возможно оплачивать товары и услуги на сумму до 2 500 рублей или проезд в общественном транспорте, а также бесконтактно проходить в офис. Именно благодаря ЕБС люди могут совершать различные сделки, вступать в правоотношения, оплачивать товары и услуги дистанционно, не выходя из дома.

Биометрия всегда при себе – ее невозможно потерять, сломать или уничтожить, что говорит о ее надежности при использовании человеком в его обычной жизни. Вместе с этим возникают серьезные угрозы и вызовы, создающие благоприятные условия для совершения преступлений в информационной среде посредством фальсификации биометрических данных человека. Так, например, в 2021 году в Зеленограде было возбуждено уголовное дело по факту списания денежных средств с банковской карты с использованием верификации по голосу [3]. Для достижения цели мошенники попросили ответить утвердительно или отрицательно на вопрос: «Согласны ли Вы заблокировать счета карт, с которых были попытки списаний неизвестными?». После получения утвердительного ответа на заданный вопрос, на банковский счет потерпевшего были перечислены денежные средства, далее произошло их незамедлительное списание вместе с личными средствами [4]. Данный пример наглядно демонстрирует использование таких биометрических данных, как голос для совершения преступного деяния (мошенничества) с применением одного из способов фальсификаций биометрических данных человека.

На сегодняшний день мы сталкиваемся с относительно новым явлением в правовой сфере – технологией «дипфейк» (deepfake). Общепринятое толкование понятия «дипфейк» (deepfake), используемое в энциклопедиях, представляет собой происхождение от двух иностранных слов: «deep learning» – «глубокое обучение» и «fake» – «подделка».

Свиридова Е. А. считает, что дипфейк, создаваемый в результате использования специального программного обеспечения, представляет собой форму синтетических медиа, в которой с помощью искусственного интеллекта создается цифровая копия образа или голоса конкретного человека [5].

Мы считаем, что дипфейк – это одна из современных форм манипуляций людьми, которая создается искусственным интеллектом и позволяет фальсифицировать оригинальные видео или аудиоматериалы, с целью ввода зрителей или слушателей в заблуждение для реализации преступных деяний.

В качестве подтверждения сформулированного нами понятия рассмотрим пример, в котором транснациональная компания потеряла 25,6 миллионов долларов в результате мошенничества, после того как сотрудник ее фи-

лиала в Гонконге был обманут в ходе видеоконференции с помощью дипфейка. Особенность описанной ситуации состоит в том, что это новый формат использования данной технологии – групповой дипфейк. Во время видеозвонка его участники практически не общались с обманутым сотрудником, а в большей степени давали ему указания к действиям.

Для наглядности применения данной технологии рассмотрим пример из гражданско-правовых отношений, где истец – общество с ограниченной ответственностью «Рефейс Технолоджис» (далее – ООО «Рефейс Технолоджис»), а ответчик – общество с ограниченной ответственностью «Бизнес-аналитика» (далее – ООО «Бизнес-аналитика»). Истец, обратившись в арбитражный суд с исковым заявлением, потребовал взыскать с ответчика компенсацию в размере 500 000 рублей за нарушение исключительного права на видеоролик [6].

Гражданский спор состоял в том, что истец – ООО «Бизнес-аналитика» разместил видеоролик, авторство которого изначально принадлежало ООО «Рефейс Технолоджис», однако перед опубликованием эти видеоматериалы были подвержены обработке (техническому монтажу) посредством применения технологии дипфейк, именно этот факт, по мнению ответчика, послужил для него основанием полагать, что созданный видеоролик, при таких обстоятельствах дела, не является объектом авторского права.

Арбитражный суд г. Москвы, исследовав и оценив имеющиеся в деле доказательства, удовлетворил исковые требования истца в полном объеме, основываясь на том, что монтаж исходного варианта видеоролика с применением технических средств, в частности, технологии дипфейк, не является новым видеороликом, более того, добавленные изменения не вносят личный творческий вклад, а следовательно, не представляют предмет авторского права. Более того, соглашение, дающее право на использование указанного сложного объекта, не было заключено между ООО «Рефейс Технолоджис» и ООО «Бизнес-аналитика», и не было выражено иное согласие на его использование. В связи с этим действия ООО «Бизнес-аналитика» по использованию видеоролика нарушают исключительное право ООО «Рефейс Технолоджис» [7].

Таким образом, можно констатировать факт, что технологию дипфейк, в приведенном примере, следует рассматривать именно как дополнительный инструмент обработки видео и аудиоматериалов. Отметим, что данная технология не является способом создания новых видеозаписей, а лишь дополняет и видоизменяет имеющиеся.

Подтверждение приведенному факту можно найти в работе Исакова А. Г., Осина А. В., авторы которой подробно описывают принцип действия технологии дипфейк: «технология, которая использует искусственный интеллект для создания видео, аудио или другого цифрового контента, который кажется аутентичным, но на самом деле является фальшивым. При помощи этой технологии можно очень реалистично заменить

на фотографии или видео лицо одного человека на другое и/или синтезировать речь человека (имитация голоса), имея в распоряжении лишь короткую запись образца его голоса» [8].

Технология дипфейк позволяет использовать биометрические данные человека (речь или изображение) в различных вариантах, при этом сам человек может об этом не знать, поскольку глубокая нейронная сеть самостоятельно способна проанализировать и воспроизвести данные личности для создания видео или аудиозаписи. Именно эта особенность рассматриваемой технологии создает благоприятные условия для преступников, использующих фальсификацию биометрических данных как новый и эффективный способ совершения преступления.

Анализируя судебную практику и положения нормативных правовых актов, можно говорить об актуальной проблеме в данной сфере, связанной с отсутствием правового регулирования понятия «дипфейк», а также об использовании данной технологии при совершении преступления. Для более детального изучения данной проблематики хотелось бы рассмотреть криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых с использованием таких искусственно-созданных биометрических данных, как изображение или голос.

Предметом преступного посягательства являются электронные денежные средства, находящиеся на банковских, кредитных счетах и вкладах у потерпевших лиц, а также персональные данные потерпевшего.

Под обстановкой совершения преступления следует понимать совокупность объективных обстоятельств, при наличии которых осуществляется преступное деяние, а именно особенности (отличительные признаки), характеризующие отдельный состав преступления. Преступное деяние, которое сопровождается фальсификацией биометрических данных личности, совершается в большей степени в интернет-пространстве, в тайне от потерпевших лиц или незаметно для них, то есть потерпевшие даже не подозревают, что их биометрия (голос, изображения, речь) могут быть сфальсифицированы и применимы для реализации преступного деяния.

Искусственный интеллект использует все информационные ресурсы, доступные в открытой сети Интернет, и самостоятельно синтезирует нужный ему контент, однако направление деятельности и конкретную личность определяет все же человек. Для правильной квалификации деяния необходимо установить обстоятельства, которые бы обуславливали противоправность (нарушение норм права), безвозмездность (без компенсации потребительской стоимости) изъятия имущества или использования искусственно созданных биометрических данных человека, конфиденциальность которых нарушена.

Следующим элементом криминалистической характеристики является личность преступника. Следственная практика показала, что большая часть преступных деяний совершается мужчинами в возрасте от 18 до

35 лет, обладающими высокими интеллектуальными способностями и нестандартным мышлением, владеющими профессиональными навыками использования современных технологий, а также знающими принцип работы искусственного интеллекта. Преступникам, совершающим такого рода преступления, свойственны коммуникабельность, расчетливость, цинизм.

Подобные преступления имеют специфичный механизм совершения, который обусловлен особой сложностью, а именно: необходимостью выполнять преступные действия несколькими лицами, то есть преступные деяния, совершенные с ИТТ, осуществляются группой лиц, каждое из которых играет свою роль и выполняет относящиеся к своей роли преступные деяния. Например, одно преступное лицо совершает звонок потенциальной жертве и ведет диалог в нужном контексте, задавая точные вопросы, ответы на которые должны быть утвердительными, тем самым создает необходимые условия для второго преступника, фиксирующего запись голоса потерпевшего. Далее другим лицом осуществляется использование фальсифицированных биометрических данных в преступных целях.

Анализ судебной практики позволил нам сформировать психологический портрет личности потерпевшего, который характеризуется особой наивностью, доверчивостью, склонностью к состраданию. Исходя из описанных особенностей характера потерпевших, можно сделать вывод, что жертвами данной категории преступлений, совершаемых с применением ИТТ, становятся в большей степени женщины в возрасте от 45 до 65 лет, имеющие ярко выраженные виктимные свойства, проявляющиеся в открытости перед преступниками: не скрывают наличие больших сумм денежных средств на своих счетах, заработной платы, успешное финансовое положение. Другой отличительной чертой личности потерпевшего является публичная известность в обществе, наличие особого правового статуса, такого как политический деятель, актер, журналист.

Способ совершения рассматриваемого вида преступления является дистанционный, позволяющий преступнику находиться на территории любой страны, города и при этом совершать преступные посягательства. Интернет-пространство на сегодняшний день является настолько анонимным, что установить личность преступника становится непростой задачей для правоохранительных органов.

На сегодняшний день существует множество способов реализации преступных деяний, сопровождающихся использованием ИТТ, которые в практической деятельности сотрудники органов внутренних дел условно подразделяют на некоторые группы, где метод и тактика совершения преступного деяния совпадают, рассмотрим их на основе судебной практики.

Типичными следами совершения рассматриваемого преступления (механизм следообразования) являются в большей степени цифровые следы, а именно:

– в информационных системах кредитных и некредитных организаций;

– в информационных системах операторов электронных платежных средств (например, электронные кошельки);

– в информационных системах интернет-провайдеров;

– в информационных системах сервисов электронных сообщений;

– на информационных ресурсах электронных торговых площадок;

– в информационных системах операторов подвижной радиотелефонной связи, содержащихся в персональных компьютерах и в пользовательском (оконченном) оборудовании, которое осуществляет подключение к сети подвижной связи;

– информация, хранящаяся в «облачных хранилищах».

Преступления, совершаемые с применением технологии дипфейк, причиняют ущерб собственнику или законному владельцу имущества, вследствие которого наступают негативные последствия морального и материального характера. Иными словами, ущерб, причиняемый в ходе совершения подобных преступных деяний, представляет собой реальное уменьшение имущества (его размера), что влияет на финансовое положение потерпевшего. Помимо этого, возможно причинение ущерба репутации личности, подрыв его авторитета в обществе, а также оказание негативного влияния на имидж известной личности.

Таким образом, в заключение стоит отметить, что значение криминалистической характеристики в категории преступлений, совершенных с ИТТ, в частности, с применением технологий дипфейка, особенно велико, поскольку подробное изучение всех ее элементов охватывает именно специфические и криминалистически значимые типовые черты данного вида преступного деяния, что позволяет спланировать предварительное расследование, а также определить перечень необходимых следственных действий и оперативных мероприятий.

Библиографический список

1. О стратегии научно-технического развития страны : указ Президента от 28 февраля 2024 г. № 145. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу отдельных законодательных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Окружная электронная газета Зеленоградского административного округа. URL: https://www.zelao.ru (дата обращения: 15.02.2026).

4. Рождайкина Е. И. Проблемы защиты биометрических персональных данных при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 378–386.

5. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу № А40-200471/23-27-1448. // Картотека электронных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.02.2026).

6. Компания потеряла $25,6 млн из-за обмана сотрудника по видеосвязи // Habr. URL: https://habr.com/ru/ (дата обращения: 17.02.2026).

7. Свиридова Е. А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР : адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119–123.

8. Исакова А. Г., Осин А. В. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 1 (70). С. 235–242.

© Рябчиков С. А., 2026
© Марушко А. В. 2026

УДК 343.1

Сабырбаева А. Б. – доцент кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент (Республики Узбекистан, г. Ташкент)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

IMPROVING PRE-TRIAL PROCEEDINGS FOR CRIMES COMMITTED IN CYBERSPACE

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы досудебного производства по делам о преступлениях, совершаемых в киберпространстве. Анализируются устаревшие процессуальные механизмы, не позволяющие оперативно изымать цифровые доказательства и блокировать похищенные средства. Предложен комплекс инновационных тактических и правовых решений, включая автоматизацию санкционирования доступа к банковской тайне и методы деанонимизации киберпреступников.

Ключевые слова: киберпреступность, досудебное производство, цифровые доказательства, криптовалюта, следственные действия, деанонимизация.

Abstract. The article examines current theoretical and practical problems of pre-trial proceedings in cases of crimes committed in cyberspace. Outdated procedural mechanisms that do not allow the prompt seizure of digital evidence and blocking of stolen funds are analyzed. A set of innovative tactical and legal solutions is proposed, including automation of authorization for access to bank secrecy and methods for de-anonymizing cybercriminals.

Keywords: cybercrime, pre-trial proceedings, digital evidence, cryptocurrency, investigative actions, deanonymization.

Цифровая трансформация преступности перестала быть исключительно технической проблемой и переросла в глобальную геоэкономическую угрозу национальной безопасности. Скорость технологической эволюции криминальной среды достигла таких масштабов, что мировой финансовый ущерб от посягательств в киберпространстве сегодня исчисляется суммами около 190 тысяч долларов США в секунду [1]. В Республике Узбекистан данный процесс приобрел характер форсированного криминального взрыва, что привело к полной смене криминального ландшафта. Статистические данные свидетельствуют, что в 2024 году доля киберпреступлений в Узбекистане составила 44,4 % от общего числа преступлений. 98 % киберпреступлений связаны с банковскими картами, за четыре года у граждан похитили 1,9 трлн сумов [2].

Главным препятствием на стадии доследственной проверки и предварительного расследования выступает непреодолимый временной разрыв между скоростью действий злоумышленников и неповоротливостью бюрократического аппарата. На практике киберпреступники выводят похищенные средства через каскад транзитных счетов и криптовалютные биржи менее чем за час. В то же время официальная бумажная процедура получения санкции на доступ к банковской тайне и последующая рассылка постановлений по банкам-эмитентам занимает от трех до пяти дней. Этот процессуальный вакуум провоцирует системные нарушения: ради оперативного спасения активов следователи вынуждены действовать в обход закона, блокируя счета по устным телефонным договоренностям с банковскими работниками. Одновременно с этим колоссальная нагрузка приводит к тому, что прокуроры передают свои персональные учетные данные (логины и пароли) от информационной системы «Elektron surishtiruv va dastlabki tergov» следователям для формального утверждения документов, что полностью нивелирует сам институт прокурорского надзора.

Для преодоления выявленного процессуального разрыва необходимо внедрение системы алгоритмизированного межведомственного взаимодействия. Ключевым элементом предлагаемого решения является интеграция в информационную систему «Elektron surishtiruv va dastlabki tergov» специализированного модуля, позволяющего автоматизировать процесс санкцио-

нирования доступа к сведениям, составляющим банковскую тайну. В рамках данной модели следователь формирует проект постановления непосредственно в системе, а прокурор или судья осуществляет его утверждение с использованием матричного штрих-кода (QR-кода), что гарантирует неизменность документа и мгновенную передачу предписания в Центральный банк и коммерческие финансовые организации. Такая автоматизация позволяет сократить срок блокировки сомнительных транзакций с нескольких суток до нескольких минут, что критически важно в условиях высокой волатильности цифровых активов.

В ходе исследования выявлен ключевой правовой пробел, созданный изменениями в уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее – УПК). Закон ввел понятие «цифровых доказательств», но не определил специфических критериев их оценки. Мнение С. В. Зуева [3] о том, что к ним применимы лишь традиционные критерии (допустимость, относимость, достоверность), представляется несостоятельным. Традиционные критерии не учитывают главную особенность цифровых данных – их изменчивость и легкость, с которой они могут быть искажены или уничтожены (случайно или преднамеренно). Вещественное доказательство (например, нож) статично, а цифровое (например, файл) – динамично.

Опираясь на опыт Индии (реформа BSA 2024 года) и Южной Кореи («Техническое руководство» 2007 года), необходимо ввести новый критерий оценки цифровых доказательств – «целостность»», которая означает, что данные (на всех этапах – от извлечения до хранения) не подверглись никаким несанкционированным изменениям. Механизмом обеспечения целостности является применение криптографических методов (в частности, немедленная «фиксация хэш-суммы» оригинала) и «строгая документация». Этот подход согласуется с мнением М. В. Горелова, подчеркивавшего важность «правильности способа фиксации информации», поскольку «малейшие изменения» могут отразиться на достоверности и привести доказательство в непригодность [4; 11].

Важный процессуальный парадокс преступлений, совершенных в киберпространстве, обнаруживается на самом важном этапе – стадии «доследственной проверки». Именно на этом этапе необходимо оперативно собрать важные цифровые доказательства. Однако именно этот этап является самым процессуально неурегулированным. Эффективный алгоритм требует немедленных действий (назначения экспертизы, получения сведений, составляющих банковскую тайну, запросов на крипто-биржи и в НАПП для блокчейн-анализа). Подавляющее большинство этих действий юридически невозможно до возбуждения уголовного дела, что создает правовой вакуум. Допустимое на данном этапе традиционное следственное действие – «осмотр места происшествия» – оказывается концептуально неприменимым. Как справедливо отмечают ученые [5], «традиционные способы

осмотра... уже не подходят», поскольку «место» не физическое, а виртуальное (киберпространство). Предметом исследования становятся не вещественные доказательства, а «цифровые следы», которые можно разделить на «активные» – вводимые пользователем, и «пассивные» – генерируемые программным обеспечением (далее – ПО), для поиска которых требуются совершенно иные методики, а не традиционная криминалистическая техника.

Одна из проблем в следственной практике при расследовании преступлений, совершенных в киберпространстве, связана с определением «места совершения» и, как следствие, «территориальной подследственности». В отличие от традиционных дел здесь возникает «множественность» локаций: местонахождение преступника, скрытого анонимайзерами; местонахождение потерпевшего, его устройства и место наступления последствий (например, банк). На практике, из-за невозможности сразу установить личность подозреваемого, материалы доследственной проверки часто «перенаправляются» в зависимости от места проживания потерпевшего. Эта проблема была временно решена в созданием г. Ташкенте Управления по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий ГУВД (УБПСИТ ГУВД), однако после введения в 2024 году территориальных подразделений данный вопрос «опять стал актуальным» как в столице, так и в областях.

На данную проблему обращено внимание на высшем уровне. В пункте 6 Постановления Президента Республики Узбекистан от 30 ноября 2023 г. № ПП-381 «О мерах по усилению защиты прав потребителей цифровой продукции (услуг) и борьбы с правонарушениями, совершаемыми посредством цифровых технологий» прямо поручено «…внести предложения... предусматривающих совершенствование... основ установления места и способа совершения преступлений посредством цифровых технологий» [6].

Во исполнение данного поручения и в связи с вышеизложенным, для устранения правовой неопределенности и бюрократической волокиты, предлагается следующее авторское определение: *«Ввиду трансграничного характера преступлений, совершаемых в киберпространстве, местом их совершения следует признавать не только место использования технического устройства преступником или место нахождения сервера, но также место нахождения потерпевшего (и/или его технического устройства), где были обнаружены следы преступления и наступили общественно опасные последствия (например, списание денежных средств со счета)».* Данные предложения целесообразно указать в проекте Постановления Пленума Верховного суда «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с хищением чужого имущества, совершенных в киберпространстве».

В ходе оперативно-розыскных мероприятий (санкции прокурора) при задержании подозреваемого и обнаружении у него технических устройств незамедлительно проводится их осмотр. К данному действию привлекается

специалист, который, помимо прочего, осуществляет вход в привязанные аккаунты (например, Google) для полного изъятия всех данных из облачного хранилища и их фиксации на физическом носителе. Хотя, стоит отметить, что это возможно только в том случае, если устройство открыто, в противном случае изъять все данные с хранилища не получится, поэтому на практике назначается судебно-компьютерно-техническая экспертиза, при производстве которой используются специальные программы, позволяющие извлекать данные с устройств. Ряд исследователей, включая А. А. Несмеянова, подчеркивают, что расследование преступлений, связанных с криптовалютой, критически зависит от использования специальных аппаратно-программных средств [7, с. 389]. Инструментами, особенно при работе с мобильными устройствами, являются специализированные комплексы, которые С. Ю. Скобелин классифицирует как «универсальные устройства извлечения» (например, UFED, XRY, MOBILedit и др.) [8, с. 31]. Эффективность этих комплексов подтверждается их функционалом. Существующая практика досудебного производства требует от следователя знаний, которыми он объективно не обладает. Современные программно-аппаратные комплексы, являющиеся «золотым стандартом» криминалистики, делятся на две группы: инструменты «поверхностного» извлечения (как UFED), которые, по мнению К. Е. Демина, позволяют получить доступ к базовым данным (телефонной книге, сообщениям, IMEI/IMSI) [9, с. 46]; и комплексные платформы (как Belkasoft Evidence Center X) [10], предназначенные для глубокого «сквозного анализа» данных одновременно из нескольких источников (компьютеров, оперативной памяти и облачных сервисов).

Было также выявлено, что на стадии доследственной проверки под видом допустимого «осмотра» фактически проводится незаконный «обыск», что создает риск признания всех изъятых доказательств недопустимыми. Кроме того, из-за нехватки специалистов следователи часто проводят осмотр устройств самостоятельно, получая подпись специалиста «спустя некоторое время», что является прямым нарушением статьи 951 УПК и ставит под угрозу допустимость доказательств. К тому же, осмотр, в отличие от обыска, не предполагает принудительного доступа. Однако на практике специалисты для обхода пароля используют «загрузочные диски» (типа Strelec) для входа в систему «в обход» операционной системы или применяют ПО для сброса пароля (Active Password Changer). А данные действия в виде взлома пароля по своей сути являются обыском, а не осмотром. Установлено также, что из-за сжатых сроков специалисты не проводят осмотр, а сразу с помощью ПО типа Acronis делают резервную копию (полный образ) всех данных устройства, включая личные, и передают следователю, что дважды нарушает закон. Такая практика (копирование образа) создает два фундаментальных процессуальных нарушения. Во-первых, по своему характеру «полное», а не «поверхностное» копирование всех данных, включая

личные, по своей сути является «обыском», который, согласно УПК, требует санкции суда и проводится только после возбуждения дела. Во-вторых, это действие полностью «переворачивает» установленную УПК последовательность: закон требует сначала «осмотреть» предмет и лишь затем после осмотра «признать» его доказательством, а не наоборот.

Эта процессуальная «подмена» одного следственного действия другим усугубляется тем, что она также нарушает Закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»). Как справедливо отмечает С. Н. Гордеев, «обыск» не входит в перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а сам порядок ОРМ в киберпространстве «законом не предусмотрен» [11, с. 110]. Таким образом, следователи вынуждены действовать в «серой зоне», прямо нарушая конституционные права личности, которые могут быть ограничены лишь «на основании решения суда». Было также установлено, что при анализе статья 23 Закона Республики Узбекистан 27 декабря 2024 года №З РУ-1015 «О телекоммуникациях» [12] прямо обязывает операторов и провайдеров выполнять указания уполномоченных органов по организации и проведению ОРМ на сетях телекоммуникаций. Однако статья 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [13] содержит прямой запрет на осуществление оперативно-розыскной деятельности любыми другими юридическими и физическими лицами (кроме уполномоченных государственных органов). Следовательно, возникает юридическое противоречие относительно законности возложения на провайдеров функций по проведению ОРМ, когда другой закон им это запрещает.

Основная процессуальная проблема в этой сфере заключается в разграничении понятий «осмотра» и «обыска» применительно к цифровым устройствам. Суть коллизии в том, что «осмотр», по классическому определению (которое дают, например, А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский), предполагает только восприятие объектов, к которым имеется «свободный доступ» [14, с. 73]. Однако можно ли считать доступ «свободным», если данные на устройстве защищены паролем? В. С. Черкасов аргументированно доказывает, что нет. Он проводит прямую аналогию между подбором пароля к устройству и вскрытием физического хранилища (например, сейфа), что уже является характеристикой «обыска». По мнению ученого, когда следователь, исследуя изъятую систему, подбирает пароль, он выходит за рамки «свободного доступа», тем самым ограничивая конституционное право на тайну связи и неприкосновенность частной жизни [15, с. 103].

Стоит также учитывать, что внутри устройства могут храниться и конфиденциальные личные сведения (например, фото/видеоматериалы, личная переписка), которые являются охраняемыми законом конституционными правами личности, а производство их осмотра в ходе обыска является грубым нарушением норм Конституции Республики Узбекистан, предусматривающих в таких случаях получение санкции суда. Все эти пробелы

происходят ввиду отсутствия разграничений между осмотром устройства и его обыском, пределами и участниками их производства.

Как справедливо отметил П. Браун (Brown P.) «с позиций традиционной доктрины полиция вправе обыскать только то, что находится непосредственно при арестованном, т. е. информация на удаленных серверах исследованию не подлежит» [16, с. 567].

Уголовно-процессуальное законодательство четко разграничивает осмотр и обыск. Хотя «обыск может перетекать в осмотр», обратная ситуация – недопустима. При этом сама теория часто не успевает за практикой. Так, мнения ряда ученых о том, что «особое внимание следует уделять осмотру машинных носителей» [17], представляются устаревшими. В век цифровизации основным инструментом преступлений, совершенных в киберпространстве, являются мобильные устройства (телефоны, гаджеты, ноутбуки), работа с которыми обнажает новые правовые пробелы.

Автором выявлена недопустимая и неурегулированная практика, грубо нарушающая конституционные права граждан. Речь идет о «принудительном биометрическом доступе». Выявлено, что должностные лица, обнаружив заблокированный телефон, оснащенный Face ID или Touch ID, действуют по принципу «покажи свое лицо» или «подай мне свою руку» и против воли лица принудительно разблокируют устройство, используя его биометрические данные. Это действие является незаконным, так как сотрудники оформляют его как «осмотр», допустимый на стадии доследственной проверки, хотя по своей сути это является «обыском», который требует судебной санкции и является прямым нарушением Конституции Республики Узбекистан, поскольку лицо принуждают к предоставлению «ключа» своих биометрических данных.

Учитывая, что осмотр является статичным следственным действием (фиксируешь то, что есть), а обыск – динамичным (поиск), а также во избежание нарушения конституционных прав участников уголовного процесса, разрешения путаницы при осуществлении следственных действий, следует разграничить осмотр, проводимый в ходе досудебного производства по преступлениям, совершенным в киберпространстве, от обыска и определить, что обыском будет считаться: поиск и получение электронных данных из заблокированных устройств; извлечение данных с устройства посредством специализированных загрузочных дисков (например, WinPE Strelec); получение доступа к облачным сервисам (хранилищам), аутентификационные данные (или кэш) которых сохранены на исследуемом устройстве; изъятие зашифрованной личной переписки из различных коммуникационных сервисов: электронной почты, аккаунтов в социальных сетях, веб-сайтов, мессенджеров и встроенного раздела «Сообщения»; если для получения электронных данных следует ввести логин и пароль либо использовать иные способы обхода системы (использовать Face ID или Touch ID без разрешения лица); поиск личных данных, находящихся в «Галерее» устройства, а также всех данных, находящихся в закрытом доступе.

Учитывая, что традиционный «осмотр места происшествия» концептуально неприменим к «киберпространству», на практике следователи вынуждены «маскировать» под это действие гораздо более сложные технические манипуляции, что ставит доказательства под угрозу признания их недопустимыми. Проблема в том, что цифровые следы («логи», «кэш») изменчивы и могут быть мгновенно уничтожены. Как справедливо отмечает П. Браун, информация может быть удалена «с помощью удаленного доступа», что требует немедленной изоляции устройства (через «Сумку Фарадея» или изъятие батареи) [18]. Попытка же «включить» выключенное устройство может активировать программы защиты (например, Scrub), которые «полностью уничтожают данные» [19].

В связи с этим, автором разработана с учетом передового зарубежного опыта новая тактика комплексного (физического и виртуального) осмотра электронных носителей, которая состоит из трех обязательных этапов:

Первый этап *«Физическая изоляция»* (для обеспечения сохранности электронных данных). Этот этап требует комплекса неотложных действий: *включенные* мобильные устройства немедленно переводятся в «режим полета» для предотвращения удаленного стирания переписки (например, в Telegram), а в случае невозможности, используется «сумка Фарадея» [20, с. 566] или изымается SIM-карта. *Выключенные* устройства – не включаются, а опечатываются для экспертизы, так как включение может активировать программы самоуничтожения [21, с. 147].

Второй этап *«Виртуальный анализ»,* который проводится с обязательным участием специалиста и направлен на: поиск «инструментальных» следов (через CD-утилиты ищется ПО для атак (.py, .js) или виртуальные машины («Kali»)); анализ «инфраструктурных» следов (через WirelessKeyView и логи устанавливаются подключения к сетям и внешним накопителям); и анализ следов для выявления «скрытых» операционных систем на съемных носителях (ОС Linux/Kali), которые позволяют работать, «не оставляя следов» на основном устройстве.

Третий этап *«Процессуальная фиксация»* (для обеспечения допустимости и целостности полученных доказательств). Каждый шаг должен быть зафиксирован не только в протоколе (с указанием URL, метаданных, EXIF), но и технически. В связи с этим, предлагается закрепить в УПК два обязательных метода фиксации доказательств (помимо видеозаписи): «хэширование» [22, с. 86] (использование ПО (FTK Imager, HashCalc) для получения уникального «отпечатка пальца» файла, который (как отмечают С. Г. Сафонов и А. В. Минбалеев) служит «идентификационным признаком» [23, с. 114]); и «создание образа» (по опыту УПК Беларуси [24]), то есть создание точной копии носителя (через AOMEI, Veritas) для гарантии, что доказательства «не были изменены, подброшены или удалены».

Библиографический список

1. 90+ Cyber Crime Statistics 2025: Cost, Industries & Trends. Astra Security. URL: https://www.getastra.com/ дата обращения: 17.02.2026).

2. Статистика МВД Республики Узбекистан. 2024 // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz › (дата обращения: 17.02.2026).

3. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс : учебник. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016 г. 563 с.

4. Горелов М. В. Электронные (цифровые) доказательства в гражданском судопроизводстве России : вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11.

5. Протасевич А. А., Зверянская Л. П. Интернет-пространство как элемент криминалистической характеристики киберпреступлений // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2012. № 3 (27).

6. О мерах по усилению защиты прав потребителей цифровой продукции (услуг) и борьбы с правонарушениями, совершаемыми посредством цифровых технологий : постановление Президента Республики Узбекистан от 30 ноября 2023 г. № ПП-381 // Государственное учреждение «Национальный правовой информационный центр «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: https://ai.lex.uz (дата обращения: 17.02.2026).

7. Несмеянов А. А. О некоторых особенностях проведения расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют // Образование и право. № 9. 2021. С. 389.

8. Скобелин С. Ю. Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь. 2014. № 20. С. 31–33.

9. Демин К. Е. О проблемах судебной компьютерно-технической экспертизы и путях их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 46–48.

10. Нам доверяют тысячи клиентов по всему миру // Belkasoft®. URL: https://belkasoft.com/belkaseoftx_start (дата обращения: 17.02.2026).

11. Гордеев С. Н. О вопросах осуществления оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет // Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академиясининг ахборотномаси. 2020. № 4. С. 110.

12. О телекоммуникациях : закон Республики Узбекистан 27 декабря 2024 г. № ЗРУ-1015 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/uz/ (дата обращения: 17.02.2026).

13. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/uz/ (дата обращения: 17.02.2026).

14. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Следственные действия в российском уголовном процессе : учебное пособие. СПб. , 2004.

15. Черкасов В. С. Проблема разграничения следственных действий : осмотр и обыск при получении компьютерной информации. Правопорядок : история, теория, практика. № 1 (16). 2018.

16. Brown P. Searches of Cell Phones Incident to Arrest : Overview of the Law As It Stands and a New Path Forward // Harvard Journal of Law & Technology. 2014. Vol. 27. No 2.

17. Егерева О. А., Коломинов В. В., Сизова М. С. Некоторые вопросы методики расследования киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».

18. Brown P. Searches of Cell Phones Incident to Arrest : Overview of the Law As.

19. It Stands and a New Path Forward // Harvard Journal of Law & Technology. 2014. Vol. 27. No 2. P. 566.

20. Коломинов В. В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. С. 147.

21. Brown P. Searches of Cell Phones Incident to Arrest : Overview of the Law As It Stands and a New Path Forward // Harvard Journal of Law & Technology. 2014. Vol. 27. No 2. P. 566.

22. Коломинов В. В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. С. 147.

23. Ермакова Е. С., Джумангалиева Д. М. Электронные (цифровые) доказательства как новое направление в практике расследования преступлений // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 86.

24. Сафонов С. Г., Минбалиев А. В. Понятие и природа электронных (цифровых) доказательств в административном процессе России // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия : Право. 2014. С. 114–117.

25. Уголовно-Процессуальный Кодекс Республики Беларусь 295-З от 16 июля 1999 г. // Законодательство Республики Беларусь. URL: https:// zakony-by.com/ (дата обращения: 17.02.2026).

© Сабырбаева А. Б., 2026

УДК 344.651

Самойлов А. Ю. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОТ ПЕРВЫХ ЭКСПЕРТИЗ ДО СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

THE EVOLUTION OF FORENSIC TECHNOLOGY: FROM THE EARLY EXAMINATIONS TO MODERN TECHNOLOGIES

Аннотация. Предметом исследования является технико-кримина-листическое обеспечение расследования преступлений. Рассматриваются исторические этапы, начиная с конца XIX века, формирование современной криминалистики и ее дальнейшее развитие. Особое внимание уделяется роли технических средств и методов в обеспечении качественного расследования преступлений. Автор детально исследует значение криминалистических знаний и навыков, показывая, как они применяются в судебно-экспертной деятельности. Акцентируется внимание на проблемах интеграции современных технологий в практику правоохранительных органов и необходимости постоянного обновления подходов к сбору и фиксации доказательств. Обозначена необходимость разработки единой стратегии внедрения инновационных технологий в судебно-экспертную деятельность.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, история криминалистики, уголовное судопроизводство, современные технологии, экспертиза, доказательства, предварительное расследование, правоохранительные органы, криминалистическая техника, специальные знания.

Abstract. This research focuses on technical and forensic support for crime investigation. It examines the historical stages, beginning with the late 19th century, the formation of modern forensic science, and its subsequent development. Particular attention is given to the role of technical means and methods in ensuring high-quality crime investigation. The author explores in detail the importance of forensic knowledge and skills, demonstrating how they are applied in forensic work. The author emphasizes the challenges of integrating modern technologies into law enforcement practices and the need to continually update approaches to collecting and recording evidence. The need to develop a unified strategy for implementing innovative technologies in forensic work is highlighted.

Keywords: technical and forensic support, history of criminology, Criminal proceedings, modern technologies, expertise, proofs, preliminary investigation, law enforcement agencies, forensic technology, special knowledge.

Криминалистика выступает важнейшей наукой, активно применяемой в процессе расследования для выяснения конкретных деталей и условий совершения противоправных деяний. Основная цель методов криминалистической экспертизы заключается в выявлении, документировании и последующем анализе доказательной базы, пригодной для уголовного процесса. Данные методики регулярно обновляются и улучшаются, адаптируясь к актуальным условиям и стандартам качества следственной практики. Прогресс криминалистики тесно связан с развитием технического оснащения, играющего ключевую роль в увеличении успешности выявления и раскрытия правонарушений. Современный этап технологического развития требует непрерывного повышения уровня технико-криминалистического обеспечения, добиваясь максимальной эффективности проводимых мероприятий. По мнению ряда ведущих специалистов, таких как А. Ф. Волынский, В. А. Волынский, Г. И. Грамович, П. Т. Скорченко и В. А. Снетков, именно технико-криминалистическое обеспечение представляет собой ключевой фактор успешного противодействия современным видам криминальной активности [13, с. 97]. Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, согласно статистике МВД России за последние пять лет доля преступлений, связанных с использованием новейших технологий, увеличилась почти вдвое, что подчеркивает важность своевременного реагирования со стороны правоохранительных органов [2, с. 84]. Во-вторых, современные виды преступлений требуют принципиально нового подхода к сбору и обработке доказательств, поскольку традиционные методы часто оказываются неэффективными. Наконец, растущая сложность преступлений делает необходимым постоянное обновление и адаптацию техник и методов криминалистического обеспечения.

Научная разработанность вопроса достаточно высока, однако остаются нерешенными некоторые важные задачи. Так, несмотря на значительный вклад таких авторов, как А. Ф. Волынский [7, с. 53–61], который предложил рассматривать технико-криминалистическое обеспечение с точки зрения деятельностного подхода, и В. П. Лавров [11, с. 331–336], предложивший концепцию криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, многие аспекты остаются недостаточно изученными. Среди ключевых вопросов можно выделить проблему интеграции новых технологий в существующую систему криминалистического обеспечения, вопрос стандартизации процедур проведения экспертиз и необходимость адаптации традиционных методов к новым условиям.

Технико-криминалистическое обеспечение является неотъемлемой частью процессов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Наука и техника не стоят на месте, и с каждым днем развиваются все больше. С развитием их происходит и совершенствование способов совершения преступлений, что значительно затрудняет и затормаживает процесс расследования. Процесс обнаружения, собирания, исследования, оценки

и использования доказательств зависит также от развития науки и техники и непосредственно от правильного применения специальных знаний. Практически ни одно уголовное дело не может быть закончено, если в процессе не были использованы специальные знания. Даже законность и обоснованность такого решения, как возбуждение уголовного дела, может зависеть от заключений экспертов. Знания, в целом, необходимы для решения задач, которые возникают в ходе расследования уголовного дела, и они охватывают широкий спектр дисциплин, например, медицина, криминалистика, экономика и др.

Применение криминалистической техники в уголовном расследовании имеет глубокие исторические корни. Например, первые упоминания о судебной медицине как о самостоятельной отрасли были датированы XVII веком. В 1650 году был издан труд Пауля Цахария Майтер, который считался одним из первых систематических подходов к использованию специальных медицинских знаний в правовой практике. В то время специалисты начали привлекаться для определения причины смерти или констатации ее факта, что и стало основой для развития судебной медицины как отдельного направления. Несмотря на то, что первые попытки применения специальных знаний появились давно, не стоит забывать о том, что «проблема применения специальных знаний в уголовном процесса далеко не исчерпала себя в теоретическом и практическом плане» [14, с. 89].

Конец XIX – начало XX века: период значительного прогресса в науках и технологиях, отразившийся и на развитии уголовных процессов. Одним из ключевых нововведений стало внедрение новых методик работы следователей и полицейских, позволяющих эффективнее выявлять и привлекать виновных.

А. Бертильон (1879–1883 гг., Париж) разработал систему антропометрии, ставшую основой первого метода идентификации преступников («бертильонаж»). Вскоре эта методика распространилась и в России, где первое антропометрическое бюро появилось в Санкт-Петербурге в 1890 году.

Параллельно развивался метод дактилоскопии. В августе 1877 года британский чиновник В. Гершель предложил идею идентификации личности по отпечаткам пальцев. Независимо от него примерно в тот же период аналогичную мысль высказывал Г. Фулдс (1879–1880 гг.). Позже, в 1892 году, английский ученый Ф. Гальтон выпустил работу «Отпечатки пальцев», предложив систематизировать этот метод. Уже в 1895 году в Лондоне возникла картотека преступников, основанная на отпечатках пальцев.

Следующей важной инновацией стало использование фотографий для идентификации подозреваемых. Первая фотография подозреваемого появилась в парижской полиции в 1840-е годы, а позднее (1854 г.) практика распространялась дальше. Судебно-фотографическая лаборатория в Санкт-Петербурге начала свою работу в 1889 году благодаря инициативе российского ученого Евгения Буринского.

Австрийский ученый Г. Гросс считается основоположником современной криминалистики. Его книга «Руководство для судебных следователей» (1898 г.) закрепила понятие криминалистики как дисциплины, изучающей способы сбора и оценки доказательств.

В России, несмотря на публикации статей (например, статья «Что такое криминалистика?» в журнале Минюста в 1900 г.), терминология долго оставалась неопределенной. Лишь постепенно, начиная с 1920-х годов, российские ученые (И. Н. Якимов, В. Л. Русецкий и др.) окончательно утвердили криминалистику как отдельную юридическую дисциплину, включающую уголовное расследование, технику и тактику следствия [2, с. 154].

В целом, конец XIX – начало XX веков ознаменовались созданием современных научных подходов и технологий, используемых в борьбе с преступностью, таких как антропометрия, дактилоскопия и фотодокументация. Эти достижения получили широкое международное признание и активно использовались в разных странах.

Развитие криминалистики в Советском Союзе происходило последовательно, отражая общий тренд перехода от узких частных теорий к широкой концепции научного познания. Первые попытки осмысления криминалистики появились в публикациях российских ученых (например, статьи в журнале «Рабоче-крестьянская милиция»). В 1920-е годы формально начинается оформление криминалистики как отдельной учебной дисциплины, появляются специализированные подразделения и кафедры (например, открытие Института криминалистики и судебной экспертизы в Минске в 1929 г.). В 1930-е годы расширяются институциональные структуры и возникают криминалистические лаборатории (например, в Саратове, Москве, Ленинграде). Появляется первый советский учебник по криминалистике (1935–1936 гг.), в котором впервые официально изложены представления о криминалистике как комплексной дисциплине, включающей технику, тактику и методику расследования. Во второй половине 1930-х годов продолжается расширение исследований, разрабатываются новые направления (например, труды И. Н. Якимова, А. И. Винберга, Б. М. Шавера).

Первые шаги в создании специализированных экспертных подразделений относятся к началу XX века. Первоначально они занимались оперативной криминалистикой и регистрацией преступников. После Октябрьской революции 1917 года развитие приостановилось, однако уже в 1944 году в Москве была создана первая специализированная организация, занимающаяся судебными экспертизами. Впоследствии эта структура стала базой для дальнейшего развития экспертно-криминалистической службы. Основные усилия сосредоточиваются на практических мерах по улучшению качества расследований в условиях войны. Например, появляются специальные пособия по криминалистике, используемые на фронтах (работы М. Н. Богатырева, С. А. Голунского, Ю. М. Кубицкого и др.). В послевоенное время

происходит значительное повышение внимания к криминалистике и ее применению в практике правоохранительных органов. Учреждается Центральная криминалистическая лаборатория НКВД (1944 г.), развивается сеть криминалистических лабораторий по всей стране. В 1950-е годы устанавливается единое понимание криминалистики как науки о приемах и средствах обнаружения, фиксирования и исследования судебных доказательств. Этому способствует публикация серии учебников и монографий, среди которых выделяется труд А. И. Винберга (1950 год).

В 1960-е годы под руководством профессора Р. С. Белкина осуществляется комплексная разработка общей теории криминалистики, включающая вопросы методологии, принципов, объектов и методов исследования. Другие важные исследования проводятся такими учеными, как М. С. Салтевский, В. С. Митричев, А. Я. Гинзбург и др. В 1970-е и последующие десятилетия активно продолжается развитие теории и практики криминалистики, формируются современные подходы к процессуальным вопросам, экспертизам и классификации преступлений. Ведущими специалистами становятся ученые вроде А. Н. Васильева, Г. А. Матусовского, А. А. Хмырова, Ю. Г. Корухова и др. Развитие отечественной криминалистики прошло сложный эволюционный путь от зарождения частных теорий и эмпирических наблюдений до полноценной научной дисциплины, оказавшей огромное влияние на эффективность правоохранительных органов Советского Союза и постсоветской России [2, с. 167].

Важным этапом стало создание Всероссийского научно-криминалистического центра (ВНКЦ) в 1989 году. Он объединял ранее разрозненные лаборатории и стал центром координации экспертной деятельности. В 1992 году после распада Советского Союза ВНКЦ был преобразован в Экспертно-криминалистический центр (далее – ЭКЦ) МВД России, ставший головной организацией для всех аналогичных подразделений в стране. Сегодня ЭКЦ представляет собой единую централизованную систему, состоящую из центрального аппарата в Москве и множества региональных подразделений. Центральное подразделение занимается координацией, разработкой методик и проведением сложных экспертиз, тогда как региональные центры обеспечивают выполнение повседневных задач на местах.

В настоящее время технико-криминалистическое обеспечение играет ключевую роль в раскрытии и расследовании преступлений, обеспечивая эффективное применение научно-технических средств и методов. Несмотря на значительный вклад исследователей в разработку его правовой базы и практических подходов, остаются нерешенными важные вопросы, касающиеся четкого понимания его сущности, структуры и путей дальнейшего совершенствования. Различные исследователи предлагают свои интерпретации термина «технико-криминалистическое обеспечение». Р. С. Белкин определяет его как систему криминалистических знаний и навыков, позволяющих эффективно использовать криминалистические средства и методы

в целях профилактики, выявления, раскрытия и расследования преступлений [2, с. 278]. Филиппов трактует понятие как процесс формирования постоянных возможностей для правоохранительных структур эффективно применять криминалистические технологии, а также воплощение этих возможностей в реальных условиях оперативно-розыскной деятельности [10, с. 778]. По мнению В. Т. Карашкевича, речь идет о комплексе подготовительных мероприятий, нацеленных на подготовку сотрудников к своевременному и грамотному использованию криминалистических инструментов и технологий непосредственно на месте события либо в ходе производства обысков. Его концепция подчеркивает важность профессионализма кадров именно в момент практической реализации технических приемов [9, с. 86–93.].

Проведенное исследование позволило предложить технико-криминалистического обеспечения ка единую систему правовых норм, управленческих решений и инновационных технологий, направленную на усиление продуктивности работы правоохранительной системы путем гармоничного соединения теоретических познаний, современного оборудования и квалифицированных специалистов. Такой подход охватывает широкий спектр аспектов, включая научные знания, техническое оборудование и организацию кадрового потенциала.

Таким образом, технико-криминалистическое сопровождение наряду с криминалистическими экспертизами становится необходимым элементом многих юридических процессов. Благодаря таким инструментам удается воссоздать объективную картину событий, выяснить личности причастных лиц, обнаружить подделки и подтвердить либо опровергнуть значимые обстоятельства дела.

Независимо от того, являетесь ли вы юридическим представителем, следователем или частным лицом, помощь опытного эксперта-криминалиста может стать решающей в вашем деле. Чаще всего помощь специалистов-криминалистов необходима при расследовании мошенничества, связанного с использованием поддельных документов; при необходимости идентификации личности по почерку, подписи, голосу, лицу (фото, видео); выявлении признаков монтажа или внесения изменений в аудио- и видеозаписи, фотографии; расследовании киберпреступлений, связанных с взломом систем, утечкой данных, неправомерным доступом к информации; установлении давности изготовления документов для определения юридической силы или факта подлога; идентификации орудий преступления по оставленным следам (отпечатки, вмятины, порезы); установлении механизма образования следов (обувь, транспорт, зубы, инструменты) на месте происшествия; обнаружении и идентификации следов пальцев рук; при возникновении споров, связанных с использованием информационных технологий и цифровых устройств, где требуется анализ электронных следов; при необходимости проверки подлинности и оригинальности объектов искусства, антиквариата; установлении обстоятельств дорожно-транспортных происшествий при

наличии следов шин, тормозного пути, повреждений; выявлении фактов несанкционированного изменения кадастровых данных или документов на землю и т. д. Вопрос признания доказательствами материалов, полученных с применением искусственного интеллекта (далее – ИИ), также представляет особую сложность для современной следственно-судебной практики. Несмотря на масштабное внедрение технологий ИИ в различные области человеческой деятельности, судебная система продолжает сохранять консервативный характер, предполагающий скрупулезное обоснование любых решений. Особую значимость приобретают проблемы, связанные с виртуальным моделированием мест происшествий, а также выявлением фальсификаций, сгенерированных нейросетевыми алгоритмами – в частности, дипфейков. Данная проблематика сохраняет свою актуальность как в рамках российской правовой системы, так и международного опыта, поскольку аналогичные тенденции наблюдаются в правовых системах разных государств.

Существенным барьером выступает неоднозначность в оценке точности и достоверности сведений, генерируемых ИИ-решениями. Даже наиболее продвинутые алгоритмы не застрахованы от погрешностей, обусловленных дефицитом исходных данных либо некорректной калибровкой параметров. В судебной практике исторически приоритет отдается проверенным источникам информации, прошедшим экспертную верификацию, а не автоматизированным системам, функционирующим на основе вероятностных моделей и гипотетических допущений. Помимо этого, отсутствие унифицированных критериев для оценки надежности выводов, сформированных с применением ИИ, существенно осложняет процесс признания подобных материалов в качестве доказательств. Не менее значимым аспектом является вопрос о правовой природе доказательств, полученных посредством ИИ. Следует ли рассматривать такие данные как самостоятельный вид доказательств или же в качестве вспомогательного инструмента, используемого экспертом? Данная дилемма оказывает непосредственное влияние на механизм доказывания и регламент представления доказательств в судебном процессе. Существует мнение, что ИИ не обладает субъективностью, необходимой для формирования самостоятельного мнения, и поэтому его выводы всегда требуют подтверждения человеком-экспертом. Неопределенность в методологии оценки доказательств, полученных с помощью ИИ, создает дополнительные сложности. Нет общепринятых критериев, позволяющих однозначно установить надежность и достоверность вывода, полученного таким способом. Экспертиза, проводимая специалистами, часто носит субъективный характер, что снижает доверие к подобным материалам. Одним из ключевых препятствий становится отсутствие легкодоступного и оперативного метода распознавания такого контента. Современные подходы часто базируются на изучении физико-технических особенностей медиа-материалов, включая частоту смены кадров, качество видеоряда либо характеристики звуковых дорожек. Вместе с тем передовые нейронные сети

демонстрируют способность преодолевать подавляющую долю существующих барьеров фильтрации, формируя практически неотличимые реплики подлинных записей. Для успешной верификации необходим интегрированный подход, объединяющий специализированное оборудование и профессиональные знания эксперта.

Современные технологии идентификации развиваются одновременно с улучшением возможностей нейронных сетей. Сегодня уже существуют специальные программы, способные автоматизировать проверку цифровых файлов на признаки фальсификации (так называемые дипфейки). Тем не менее эффективность этих инструментов зависит от ряда ключевых факторов, среди которых качество исходных данных и характеристики применяемых нейросетей.

Для проведения полноценной и объективной криминалистической экспертизы требуется тщательная подготовка и предоставление эксперту всех доступных для исследования объектов и сопутствующих материалов. Объем и качество предоставляемых сведений существенно определяют надежность и обоснованность заключений экспертов. Следовательно, расширение объема специализированных знаний и инновационные способы их применения, обусловленные достижениями научного и технического прогресса, повышают общую результативность процессуальных исследований по уголовным делам. Ведь технологический рост значительно усиливает потенциал использования специальных знаний. Так, внедрение современных цифровых технологий открыло путь компьютерной экспертизе, позволив глубже анализировать массивы данных и раскрывать скрытые механизмы совершения преступлений и помогает следователям эффективнее фиксировать следы преступления, повышая общий уровень доказанности обвинений. Научные открытия становятся неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. В ближайшее десятилетие можно ожидать разработку роботизированных комплексов для первичной фиксации места происшествия, осуществление предиктивной аналитики, позволяющей предсказывать возможное совершение преступлений на основе анализа большого объема данных, использование биометрии высокого уровня, способной точно определять личность подозреваемого. Но уже сегодня необходимы научные разработки и стандартизация подходов к оценке доказательств, полученных с помощью ИИ, и результатов виртуального моделирования мест происшествий. Вместе с тем развитие технологий идентификации дипфейков и генеративного контента открывает новые горизонты для технико-криминалистического обеспечения, которое в ближайшие годы достигнет значительных успехов в автоматизации и повышении точности сбора и анализа доказательств. Таким образом, комплексные технологические улучшения существенно ускорят процесс расследования правонарушений, снижая нагрузки на правоохранительные структуры и повышая надежность доказательной базы.

Библиографический список

1. Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие / Ф. Г. Аминев [и др.]. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2010. 97 с.

2. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М. : НОРМА, 1999.

3. Белозеров Ю. Н., Рябоконь В. В. Производство следственных действий : учебное пособие. М. : МВД России, 1996.

4. Болвачев М. А. Использование социальных сетей при расследовании преступлений экстремистской направленности : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.12. Калининград, 2022.

5. Бурынин С. С. Уголовно-процессуальные проблемы противодействия рейдерству : монография. М. : Русайнс, 2025.

6. Вершицкая Г. В. Материальные следы как источник криминалистически значимой информации о событии преступления : учебное пособие. Саратов : Поволжский институт управления-филиал РАНХиГС, 2022.

7. Волынский А. Ф. Криминалистика и судебная экспертиза : уроки истории-ориентиры на будущее // Судебные экспертизы в уголовном процессе : теория и практика : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2023 года. М. : Московская академия следственного комитета, 2024. С. 53–61.

8. Иванов П. И. Воспоминания о профессоре В. П. Лаврове // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 107–110.

9. Карашкевич В. Т. Технико-криминалистическое обеспечение производства по делам о грабеже и разбое при осмотре места происшествия и обыске // Вестник науки. 2022. Т. 3, № 11(56). С. 86–93.

10. Криминалистика. Полный курс : учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М .: Юрайт, 2025. 778 с. // Образовательная платформа Юрайт. URL: https:// urait.ru/bcode/568843 (дата обращения: 09.01.2026).

11. Лавров В. П. Некоторые современные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания : правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 мая 2017 года / под ред. И. П. Можаевой. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 331–336.

12. Назырова Н. А. Реализация тактических возможностей проведения предварительной проверки по преступлениям в сфере незаконного образования юридического лица в целях исключения необоснованного возбуждения уголовного дела // Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней : криминалистические аспекты реализации конституционных прав и гарантий человека и гражданина : сборник научных статей по материалам

V Международного научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 26 февраля 2021 года. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 68–73.

13. Смирнов А. А. Криминалистика в условиях изменения парадигмы научно-технологического развития на современном этапе формирования информационного общества : теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Санкт-Петербург, 2025.

14. Сукиасян А. А. Прорывные научные исследования как двигатель науки : сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2020. С. 89.

© Самойлов А. Ю., 2026

УДК 343.148.3

Самородов А. В. – профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

КОМПЛЕКСНАЯ СЕКСОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

COMPREHENSIVE SEXOLOGICAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONTEMPORARY CHALLENGES AND PATHS TO IMPROVEMENT

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные проблемы назначения сексолого-психиатрических экспертиз при расследовании преступлений на сексуальной почве. Рассматриваются вопросы подбора специалистов для экспертизы, выбора формы экспертизы, сбора материалов для экспертизы, формулировки вопросов экспертам, взаимодействия следователя с экспертами.

Ключевые слова: половые преступления, сексолого-психиатрическая экспертиза, вопросы экспертам, специальные знания.

Abstract. This article examines the most common issues associated with ordering sexological and psychiatric examinations in sexual crime investigations. It addresses the selection of specialists for the examination, the choice of examination format, the collection of materials for the examination, the formulation of questions for the experts, and the interaction between the investigator and the experts.

Keywords: sexual crimes, sexological and psychiatric examination, questions to experts, specialized knowledge.

В современной уголовно-процессуальной практике расследование преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности сопряжено с необходимостью оценки сложных психофизиологических и патопсихологических механизмов поведения участников деликта [1, с. 230]. Многоаспектность объекта исследования, включающего как психическую сферу индивида, так и специфику его сексуальности, обусловливает недостаточность применения узкодисциплинарных экспертных подходов [2, с. 96]. Потребность в интеграции знаний из области психиатрии и сексологии диктуется не только сложностью диагностики пограничных состояний, но и необходимостью установления причинно-следственных связей между психопатологическими расстройствами, аномалиями сексуального влечения и противоправным поведением [3, с. 322]. Своевременное и методологически верное назначение комплексных экспертиз на этапе предварительного расследования является ключевым фактором, обеспечивающим полноту, объективность и доказательственную ценность экспертного заключения, а также последующую справедливость судебного решения и эффективность применения принудительных мер медицинского характера [4, с. 52].

Выбор комплексного экспертного исследования, подразумевающего использование познаний в области сексологии, оправдан в целом ряде юридических ситуаций, в первую очередь, связанных с сексуальными преступлениями. Применение сексолого-психиатрической экспертизы на этапе предварительного следствия охватывает несколько ключевых направлений, каждое из которых требует специфической постановки вопросов и методологии исследования.

Диагностика расстройств сексуального влечения и их влияния на поведение обвиняемого. В ситуациях, когда противоправные действия носят повторяющийся характер, направлены на нетрадиционный объект (дети, лица одного пола) или сопряжены с элементами садизма, эксгибиционизма и иных девиаций, возникает обоснованное предположение о наличии патосексологической основы деяния. Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза позволяет не только констатировать наличие аномалий влечения, но и оценить степень их влияния на способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент деликта. Ключевыми вопросами здесь являются: определение болезненного характера расстройства, его связь с конкретным поведением, а также оценка общественной опасности индивида для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера.

Оценка способности к половой активности. В отличие от судебно-медицинской экспертизы, ограничивающейся констатацией анатомо-физиологической сохранности урогенитального тракта, комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза позволяет выявить психогенные и психосексуальные нарушения, препятствующие совершению полового акта. Это особенно

важно в делах, где ставится под сомнение возможность обвиняемого реализовать конкретные действия либо где требуется оценка сексуальной состоятельности потерпевшего. Комплексный подход дает возможность дифференцировать органические, эндокринные и психогенные компоненты импотенции или иных дисфункций.

Идентификация расстройств половой идентичности. Транссексуализм и другие формы инверсии половой идентичности рассматриваются современной психиатрией как патология, относящаяся к сфере психических расстройств. Диагностика таких состояний требует сочетания клинико-психопатологического и сексологического обследования. Установление факта транссексуализма имеет значение не только для решения вопроса о возможности смены паспортного пола, но и для оценки поведенческих реакций индивида в юридически значимых ситуациях, поскольку глубокая деформация самосознания может влиять на регуляцию поведения и способность к адекватному восприятию действительности.

Анализ аутоасфиксиофилии и связанных с ней несчастных случаев. Следственная практика иногда сталкивается со смертельными исходами, внешне напоминающими самоубийство, но на самом деле являющимися результатом неосторожности при реализации аутоэротической практики, направленной на достижение оргазма в условиях церебральной гипоксии (скарфинг). Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза позволяет ретроспективно оценить обстоятельства происшествия, выявить признаки, характерные для данного вида девиантного поведения (специфическое положение тела, предохранительные приспособления, наличие соответствующей атрибутики), и тем самым отличить несчастный случай от суицида.

Комплексная оценка потерпевших (особенно несовершеннолетних). При расследовании сексуальных преступлений важно определить, мог ли потерпевший в силу уровня своего психосексуального развития или имеющихся аномалий правильно понимать характер совершаемых с ним действий, оказывать сопротивление, а также впоследствии давать адекватные показания. Традиционное психиатрическое освидетельствование здесь недостаточно, поскольку именно психосексуальная зрелость (или ее задержка) во многом определяет восприятие и переработку травматического опыта. Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза позволяет оценить как непосредственные, так и отдаленные последствия деликта для психического и сексуального здоровья жертвы.

Необходимо отметить, что на многие из незаданных или неуточненных следователем вопросов эксперты могут отвечать самостоятельно, используя предоставленное им законом право экспертной инициативы. Однако, как свидетельствует правоприменительная практика, право экспертной инициативы используется экспертами не во всех случаях, что может повлечь за собой в дальнейшем следственные и судебные ошибки. Это обу-

славливает необходимость полного и всестороннего формулирования следователем экспертного задания, что является гарантией полноты экспертных исследований и объективности экспертного заключения.

В постановлении о назначении экспертизы обязательно указываются материалы, подлежащие экспертному исследованию. Чаще всего дается общее указание на то, что в распоряжение экспертов предоставляются, наряду с самим испытуемым, материалы уголовного дела. Иногда отдельно перечисляются медицинские или иные документы, например, истребованное из следственного изолятора личное дело обвиняемого, содержащегося под стражей.

При назначении амбулаторной экспертизы постановление следователя и материалы уголовного дела направляются экспертам заблаговременно. После ознакомления с ними, а также с дополнительными материалами, если таковые экспертами запрашивались, на экспертное освидетельствование направляется сам испытуемый. При назначении стационарной экспертизы постановление о назначении экспертизы (и решение суда о помещении в стационар, если обвиняемый не содержится под стражей) вместе с материалами дела могут быть направлены экспертам либо заранее, либо в день прибытия (доставки) испытуемого в стационар. Документы, удостоверяющие личность испытуемого, должны находиться в материалах дела, у самого испытуемого или у сопровождающих его лиц.

Таким образом, проведенный анализ актуальных проблем назначения комплексных сексолого-психиатрических экспертиз на этапе предварительного расследования позволяет сформулировать следующие основные выводы:

– комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза является методологически необходимым инструментом расследования преступлений, связанных с сексуальной сферой, поскольку только интегративный подход позволяет раскрыть механизмы взаимовлияния психических расстройств и аномалий сексуальности;

– эффективность комплексных сексолого-психиатрических экспертиз напрямую зависит от корректной постановки экспертных задач. Вопросы должны быть сформулированы таким образом, чтобы охватывать как диагностический, так и каузальный аспекты (влияние на поведение, прогноз, необходимость лечения);

– законодательно закрепленное право экспертной инициативы является важным механизмом восполнения пробелов следствия, однако его реализация не должна подменять собой обязанность следователя по грамотной подготовке материалов;

– оценка потерпевших, особенно малолетних и несовершеннолетних, должна обязательно включать анализ их психосексуального развития, что позволяет объективизировать их способность к пониманию ситуации и даче показаний, а также оценить реальный вред здоровью.

Библиографический список

1. Васильченко А. В. Возможности использования результатов специальных психофизиологических исследований и судебно-медицинской экспертизы лиц, обнаруживающих признаки симуляции, аггравации соматических заболеваний // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 230–232.

2. Курбачевская К. И. Особенность производства судебно-психиатрической экспертизы в условиях современной реальности // The Newman in Foreign Policy. 2024. Т. 4. № 79 (123). С. 96–103.

3. Ушаков А. Ю. Судебные экспертизы, производимые при расследовании преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних лиц // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 322–329.

4. Лонщакова А. Р. Особенности нормативного регулирования допроса подозреваемого (обвиняемого) в уголовно-процессуальном законе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1 (71). С. 52–55.

© Самородов А. В., 2026

УДК 343.16

Сатдинов Л. В. – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

СУЩНОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

THE ESSENCE OF FORENSIC SUPPORT OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND ITS IMPORTANCE IN THE FIGHT AGAINST MODERN CRIME

Аннотация. В научной статье автором исследуются вопросы, касающиеся сущности криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства и его значения в борьбе с современной преступностью. Уголовное судопроизводство на современном этапе своего развития испытывает насущную потребность в качественном и своевременном криминалистическом обеспечении всех стадий движения уголовного дела. В современных

реалиях, характеризующихся динамичным развитием технических средств и цифровых технологий, большинство противоправных деяний совершаются дистанционным, бесконтактным способом, исключающим непосредственное воздействие преступника на потерпевшего. Данное обстоятельство затрудняет процесс расследования преступлений и накладывает свой естественный отпечаток на формирование доказательств по уголовному делу.

Автором в научной статье делается вывод о том, что значительную роль в борьбе с преступностью играет криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства, которое призвано создавать благоприятные условия и необходимые предпосылки для полного, объективного и всестороннего расследования преступлений и тем самым способствовать полноценному обеспечению прав и свобод человека на любой из стадий уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение; уголовное судопроизводство; борьба с преступностью; стадии уголовного судопроизводства; уголовное дело; движение уголовного дела.

Abstract. In this scientific article, the author examines issues related to the essence of forensic support for criminal proceedings and its importance in the fight against modern crime. Criminal proceedings at the current stage of their development are experiencing an urgent need for high-quality and timely forensic support at all stages of a criminal case. In todays world, characterized by the dynamic development of technological means and digital technologies, most illegal acts are committed remotely, without direct contact, eliminating the criminals direct influence on the victim. This circumstance complicates the criminal investigation process and naturally impacts the formation of evidence in criminal case.

The author of the scientific article concludes that forensic support of criminal proceedings plays a significant role in the fight against crime, which is designed to create favorable conditions and the necessary prerequisites for a complete, objective and comprehensive investigation of crimes and thereby contribute to the full protection of human rights and freedoms at any stage of criminal proceedings.

Keywords: forensic support; criminal proceedings; crime fighting; stages of criminal proceedings; criminal case; movement of criminal case.

Уголовно-процессуальная деятельность, как и все его стадии, подлежит оценке со стороны общества на предмет качества, эффективности и своевременности реализуемых уполномоченными лицами действий, а также с точки зрения результативности этих действий в борьбе с современными противоправными деяниями и с современной преступностью в целом. Не является исключением и поэтапный процесс доказывания по уголовному делу. Об эффективности современного уголовного судопроиз-

водства свидетельствуют факты достоверного и своевременного установления следователями (дознавателями) совокупности фактических обстоятельств по подавляющему большинству совершенных противоправных уголовно-наказуемых деяний, т. е. на систематической и регулярной основе. Лишь тогда можно с уверенностью утверждать о слаженном и эффективном механизме правоохранительной деятельности по борьбе с современной преступностью, которое вызывает у современного общества чувство защищенности со стороны правоохранительных органов.

Достоверное установление всех обстоятельств преступления в корне исключает возможность допущения следственных и судебных ошибок в уголовном судопроизводстве, а вместе с тем препятствует принятию должностными лицами неверных процессуальных решений, идущих вразрез с установленными фактическими данными по расследуемому уголовному делу.

Уголовное судопроизводство представляет собой последовательную процессуальную деятельность, с присущими ей целью, задачами, свойствами и закономерностями, а также комплексом взаимосвязанных между собой элементов и обязательных для реализации этапов и задач, направленных на получение социально полезного результата в виде достоверно установленных фактических обстоятельств совершенного преступления, которые в дальнейшем позволят правоприменителю направить движение уголовного дела по последующим стадиям уголовного судопроизводства и принять по нему итоговое процессуальное решение, соответствующее требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости.

Задачу обеспечения качества, полноты и достаточности результатов уголовно-процессуального доказывания необходимо решать комплексно, как с использованием уголовно-процессуальных средств, так и одновременно с применением совокупности криминалистических средств, тактических приемов и криминалистических методик. Только в совокупности данные средства и методы позволят правоприменителю гарантированно и достоверно устанавливать все обстоятельства совершенного преступления и тем самым принимать законные, обоснованные и мотивированные процессуальные решения на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства.

При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел возникают вопросы, решение которых требует использования специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла. Такие вопросы решают сведущие лица, обладающие соответствующими знаниями и наделенные в этих целях должностными полномочиями [1, с. 6].

Криминалистическое обеспечение как основной ресурс обеспечивающий успешную реализацию всех этапов уголовного процесса, а вместе с тем установление всех фактических обстоятельств совершенного преступления,

позволяет представить объективную картину по каждому совершенному преступлению, а вместе с тем гарантирует беспристрастный и непредвзятый подход субъекта доказывания при оценке каждого из полученных доказательств и успешную реализацию всей процедуры доказывания в разумные сроки и в рамках строго очерченных правовых норм. Более того, криминалистическое обеспечение, являясь непосредственным инструментом в руках правоприменителя, способствующим достижению положительных результатов уголовного судопроизводства, служит гарантией принятия законных и обоснованных процессуальных решений на всех его этапах, вплоть до принятия решения судом по существу уголовного дела и даже на возможных исключительных стадиях уголовного судопроизводства.

В любом процессе, в том числе и в правовых процессах, для достижения прогнозируемого положительного результата практически всегда целесообразно использование определенного ресурса, гарантирующего его бесперебойное и неукоснительное движение к изначально заданной цели, путем преодоления всех возможных преград, ошибок и погрешностей на своем пути. Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой термин «ресурс» имеет несколько семантических значений: а) средство, к которому можно обратиться в затруднительных обстоятельствах; б) выход; в) возможность; г) запасы, средства, которые используются при необходимости [2, с. 199]. Однако важно отметить, что термин «ресурс» понимается и толкуется не только в контексте финансового, материально-технического и хозяйственного обеспечения. Применительно к уголовному судопроизводству, и в частности к процессу доказывания, в контексте его ресурсного обеспечения более уместным и более применимым является понятие «криминалистическое обеспечение».

Понятие «криминалистическое обеспечение» впервые было разработано и внедрено в научный оборот еще в конце 70-х годов прошлого столетия профессором В. Г. Коломацким. Данное понятие было применено им в контексте криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел.

В последующем в криминалистической науке получили развитие различные научные подходы относительно содержания криминалистического обеспечения расследования преступлений. Основополагающие позиции по данному вопросу были сформулированы и представлены в своих научных трудах отечественными профессорами В. Г. Коломацким, Р. С. Белкиным и А. Ф. Волынским, которые рассматривали криминалистическое обеспечение расследования преступлений как «внедрение системы криминалистических знаний», «систему криминалистических знаний», «деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических средств, методов и приемов, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений».

В современной юридической науке дается определение криминалистического обеспечения предварительного расследования как разработанному криминалистической наукой инструментарию, арсеналу, вооружившись которым, субъект поисково-познавательной деятельности правильно выстраивает стратегию и тактику расследования [3, с. 190].

Немаловажным аспектом во всем уголовном судопроизводстве является недопустимость искажения информации, полученной из ее носителя (первоисточника) до ее преобразования в установленную законом процессуальную форму. Действенным ресурсом для выполнения данной задачи и обеспечения достоверности, допустимости и относимости каждого доказательства в отдельности и достаточности всех доказательств в совокупности служит криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства.

Криминалистика разрабатывает систему криминалистических знаний, относящихся к криминалистической технике, тактике и методике, обеспечивая ими весь процесс доказывания в целом. Однако наиболее широкое применение криминалистические знания находят на этапе собирания и проверки доказательств. Объясняется это прежде всего тем, что наиболее целесообразно применение положений криминалистической техники, тактики и методики именно на первоначальных стадиях доказывания, так как именно на данных стадиях высока вероятность допущения следственных и судебных ошибок, а также искажения полученной доказательственной информации. Современные достижения науки и техники в совокупности с актуальными криминалистическими знаниями обладают свойством наиболее эффективного выявления источников доказательственной информации и позволяют без искажения извлекать эту информацию даже из самых проблемных источников, в последующем преобразовывая ее в соответствующую процессуальную форму. Кроме того, криминалистическое обеспечение призвано внедрять в практику уголовно-процессуального доказывания более оптимальные и рациональные формы использования уже собранных, проверенных и оцененных субъектами доказывания доказательств.

Таким образом, криминалистическое обеспечение, являясь фундаментальной прикладной основой процесса доказывания, призвано придавать необходимый импульс и нужный вектор движения всему уголовному процессу, обеспечивая его необходимыми криминалистическими знаниями, тактическими приемами, техническими средствами, операциями и комбинациями, а также криминалистическими методиками на всех стадиях движения уголовного дела, являясь незаменимым инструментом в руках правоприменителя в борьбе с современной преступностью.

Библиографический список

1. Цховребова И. А. Криминалистическое обеспечение уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2018. 109 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 907 с.

3. Митрофанова А. А. К вопросу об определении понятия «криминалистическое обеспечение» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 188–195.

© Сатдинов Л. В., 2026

УКД 343.1

Саханова Н. Т. – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан им. М. Букенбаева, магистр юридических наук, ассоциированный профессор (Казахстан, г. Актобе);

Куанышбеккызы Г. – магистрант Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан им. М. Букенбаева (Казахстан, г. Актобе)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

CURRENT ISSUES IN THE INVESTIGATION OF DRUG-RELATED CRIMES COMMITTED ON THE INTERNET

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции незаконного оборота наркотических средств, с особым акцентом на их распространение через сеть Интернет. Авторы уделяют внимание характеристикам психоактивных веществ, обращающихся в цифровом пространстве, а также анализируют новые способы их реализации, доставки и расчетов, включая использование анонимных онлайн-площадок и криптовалютных систем. Особое место отводится изучению применения информационных технологий при расследовании подобных преступлений, в частности вопросам получения, фиксации и использования электронных доказательств. Подчеркивается роль криптовалют в обеспечении анонимности финансовых операций, а также рассматриваются эффективные методы использования технических средств в оперативно-розыскной деятельности. Отдельная часть работы посвящена международному взаимодействию, включая участие таких организаций, как Интерпол, Европол и Организации Объединенных Наций,

в борьбе с транснациональной наркопреступностью. В заключительной части статьи сформулированы предложения по совершенствованию национального законодательства Республики Казахстан и представлены практические рекомендации, основанные на зарубежном опыте. Материал будет полезен юристам, исследователям, специалистам в сфере кибербезопасности и сотрудникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: наркотические средства, интернет, расследование, электронные доказательства, криптовалюта, международное сотрудничество.

Abstract. The article examines current trends in the illicit trafficking of narcotic drugs, with particular emphasis on their distribution via the Internet. The authors focus on the characteristics of psychoactive substances circulating in the digital environment and analyze new methods of their sale, delivery, and payment, including the use of anonymous online platforms and cryptocurrency systems. Special attention is given to the application of information technologies in the investigation of such crimes, particularly issues related to the collection, preservation, and use of electronic evidence. The role of cryptocurrencies in ensuring the anonymity of financial transactions is highlighted, and effective methods of employing technical tools in operational and investigative activities are discussed. A separate section of the study is devoted to international cooperation, including the participation of organizations such as Interpol, Europol, and the United Nations in combating transnational drug crime. In the concluding part, proposals are formulated to improve the national legislation of the Republic of Kazakhstan, and practical recommendations based on foreign experience are presented. The material will be useful for legal professionals, researchers, cybersecurity specialists, and law enforcement officers.

Keywords: narcotic drugs, Internet, investigation, electronic evidence, cryptocurrency, international cooperation.

Глобальная сеть Интернет стала неотъемлемой частью современной жизни общества. Возможности для обмена информацией, онлайн купли-продажи товаров и услуг, осуществления финансовых операций усилили ее положительное влияние, однако одновременно способствовали появлению новых форм преступной деятельности. Одной из наиболее опасных среди них является незаконный оборот наркотических средств через Интернет.

В 2023–2025 годах в Республике Казахстан наблюдается устойчивая тенденция роста показателей, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Так, в 2023 году органами внутренних дел выявлено 6 869 уголовных правонарушений, из которых 2 635 квалифицированы как наркопреступления; объем изъятых наркотиков превысил 36 тонн, ликвидирована 41 нарколаборатория и пресечена деятельность 12 организованных преступных групп, включая транснациональные. В 2025 году правоохранительными

и специальными государственными органами пресечено около 4 000 наркопреступлений и более 7 000 уголовных правонарушений, из незаконного оборота изъято около 49 тонн наркотиков, ликвидировано 128 нарколабораторий и пресечена деятельность ряда организованных преступных групп. Сопоставление указанных данных свидетельствует не только о количественном росте наркопреступности, но и о повышении эффективности деятельности правоохранительных органов, выражающемся в увеличении объемов изъятых наркотических средств, выявлении подпольных производств и пресечении деятельности организованных преступных формирований [1].

Торговля наркотиками через Интернет представляет собой сложное явление, вызывающее серьезную тревогу у национальных правоохранительных органов и международного сообщества. На анонимных площадках – так называемом Darknet или «темной сети» – спрос и предложение встречаются открыто, возможны скрытые платежи с помощью криптовалют, а также применяется разнообразие способов доставки – все это значительно усложняет следственные мероприятия [2].

Интернет открыл преступникам новое пространство. Наркобизнес перестал ограничиваться традиционной уличной торговлей и перешел в виртуальную среду, приобретя скрытый и масштабный характер. Организованные группы, занимающиеся распространением наркотиков, используют сеть для частой смены схем доставки, прибегают к различным доскам объявлений, чат-ботам и фальшивым аккаунтам. В подобных условиях правоохранительным органам крайне важно глубоко овладеть новыми технологиями для сбора и анализа электронных данных, а также для выстраивания международного сотрудничества.

Интернет предоставляет безграничную площадку для торговли наркотиками. Если в открытом сегменте сети (Surface Web) реализация осуществляется через социальные сети, специализированные форумы и сайты объявлений, то в последние годы развитие Darknet – анонимных сетей типа Tor и I2P – подняло трафик наркотиков на «невидимый» уровень [3].

Торговля наркотиками в открытом сегменте Интернета, как правило, осуществляется в небольших объемах и в скрытой форме. Например, поддельные (фейковые) аккаунты популярных пользователей в социальных сетях используются для распространения рекламы наркотиков или информации о скрытой продаже. В закрытых сообществах в социальных сетях и в шифрованных чатах мессенджеров также формируются подобные рекламные и коммуникационные каналы.

Международный опыт показывает, что наркотические вещества иногда выставляют как «онлайн-магазин», а также выдают за якобы законные добавки или «легальные препараты». На таких ресурсах для связи часто применяются электронная почта, мессенджеры и специализированные средства шифрования. Для платежей использовались банковские карты и электронные переводы, но в последние годы все шире применяется расчет криптовалютами.

Darknet – наиболее скрытая часть сети: здесь пользователи обеспечивают анонимность, используя специальные браузеры, маскирующие IP-адреса (например, Tor Browser). В этой среде продавцы и покупатели встречаются на различных торговых площадках и аукционах и совершают сделки с применением разных платежных инструментов.

Роль криптовалют в обороте наркотиков велика. Такие цифровые активы, как биткоин, монеро, эфириум и подобные, обеспечивают полную или частичную анонимность транзакций, что затрудняет отслеживание финансовых потоков и выявление преступников [4].

Доставка наркотиков покупателю осуществляется различными способами: почтовыми отправлениями, курьерскими службами или посредством размещения товара в «тайных местах» («закладки»). В частности, метод «закладка» широко распространен в пространстве Содружества Независимых Государств: продавец прячет товар в заранее оговоренном месте, после чего покупатель забирает его. Эта модель направлена на минимизацию каналов связи, денежных расчетов и личных встреч.

Расследование интернет-сделок по торговле наркотиками требует, помимо традиционных следственных приемов, ряда новых методов. Необходимо учитывать цифровые технологии на всех стадиях уголовного процесса. Следы коммуникаций в Сети могут обнаруживаться на электронных устройствах (компьютерах, смартфонах, планшетах), в сообщениях мессенджеров и электронной почте, в записях социальных сетей, в криптовалютных кошельках и платежных системах [5]. Следователям следует привлекать квалифицированных специалистов для законного изъятия, хранения и проведения экспертизы таких данных.

Процесс получения электронных доказательств имеет свои особенности:

– применение международных протоколов. Поскольку серверы многих интернет-провайдеров находятся за пределами страны, для получения необходимых данных требуется международная правовая помощь и соблюдение официальных процедур направления запросов;

– ограниченные сроки хранения данных. Некоторые интернет-сервисы сохраняют лог-файлы лишь в течение короткого времени, поэтому важно своевременно запрашивать и фиксировать необходимую информацию;

– шифрование и анонимизация. В большинстве современных мессенджеров и браузеров используется сквозное (end-to-end) шифрование, что существенно затрудняет доступ к содержанию сообщений традиционными методами расследования.

Несмотря на то, что анонимность криптовалют осложняет следственные действия, открытый характер технологии блокчейн предоставляет определенные возможности. Анализируя транзакции между криптовалютными кошельками, можно отследить финансовый след преступников [6]. Для

этого применяются специализированные аналитические платформы, такие как Chainalysis, Elliptic, CipherTrace**,** которые позволяют отслеживать движение цифровых активов. Однако и в этом направлении важна международная координация, поскольку криптовалютные биржи могут быть зарегистрированы в разных странах мира.

Особое значение в раскрытии наркопреступлений, совершенных с использованием сети Интернет, имеют оперативно-розыскные мероприятия. В частности, правоохранительные органы могут задействовать скрытых агентов на анонимных форумах, проводить операции «контрольной закупки». Подобные действия должны осуществляться строго в соответствии с требованиями закона и с соблюдением прав человека.

Глобальная интернет-торговля наркотиками не знает границ. Сегодня продавец может находиться в одной стране, покупатель – в другой, а расчет производиться через биржу, расположенную в третьей. Для выявления и пресечения такого рода транснациональной преступной деятельности крайне важно развитие международного взаимодействия между правоохранительными структурами.

Организации, такие как Интерпол, Европол и Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (UNODC), оказывают содействие расследованию путем обмена информацией, создания совместных баз данных и координации оперативных мероприятий [7]. Глобальная коммуникационная система Интерпола I-24/7 обеспечивает национальным правоохранительным органам возможность быстрого и защищенного обмена актуальными сведениями в реальном времени.

Международное сотрудничество:

– экстрадиция. Для задержания и привлечения к уголовной ответственности преступников применяются договорные механизмы экстрадиции между различными государствами;

– международно-правовая помощь. Официальные запросы направляются для получения электронных доказательств, розыска имущества, допроса свидетелей и проведения экспертиз;

– совместное обучение и обмен опытом. Проводятся совместные мероприятия по подготовке и повышению квалификации специалистов, специализирующихся на расследовании киберпреступлений и преступлений, связанных с наркотиками.

При расследовании преступлений, связанных с оборотом наркотиков в сети Интернет, имеет решающее значение применение специализированных технических средств и программного обеспечения. Для проведения компьютерно-технических экспертиз необходимы современные лаборатории с соответствующим оснащением. Такие лаборатории выполняют, в частности: восстановление данных с цифровых носителей (жесткие диски, флеш-накопители, память мобильных устройств); поиск ключей к зашифрованным устройствам; анализ содержания сообщений, электронной почты и истории браузера; экспертизу фотографий, видеозаписей и аудиофайлов.

Между правоохранительными органами все чаще применяются системы мониторинга Darknet. Эти решения позволяют обнаруживать адреса скрытых сайтов, анализировать размещенные на них объявления и товары, выявлять участников и автоматически обрабатывать информацию с форумов. Некоторые из таких инструментов используют методы искусственного интеллекта и машинного обучения, что позволяет обнаруживать потенциально преступную деятельность на ранних стадиях.

Данные, содержащиеся в мобильных телефонах подозреваемых, представляют значительную ценность для расследования преступлений, связанных с оборотом наркотиков. На мобильных устройствах могут сохраняться контакты, переписки в мессенджерах, данные геолокации, фотографии и видео. Для извлечения такой информации правоохранительным органам требуется специализированное программное обеспечение (например, UFED, XRY) [8].

Незаконный оборот наркотиков в глобальной Сети представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности. Такие преступления часто осуществляются через зашифрованные мессенджеры, социальные сети и платформы «darknet». Основные трудности при расследовании – это анонимность участников, шифрование данных и расположение серверов в разных юрисдикциях. В связи с этим следователям необходимо использовать специальные методы для обнаружения цифровых следов, мониторинга криптовалютных транзакций, получения данных от интернет-провайдеров и координации действий с зарубежными правоохранительными органами. При этом соблюдение законности при получении электронных доказательств, их фиксации и исследовании в процессуальном порядке является необходимым условием обеспечения справедливости уголовного судопроизводства [9].

Кроме того, важна подготовка квалифицированных кадров в правовой и технической сферах. Следователи и эксперты должны обладать глубокими знаниями и практикой в области киберпреступности, понимать методы шифрования и анонимизации, а также владеть протоколами работы с электронными доказательствами. Законодательные меры также должны предусматривать регулирование операций с криптовалютами, уточнение обязанностей интернет-провайдеров по хранению данных и усовершенствование порядка представления и исследования электронных доказательств.

В заключение: расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в сети Интернет, представляет собой комплексную задачу, требующую эффективного международного сотрудничества и широкого использования современных технологий. Только посредством технического оснащения правоохранительных органов, повышения квалификации персонала и просвещения общества в вопросах безопасного пользования сетью Интернет можно снизить риск и повысить эффективность борьбы с этим видом преступной деятельности.

Борьба с интернет-торговлей наркотиками – это ответственность не только правоохранительных органов, но и всего общества, лишь сформировав общественный иммунитет к этим угрозам, можно эффективно противодействовать данному скрытому криминальному явлению.

Библиографический список

1. Бюро национальной статистики. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 09.01.2026).

2. United Nations Office on Drugs and Crime. World Drug Report 2021 / UNODC. Vienna : United Nations publication, 2021.

3. Martin J. Drugs on the Dark Net : How Cryptomarkets are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs. London : Palgrave Macmillan, 2014.

4. Дараган В. В. Криптовалюта как средство совершения киберпреступлений : правовые и технические аспекты // Юридический вестник. 2019. № 3. С. 45–51.

5. Foster P. Digital Forensics in Cybercrime Investigations. New York : Routledge, 2018.

6. Chainalysis. The 2022 Crypto Crime Report. Chainalysis Inc., 2022.

7. INTERPOL. International Cooperation in the Fight Against Cybercrime / INTERPOL. Lyon : Interpol Public Information, 2020.

8. Сейтжанов О. Т., Байтеленова С. Г. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков // Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. 2025. № 1 (87). С. 149–155.

9. Бекмурзин А. Т. Особенности расследования преступлений, совершаемых в интернет-пространстве, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Научно-практический журнал «Вестник». Актюбинский юридический институт. № 2 (18). 2021. С. 45–49.

© Саханова Н. Т., 2026
© Куанышбеккызы Г., 2026

УДК 343.1

Свяженина А. А. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

PROBLEMS OF APPLYING ALTERNATIVE GROUNDS FOR TERMINING CRIMINAL PROSECUTION: THE NEED FOR LEGISLATIVE SPECIALIZATION

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации института прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Отмечая высокий гуманистический потенциал альтернативных уголовному преследованию мер, автор констатирует их низкую востребованность на досудебных стадиях по делам рассматриваемой категории, что требует формулирования конкретных предложений по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовное преследование, прекращение уголовного дела, альтернативы уголовному преследованию, гуманизация правосудия.

Abstract. This article examines current issues in the implementation of the institution of terminating criminal prosecution on non-rehabilitating grounds against minors. While noting the high humanitarian potential of alternatives to criminal prosecution, the author notes their low relevance in the pre-trial stages of cases in this category, necessitating the formulation of specific proposals for changes to current legislation.

Keywords: minors, criminal prosecution, termination of criminal proceedings, alternatives to criminal prosecution, humanization of justice.

Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации характеризуется устойчивым вектором на гуманизацию и поиск оптимальных моделей разрешения уголовно-правовых конфликтов, не связанных с применением мер государственной репрессии. Ярким проявлением данной тенденции выступает институт прекращения уголовного дела (уголовного преследования), который, по определению Г. Н. Кучерова, представляет собой процессуальное решение, констатирующее возможность отказа от применения уголовной репрессии [1, с. 12]. Возможность окончания

расследования без составления обвинительного документа, путем примирения сторон, назначения судебного штрафа, применения принудительных мер воспитательного воздействия или в связи с деятельным раскаянием, является неотъемлемым элементом современного уголовного судопроизводства, имплементирующего рекомендации Комитета министров Совета Европы о внесудебном урегулировании споров и медиации [2; 3].

Особое значение альтернативные способы завершения производства приобретают в контексте отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Приоритет воспитательного воздействия над карательным, закрепленный как в советском (Основы 1958 г., Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.), так и в действующем законодательстве, предопределяет необходимость максимально широкого применения нерепрессивных механизмов. Однако, несмотря на очевидный гуманистический потенциал и наличие специальной нормы (ст. 427 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), правоприменительная практика сталкивается с серьезными барьерами, нивелирующими возможность своевременного и эффективного выхода из уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетнего. Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблем применения альтернативных оснований прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних и выработка предложений по совершенствованию законодательства.

В науке уголовного процесса сложилась классификация, дифференцирующая основания прекращения производства по уголовному делу на три группы в зависимости от конкретной правоприменительной ситуации. К первой группе относятся основания, обусловленные отсутствием необходимых предпосылок для уголовного преследования (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Вторую группу образуют основания, связанные с наличием законных препятствий для продолжения уголовно-процессуальной деятельности (п. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 24, ст. 28.1, п. 3, 4, 5, 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Наконец, третью, наиболее интересную с точки зрения реализации идей гуманизма, группу составляют основания, позволяющие правоприменителю отказаться от применения мер уголовной репрессии к подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления. Именно эта группа – основания, закрепленные в ч. 1 ст. 28, ст. 25, ст. 25.1, ст. 427 УПК РФ, – и представляет собой то, что в доктрине принято именовать альтернативами уголовному преследованию.

В настоящее время институт альтернатив уголовному преследованию, как гуманная возможность завершения уголовного судопроизводства, призван посредством примирения правонарушителя с потерпевшим, заглаживания вреда, восстановления нарушенных социальных отношений и возвращения правонарушителя в общество способствовать снижению уровня криминального заражения, конфликтности в социуме, а также развитию и совершенствованию мер уголовно-правового характера, не порождающих наступление судимости. Однако, несмотря на очевидную положительную

тенденцию гуманизации национального уголовного судопроизводства, законодатель, за некоторым исключением (ст. 427 УПК РФ), не адаптирует представленный правовой институт под благоприятное несовершеннолетним правосудие. Отсутствие обстоятельных законодательных упоминаний о несовершеннолетних в нормах действующего закона, вероятнее всего, выступает в качестве одного из основных факторов, препятствующих эффективной правоприменительной деятельности.

Во исполнение идей гуманизации Верховным Судом Российской Федерации было инициировано введение самостоятельного основания прекращения уголовного дела – назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) [4]. Неоднозначная законодательная формулировка «возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред» вызывает ряд вопросов применительно к несовершеннолетним. Если возмещение ущерба обусловлено материальными возможностями, которыми несовершеннолетний чаще всего не обладает, то заглаживание вреда может быть выражено в активном посткриминальном поведении: принесение извинений, благотворительная деятельность, оказание помощи потерпевшему. Представляется верным, что при освобождении несовершеннолетнего от ответственности следует выбирать именно заглаживание вреда – как неденежную возможность оказания исправительного воздействия посредством личного участия лица, не достигшего совершеннолетия. Однако если у несовершеннолетнего имеется собственный доход, возмещение ущерба и уплата штрафа также могут быть эффективны, но должны возлагаться непосредственно на него, а не на родителей, дабы не нарушать принцип личной ответственности.

Следующим основанием выступает деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ). «Деятельное раскаяние» – категория межотраслевая, определяющая особенности исследуемого объекта сквозь призму уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Тем не менее, несмотря на широкое использование его как основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации), основания прекращения уголовного преследования (ст. 28 УПК РФ), законодатель официально не дефинирует «деятельное раскаяние», тем самым предоставляя возможность развития различных доктринальных подходов к определению [5, с. 76]. Согласно психологическому подходу, деятельное раскаяние определяется как внутреннее осуждение собственного поведения и признание вины, субъективные переживания, система добровольных правоограничений, выражающаяся в самонаказании. В соответствии с уголовно-юридическим подходом деятельное раскаяние – это юридический факт совершения правомерных действий, указанных в ч. 1 ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации; форма реализации уголовной ответственности посредством освобождения от нее лица; добровольное поведение лица, заключающееся в совершении позитивных посткриминальных действий. Очевидно,

вариативность в подходах к определению понятия углубляет сферу познания исследуемого объекта, но вместе с тем становится источником нескончаемых научных дискуссий.

Данная категория является межотраслевой и определяется совокупностью условий: совершение преступления впервые, небольшой или средней тяжести, явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение ущерба. Анализ правоприменения показывает, что деятельное раскаяние требует от несовершеннолетнего высокой степени осознанности своих поступков и готовности к сотрудничеству со следствием. Однако на практике возникает проблема разграничения добровольности явки с повинной и психологического давления со стороны правоохранительных органов или родителей.

Наиболее востребованным основанием, согласно официальным статистическим данным, является примирение сторон (ст. 25 УПК РФ). За последние годы судами прекращалось от 84 до 105 тысяч уголовных дел ежегодно именно по этому основанию, что значительно превышает показатели применения судебного штрафа или деятельного раскаяния. Однако применительно к несовершеннолетним возникает ключевой вопрос: является ли примирение результатом осознанного волеизъявления самого несовершеннолетнего или же решением его законных представителей? Достижение установленного законодательством возраста уголовной ответственности (14 или 16 лет) констатирует наличие необходимого уровня рефлексивных способностей [6, с. 16]. Поэтому считаем верным, что несовершеннолетний должен лично участвовать в примирении с потерпевшим. Это, во-первых, станет дополнительным подтверждением добросовестности примирения, а во-вторых, окажет воспитательное воздействие на его поведение.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо констатировать, что институт прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям обладает колоссальным потенциалом для реализации задач современного уголовного судопроизводства. Однако его применение в отношении несовершеннолетних сталкивается с системными проблемами, коренящимися в излишней дискреционности полномочий следователя, отсутствии адаптированных процедурных механизмов и неразработанности порядка получения осознанного согласия как самого несовершеннолетнего, так и его законного представителя.

Выход видится не в отказе от сложившейся модели, а в ее законодательной специализации. Распространение общих норм на несовершеннолетних без учета их возрастных, психофизиологических и социальных особенностей недопустимо. Целесообразно внести изменения в УПК РФ, закрепив обязанность правоприменителя прекращать уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего при наличии законных оснований, а также ввести обязательную процедуру разъяснения последствий такого прекраще-

ния непосредственно несовершеннолетнему и его законному представителю с участием педагога или психолога. Это позволит минимизировать риски злоупотреблений, обеспечить своевременную ресоциализацию подростка и в полной мере реализовать принцип приоритета воспитательного воздействия в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Кучеров Г. Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2023. 254 с.

2. Рекомендация № R (87) 18 Комитета министров государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия (принята 17.09.1987). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы «Посредничество в уголовных делах» (принята 15.09.1999). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4256.

5. Стадник М. А. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2017. 225 с.

6. Кузбагарова Е. В. Особенности прекращения дел в связи с примирением сторон в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2003. 22 с.

© Свяженина А. А., 2026

УДК 343.13

Семенов И. А. – адъюнкт адъюнктуры Барнаульского юридического института МВД России (Россия, г. Барнаул)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 115.2 УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMATIC ISSUES OF THE APPLICATION OF ARTICLE 115.2 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы применения статьи 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, введенной Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Автор анализирует правовую природу новой меры процессуального принуждения – приостановления операций с денежными средствами, – исследует основания и порядок ее применения. Особое внимание уделяется рискам, связанным с оценочным характером понятия «достаточные основания», и возможным нарушениям прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры процессуального принуждения, статья 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, приостановление операций, арест имущества, киберпреступность.

Abstract. The article examines the problematic issues of applying Article 115.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, introduced by Federal Law No. 278-FZ of July 31, 2025 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. The author analyzes the legal nature of the new measure of procedural coercion – suspension of transactions with funds – and investigates the grounds and procedure for its application. Special attention is paid to the risks associated with the evaluative nature of the concept of "sufficient grounds" and possible violations of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, measures of procedural coercion, Article 115.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, suspension of transactions, property seizure, cybercrime.

Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] глава 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) была дополнена новой статьей 115.2, предусматривающей

возможность приостановления операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, а также денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи [2]. Данная новелла, вступившая в силу с 1 сентября 2025 года, была призвана стать оперативным механизмом реагирования на стремительный рост преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в особенности телефонного мошенничества. Однако, как и любое новое правовое явление, статья 115.2 УПК РФ породила ряд дискуссионных вопросов, требующих глубокого научного осмысления.

Прежде всего, обращает на себя внимание правовая природа данной меры. Законодатель поместил норму в главу 14 «Иные меры процессуального принуждения», что формально определяет ее статус. Однако анализ содержания позволяет согласиться с мнением практикующих юристов о ее двойственном характере. Так, адвокат М. Зарбабян в своем комментарии для «Адвокатской газеты» справедливо отмечает: «...вносимые изменения продиктованы стремлением эффективно бороться с фактами телефонного мошенничества и названы законодателем новой мерой процессуального принуждения, но, по сути, они являются временными обеспечительными мерами, направленными на последующее решение вопроса о наложении или неналожении ареста на имущество» [3]. Эта характеристика точно отражает сущность механизма: приостановление операций выступает не самостоятельной мерой ответственности, а промежуточным этапом, обеспечивающим сохранность имущества до возможного наложения ареста в судебном порядке.

Ключевой проблемой, вызывающей обеспокоенность, является законодательная формулировка основания для применения данной меры. Часть 1 статьи 115.2 УПК РФ позволяет следователю (с согласия руководителя следственного органа) или дознавателю (с согласия прокурора) вынести постановление о приостановлении операций «при наличии достаточных оснований полагать», что соответствующие счета использовались при совершении преступления [2]. Использование оценочной категории «достаточные основания» предоставляет правоприменителю значительную свободу усмотрения. Как справедливо предупреждает М. Зарбабян, «указание на наличие достаточных оснований в качестве основания для применения данной меры может вызвать проблемы в судебной и следственной практике», поскольку именно это условие «может привести в ряде случаев к спорам между участниками процесса о необоснованности такого решения» [3]. Действительно, отсутствие четких критериев «достаточности» на этапе, когда проверка сообщения о преступлении или предварительное расследование только начинаются, создает риск необоснованного ограничения имущественных прав граждан и организаций.

Не менее важным представляется вопрос о пределах приостановления операций. Часть 2 статьи 115.2 УПК РФ устанавливает, что приостановление осуществляется в пределах суммы денежных средств, в отношении которых имеются основания полагать, что они получены в результате преступления [2]. Однако на практике нередки ситуации, когда на счете, куда поступили похищенные средства, находятся и иные, «легальные» денежные средства владельца счета. Поскольку приостановление операций не предусматривает блокировки конкретной транзакции, а приостанавливает все расходные операции по счету в пределах всей суммы, фактически блокируются и собственные средства добросовестного владельца счета (например, лица, чей счет был использован мошенниками без его ведома, так называемых «дропперов» либо их законных владельцев). Это ставит вопрос о балансе между публичными интересами расследования и частными интересами лиц, которые могут оказаться невиновными в совершении преступления.

Существенным аспектом, отличающим данную меру от полноценного ареста имущества, является положение части 3 статьи 115.2 УПК РФ, согласно которому приостановление операций «не предусматривает их изъятие и передачу на хранение» [2]. Денежные средства остаются на счете, но владелец лишается возможности ими распоряжаться, что, в свою очередь, ограничивает право собственности данных лиц. Срок такого ограничения невелик – всего 10 суток [2]. Однако и этого срока может быть достаточно для причинения ущерба добросовестному владельцу счета, если его деятельность предполагает активное движение денежных средств. Законодатель предусмотрел механизм контроля: копия постановления в течение 24 часов направляется прокурору, а за 48 часов до истечения срока следователь (дознаватель) обязан либо возбудить перед судом ходатайство о наложении ареста, либо отменить свое постановление [2]. Тем не менее данный алгоритм не исключает ситуаций, когда в силу объективных причин (например, загруженность суда) вопрос об аресте не будет решен в установленный срок, и, согласно части 9 статьи 115.2 УПК РФ, операции возобновятся автоматически, что может свести на нет усилия следствия по сохранению похищенного имущества [2].

Анализ процедурных аспектов показывает стремление законодателя адаптировать уголовное судопроизводство к реалиям цифровой экономики. Часть 5 статьи 115.2 УПК РФ допускает направление постановления в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, что должно ускорить взаимодействие между правоохранительными органами, операторами по переводу денежных средств и операторами связи [2]. Это нововведение, безусловно, является позитивным шагом, однако его эффективность будет напрямую зависеть от технической готовности всех участников правоотношений к такому электронному документообороту и соблюдению требований к защите передаваемой информации.

Нельзя не отметить, что в научной литературе на данный момент отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные применению статьи 115.2 УПК РФ, что объясняется ее новизной. Тем не менее, анализируя ее содержание через призму общих положений учения о мерах процессуального принуждения, можно спроецировать на нее те требования, которые традиционно предъявляются к данной группе правовых институтов. Любой акт применения государственного принуждения должен быть не только законным и обоснованным, но и своевременным, а также соразмерным характеру деяния и личности правонарушителя. Применительно к статье 115.2 УПК РФ требование соразмерности приобретает особое значение, учитывая, что мера применяется на досудебных стадиях и затрагивает права лиц, чья причастность к преступлению еще окончательно не установлена.

Подводя итог, следует констатировать, что появление статьи 115.2 УПК РФ является ответом законодателя на вызовы современной преступности. Норма обладает значительным потенциалом для повышения эффективности борьбы с хищениями, совершаемыми с использованием IT-технологий, поскольку позволяет оперативно «замораживать» денежные средства на счетах. В то же время проблемные вопросы ее применения, связанные с оценочным характером оснований, риском необоснованного ограничения прав и не до конца урегулированным взаимодействием между участниками процесса, требуют дальнейшего мониторинга и осмысления. Представляется, что пути решения обозначенных проблем лежат в плоскости выработки ведомственных разъяснений и обобщения судебной практики, которые позволят конкретизировать понятие «достаточных оснований» и обеспечить единообразное применение новых норм на всей территории Российской Федерации. Требуется также законодательное уточнение механизма защиты прав третьих лиц, чьи средства оказались на заблокированном счете, и порядка их обращения за компенсацией убытков, если будет доказано, что постановление о приостановлении операций было вынесено необоснованно. Важно, чтобы правоприменительная практика пошла по пути, исключающему формальный подход, при котором страдают добросовестные владельцы счетов.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Зарбабян М. Комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ // Адвокатская газета. 2025. 31 июля // Инфралекс. URL: https://www.infralex.ru/ (дата обращения: 25.02.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен новой статьей 115.2 УПК РФ // Администрация городского округа Балашиха : офиц. сайт. URL: https://balashiha.ru/ (дата обращения: 25.02.2026).

© Семенов И. А., 2026

УДК 343.98

Семенчук В. В. – начальник кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат экономических наук, доцент (Россия, г. Хабаровск)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В СУДАХ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

ON THE USE OF THE RESULTS OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY IN THE FRAMEWORK OF TRIAL IN FIRST-INSTANCE COURTS

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе судебного рассмотрения уголовных дел. Обосновывается необходимость правовой регламентации прямого представления рассматриваемых сведений государственному обвинителю, если они не передавались в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности; представление; прокурор; судебное разбирательство; оперативно-розыскное обеспечение.

Abstract. This article examines the problematic aspects of using the results of operative-investigative activity during the trial stage of criminal proceedings. It substantiates the need for legal regulation of the direct presentation of the information in question to the public prosecutor if it was not presented during the pre-trial stages of criminal proceedings.

Keywords: results of operative-investigative activity; representation; prosecutor; trial; operative-investigative support.

Научная дискуссия по вопросу использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) осуществляется преимущественно в разрезе досудебных стадий, так как наиболее часто в ходе них

происходит представление, а также последующая проверка рассматриваемых сведений. Таким образом, в стадию судебного разбирательства результаты ОРД поступают в составе материалов уголовного дела, уже готовыми для исследования и оценки судом.

Вместе с тем информация, представляющая интерес для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также обоснования иных процессуальных решений, может быть получена в ходе осуществления ОРД уже на стадии судебного разбирательства.

Я. М. Мазунин по этому поводу справедливо отмечал, что процесс оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства должен являться продолжением процесса оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования [1, с. 27]. В свою очередь необходимость оперативно-розыскного обеспечения государственного обвинения отмечалась на уровне монографических [2, с. 152] и диссертационных [3; 4] исследований.

Законодательство содержит предпосылки для использования результатов ОРД с целью обоснования процессуальных решений, принимаемых в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Об этом, в частности, свидетельствуют положения ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД), допускающие их использование для подготовки и осуществления судебных действий. Тем самым обеспечиваются поступление и проверка доказательственной информации, полученной уже после окончания предварительного расследования. В силу ограниченности полномочий государственного обвинителя по непосредственному сбору доказательств, возможности ОРД в данном случае имеют существенное значение.

Относительно содержания обосновываемых судебных действий в теории используется расширительный подход, относящий к ним не только действия следственного характера. Отмечается, что результаты ОРД могут учитываться судом при избрании мер пресечения, связанных с ограничением свободы [5]. Поддерживая данный подход, можно провести аналогию со стадией предварительного расследования, отнеся к перечню обосновываемых судебных действий следующие: судебные действия следственного характера; меры пресечения; иные меры процессуального принуждения.

Так, необходимость обоснования мер пресечения, а также такой меры процессуального принуждения как наложение ареста на имущество, актуальна и на стадии судебного рассмотрения уголовных дел. Относительно использования результатов ОРД с этой целью отметим, что они, как правило, уже находятся в материалах уголовного дела – с момента представления в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Однако это не исключает возможности получения новой информации в процессе судебного разбирательства либо использования сведений, которые по каким-то причинам ранее не были представлены в уголовном судопроизводстве. Помимо обоснования процессуальных решений, использование результатов ОРД

в рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства может осуществляться в рамках процедуры доказывания в случае получения новых, ранее не исследованных сведений, а также для построения тактики поддержания государственного обвинения.

Практика представления результатов ОРД в рамках судебного разбирательства уже имеет место, хоть и не с такой распространенностью, как на стадии предварительного расследования. Длительное время с момента принятия ФЗ об ОРД (1999–2008 гг.), ученые [6; 7; 8], основываясь на результатах анкетирования судей, указывали на отсутствие опыта прямого представления результатов ОРД в суд. Однако уже в ходе проведенного нами социологического исследования выяснилось, что с представлением результатов ОРД на стадии судебного рассмотрения уголовных дел судам первой инстанции сталкивалось 46,7 % судей краевых и областных судов, 31,1 % судей районных и городских судов, 17,4 % сотрудников прокуратуры[1].

Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о способе представления результатов ОРД в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Часть 2 статьи 11 ФЗ об ОРД позволяет представлять результаты ОРД в суд, в производстве которого находится уголовное дело, не связывая это с конкретными поводами. Однако положения Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд [9] говорят уже о двух возможных ситуациях, связанных с их представлением в суд с целью использования в уголовном процессе.

Первая ситуация касается представления результатов ОРД в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом не отражается в связи с чем результаты ОРД могут быть представлены именно в суд (предположим, что это может касаться дел частного обвинения). Заметим, что суд в данной части Инструкции указан в продолжении перечисления других субъектов уголовно-процессуальной деятельности (следовать, дознаватель, орган дознания), что скорее выглядит как повторение общего перечня субъектов, приведенного в заглавии Инструкции.

Вторая ситуация связывает представление результатов ОРД с выполнением судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по уголовным делам, находящимся в производстве суда.

[1] В 2021 г. проведено анкетирование 77 судей краевых, областных судов, суда автономной области (Алтайский, Приморский и Хабаровский краевые суды, Амурский и Сахалинский областные суды, суд Еврейской автономной области), 45 судей районных и городских судов (Ленинский районный, Железнодорожный районный и Октябрьский районный суды Барнаула, Фрунзенский районный суд Владивостока, Индустриальный районный и Центральный районный суды Хабаровска, Южно-Сахалинский городской суд), 155 сотрудников Дальневосточной транспортной прокуратуры, прокуратуры Алтайского, Камчатского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской области.

Соответственно представлению должно предшествовать получение судебного решения, в котором будет указано на необходимость проведения ОРМ. Однако суд как независимая сторона, не осуществляющая уголовное преследование, с малой долей вероятности будет инициировать проведение ОРМ. В ходе социологического исследования только 12,2 % опрошенных оперативных сотрудников ответили, что в их практике существовали случаи вынесения судом определений о проведении ОРМ (без учета розыска лиц)[1]. Соответственно, без инициирования ОРМ судом будет отсутствовать и обратный информационный поток.

На наш взгляд, прямое представление результатов ОРД в суд не отвечает роли данного органа в уголовном судопроизводстве. Представление доказательств (или скорее материалов, которые могут стать таковыми после исследования в судебном заседании) возложено на стороны, участвующие в судебном разбирательстве. Суд же в большей степени обеспечивает реализацию таких прав.

В связи с этим более предпочтительным способом введения результатов ОРД в судебное разбирательство является их предварительное представление в прокуратуру. Подобный способ в целом находит положительные отклики в научном сообществе [10, с. 11; 11].

Внесение прокуратуры как органа в число субъектов-получателей результатов ОРД позволит обеспечить их использование как в контексте государственного обвинения, так и при решении иных вопросов, возложенных на прокуратуру в рамках уголовного судопроизводства (например, в контексте заключения и оценки исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве) [12]. В настоящее время примеры реализации подобного способа взаимодействия встречаются и вне правового поля.

Учеными приводился пример обмена информацией между оперативными подразделениями и прокуратурой на основании рабочих соглашений в рамках осуществления деятельности по предъявлению обвинения [13]. Однако, в силу отсутствия надежных правовых оснований, существует риск признания недопустимым использования переданных сведений.

Другими авторами отмечался случай, когда о существовании оперативной информации стало известно в ходе прокурорского надзора, после чего она была запрошена у субъекта ОРД, а в дальнейшем прокуратурой перед судом было заявлено ходатайство об истребовании соответствующих материалов [14].

---

[1] В 2021 г. проведено анкетирование 467 сотрудников оперативных подразделений МВД России (Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальные ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской и Сахалинской областей, оперативные сотрудники из числа слушателей, проходивших обучение по программам повышения квалификации в ДВЮИ МВД России).

Схожий случай приобщения результатов ОРД по ходатайству прокурора был признан допустимым Конституционным судом Российской Федерации. Высший судебный орган указал, что суд не инициировал собирание новых доказательств и восполнение неполноты предварительного следствия, а лишь выполнил в рамках принципа состязательности свою обязанность по созданию необходимых условий для осуществления сторонами предоставленных им процессуальных прав [15].В то же время получение подобных сведений в рамках прокурорского надзора за ОРД будет скорее совпадением, нежели закономерностью, в том числе и потому, что надзор и государственное обвинение осуществляются разными сотрудниками прокуратуры. В случае включения прокурора в число субъектов-получателей результатов ОРД отпадет необходимость в подобных «обходных путях».

Библиографический список

1. Мазунин Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 51 с.

2. Луговик В. Ф., Давыдов С. И, Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения : монография. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2007. 152 с.

3. Ганичева Е. А. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о кражах, грабежах, разбоях : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 33 с.

4. Щемеров С. А. Участие прокурора в стадии судебного разбирательства уголовного дела : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 28 с.

5. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / С. В. Баженов [и др.]; под ред. А. Е. Чечетина; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2015. 264 с.

6. Ким Д. В. К вопросу об оперативно-розыскном обеспечении судебного разбирательства уголовных дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2008. С. 136–137.

7. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 1999. 263 с.

8. Поляков М. П., Рыжов, Р. С. О понятии и структуре правового института использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе // Оперативник (сыщик). 2007. № 3 (12). С. 12–19.

9. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Министерства обороны Российской Федерации,

Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

10. Каац М. Э. Использование оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 29 с.

11. Шашин Д. Г. К вопросу о прокуроре и дознавателе как потребителях результатов оперативно-разыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 113–119.

12. Семенчук В. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе принятия решений, связанных с заключением и исполнением досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 3 (56). С. 133–141.

13. Аббасов А., Гусев В. Взаимодействие государственного обвинителя с органами предварительного расследования // Законность. 2009. № 9. С. 19–22.

14. Колесников А. В., Беленцова М. Ю. Представление прокурором результатов ОРД при поддержании обвинения в суде по делу об убийстве, совершенном в исправительном учреждении в условиях неочевидности // Законность. 2017. № 7. С. 21–23.

15. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 268-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Семенчук В. В., 2026

УДК 343.13.

Сибагатуллин Ф. Ф. – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД (Россия, г. Уфа)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 116 И 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

PROCEDURAL PROCEDURE FOR INVESTIGATION AND TRIAL IN CASES OF PRIVATE AND PRIVATE-PUBLIC PROSECUTION (USING ARTICLES 116 AND 116.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию проблем уголовно-процессуального регулирования производства по делам частного и частно-публичного обвинения на примере составов преступлений, предусмотренных ст. 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором выявлены системные противоречия, возникшие в результате реформы 2016–2017 гг. и последующих изменений законодательства: неопределенность правил подследственности и подсудности, отсутствие процессуального механизма рассмотрения дел частного обвинения районными судами, необоснованное ограничение диспозитивности потерпевшего в делах с административной преюдицией, а также недостаточная защищенность прав частного обвинителя. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и складывающейся судебной практики сформулированы авторские предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, включая внесение изменений в главу 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, корректировку ч. 3 ст. 20 Российской Федерации, разработку разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также создание эффективной системы межведомственного электронного взаимодействия для установления административной преюдиции.

Ключевые слова: частное обвинение, частно-публичное обвинение, побои, ст. 116.1 УК РФ, административная преюдиция, подследственность, подсудность, Конституционный Суд Российской Федерации, диспозитивность, потерпевший, частный обвинитель.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the problems of criminal procedure regulation of proceedings in cases of private and private-

public prosecution on the example of the corpus delicti provided for in Art. 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author identifies systemic contradictions that arose as a result of the 2016–2017 reform and subsequent changes in legislation: uncertainty of the rules of investigative jurisdiction and jurisdiction, lack of a procedural mechanism for consideration of private prosecution cases by district courts, unjustified restriction of the victim's discretion in cases with administrative prejudice, as well as insufficient protection of the rights of the private prosecutor. Based on the analysis of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and emerging judicial practice, the author's proposals for improving criminal procedure legislation are formulated, including amendments to Chapter 41 of the Code of Criminal Procedure, adjustment of Part 3 of Art. 20 of the Code of Criminal Procedure, development of clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as creation of an effective system of interdepartmental electronic interaction to establish administrative prejudice.

Keywords: private prosecution, private-public prosecution, battery, Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, administrative prejudice, investigative jurisdiction, jurisdiction, Constitutional Court of the Russian Federation, discretion, victim, private prosecutor.

Институты частного и частно-публичного обвинения занимают особое место в системе российского уголовного судопроизводства, поскольку именно здесь наиболее отчетливо проявляется баланс между публичным интересом государства в борьбе с преступностью и частным интересом личности в защите своих прав от преступных посягательств. Закрепленный в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) дифференцированный подход к возбуждению и прекращению уголовных дел в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния в своей основе представляется вполне оправданным. Однако практика применения норм о частном и частно-публичном обвинении, особенно в контексте составов преступлений, связанных с побоями, выявляет серьезные системные недостатки, которые не только не устраняются, но и усугубляются с каждым новым законодательным изменением. Как справедливо отмечает Т. К. Рябинина, «дискуссии о том, целесообразно ли потерпевшим передать полномочия по инициированию уголовного преследования лиц, совершивших в отношении них преступления, не представляющие для государства и общества особую опасность, не затихают на протяжении всего периода действия УПК РФ» [6, с. 1106]. Представляется, что причина этого – отсутствие у законодателя целостной, концептуально выверенной стратегии в сфере дифференциации публичных и частных начал.

Реформа 2016–2017 гг., в результате которой произошла декриминализация простых побоев с переводом их в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) (ст. 6.1.1), а уголовная ответственность была сохранена лишь за квалифицированные виды побоев (ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и за побои, нанесенные лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ), изначально содержала в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, законодатель стремился разгрузить суды и правоохранительные органы от дел небольшой тяжести, составляющих значительный объем в общей массе уголовных дел. С другой стороны, введенная конструкция административной преюдиции и одновременное сохранение за ст. 116.1 УК РФ режима частно-публичного обвинения создали сложную, многоуровневую систему, которая сегодня порождает больше вопросов, нежели дает ответов. Последующие изменения – включение в ст. 116.1 УК РФ квалифицирующего признака совершения деяния лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия (Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), и передача дел о побоях из подсудности мировых судей районным судам (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») – не устранили, а лишь усугубили существующие коллизии. Автор полагает, что каждое из названных изменений вводилось без должного прогнозирования их системного эффекта и без синхронной корректировки взаимосвязанных норм УПК РФ.

Наиболее ярким подтверждением этого тезиса является ситуация с подсудностью дел частного обвинения. Передав дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, районным судам, законодатель не предусмотрел соответствующего процессуального механизма их рассмотрения. Глава 41 УПК РФ детально регламентирует производство по делам частного обвинения лишь у мирового судьи, устанавливая особый порядок принятия заявления, проведения примирительной процедуры, рассмотрения дела в отсутствие неявившегося частного обвинителя и т. д. В районном суде данный порядок де-факто отсутствовал, что создало ситуацию правовой неопределенности. Как обоснованно отмечает Е. А. Прохорова, «законодатель, несмотря на устоявшиеся правила производства по данной категории дел, с определенной периодичностью меняет их, к примеру, меняя перечень дел данной категории и, соответственно, изменение подсудности. Однако изменения в процессуальный закон, регламентирующий саму процедуру, своевременно не вносятся, что порождает серьезные проблемы в правоприменении» [5, с. 11].

Эта коллизия была разрешена только вмешательством Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 28 марта 2024 г. № 13-П Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал принципиально важную правовую позицию: «Оспариваемые нормы в рамках действующего правового регулирования не предполагают отказа районного суда в принятии к своему производству по заявлению потерпевшего (его законного представителя) уголовного дела частного обвинения о привлечении обвиняемого лица к уголовной ответственности в соответствии с частью первой статьи 116.1 УК РФ на том основании, что установленные главой 41 УПК РФ правила определяют порядок производства по уголовным делам частного обвинения, подсудным мировому судье» [2]. Конституционный Суд Российской Федерации фактически распространил действие главы 41 УПК РФ на районные суды по аналогии, указав, что иное понимание «приводило бы к невозможности производства по делам, разрешение которых включено в полномочия районного суда, оставляло бы жертв домашнего насилия без своевременной судебной защиты и создавало бы предпосылки для новых преступных посягательств» [2].

Автор полагает, что, безусловно признавая огромное значение данной правовой позиции для защиты прав конкретных граждан, нельзя не отметить, что подобное восполнение законодательных пробелов посредством конституционного правосудия не может и не должно становиться системным механизмом нормотворчества. Задача Конституционного Суда Российской Федерации – выявление неконституционности норм, но не конструирование новых процессуальных институтов. Ответственность за создание непротиворечивого, внутренне согласованного процессуального регулирования лежит на законодателе. Представляется, что единственно верным путем является внесение системных изменений в УПК РФ. Автор предлагает дополнить главу 41 УПК РФ новой статьей 318.1 «Особенности производства по уголовным делам частного обвинения, подсудным районному суду». В данной статье необходимо четко регламентировать: порядок принятия заявления районным судом; полномочия судьи на стадии подготовки к судебному заседанию; процессуальные последствия неявки частного обвинителя; порядок примирения сторон и его правовые последствия. Особое внимание следует уделить вопросу о том, каким образом должно оформляться примирение сторон в районном суде и каковы основания для отказа в прекращении дела за примирением. По мнению автора, наиболее целесообразным представляется закрепление правила, аналогичного ч. 5 ст. 319 УПК РФ, с учетом особенностей подсудности.

Не менее серьезные проблемы возникают уже на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Анализ правоприменительной практики, а также научной литературы позволяет утверждать, что органы дознания испытывают значительные затруднения при квалификации деяний, связанных с побоями. В ограниченные сроки проверки сообщения о преступлении

(ст. 144 УПК РФ) должностному лицу необходимо правильно разграничить: административное правонарушение (ст. 6.1.1 КоАП РФ); преступление публичного обвинения (ст. 116 УК РФ); преступление частно-публичного обвинения (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ); преступление частно-публичного обвинения с квалифицирующим признаком (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ). Каждое из этих деяний влечет различные процессуальные последствия, различный порядок возбуждения уголовного дела (либо отсутствие такового), различную подследственность и подсудность. Особую сложность представляет установление административной преюдиции. Для подтверждения факта привлечения лица к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ в пределах установленного срока необходимо направить запросы, получить ответы, проверить законность и обоснованность предыдущего привлечения.

В связи с этим автор разделяет позицию Т. В. Сорокиной, которая обоснованно указывает: «При рассмотрении уголовных дел с административной преюдицией суду надлежит проверять законность и обоснованность привлечения лица к административной ответственности, включая его вменяемость на момент совершения правонарушения. Отсутствие такой проверки может привести к объективному вменению и нарушению прав подсудимого» [7, с. 72]. Представляется, что данная проблема имеет два измерения. Первое – это необходимость создания эффективной системы межведомственного электронного взаимодействия между органами внутренних дел, мировыми судьями, административными комиссиями и иными органами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Такая система позволила бы в режиме реального времени получать достоверную информацию о наличии либо отсутствии административной преюдиции, что значительно сократило бы сроки проверки и минимизировало бы ошибки. Второе измерение – необходимость внесения изменений в КоАП РФ в части регламентации порядка выявления состояния невменяемости при рассмотрении дел об административных правонарушениях, с которыми уголовный закон связывает административную преюдицию. Автор полагает, что без решения этой проблемы уголовные дела по ст. 116.1 УК РФ будут оставаться уязвимыми для защиты с точки зрения оспаривания законности предыдущего привлечения к административной ответственности.

Автор обращает внимание на еще более глубокую коллизию, которая, насколько можно судить по публикациям и судебной практике, до настоящего времени не получила должной оценки ни в доктрине, ни в законе. Речь идет о ситуации, когда в ходе проверки сообщения о преступлении выявляется факт административной преюдиции, однако сам потерпевший, являясь, как правило, членом семьи или близким родственником предполагаемого правонарушителя, не желает привлекать его к уголовной ответственности и настаивает на административном производстве. Поскольку ст. 116.1 УК РФ отнесена к делам частно-публичного обвинения, заявление потерпевшего вы-

ступает обязательным условием возбуждения уголовного дела. Однако применение административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ в данном случае невозможно, поскольку лицо уже привлекалось к ответственности, предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ срок не истек, и деяние является повторным. Возникает правовой вакуум: лицо, формально подпадающее под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, фактически остается безнаказанным, поскольку отсутствует волеизъявление потерпевшего. Автор полагает, что данная коллизия требует безотлагательного законодательного разрешения. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о переводе ст. 116.1 УК РФ в категорию дел публичного обвинения, что позволило бы возбуждать уголовные дела независимо от воли потерпевшего при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Альтернативным вариантом может быть законодательное закрепление обязанности органов дознания при установлении административной преюдиции и отсутствии заявления потерпевшего передавать материалы в суд для решения вопроса о принудительном возбуждении уголовного дела, как это предусмотрено, например, для отдельных категорий дел в законодательстве ряда зарубежных государств.

Еще одна проблема, требующая самостоятельного анализа, связана с чрезмерным, по мнению автора, ограничением диспозитивности потерпевшего по делам частно-публичного обвинения. В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных ст. 25 УПК РФ (примирение сторон в связи с деятельным раскаянием). На первый взгляд, такой подход законодателя вполне объясним: ст. 116.1 УК РФ направлена на противодействие рецидиву, систематическому совершению насильственных действий, и государство, однажды уже предоставившее лицу возможность избежать уголовной ответственности путем привлечения к административной ответственности, вправе настаивать на уголовном преследовании при повторном совершении аналогичного деяния. Однако анализ реальных жизненных ситуаций, особенно в контексте семейно-бытовых конфликтов, показывает, что жесткость данного подхода часто оборачивается против интересов самого потерпевшего, в защиту которого, казалось бы, и направлено уголовное преследование.

Потерпевший, инициируя уголовное преследование, как правило, преследует цель не столько наказания обвиняемого, сколько прекращения противоправных действий в отношении себя или своих близких. После возбуждения уголовного дела, применения мер процессуального принуждения (подписки о невыезде, запрета определенных действий, в исключительных случаях – заключения под стражу), реального заглаживания вреда конфликт может быть полностью исчерпан. Потерпевший, особенно если обвиняемый

является членом его семьи, супругом, родителем, от которого зависит материальное благополучие семьи, может искренне желать примирения. Однако закон лишает его такой возможности. Автор убежден, что данный подход не соответствует современному пониманию восстановительного правосудия, ориентированного не на изоляцию правонарушителя, а на урегулирование конфликта, восстановление социальных связей и компенсацию причиненного вреда.

Представляется целесообразным внести изменения в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, дополнив ее положением, предоставляющим суду право с учетом конкретных обстоятельств дела, мнения потерпевшего и факта заглаживания вреда прекращать уголовное дело о преступлении, предусмотренном ст. 116.1 УК РФ, в связи с примирением сторон. Разумеется, такое право должно быть ограничено определенными условиями, позволяющими сохранить публичный интерес. К числу таких условий, по мнению автора, следует отнести: отсутствие у лица судимости за насильственное преступление; отсутствие систематичности противоправного поведения (совершение деяния, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, не более двух раз); наличие объективно подтвержденного факта заглаживания вреда; отсутствие возражений со стороны прокурора. Такой дифференцированный подход позволил бы учесть как публичный интерес в противодействии рецидиву, так и частный интерес потерпевшего в урегулировании конфликта.

Проблема обеспечения процессуальных прав потерпевшего проявляется также в делах частного обвинения (ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»). Здесь потерпевший вынужден самостоятельно осуществлять функцию уголовного преследования, выступая в качестве частного обвинителя. В соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ мировой судья лишь разъясняет сторонам их права, оказывает содействие в собирании доказательств по ходатайству сторон. Однако для лица, не обладающего юридическими знаниями, не имеющего доступа к криминалистическим учетам, возможностей назначать экспертизы, собирать доказательства, формулировать обвинение и поддерживать его в суде, эта задача объективно непосильна. Как обоснованно отмечает Е. А. Прохорова, «возложение на потерпевшего обязанности самостоятельно осуществлять уголовное преследование при отсутствии у него реальных возможностей для сбора доказательств и при ограниченной помощи со стороны государства вступает в противоречие с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон» [5, с. 13]. Автор разделяет данную позицию и полагает, что назрела необходимость расширения полномочий мирового судьи на стадии подготовки к судебному заседанию. Представляется обоснованным предоставить мировому судье право по собственной инициативе, без ходатайства сторон, истребовать доказательства, назначать экспертизы, запрашивать документы в случае, если усматривается явное процессуальное неравенство сторон

и отсутствие у частного обвинителя объективной возможности самостоятельно получить необходимые доказательства. Такой подход, не нарушая принципа состязательности, позволил бы обеспечить реальный доступ к правосудию для потерпевших по делам частного обвинения.

Практика применения ст. 116 УК РФ также демонстрирует существенные сложности, связанные с отграничением хулиганских побуждений от иных мотивов совершения преступления. Показательным является дело, рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в 2023 г. Житель Набережных Челнов, чья дочь упала с балансирных качелей, в состоянии гнева и раздражения умышленно нанес удар по сиденью качелей, в результате чего второй ребенок, находившийся на качелях, упал и ударился. Суд первой инстанции квалифицировал действия по ст. 116 УК РФ как побои, совершенные из хулиганских побуждений. Кассационная инстанция усомнилась в наличии хулиганского мотива, указывая на то, что действия были обусловлены эмоциональным состоянием отца, видевшего падение своей дочери. Однако Верховный Суд Российской Федерации поддержал квалификацию, указав: «Причиной отнесения умышленных действий (фигуранта) к категории хулиганства явилось то, что они были совершены при отсутствии какого-либо повода, с использованием малозначительного повода. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении такого потерпевшего преступления из хулиганских побуждений» [3].

Автор полагает, что приведенное судебное решение наглядно иллюстрирует высокую степень судейского усмотрения при оценке субъективной стороны преступления и установлении хулиганского мотива. Грань между личной неприязнью, возникшей внезапно в результате конкретной ситуации, и хулиганскими побуждениями, выражающими явное неуважение к обществу, является крайне тонкой и оценочной. Представляется, что без дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, специально посвященных вопросам квалификации побоев и иных насильственных действий, не повлекших вреда здоровью, правоприменительная практика в этой части останется неединообразной. В таком постановлении, по мнению автора, следует дать четкие критерии разграничения: личных неприязненных отношений и хулиганских побуждений; бытового конфликта и преступления, совершенного из хулиганских побуждений; а также определить перечень обстоятельств, которые могут свидетельствовать о малозначительности повода. Отдельное внимание следует уделить вопросам доказывания субъективной стороны преступления, включая допустимость и достоверность показаний свидетелей, видеозаписей, иных доказательств.

Подводя итог проведенному исследованию, автор приходит к выводу о наличии системных, взаимосвязанных проблем в правовом регулировании производства по делам частного и частно-публичного обвинения. Эти проблемы не являются случайными или временными – они обусловлены отсутствием у законодателя целостной, концептуально выверенной стратегии в сфере дифференциации публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве. Каждое новое изменение УК РФ, затрагивающее составы преступлений небольшой тяжести, влечет за собой необходимость корректировки УПК РФ, однако эта корректировка осуществляется несвоевременно, фрагментарно, без учета системного эффекта. Как следствие – возникают правовые пробелы, коллизии, противоречия в правоприменительной практике, которые приходится разрешать Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации в порядке толкования и восполнения пробелов.

Библиографический список

1. Алференок Е. А., Дмитренко А. П. Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 2. С. 44–47.

2. По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 24, статей 147 и 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.Ф. Баскаковой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 13 П // Российская газета. 2024. 9 апр.

3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2023 г. № 11-УД23-15-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменения в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 27. Ст. 4603.

5. Прохорова Е. А. Трудности производства по уголовным делам о побоях (ст. 116.1 УК РФ) // Мировой судья. 2024. № 10. С. 9–14.

6. Рябинина Т. К. Роль судебной власти в трансформации соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 4. С. 1105–1121.

7. Сорокина Т. В. Проблемы установления невменяемости в уголовных делах с административной преюдицией // Вопросы государства и права. 2025. № 3 (10). С. 71–77.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.06.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8452.

© Сибагатуллин Ф. Ф., 2026

УДК 343.1

Сиворакша В. В. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

ФУНКЦИИ ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО ПОД СТРАЖЕЙ

THE FUNCTIONS OF DEFENSE ATTORNEY IN THE EXTENSION OF PRE-TRIAL DETENTION

Аннотация. Продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве характеризуется устойчивой правоприменительной практикой, при которой ходатайства органов следствия удовлетворяются судами в подавляющем большинстве случаев. Это порождает риск формального подхода к оценке оснований для дальнейшей изоляции обвиняемого и требует переосмысления роли защитника как ключевого субъекта, способного обеспечить действенный правовой контроль на данном этапе. В статье выделены и раскрыты основные функции защитника в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

Ключевые слова: заключение под стражу, продление срока содержания под стражей, защитник, функции защитника, судебный контроль, состязательность, защита прав обвиняемого.

Abstract. The extension of the detention period in Russian criminal proceedings is characterized by a stable law enforcement practice, in which the investigative authorities' requests are granted by the courts in the vast majority

of cases. This creates a risk of a formal approach to assessing the grounds for further isolation of the accused and requires a reevaluation of the role of the defense attorney as a key actor capable of ensuring effective legal control at this stage. The article highlights and explains the main functions of the defense attorney during the court hearing on the extension of the accused's detention period.

Keywords: detention, extension of detention, defense attorney, defense functions, judicial control, adversarial proceedings, protection of the accused's rights.

Институт мер пресечения в российском уголовном процессе направлен на соблюдение баланса интересов общества и государства, а также личности и ее конституционных прав, хотя и не лишен пробелов в законодательном регулировании и дискуссионных аспектов правоприменения. Если на первоначальном этапе расследования заключение под стражу часто обусловлено наличием обстоятельств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления, возможность скрыться или оказывать давление на иных участников, в совокупности с ограниченным временем для принятия решения, то процедура продления предполагает более тщательный анализ актуальности оснований, послуживших причиной ограничения прав и свобод подозреваемого и обвиняемого.

Согласно статистическим данным, представленным Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации, за первое полугодие 2025 года только в 2,3 % случаев в ходатайстве о продлении срока меры пресечения в виде заключения под стражу было отказано судом [1]. Вместе с тем следует отметить, что в период с 2017 года по 2022 год этот показатель был ниже (0,6–1,1 %) [2, с. 396]. Причины таких отказов в продлении неоднородны и не выделяются в качестве отдельных показателей, однако в 62,6 % случаев (1047 ходатайств в первом полугодии 2025 года) связаны с применением более мягкой меры пресечения. Несмотря на имеющуюся положительную динамику в представленных данных, все еще устойчива сложившаяся практика сохранения ранее избранной на основании решения суда меры пресечения при рассмотрении ходатайства о продлении ее срока при очевидной утрате актуальности обстоятельств, ранее послуживших основанием для избрания меры пресечения, что должным образом не оценивается судом к моменту продления. Устойчиво и, порой, небезосновательно, мнение о том, что если следователь или дознаватель ходатайствует перед судом о продлении срока применения меры пресечения, то решение в большинстве случаев будет приниматься в пользу органа расследования.

В этих условиях ключевой фигурой, способной превратить формальную процедуру в действенный механизм правового контроля, выступает защитник, задача которого заключается в том, чтобы не допустить «автоматического» и немотивированного продления срока содержания под стражей

или иной ограничительной меры. В этой связи предпринята попытка выделить функции защитника в судебном заседании по вопросу рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

1. Функция проверки законности и обоснованности.

Деятельность защитника начинается задолго до начала судебного заседания и носит аналитический характер. Такая функция предполагает тщательное изучение обоснованности ходатайства стороны обвинения и состоит из нескольких аспектов.

Так, защитник обязан проверить, сохранились ли первоначальные основания для избрания меры пресечения, предусмотренные статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Следователь, вынося перед судом ходатайство, зачастую воспроизводит формулировки предыдущего постановления: «обвиняемый может скрыться, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам судопроизводства», обобщая свою позицию тем, что «обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения, не изменились и не отпали». При этом нередкими являются случаи, когда в судебном заседании такие доводы не находят своего подтверждения в материалах, представленных в обоснование ходатайства. Защитник должен подвергнуть эти версии сомнению, оценив, насколько объективны такие доводы, и опровергнув их другими фактическими данными.

За период расследования могли произойти изменения, существенно влияющие на актуальность указанных выше обстоятельств: обвиняемый мог возместить ущерб, дать признательные показания и содействовать органам следствия, утратить доступ к доказательствам, изменить место жительства на постоянное, вступить в брак, обзавестись иждивенцами.

Кроме того, судом в обязательном порядке учитываются сведения о состоянии здоровья, препятствующие содержанию под стражей, которым особое внимание было уделено в последних изменениях, внесенных в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3].

Нередко обвиняемый, содержащийся в изоляции от общества, не может в полной мере и в короткие сроки самостоятельно получить соответствующие документы, подтверждающие вышеуказанные обстоятельства, и впоследствии грамотно и четко изложить свои доводы в судебном заседании. В данном случае эту функцию берет на себя защитник.

2. Функция сбора и предоставления доказательств.

Проверка доводов обвинения была бы бесполезной без одновременного конструирования собственной доказательственной базы защиты. Рассматриваемая функция направлена на опровержение позиции следствия и обоснование возможности применения более мягкой меры пресечения.

Защитник формирует пакет документов, опровергающих необходимость изоляции обвиняемого к моменту продления и инициирует сбор доказательств, характеризующих его личность: положительные характеристики с места работы и жительства, справки о наличии семьи и иждивенцев, медицинские документы, доказательства наличия постоянного дохода и легального источника существования, документы о праве собственности на жилье, ходатайства трудовых коллективов, общественных организаций, поручительства авторитетных лиц (депутатов, ученых, священнослужителей), допрос собственника жилого помещения, который не возражает против проживания обвиняемого в случае замены меры пресечения на домашний арест. Ключевое значение могут иметь документы, подтверждающие возможность заменить текущую меру пресечения на залог и готовность на это самого обвиняемого, поскольку следователь самостоятельно, без учета позиции стороны защиты, не может учитывать наличие таких обстоятельств.

Защитник не ограничивается представлением готовых документов, но и ходатайствует перед судом об их истребовании, о допросе свидетелей, способных подтвердить наличие социальных связей у подзащитного, о приобщении медицинских заключений. В исключительных случаях, когда подзащитный содержится под стражей, защитник может ходатайствовать о назначении экспертиз для подтверждения наличия заболеваний, входящих в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

3. Функция обеспечения процессуальных гарантий.

Она заключается в обеспечении соблюдения процессуальных прав обвиняемого на всех этапах производства по вопросу о продлении срока меры пресечения.

Так, защитник контролирует своевременность уведомления обвиняемого и себя о дате, времени и месте судебного заседания. Согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ, участие обвиняемого в заседании является обязательным, за исключением случаев, когда он сам ходатайствует о рассмотрении в его отсутствие либо скрылся. Защитник обязан пресекать практику рассмотрения ходатайств в отсутствие обвиняемого, если тому нет законных оснований.

Кроме того, важным является обеспечение права на заблаговременное ознакомление с материалами, обосновывающими ходатайство, без реализации которого невозможна полноценная подготовка к процессу. Защитник должен заявить ходатайство об ознакомлении и, в случае отказа или ограничения во времени, фиксировать это нарушение для последующего обжалования.

Защитник имеет право на обжалование всех процессуальных нарушений в ходе судебного заседания, которые могут быть не понятны самому обвиняемому ввиду отсутствия у последнего соответствующих знаний и компетенций, позволяющих своевременно распознать и адекватно оценить

их правовые последствия. Например, неисследование судом материалов, представленных стороной защиты, формальный подход к оценке доводов сторон, необоснованные отказы в приобщении документов защиты. Эти обстоятельства впоследствии могут стать основанием для отмены решения судом апелляционной или кассационной инстанции.

Совокупность реализуемых функций формирует особую роль защитника при продлении судом срока меры пресечения – роль не пассивного наблюдателя, а активного процессуального оппонента. Успех защитника измеряется не только формальным отказом в продлении меры пресечения или изменением ее вида, но и максимальным использованием всех правовых возможностей для обеспечения интересов подзащитного, недопущения произвола со стороны следствия и суда. В научной литературе справедливо отмечается, что активная позиция защитника состоит в обоснованном и убедительном обжаловании действий (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, а также в убеждении суда в необходимости избрания менее строгой меры пресечения [4, с. 38]. Именно такая позиция, при которой в полной мере реализуются вышеуказанные функции, превращает судебное заседание о продлении меры пресечения в подлинно состязательный процесс, где решается судьба человека, еще не признанного виновным.

Библиографический список

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. Сиворакша В. В. О некоторых причинах отказа суда в удовлетворении ходатайств о продлении сроков содержания под стражей и домашним арестом // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференция. 2023. С. 396 – 400.

3. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Долгушин Д. А. Роль защитника в процессе избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 36–38.

© Сиворакша В. В., 2026

УДК 343.132.4

Соколова Т. С. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ИНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

ON THE ISSUE OF INTERNATIONAL PRACTICE OF LEGAL REGULATION AND OTHER ENFORCEMENT MEASURES APPLIED TO DIGITAL CURRENCIES

Аннотация. На сегодняшний день цифровые технологии активно используются в различных сферах жизнедеятельности человека и наряду с этим увеличивается ряд преступлений, связанных с киберпреступностью, что вызывает необходимость в разработке эффективного правового регулирования в данной отрасли. В связи с тем, что существуют специфические особенности, связанные с расследованием преступлений, которые совершаются с использованием криптовалюты, необходимо знать компьютерные технологии и механизм функционирования сети биткоин, а для этого нужно развивать криминалистическую теорию, углубив ее научными знаниями о методике расследования преступлений, которые совершаются с помощью электронных платежных систем на основе криптографии, в связи с чем автором в данной статье проанализированы некоторые вопросы, касающиеся международной практики правового регулирования и применения иных мер принуждения в отношении цифровых валют.

Ключевые слова: цифровизация, информационно-телекомму-никационные сети, меры принуждения, обнаружение, изъятие, процессуальное действие.

Abstract. Today, digital technologies are actively used in various areas of human life, and at the same time, a number of cybercrime-related crimes are increasing, which necessitates the development of effective legal regulation in this field.Due to the fact that there are specific features related to the investigation of crimes committed using cryptocurrency, it is necessary to know computer technology and the functioning mechanism of the Bitcoin network. This requires the development of forensic theory and its deepening.The author has analyzed some issues related to the international practice of legal regulation and the use of other coercive measures in relation to digital currencies.

Keywords: digitalization, information and telecommunication networks, coercive measures, detection, seizure, procedural action.

В настоящее время перед органами предварительного расследования стоит достаточно сложная задача, так как отсутствуют множество «ступенек» для того, чтобы правильно и без особых затруднений начать расследовать преступления, связанные с криптовалютой.

Криптовалюта начала свое развитие за рубежом и постепенно стала мировым феноменом. Неудивительно, что правовое регулирование цифровых валют также началось не в России. Однако по мере распространения цифровых валют страны выбирали различные пути регулирования правовых отношений в сфере оборота новых систем обмена и платежа.

В 2008 году люди узнали о технологии блокчейн, а уже в 2010 году покупают пиццу за 10000 биткойнов [1]. Несмотря на быстрый рост успеха нового средства платежа, мировому сообществу потребовалось целых шесть лет, чтобы понять, что необходимо урегулировать данное направление. Государства буквально вынудили создать правовую базу для цифровых валют, так как технология блокчейн не только дала экономике стран новый виток развития, но и создала огромную брешь, открывающую путь теневому рынку. Тут и наркотики, и оружие, и другие нелегальные товары и услуги. Сильнее всего, по мнению политиков, ущерб экономике был нанесен из-за отмывания денег с помощью технологии блокчейн. Поэтому первыми на правовое поле внесли отчет Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (FATF – The Financial Action Task Force) [2]. В отчете, помимо статистики по преступлениям, был также приведен глоссарий, разъясняющий значения новых средств платежа и способов ведения незаконной деятельности.

Таким образом, в 2014 году сообщество признало, что криптовалюта обладает всеми характеристиками любой государственной валюты, но при этом эмитентом выступают именно люди, пользующиеся ею. Помимо этого, цифровая валюта и ее обмен никак не урегулированы ни одним государством, а тем более международными договорами.

Отчет выделил два вида цифровой валюты: конвертируемая и неконвертируемая. Цифровая валюта, которая не выражалась в качестве национальной валюты, в отличие от электронных средств платежа, но имела возможность обмена на нее по определенной стоимости, является конвертируемой. Неконвертируемой признаны валюты, действующие только в рамках одной цифровой площадки, например, в социальных сетях или играх.

В 2018 году FATF в своей рекомендации заменили понятие «Цифровая валюта» на «Цифровые активы», при этом содержание понятия не поменялось [3]. Это изменение дает возможность более широко позиционировать криптовалюту. Если раньше направление развития права вело в сферу признания набора цифровых данных в качестве валюты, то теперь есть возможность приравнивания к имуществу. Это нашло и отражение в правовом регулировании цифровых валют в различных государствах.

В качестве примера признания на законном уровне криптовалюты в качестве имущества можно привести Канаду. В налоговом праве Канады цифровая валюта признается в качестве товара и подлежит налогообложению как любой приобретенный товар и доход с его продажи [4]. Несмотря на это в Канаде не запрещено использовать криптовалюты в качестве обмена и средств платежа. Люди активно приобретают товар и оплачивают услуги в Интернете. Налоговое бремя в данном случае падает на продавца, так как технически он приобрел криптовалюту, но заплатил не деньгами, а произведенным товаром. Такой обмен расценивается, как доход продавца. Приобретение криптовалюты также облагается таким налогом, как добавленная стоимость.

Индия также пошла по пути признания криптовалют в качестве имущества, однако рассматривает его только как актив, а не средство платежа. Но и к этому правительство Индии пришло не сразу. Изначально все операции с криптовалютой были запрещены и преследовались по закону [5]. Из-за деятельности криптовалютных бирж система финансового регулирования, которая строилась долгие годы, могла рухнуть в одно мгновение. В последующем право в данном направлении смягчилось и гражданам разрешили использовать цифровые валюты, но только в качестве актива, рост которых считался приростом капитала пользователя. В целях обеспечения налогообложения и регулирования криптовалютных операций Индия регулярно запрашивает у бирж данные о деятельности индийских пользователей [6]. Позднее система блокчейн вошла и в банковскую систему, что увеличило финансовое положение страны, так как банки могли значительно быстрее обмениваться информацией и проводить валютные операции [7].

Китай считается продвинутым экономически государством, но к криптовалютам относится, видимо, скептически. С этой страной связан распространенный термин «майнинг», так как оба бума, в которые эмитировались криптовалюты, возникали именно из-за жителей Поднебесной [8]. Больше всего «добытчиков» биткойна зарегистрированы в Китае. Несмотря на такую славу, правительство страны посчитало нелегальным финансовые операции с использованием виртуальных валют. В 2017 году правительство Китая запретило всем национальным биржам размещать на своих площадках, в том числе и первично, любые виртуальные валюты, а также использовать их в качестве платежного средства [9]. Это буквально «выгнало» всех иностранных криптоинвесторов из страны, а граждан Китая заставило отказаться от «майнинга» виртуальных валют. Тем не менее отказываться от технологии блокчейн не стали. На ее основе страна выпустила свою валюту «Цифровой Юань». По сути эта виртуальная валюта обладала всеми свойствами криптовалюты, за исключением эмитента, в роли которого уже выступало именно государство [10].

Евросоюз избрал свой путь легализации криптовалют. Он признал все операции с цифровой валютой равными операциям с валютой и освободил

их от налогообложения. Этим был создан прецедент, в котором, по сути, цифровая валюта была признана рядом государств в качестве средств платежа. Биржи, в свою очередь, обязаны предоставлять информацию об операциях пользователей, чтобы избежать отмывания денег и роста теневого рынка. Однако ничто не мешает гражданам обмениваться цифровой валютой «из рук в руки». На рынке есть множество криптокошельков, которые не позволяют торговать цифровой валютой, но с помощью них можно хранить криптовалюту и отправлять ее кому угодно, а равно и получать. Такой пробел в праве открывает большие возможности для преступной деятельности.

Проанализировав политику иностранных государств в области регулирования общественных отношений, связанных с цифровой валютой, можно выделить несколько направлений. Одни страны запрещают оборот цифровой валюты, другие признают в качестве имущества или частично разрешают их оборот, а третьи приравнивают ко всем остальным валютам и освобождают от налогооблажения.

Наиболее действенной тактикой считается признание цифровой валюты в качестве имущества, так как, несмотря на схожесть с деньгами, криптовалюта является набором символов, который можно перенести на съемном носителе или на любом другом носителе информации. Ни одну национальную валюту нельзя перенести вручную на бумагу.

Феномен криптовалют стал для всего мира потрясением. И пока граждане экспериментировали с новым инструментом ведения бизнеса, государства пытались урегулировать цифровую валюту, которая быстро стала предметом преступления. Самой большой проблемой явилось не то, что операции, проводимые с цифровыми валютами, было сложно отследить, а то, что не было никаких законов, регламентирующих их деятельность.

Первыми создали судебные прецеденты страны англо-саксонской системы права. Обширное количество разрозненных законов стали опорой для решения уголовных дел в судах.

Чувство безнаказанности начало развеиваться, когда в 2013 году прошло судебное разбирательство «Соединенные Штаты Америки против Файэлла» [11]. Последнего обвинили в отмывании денег. Мужчина занимался конвертацией денег, добытых преступным путем, в криптовалюты и отправлял их на счета пользователей «Шелкового пути» (сайт, на котором торгуют нелегальными товарами и оказывают нелегальные услуги). Обвиняемый ссылался на то, что криптовалюта не является деньгами, а значит его действия не могут квалифицироваться как отмывание денег. К его сожалению, суд нашел аргументы в пользу стороны обвинения, ссылаясь на общее понятие денег из словарей. В них указано, что деньгами могут признаваться любые средства, могущие считаться в качестве бухгалтерской единицы и предназначенные для оплаты товаров и услуг. В то время криптовалютой уже активно расплачивались не только в теневом секторе экономики, но и на гражданском рынке.

Криптовалюту у обвиняемого изъяли в пользу государства, а ущерб был подсчитан в виде стоимости цифровой валюты в долларах на момент судебного заседания. Таким образом, данный судебный прецедент признал криптовалюту в качестве денежной единицы.

Забавно, что в 2016 году по аналогичному делу суд Соединенных Штатов Америки (далее – США) встал на сторону обвиняемого, ссылаясь на отсутствие закона, прямо квалифицирующего правовой статус криптовалют [12].

Еще одна позиция судов США в отношении криптовалют возникла по делу о мошенничестве в сфере инвестиций. Гражданин в целях привлечения финансов запустил свой инвестиционный проект, основанный на криптовалюте. По сути, система схожа с пирамидой, но мужчина обманным путем выводил из проекта цифровую валюту и обращал ее в свою пользу. Обвиняемый также указал на отсутствие правового статуса криптовалют, но суд все же признал нестабильные койны в качестве активов, наравне с ценными бумагами и изъял добытые преступным путем средства [13].

Регламентация цифровой валюты в качестве ценных бумаг не считается возможной, так как у них нет бумажной формы, а основа цифровая. Но признание в качестве актива более реальна.

Важным для судебных разбирательств США событием стало признание Налоговым управлением криптовалюты в качестве имущества. Помимо того, что цифровая валюта облагается налогом наравне с другим имуществом, государство вправе изымать это имущество в целях исполнения обязательств. Доход с оборота цифровых валют считается приростом стоимости имущества и также облагается налогами в соответствии с законами США.

Мировым феноменом стало разбирательство криптовалютной биржи с Комиссией по ценным бумагам и биржам США по поводу размещения цифровой валюты. Суть обвинения истца в том, что биржа не предупредила о размещении и продаже ценных бумаг, а ответчик утверждал, что токены не являются ценной бумагой. Суд не принимал однозначных решений, но разграничил понятия.

Решением суда токены, которые разместила криптобиржа на своей площадке, признаются цифровой валютой, и их продажа не нуждается в уведомлении Комиссии по ценным бумагам. Однако некоторая продажа осуществлялась не напрямую, а через договоры-обязательства покупки – по аналогии с опционами на финансовой бирже. Такие договоры можно отнести к ценным бумагам, подразумевающим возможность получения прибыли, а значит о таких сделках необходимо уведомлять.

Суд принял решение по аналогии с финансовой биржей, где сама валюта является деньгами, а инструменты для ее покупки – ценными бумагами. Однако остается множество вопросов относительно других инструментов криптобиржи.

Весь остальной мир как будто наблюдает за судами США, чтобы создать на основе их прецедентов свою правовую базу. На этом фоне выделяется Китай, который полностью отказался от криптовалют, запретив их размещение и оборот на территории страны. Таким образом, на данный момент это единственная страна, которая решилась полностью отказаться от инструмента, который всколыхнул весь мир. Однако от технологии блокчейн отказываться не стали. На ее основе создают Цифровой Юань. В перспективе Китай хочет добиться использования всех преимуществ технологии в виде трансграничных платежей и возможности отказаться от банковского обременения, но при этом полностью контролировать систему, становясь гарантом стабильности валюты.

Библиографический список:

1. 5 тыс BTC за $5 и легендарная пицца. Главные биткоин-транзакции за 13 лет // Информационное агентство «РБК». URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 09.02.2026).

2. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. URL: http://www.fatf-gafi.org/ (дата обращения: 09.02.2026).

3. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации. URL: http:// www.fedsfm.ru/ (дата обращения: 09.02.2026).

4. Al-Shikarchy, Mariam, Steven Baum, and Laura Gheorghiu. 2017. Gowling WLG, Canadian Taxation of Cryptocurrency ... So Far. Lexology. URL: https://www.lexology.com/ (дата обращения: 09.02.2026).

5. Nupur, Anand. 2018. Arun Jaitley Has just Killed India's Cryptocurrency Party. URL: https://qz.com/ (дата обращения: 09.02.2026).

6. Jain, Rupam, and Manoj Kumar. 2018. India Sends Tax Notices to Cryptocurrency Investors as TradingHits $3.5 Billion. URL: https://www.reuters.com/ (дата обращения: 09.02.2026).

7. Huang, Zheping. 2018. This Could Be the Beginning of the End of China's Dominance in Bitcoin Mining. URL: https://qz.com/ (дата обращения: 09.02.2026).

8. Pilarowski Greg, and Lu Yue. 2017. China Bans Initial Coin Offerings and Cryptocurrency Trading Platforms, China Regulation Watch (21 September 2017). URL: http://www.pillarlegalpc.com/en/news/2017/ (дата обращения: 09.02.2026).

9. Кулаева Е. К., Туралева А. И., Калимонов И. К. Китайский опыт создания цифровой национальной валюты // Казанский вестник молодых ученых. 2022. № 4.

10. Дружинин М. Р. Правовое регулирование криптовалют в зарубежных странах : уголовнно-правовой аспект // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.

11. Материалы дела № 15-CR-227A The US v. Petrix // Электронная библиотека судебных решений США «LEAGLE». URL: https://www.leagle.com/ (дата обращения: 09.02.2026).
12. Материалы дела № 23090 SEC v. Trendon T. Shavers // URL: https://www.sec.gov/ (дата обращения: 09.02.2026).

© Соколова Т. С., 2026

УДК 351.74.078(470)

Степанова А. А. – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

MODERN PROBLEMS OF ENSURING LEGALITY AND DISCIPLINE IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты обеспечения законности и служебной дисциплины в деятельности органов внутренних дел. Раскрывается содержание понятий законности и служебной дисциплины, их взаимосвязь и значение для эффективного функционирования системы государственного управления.

Ключевые слова: законность, служебная дисциплина, виновное действие, общественные организации, служебная деятельность, ответственность.

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of ensuring the rule of law and service discipline in the activities of internal affairs bodies. It reveals the content of the concepts of the rule of law and service discipline, their interrelation, and their significance for the effective functioning of the public administration system.

Keywords: legality, official discipline, guilty action, public organizations, official activities, and responsibility.

В современных условиях особую актуальность приобретают порядок и организованность среди личного состава.

Нарушения законности и дисциплины сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) представляют серьезную опасность для эффективного решения оперативно-служебных и боевых задач стоящих перед

личным составом, дискредитируют в глазах населения Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав [1].

Служебная дисциплина и законность между собой тесно взаимосвязаны. Выполняя служебные обязанности, сотрудник должен использовать средства, соблюдать процессуальные правила и тактические приемы, предусмотренные либо допускаемые законами и иными нормативными правовыми актами. Все требования законности, обращенные к государственным служащим, и в первую очередь проходящим правоохранительную и военную службу, составляют одновременно и содержание дисциплины. С другой стороны, дисциплинарные нормы могут основываться и на моральных требованиях, служебных обрядах, ритуалах, этикете и традициях, прямо не регламентированных правовыми предписаниями [2].

Законность в юридической науке понимается как неуклонное исполнение законов и иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями. Ее трактуют также и как систему юридических правил, норм, средств и гарантий с соответствующими им государственными структурами, призванную обеспечивать практическую реализацию законов и других правовых актов. Законность при исполнении обязанностей государственной службы формирует необходимый характер отношений между властью и гражданами, обществом в целом, обеспечивает авторитетность и эффективность социального управления. Законность одновременно является универсальным конституционным и общеправовым принципом, соблюдение которого обязательно в практической деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц и служащих, а также предприятий и организаций (независимо от формы собственности и организационно-правовой формы), их руководителей, граждан, иностранцев и апатридов.

Истинная законность может быть обеспечена лишь в демократическом правовом и социальном государстве, безусловно признающим приори-

тет прав, свобод и законных интересов человека во всех сферах общественных отношений и обеспечивающим ему достойную жизнь в социально-экономическом и нравственно-культурном отношении. Эффективное государство, строящее свои взаимоотношения с личностью на основе признания высокой значимости ее легитимных ценностей, выступает гарантом социального и культурного благополучия своих граждан. Современное демократическое государство не может существовать как правовой феномен, не воплощая в своей повседневной практике гражданские и политические права и свободы [1].

Таким образом, законность, являясь принципом деятельности ОВД требует от каждого сотрудника правильного исполнения законов и ведомственных нормативных актов, усвоения и использования в своей служебной деятельности правовых знаний, правомерного поведения как при исполнении должностных обязанностей, так и вне службы, предупреждения и пресечения противоправных действий со стороны граждан и должностных лиц. Нарушения законности, допускаемые сотрудниками ОВД в процессе осуществления правоохранительной деятельности, в отличие от дисциплинарных проступков, всегда отрицательно сказываются на обеспечении правопорядка и ущемляют права, свободы, законные интересы граждан и организаций [4].

Необходимо повышать личную ответственность руководителей за результаты профилактической работы с подчиненными по вопросам укрепления служебной дисциплины, морально-психологическое состояние в своих подразделениях.

Несмотря на нарекания в адрес органов внутренних дел, состояние законности в органах внутренних дел некритично. В общей структуре преступлений по стране в целом удельный вес их все же невелик. Кроме того, динамика преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, по годам изменчива.

Анонимное анкетирование руководящего состава отдельных подразделений выявило следующие причины и условия, способствующие нарушению сотрудниками ОВД служебной дисциплины и законности:

1) низкая квалификация отдельных сотрудников полиции приводит к нарушению норм закона в связи с отсутствием навыка по правильному толкованию и отстаиванию своей правовой позиции;

2) карьеризм и стремление завысить показатели за счет устремления к пренебрежительному отношению к правам и свободам граждан отдельными сотрудниками полиции, которые носят латентный характер и выявляются только в результате адресной проверки;

3) невозможность четкого определения должностных обязанностей и спецификации сотрудников органов внутренних дел. Например, участковому уполномоченному полиции, в силу некомплекта в отдельных подраз-

делениях возникает необходимость в исполнении обязанностей дознавателя. При расследовании преступлений в качестве дознавателя участковым уполномоченным полиции может возникнуть ситуация по нарушению законности и служебной дисциплины;

4) личные мотивы сотрудника и неподверженность индивидуально-воспитательной работе;

5) постановка подчиненным задач по улучшению показателей на службе толкает отдельных сотрудников полиции к нарушению закона и дисциплины, а также пренебрежению моральными принципами;

6) личный пример отдельных руководителей, приводящий к тому, что сотрудник начинает вести себя также в отношении правонарушителей, подозреваемых, обвиняемых и других лиц, с которыми ему приходится взаимодействовать в силу службы;

7) усталость и чрезмерные нагрузки сверх нормы, связанные с осуществлением полномочий за сотрудников, отсутствующих на рабочем месте по различным объективным причинам;

8) низкий уровень правовой защищенности сотрудников полиции. Требование практически любого контрольного органа о необходимости привлечения сотрудника полиции к дисциплинарной ответственности признается руководителями и даже самими сотрудниками как должное независимо от наличия вины и дисциплинарного проступка;

9) отсутствие должного учета нагрузки и ее превышения. Сотрудники ОВД привлекаются к дисциплинарной ответственности за некачественный сбор материала проверки и иные действия в рамках своих полномочий независимо от реальной нагрузки.

Поддержание состояния служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел на необходимом и должном уровне сопряжено с совершенствованием законодательства и практики его реализации (применения).

В этой связи предлагается:

– обновить Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [2], приведя его в соответствие общему курсу совершенствования системы МВД России как ключевой структуры обеспечения, прежде всего, законности и правопорядка;

– установить особый статус для гражданских лиц, трудящихся в ОВД, наравне с сотрудниками этих органов. Впредь именовать этих лиц вольноопределяющимися, а не вольнонаемными, так как последняя характеристика уничижительна для них;

– рассмотреть возможность включения в законодательный и правоприменительный оборот понятия «депоощрение»;

– предусмотреть нормы, ведущие к формированию режима наибольшего благоприятствования для поступления на службу в органы внутренних дел участников специальной военной операции;

Кроме этого, необходимо отметить, что повышение уровня правовой культуры и грамотности сотрудников ОВД, их руководителей, а также повышение культуры и моральных качеств позволили бы снизить количественные и качественные показатели уровня нарушений.

Предложения по совершенствованию профилактической работы по предупреждению нарушений среди выпускников образовательных организаций МВД России:

1) личный пример руководителей территориальных отделов и наставника выпускника образовательной организации МВД России. Нецензурная лексика, нарушение моральных и этических норм при проведении оперативных совещаний и иных совместных мероприятий расхолаживает «новоиспеченного» сотрудника полиции;

2) надлежащий контроль со стороны управлений в проведении воспитательной работы с личным составом руководителей подразделений, а также методов, используемых для управления территориальным отделом. Нарушение законодательства со стороны руководителя в любом его проявлении служит примером для «новоиспеченного» сотрудника о том, что ему также можно нарушать закон и служебную дисциплину. Например: если руководитель подразделения и территориального органа ссылается на оперативную обстановку и игнорирует требования законодательства о социальных гарантиях, материальных выплатах, неадекватно применяет меры дисциплинарных взысканий, то и выпускник образовательного учреждения будет копировать поведение старших товарищей;

3) улучшение качества мероприятий по правовой подготовке. Иногда руководители сами допускают неправильную трактовку законодательства и доводят эти требования до личного состава, что сказывается на качестве реализации услуг по охране общественного порядка и общественной безопасности;

4) премирование наставников, показывающих эффективную работу по воспитанию выпускников образовательных организаций МВД России. Выработать качественные показатели и критерии оценивания наставников;

5) сохранение и передача лучших традиций МВД России и отказ от негативных. Например, все совместные мероприятия, на празднование памятных дат, получения званий, назначения на должность должны проходить со стремлением к минимизации потребления спиртосодержащей продукции;

6) обсуждение проблемных вопросов в территориальных отделах путем личных бесед с подчиненными и увольняющимися, переводящимися сотрудниками. Особое внимание необходимо обратить на лиц, увольняющихся из ОВД по выслуге лет, которые уже имея определенный багаж знаний, положение дел в территориальном отделе или подразделении могут дать объективную оценку происходящему. В случае выявления нарушений со стороны руководителей подразделений необходимо проводить адресную работу в отношении таких сотрудников ОВД.

Причины и условия нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками ОВД представляют собой комплекс факторов организационного, психологического и социального характера. Среди основных причин можно выделить:

1. Недостаточная профессиональная подготовка: низкий уровень квалификации и отсутствие необходимых навыков приводят к ошибкам и неправомерным действиям.

2. Негативное влияние социальной среды: коррупционные проявления, злоупотребления властью способствуют нарушению норм закона.

3. Психологические факторы: эмоциональное выгорание, стрессовые ситуации, высокая нагрузка негативно сказываются на поведении сотрудников.

Условия возникновения нарушений:

1. Отсутствие должного уровня ответственности: слабое понимание последствий противоправных действий снижает самоконтроль сотрудников.

2. Коррупционная среда: распространение коррупции внутри системы создает атмосферу безнаказанности и вседозволенности.

3. Финансовая нестабильность: низкая заработная плата, неудовлетворительные бытовые условия провоцируют сотрудников искать дополнительные доходы нелегальным путем.

Таким образом, устранение указанных причин и условий требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательной базы, повышение профессиональной подготовки сотрудников, улучшение материального положения и усиление внутреннего контроля. Только совместные усилия руководства МВД России, общественности и государственных институтов позволят обеспечить высокий уровень соблюдения служебной дисциплины и законности среди сотрудников ОВД.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.02.2026).

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.02.2026).

3. Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел / А. А. Алексеев, И. Ю. Кобозев, О. Н. Миронкина [и др.] // Организация работы с личным составом органов внутренних дел : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 154–337.

4. Сидорова М. В. Соотношение законности и дисциплины в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 199–208.

© Степанова А. А., 2026

УДК 343.132.1

Сучков А. И. – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ПРОТОКОЛ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В СИСТЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

SPECIALIZED PROTOCOL OF INSPECTION OF THE SCENE IN THE EVIDENCE SYSTEM FOR CASES ON ROAD TRAFFIC CRIMES:PROBLEMS OF UNIFICATION AND EFFICIENCY

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем унификации и оценки эффективности специализированного протокола осмотра места дорожно-транспортных происшествий как процессуального документа и криминалистического инструмента. Рассматривается соотношение унифицированной бланковой продукции с требованиями ст. 166, 176–177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Акцентируется внимание на противоречии между ведомственной унификацией формы и процессуальным усмотрением следователя. Обосновывается, что эффективность протокола определяется не фактом его применения, а степенью адаптации формализованной структуры к конкретной следственной ситуации. Формулируются предложения по оптимизации содержания бланка и тактики его использования.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, дорожно-транспортное происшествие, специализированный протокол, унифицированный бланк, фиксация доказательств, криминалистическая тактика, первоначальный этап расследования.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of unification and assessment of the effectiveness of a specialized protocol for inspecting

an accident site as a procedural document and a forensic tool. The ratio of unified blank products with the requirements of Art. 166, 176-177 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The contradiction between the departmental unification of the form and the procedural discretion of the investigator is emphasized. It is justified that the effectiveness of the protocol is not determined by the fact of its application, but by the degree of adaptation of the formalized structure to a specific investigative situation. Proposals are formulated to optimize the content of the form and the tactics of its use.

Keywords: inspection of the scene, road traffic accident, specialized protocol, unified form, recording of evidence, forensic tactics, initial stage of investigation.

Осмотр места происшествия по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, занимает особое место в системе следственных действий. Его результаты непосредственно детерминируют содержание процессуального решения, принимаемого в порядке ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): от возбуждения уголовного дела до отказа в нем по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава преступления) [1, с. 86].

Расследование данной категории преступлений объективно требует межведомственного взаимодействия следователя с экспертно-криминалистическими подразделениями и иными службами органов внутренних дел. Специфика производства по делам о дорожно-транспортных преступлениях (далее – ДТП) во многом обусловлена внезапностью и скоротечностью события, протекающего в условиях интенсивного транспортного потока, а также объективной сложностью восприятия и запоминания обстоятельств происшествия его участниками и очевидцами.

В силу ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Осмотр места ДТП с полным основанием может быть отнесен к категории неотложных следственных действий, поскольку:

– промедление влечет невосполнимую утрату следовой информации;

– возникает риск уничтожения, повреждения либо видоизменения вещной обстановки;

– затрудняется установление лица, совершившего преступление;

– создаются препятствия для оперативного устранения последствий аварии и угроз безопасности дорожного движения.

Осмотр места ДТП объективно ориентирован на последующее экспертное исследование (автотехническое, трасологическое, судебно-медицинское и др.), что предъявляет повышенные требования к точности измерений и объективности фиксации объектов и следов. Реализация указанных требований невозможна без применения специализированных технических

средств, включая: измерительные приборы (рулетки, дальномеры, фотограмметрические комплексы); средства фото- и видеофиксации, обеспечивающие наглядность и верифицируемость результатов. Применение последних приобретает значение самостоятельной процессуальной гарантии, позволяющей оценить достоверность доказательств и объективность расследования в целом. В связи с этим использование технических средств фиксации является императивным элементом осмотра места ДТП вне зависимости от того, производится ли оно с участием понятых или без таковых.

Осмотр места происшествия, будучи следственным действием, регламентированным нормами ст. 73, 74, 81, 176–177 и иными положениями УПК РФ, ориентирован на достижение конкретных процессуальных целей:

– установление и фиксацию точной локализации события;

– выяснение и закрепление обстановки места происшествия, включая взаимное расположение предметов и следов;

– обнаружение, процессуальное оформление и изъятие следов, предметов и документов, имеющих доказательственное значение для уголовного дела.

В соответствии с ч. 8 ст. 164 УПК РФ составление протокола является обязательным способом удостоверения хода и результатов любого следственного действия. Общие требования к форме и содержанию протокола, закрепленные в ст. 166 УПК РФ, направлены на обеспечение: достоверности и допустимости доказательств; полноты исследования источников доказательственной информации. Указанные требования носят универсальный характер и в полной мере распространяются на протокол осмотра места дорожно-транспортного происшествия. Одновременно с этим предусмотренная законом структура протокола имплицитно содержит алгоритм производства следственного действия, соблюдение которого выступает дополнительной гарантией его результативности.

Неквалифицированное, неполное либо некачественное проведение осмотра места ДТП влечет невосполнимую утрату следовой информации. Специфика дорожно-транспортного происшествия такова, что обстановка не подлежит длительному сохранению в неизменном виде. Повторный осмотр, равно как и последующие следственные действия – следственный эксперимент, проверка показаний на месте – не способны компенсировать пробелы первоначальной фиксации, поскольку: следы уничтожаются транспортным потоком и атмосферными воздействиями; вещная обстановка подвергается неизбежной трансформации; отдельные объекты утрачиваются либо перемещаются. Таким образом, осмотр места ДТП выступает не просто первоначальным, а ключевым следственным действием, результаты которого в значительной степени предопределяют перспективы дальнейшего расследования и обоснованность итоговых процессуальных решений.

Несмотря на то, что процессуальные задачи осмотра места ДТП в целом корреспондируют общим задачам осмотра места происшествия, содержательное наполнение данного следственного действия отличается выраженной спецификой. Она проявляется в необходимости:

– обнаружения и процессуальной фиксации следов, характерных исключительно для дорожно-транспортной аварии (следы торможения, юза, качения, осыпь грунта и осколков, отделившиеся части транспортных средств);

– изъятия вещественных доказательств, имеющих кратковременный период сохранности;

– предварительного изучения следовой картины непосредственно на месте для выдвижения обоснованных версий;

– реконструкции обстановки происшествия в условиях ее неизбежной и стремительной трансформации.

Фактор временной нестабильности обстановки выступает одной из ключевых криминалистических характеристик осмотра места ДТП. Следы совершения преступления подвергаются быстрому уничтожению вследствие интенсивного движения транспорта, атмосферных осадков, температурных колебаний и иных погодных явлений. Одновременно с этим проезжая часть подлежит скорейшему освобождению для возобновления движения. Дополнительным дестабилизирующим фактором выступает риск умышленного либо неосторожного видоизменения вещной обстановки лицами, находящимися на месте происшествия (участниками, очевидцами, иными гражданами). Указанные обстоятельства предопределяют императив оперативности производства осмотра: своевременность прибытия следственно-оперативной группы непосредственно коррелирует с полнотой выявления следовой информации, качеством ее фиксации и, как следствие, обоснованностью процессуальных решений [2, с. 104].

Изложенное позволяет квалифицировать осмотр места дорожно-транспортного происшествия как следственное действие, обладающее выраженной криминалистической спецификой, что предопределяет необходимость его специального процессуально-документального обеспечения. В связи с этим Следственным департаментом МВД России совместно с Экспертно-криминалистическим центром МВД России разработан и внедрен в практическую деятельность территориальных органов МВД России унифицированный бланк протокола осмотра места ДТП, ориентированный на повышение полноты, качества и доказательственной состоятельности данного следственного действия.

Организационное сопровождение указанного нововведения реализовано на уровне ведомственного императива. Заместителем начальника Следственного департамента МВД России инициировано проведение с личным составом служебных занятий по теме «Осмотр места ДТП с использованием специализированного бланка». Дополнительно предписано: принять

комплекс мер, направленных на повышение эффективности и качества осмотров места ДТП; поставить применение унифицированного бланка при расследовании преступлений в сфере безопасности дорожного движения под персональный контроль руководителей следственных подразделений [3, с. 3].

Анализ практики применения специализированного протокола осмотра места ДТП свидетельствует о наличии устойчивых проблем процессуального и организационного характера. Согласно информационному письму Следственного департамента МВД России, посвященному внедрению специализированного бланка, качество осмотров места дорожно-транспортных происшествий продолжает оставаться низким. Руководителями следственных подразделений не уделяется должного внимания организации расследования преступлений в сфере безопасности дорожного движения, следственно-оперативные группы направляются на место происшествия не в полном составе, а методические рекомендации по фиксации обстановки ДТП систематически нарушаются.

Материалы служебных проверок и ведомственных аналитических обзоров демонстрируют типичный характер выявляемых недостатков. Так, следователями нередко неверно фиксируется расположение транспортных средств и оставленных ими следов (торможения, бокового скольжения, качения), что впоследствии лишает эксперта возможности достоверно установить механизм происшествия. Вещная обстановка описывается упрощенно, не изымаются наслоения лакокрасочных покрытий, объекты биологического происхождения, одежда потерпевших. Крайне редко принимаются меры к обнаружению и изъятию регистрирующих устройств – видеорегистраторов и тахографов [3, с. 2].

Таким образом, особую тревогу вызывает игнорирование следователями специализированного бланка протокола, разработанного Следственным департаментом совместно с ЭКЦ МВД России. Применение устаревших, неадаптированных форм влечет утрату процессуально значимой информации: не фиксируются сведения о дорожных знаках, разметке, техническом состоянии транспортных средств, результатах их осмотра. Восполнение указанных пробелов требует повторного выезда на место, назначения дополнительных экспертиз, что неизбежно затягивает сроки предварительного следствия и создает предпосылки для необоснованных процессуальных решений.

Как справедливо отмечает В. А. Городкин, качество расследования дорожно-транспортного происшествия напрямую детерминировано своевременностью и полнотой проведенного осмотра места происшествия. Указанное следственное действие традиционно находится в фокусе внимания криминалистики и смежных отраслей знания, поскольку требует от следователя не только профессиональной компетенции в области Правил дорожного движения, но и развитых пространственных представлений,

навыков инструментальных замеров и графического моделирования обстановки. В большинстве случаев реализация указанного комплекса действий невозможна без привлечения сведущих лиц [4, с. 13].

Обобщая результаты практической деятельности автора статьи в специализированном следственном отделе по расследованию дорожно-транспортных происшествий СУ УМВД России по Орловской области, представляется возможным выделить ряд системных преимуществ унифицированного бланка протокола [1, с. 95]:

1. Несмотря на значительный объем (16 листов), структура бланка представляет собой не хаотичный перечень граф, а логически выстроенный алгоритм осмотра. Каждый раздел сопровождается подстрочными пояснениями, ориентирующими следователя на обнаружение, фиксацию и описание конкретных объектов и следов. Для опытного сотрудника это обеспечивает оптимизацию временных затрат, для начинающего – страховку от тактических пробелов: вероятность утраты доказательственной информации вследствие забывчивости или недостаточной компетенции существенно снижается.

2. В бланк интегрирована графа, фиксирующая разъяснение ст. 51 Конституции Российской Федерации участникам дорожно-транспортного происшествия (водителям, пешеходам, пассажирам), привлекаемым к осмотру в качестве иных участвующих лиц. Данный элемент имеет не формальное, а стратегическое доказательственное значение. Полученные в ходе осмотра пояснения указанных лиц, сделанные после разъяснения конституционного права не свидетельствовать против себя, впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, что особенно важно при последующем изменении показаний.

3. Специализированный бланк предусматривает максимально формализованное описание условий осмотра: погодные явления, состояние дорожного покрытия, температура воздуха, источники освещения (включая искусственное освещение, наружную рекламу, оконные проемы зданий). Указанная детализация не является избыточной – она создает доказательственную базу для последующего следственного эксперимента, позволяя достоверно воспроизвести обстановку ДТП при проверке видимости, обзорности и иных параметров, влияющих на оценку технической возможности предотвращения происшествия.

4. Специализированный бланк обязывает следователя детально отражать признаки, указывающие на место наезда, столкновения либо опрокидывания: резкое изменение траектории следов колес, локализованный след скольжения заблокированного колеса, осыпь грунта, осколков стекла, отделившихся частей транспортных средств. Указанные элементы позволяют эксперту впоследствии достоверно реконструировать механизм происшествия.

5. В бланк включены графы, требующие фиксации параметров, имеющих ключевое значение для последующей автотехнической экспертизы: состояние рулевого управления и положение управляемых колес; положение

рычага переключения передач; работоспособность рабочей и стояночной тормозных систем; модель шин, рисунок протектора, степень износа и наличие повреждений.

Перечисленные обстоятельства напрямую влияют на установление причинно-следственной связи между действиями водителя и наступившими последствиями. Вместе с тем корректное выявление и описание большинства из них объективно требует участия специалиста-криминалиста. Без его привлечения фиксация указанных данных сопряжена с высоким риском неполноты либо искажения, что существенно снижает доказательственный потенциал протокола.

Показательно, что ранее действовавшая ст. 475 УПК РФ прямо предусматривала возможность составления процессуального документа по аналогии структуры при отсутствии утвержденного бланка. Утрата данной нормой силы, по обоснованному мнению, Т. В. Шутемовой, не свидетельствует о завершении дискуссии о соотношении унификации и усмотрения, а лишь смещает акцент на качество содержательного наполнения процессуальной формы [5, с. 421]. Применительно к осмотру места ДТП это означает: наличие утвержденного бланка – необходимое, но недостаточное условие эффективности; решающее значение приобретает полнота и достоверность фиксируемых в нем сведений.

Проведенный анализ позволяет выделить комплекс системных проблем, препятствующих эффективному использованию специализированного протокола: отсутствие узкой специализации следователей, сотрудники не обладают устойчивыми навыками обнаружения и процессуальной фиксации следовой картины, специфичной для дорожно-транспортных происшествий, дефицит компетенций часто не позволяет им не только квалифицированно описать, но и своевременно выявить значимые следы; игнорирование унифицированной формы протокола, несмотря на ведомственные предписания, значительная часть следователей продолжает использовать произвольные формы фиксации, что влечет утрату доказательственной информации и невозможность ее восполнения на последующих этапах расследования.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что внедрение специализированного протокола осмотра места дорожно-транспортного происшествия является обоснованной и своевременной мерой, направленной на повышение качества процессуальной фиксации обстановки ДТП. Унифицированная бланковая продукция обладает рядом системных преимуществ, вместе с тем эффективность специализированного протокола не является автоматическим следствием его применения.

Перспективным направлением совершенствования процессуальной формы осмотра места ДТП видится не отказ от унифицированного бланка и не его догматизация, а легализация механизма его адаптации. В этой связи заслуживает поддержки предложение А. А. Рыбака о возвращении в УПК РФ главы 57, которая выполняла бы функцию нормативного ориентира при сохранении за следователем права на тактическое дополнение утвержденных

форм [6, с. 124]. Имплементация данного подхода позволила бы: преодолеть разрыв между ведомственной унификацией и процессуальной свободой усмотрения; придать легитимный характер фактически сложившейся практике дополнения бланков; повысить доказательственную состоятельность протоколов осмотра за счет их ситуативной полноты.

Таким образом, специализированный протокол осмотра места ДТП следует рассматривать не как готовое решение проблемы качества осмотра, а как инструмент, эффективность которого находится в прямой зависимости от уровня профессиональной компетенции следователя, организации следственной деятельности и степени интеграции специальных знаний в процесс осмотра.

Библиографический список

1. Сучков А. И. Актуальность использования специализированного бланка протокола осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2021. № 3 (88). С. 86–96.

2. Об опыте проведения СУ МВД России по Республике Бурятия осмотров мест происшествий по делам о дорожно-транспортных преступлениях // Информационный бюллетень Следственного департамента МВД России. 2017. № 3 (173). С. 104–112.

3. О направлении специализированного бланка протокола осмотра места ДТП : информационное письмо Следственного департамента МВД России № 17/3-29971 от 28 октября 2016 г. С. 19.

4. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий, осмотр места ДТП, схема места ДТП : учебное пособие / сост. : В. А. Городокин, А. Е. Вязовский. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2010.

5. Шутемова Т. В. Процессуальный документ : дискуссии и перспективы // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе : новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной реформы : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета, Курск, 14–15 ноября 2019 года. Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2019. С. 419–423.

6. Рыбак А. А. Сущность и значение уголовно-процессуальных // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 120–125.

© Сучков А. И., 2026

УДК 343.1

Теткин Д. В. – доцент кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Рязань);
Андреев А. В. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВО ВРЕМЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

PROBLEM ISSUES OF JURISDICTION OF CRIMINAL CASES DURING MARTIAL LAW UNDER THE CONDITIONS OF SPECIAL LEGAL REGIMES

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы подсудности уголовных дел во время военного положения в условиях правовых режимов. Авторы считают, что на основании анализа накопленного опыта представляется необходимым разработать и закрепить в законодательстве комплексные правовые механизмы адаптации уголовного судопроизводства к особым правовым режимам.

Ключевые слова: подсудность, уголовные дела, военное положение, особые правовые режимы.

Abstract. This article examines the challenging issues of jurisdiction over criminal cases under martial law in the context of specific legal regimes. The authors believe that, based on an analysis of accumulated experience, it is necessary to develop and enshrine in legislation comprehensive legal mechanisms for adapting criminal proceedings to specific legal regimes.

Keywords: jurisdiction, criminal cases, martial law, special legal regimes.

Будучи демократическим и правовым государством, Российская Федерация принимает на себя обязательства, ключевым из которых является гарантия соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина на всей территории страны. Не только представленное положение декларативно закреплено в ст. 2 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), но и многие правовые требования, прямо реализующие это положение, отражены в законах и подзаконных нормативных правовых

актах. Анализируемое положение обладает двойственной природой, фиксируя два ключевых измерения защиты прав и свобод в России. Первое измерение – экстерриториальная защита: государство обязуется охранять законные интересы своих граждан независимо от их местонахождения. Второе измерение – универсальность юрисдикции: на территории Российской Федерации устанавливается единый стандарт защиты для любого лица, будь то гражданин, иностранец или лицо без гражданства, вне зависимости от оснований его пребывания.

В системе гарантий прав и свобод человека в правовом государстве особое место занимает право на судебную защиту, которое подразумевает обязанность компетентного суда рассмотреть любой правовой спор. Правосудие на территории Российской Федерации является исключительной прерогативой суда. Конституция РФ придает правилам определения подсудности одно из главнейших значений: ст. 46 прямо гарантирует каждому право на судебную защиту, определяя возможность обжалования действий и решений любых органов и должностных лиц; ст. 47 устанавливает порядок подсудности; ст. 118 провозглашает исключительное право суда на осуществление правосудия, определяет порядок создания судебных органов, запрещая наделять полномочиями правосудия другие органы и должностных лиц. Таким образом, Конституция Российской Федерации создает четкий правовой режим, исключающий произвольное перераспределение судебных функций.

Конституция РФ устанавливает лишь пять видов судопроизводств (ч. 2 ст. 118), не детализируя правила подсудности – это вполне оправдано, так как данные вопросы относятся к компетенции отраслевого законодательства. Каждый из конституционно закрепленных видов судопроизводств обладает собственным механизмом определения подсудности. При этом уголовный процесс неизменно находится в фокусе особого внимания, поскольку он непосредственно вторгается в сферу конституционных прав граждан и может влечь их ограничение.

При разработке и принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) невозможно было в полной мере предусмотреть все потенциальные ситуации и детализировать правила его применения в любых обстоятельствах. Реальная правоприменительная практика неизбежно выявляет пробелы и потребность в адаптации норм к новым вызовам.

Пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для судебной системы, потребовав обеспечения непрерывности правосудия в экстремальных условиях. В ответ на это были внесены нормативные изменения: не меняя правил подсудности, законодатель существенно расширил возможности цифровых технологий в судопроизводстве. Ключевым нововведением стало законодательное закрепление и повсеместное внедрение видео-конференц-связи для дистанционного участия сторон в процессах.

Апробация данных нововведений доказала их эффективность: ряд успешных практик не только не был утрачен после отмены ограничений, но и продолжает развиваться. На сегодняшний день отдельные цифровые инструменты интегрированы в производство на досудебных этапах уголовного судопроизводства.

Проведение специальной военной операции с 2022 года кардинально изменило военно-политическую обстановку. Результатом наступательных действий стало освобождение территорий, включенных в состав РФ. Однако военный конфликт не оставался локализованным: противник неоднократно пытался атаковать признанные границы России. Наиболее масштабная из этих попыток, приведшая к временной оккупации части Курской области, датируется августом 2024 года. Данный фактор напрямую обусловил введение военного положения на территории приграничных субъектов. При введении военного положения, согласно Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» [3] (далее – ФКЗ «О военном положении»), предусматриваются различные исключения и ограничения из общих правил правосудия в целом и, в частности, уголовного судопроизводства.

Так, ст. 16 ФКЗ «О военном положении», с одной стороны, гарантирует работу судебной системы даже в условиях проведения боевых действий, закрепляя, что правосудие должно осуществляться исключительно судами. Введение военного положения сопряжено с рядом объективных препятствий для осуществления правосудия: разрушение или повреждение судебных зданий, дезорганизация транспортной системы, непосредственная угроза жизни и здоровью судей и участников процессов, а также необходимость эвакуации гражданского населения. В подобных обстоятельствах строгое соблюдение правил территориальной подсудности становится практически неосуществимым. Для предотвращения полной остановки судопроизводства законодатель предусмотрел механизм, наделяющий Верховный Суд Российской Федерации полномочием изменять территориальную подсудность дел.

Данная правовая норма призвана обеспечить равновесие между соблюдением конституционных гарантий правосудия и необходимостью функционирования судебной системы в особых (экстремальных) условиях. Корректировка территориальной подсудности по решению Верховного Суда Российской Федерации является исключительным механизмом, который задействуется лишь при подтверждении объективной невозможности осуществления правосудия в стандартном режиме. Принципиально важно, что изменение касается исключительно территориальной подсудности, не затрагивая иные ее виды.

Анализ ст. 35 УПК РФ показывает, что правовое регулирование изменения территориальной подсудности в уголовном процессе имеет некоторые пробелы. Закон не устанавливает четкий порядок инициирования

процедуры изменения подсудности Верховным Судом Российской Федерации.

Изменение территориальной подсудности в особых правовых режимах ставит под удар процессуальные гарантии обвиняемого. Конституционный принцип (ч. 3 ст. 8 УПК РФ) о рассмотрении дела надлежащим судом вступает в коллизию с экстраординарными механизмами ФКЗ «О военном положении», процедура взаимодействия которых не урегулирована. В правоприменительной практике возникают пробелы: неясен процессуальный статус обвиняемого при решении вопроса о передаче дела, отсутствуют нормы, позволяющие ему мотивированно возражать против изменения подсудности, и механизмы оценки таких возражений судом. Подобная неопределенность ставит под сомнение соблюдение стандартов справедливого судебного разбирательства.

На обозначенные проблемы, а также на ряд смежных вопросов обращают внимание и те, кто непосредственно задействован в практической реализации норм ФКЗ «О военном положении» в сфере уголовно-процессуальных отношений. В частности, судья Верховного Суда Российской Федерации А. Н. Замашнюк подчеркивает потребность в разработке четкого правового механизма изменения территориальной подсудности. По его мнению, этот механизм должен быть впоследствии закреплен в нормах УПК РФ [4, с. 40–43].

Существуют и более кардинальные суждения на рассматриваемую проблему. По мнению В. К. Аулова, «…предполагается путем возврата системы военных судов к своим оптимальным характеристикам при условии устранения пробела в конституционном законодательстве и дополнении его нормой, предусматривающей создание специализированных федеральных судов для рассмотрения уголовных дел». По мнению последнего, предполагается на территории проведения боевых действий создание специальных федеральных военных судов, которые будут непрерывно осуществлять свою деятельность до начала полноценного функционирования всех судов общей юрисдикции [5, с. 150–154]. Следует подчеркнуть, что данный аспект является закономерным следствием исторического пути развития нашего государства. Он позволяет оперативно решать целый ряд вопросов, причем в первую очередь – тех, что связаны с ограничением конституционных прав человека. Однако подобный подход сопряжен с рядом существенных недостатков: во-первых, в условиях ведения боевых действий многие участники процесса могут неоднократно менять свое временное место жительства, что создает значительные организационные сложности; во-вторых, действующее законодательство – включая ФКЗ «О военном положении», УПК РФ и иные нормативные правовые акты – в настоящее время не предусматривает механизмов изменения состава суда. Это ограничивает возможности адаптации судебной системы к экстремальным условиям; в-третьих, предложенная модель не устраняет ключевую проблему: сохраняется реальная

угроза жизни и здоровью участников уголовного судопроизводства. Даже при создании специализированных судов риски для участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в процесс, остаются крайне высокими в зоне боевых действий.

Рассматривая возможность возложения полномочий в условиях военного положения на военные суды, более «мягкую» позицию предложил М. В. Химичев. Так, по его мнению, «…предлагается расширить подсудность военных судов за счет передачи им на рассмотрение всех уголовных дел в местностях, где введен особый режим военного положения и не действуют другие суды, что позволит устранить судебный вакуум [6, с. 186–187].

Опираясь на предложения упомянутых авторов и других сторонников данной позиции, можно сделать вывод: в период действия военного положения целесообразно наделить систему военных судов дополнительными полномочиями. В частности, им следует передать безотлагательное решение ряда процессуальных вопросов, включая дачу разрешений на ограничение конституционных прав граждан при проведении следственных действий, избрание мер процессуального принуждения, требующих судебного санкционирования. Такой подход позволит обеспечить оперативность принятия юридически значимых решений в особых условиях, сохранить судебные гарантии соблюдения прав, разграничить компетенцию между обычными и военными судами, оптимизировав нагрузку на судебную систему.

Вместе с тем мы считаем недопустимым передачу военным судам полного объема полномочий по осуществлению уголовного судопроизводства. На наш взгляд, оптимальным решением будет следующая схема: после того как военный суд примет необходимые процессуальные решения (например, об избрании меры пресечения или ограничении конституционных прав), дальнейшее производство по делу следует передавать по решению Верховного Суда Российской Федерации в суд, действующий на территории, где не ведутся боевые действия. Такой подход позволяет: во-первых, сохранить гарантированное законом право человека на рассмотрение его дела судом, состав которого определен УПК РФ; во-вторых, обеспечит соблюдение положений, закрепленных в ст. 47 Конституции РФ; в-третьих, будет сочетать в себе оперативность принятия неотложных решений в условиях военного положения с полноценным судопроизводством в обычных судебных инстанциях.

Более того, по нашему мнению, следует поддержать идею, высказанную Д. П. Чекулаевым, согласно которой «…целесообразна научная разработка нового вида подсудности – подсудность при введении военного или чрезвычайного положения (подсудность особых периодов или особых правовых режимов), которая может являться комплексным видом подсудности с сочетанием иных институтов, а именно родовой, персональной и территориальной» [7, с. 161].

Рассматривая особые правовые режимы как экстраординарные юридические феномены, следует отметить их общую целевую направленность – купирование угроз конституционному строю, территориальной целостности и безопасности граждан. При всем многообразии видовых отличий (по процедуре, срокам, локализации) они демонстрируют инвариантную структуру, включающую: легитимное ограничение конституционных прав, реорганизацию властных полномочий и введение дополнительных обязанностей. Однако именно наличие экзистенциальной угрозы (опасности для жизни и здоровья человека) является их генеральным объединяющим признаком.

Практика функционирования судебной системы в условиях военного положения на отдельных территориях выявила существенные недостатки действующего законодательства: наличие нормативных пробелов и противоречий, а также неэффективность традиционных процессуальных механизмов. Возникшие обстоятельства создают неприемлемо высокие риски для участников уголовного судопроизводства. Указанные проблемы свидетельствуют о недостаточной правовой регламентации ключевых аспектов: изменения территориальной подсудности, передаче дел между судами и обеспечения безопасности участников процесса в экстраординарных условиях.

Эмпирический материал, полученный в ходе применения правовых механизмов в экстремальных условиях, актуализирует вопрос о создании специализированного института адаптации уголовного процесса к особым режимам. Ключевыми элементами такого института должны стать: формализованные критерии экстраординарного изменения территориальной подсудности (с передачей полномочий вышестоящей инстанции); транспарентная процедура перемещения уголовных дел между судами различных звеньев и территорий; унифицированный стандарт дистанционного судопроизводства, интегрирующий требования к доказательственному праву и обеспечению равенства сторон, а также система процессуальных гарантий безопасности участников. Подобная систематизация позволит не просто реагировать на кризисы, но и сохранить конституционную идентичность правосудия при любых обстоятельствах.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Замашнюк А. Н. Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе // Актуальные проблемы российского уголовного процесса : материалы I Всероссийской научно-практической конференции : сборник «Институт подсудности в уголовном процессе», 29 марта 2024 года. М., 2024. С. 33–46.

5. Аулов В. К. Специализированные федеральные суды в призме военного права и опыта специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 12 (329). С. 149–154.

6. Химичев М. В. Расширение подсудности военных судов при военном положении: традиция или пережиток? // Судебная власть в условиях новых вызовов» по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП. В 2-х ч. / отв. за выпуск Е. В. Бурдина, Н. В. Головушкина. М., 2024. Ч. 1. С. 178–190.

7. Чекулаев Д. П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162.

© Теткин Д. В., 2026.,
© Андреев А. В., 2026

УДК 343.1

Тингаева И. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа) ;
Камельянова Г. Р. – старший оперуполномоченный группы по борьбе с криминальным банкротством и рейдерством отдела по борьбе с преступлениями в сферах налогообложения УЭБиПК МВД по РБ (Россия, г. Уфа)

ПОНЯТИЯ, ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

CONCEPTS, FEATURES, AND CHARACTERISTICS OF ECONOMIC CRIMES

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые понятия, признаки и специфические особенности экономических преступлений. Анализируются актуальные статистические данные и деятельность профильных подразделений полиции. Приводятся практические примеры раскрытия экономических преступлений и предлагаются направления совершенствования мер противодействия им.

Ключевые слова: экономические преступления, экономическая безопасность, признаки преступлений, особенности экономических правонарушений, МВД России.

Abstract. The article discusses the key concepts, features, and specific characteristics of economic crimes. It analyzes current statistical data and the activities of specialized police units. The article provides practical examples of solving economic crimes and suggests ways to improve measures to combat them.

Keywords: economic crimes, economic security, signs of crimes, features of economic offenses, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Преступления экономической направленности имеют ряд особенностей, которые существенно влияют как на решение об избрании меры пресечения, так и на обвинительный приговор и наказание. Эти особенности связаны с законодательными ограничениями, спецификой таких преступлений и позицией Верховного Суда Российской Федерации. Преступления в экономической сфере представляют серьезную угрозу экономической безопасности государства. Их высокая латентность, сложность выявления и особая общественная опасность требуют углубленного научного анализа.

Цель данной статьи – систематизировать понятия, выявить признаки и особенности экономических преступлений, а также проиллюстрировать их на основе статистических данных МВД России по Республике Башкортостан (РБ) и деятельности правоохранительных органов г. Уфы.

Преступления в экономической сфере – это умышленные общественно опасные деяния, предусмотренные гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) («Преступления в сфере экономической деятельности»), посягающие на экономическую безопасность государства, порядок производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, причиняющие вред или создающие угрозу вреда интересам общества, личности и государства. Экономические преступления обычно не связаны с насилием и направлены на незаконное обогащение. К ним относятся, например, незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), легализация (отмывание) денежных средств (ст. 174, 174.1 УК РФ), уклонение от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и др.

Существует много признаков, которые с высокой доли вероятности квалифицируют именно экономические преступления, однако существуют и основные или, как их называют, ключевые признаки экономических преступлений.

Одним из признаков является умышленный характер – осознанное совершение противоправных действий. Преступление совершается осознанно, с пониманием противоправности действий и их последствий. К примеру, предприниматель оформляет фиктивные договоры с подставными фирмами, чтобы создать видимость расходов и снизить налогооблагаемую базу. При этом он заранее планирует схему и осознает ее незаконность. Следующий признак – это корыстный мотив, главная цель которого это незаконное обогащение, получение прибыли, избежание убытков или получение необоснованных преимуществ в конкуренции. Допустим, руководитель предприятия присваивает денежные средства, выделенные на закупку оборудования, используя их для личных нужд (например, покупку недвижимости). Либо сотрудник банка оформляет кредиты на подставных лиц, получая за это вознаграждение от организатора схемы. И в данном случае его мотивация – личная финансовая выгода. В признаке – нарушение законодательных норм, действия противоречат законам, регулирующим экономические и финансовые операции, где к примеру, фирма использует схемы дробления бизнеса, чтобы оставаться в рамках упрощенной системы налогообложения и уклоняться от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль. Такой признак, как причинение ущерба, относится не только к экономическим преступлениям, но и к преступлениям общеуголовной направленности. А по экономическим преступлениям будет причинен экономический, финансовый или материальный вред государству, а также

юридическим или физическим лицам. Например, уклонение от уплаты налогов на сумму 15 млн руб. приводит к недополучению средств бюджетом, что снижает финансирование социальных программ (например, строительства школ или больниц). Или незаконное использование товарного знака известной компании приводит к потере ее доходов и репутационному ущербу.

К ключевому признаку экономических преступлений будет также относиться и «экономическая природа», то есть связь с финансовыми инструментами, ресурсами и активами. К примеру, отмывание денег через подставные фирмы: преступники переводят средства, полученные от незаконной деятельности, на счета фиктивных компаний, маскируя их происхождение. Или фальсификация финансовой отчетности для привлечения инвестиций: компания завышает показатели прибыли, чтобы привлечь инвесторов, которые в итоге теряют деньги из-за ложных данных. Также совершение преступлений в процессе хозяйственной деятельности либо под ее видом, то есть преступления совершаются либо в ходе законной деятельности, либо под ее видом, либо направлены против нормального осуществления такой деятельности. И тут также можно привести в качестве примера, фиктивное банкротство, где руководство компании искусственно создает признаки несостоятельности, чтобы избежать выплаты долгов кредиторам. При этом фирма продолжает работать, но под новым юридическим лицом.

Помимо всего вышесказанного для понятия признака экономического преступления, необходимо понимание «специального субъекта преступления». Часто это лицо, осуществляющее профессиональную деятельность в экономической сфере (предприниматель, должностное лицо). И если директор компании сознательно искажает бухгалтерскую отчетность, чтобы скрыть реальные доходы и уменьшить налоговые выплаты, то он несомненно понимает, что нарушает закон, и делает это целенаправленно. И чаще всего это лицо осуществляет профессиональную деятельность в экономической сфере и имеет особый статус. Эти примеры иллюстрируют, как признаки экономических преступлений проявляются на практике, и помогают лучше понять их сущность и механизмы совершения.

Объект посягательства в экономических преступлениях часто связан с нарушением норм не только уголовного, но и других отраслей права (гражданского, банковского, налогового, таможенного и др.). Диспозиции статей УК РФ об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в большинстве являются бланкетными, то есть для понимания состава преступления необходимо обращаться к иным законам. Он также может включать как материальные интересы (например, ущерб имуществу), так и нематериальные (нарушение порядка управления экономикой, подрыв доверия к кредитно-финансовой системе). А в некоторых случаях преступление может причинять вред не только экономическим отношениям, но и другим объектам (например, при мошенничестве в сфере экономики страдает не только порядок экономической деятельности, но и право собственности потерпевшего).

Таким образом, объект посягательства в преступлениях в сфере экономической деятельности многогранен и охватывает широкий спектр общественных отношений, связанных с функционированием экономики. Его нарушение подрывает стабильность экономической системы, права участников экономических отношений и интересы государства.

Ко всему прочему, существует и некая особенность экономических преступлений, характерными чертами которых являются: высокая латентность, то есть многие преступления не выявляются или не регистрируются. Использование легальных инструментов, где происходит маскировка противоправных действий под законные операции. Не стоит забывать про коррупционную составляющую, а это связь с злоупотреблением служебным положением, взяточничеством. В свою очередь, интеллектуализация, а именно применение сложных схем, включает и цифровые технологии. В том числе и глобализация, которая носит транснациональный характер некоторых схем. И конечно же систематичность, та самая «черта преступления», которая часто носит серийный характер.

В структуре МВД по Республике Башкортостан действует Управление экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭБиПК), в т. ч. его подразделения в г. Уфе. Основными направлениями работы данного подразделения являются: выявление и пресечение налоговых преступлений; борьба с отмыванием доходов; противодействие коррупции в сфере госзакупок; раскрытие фактов незаконного предпринимательства. И в ходе расследования уголовных дел по преступлениям экономической направленности органами предварительного следствия возмещается колоссальный ущерб, на миллионы рублей, при раскрытии в более чем половину от всех зарегистрированных преступлений. Основными проблемами в установлении, раскрытии и расследовании такого рода преступлений являются высокая латентность, сложность доказывания, использование преступниками новых технологий (криптовалюты, офшоры), а также давно наболевший вопрос – это нехватка квалифицированных кадров в правоохранительных органах.

Преступления в экономической сфере обладают рядом специфических признаков и особенностей, что требует особого подхода к их выявлению и пресечению. Статистика МВД по России и примеры работы подразделений в различных городах Российской Федерации демонстрируют актуальность проблемы и необходимость дальнейшего совершенствования мер противодействия. Перспективными направлениями являются цифровизация процессов расследования и усиление межведомственного сотрудничества.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. // Российская газета. 2001. 22 декабря.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4256.

4. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ // Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 28.01.2026).

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5194 (115).

6. Статистические данные МВД России // Официальный сайт. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 25.01.2026)

© Тингаева И. В., 2026
© Камельянова Г. Р., 2026

УДК 343.1

Толеубаев Д. М. – преподаватель уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института имени М. Букенбаева МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук (Республика Казахстан, г. Актобе)

СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КРАЖЕЙ СКОТА

COOPERATION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INVESTIGATION OF CATTLE THEFT CRIMES

Аннтотация. В статье рассматриваются вопросы сотрудничества органов внутренних дел Республики Казахстан и Российской Федерации при

расследовании уголовных правонарушений, связанных с кражей скота. Актуальность исследования обусловлена тем, что животноводство является основным источником дохода населения приграничных регионов, а кража скота приобрела трансграничный характер. В работе анализируются теоретические и правовые основы международного сотрудничества, освещается опыт обмена информацией и проведения совместных следственных действий между органами внутренних дел Казахстана и России, выявляются существующие организационные, правовые и технические проблемы. На основе международной практики предлагаются механизмы совершенствования приграничного сотрудничества Казахстана и России.

Ключевые слова: кража скота, расследование, обмен информацией, совместные следственные действия, приграничное сотрудничество, Казахстан, Россия.

Abstract. This article examines the cooperation between the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in investigating livestock theft crimes. The relevance of the study is explained by the fact that livestock farming is a key source of livelihood in the border regions of both countries, while livestock theft has acquired a transboundary character. The article analyzes the theoretical and legal foundations of international cooperation, highlights the experience of information exchange and joint investigative actions between the internal affairs bodies of Kazakhstan and Russia, and identifies existing organizational, legal, and technical problems. Based on international practice, the author proposes mechanisms for improving Kazakhstan–Russia border cooperation.

Keywords: livestock theft, investigation, information exchange, joint investigative actions, border cooperation, Kazakhstan, Russia.

В приграничных районах Казахстана и России животноводство является одним из основных источников средств к существованию населения. В связи с этим кража скота относится к числу преступлений, представляющих значительную социально-экономическую угрозу для указанных регионов. Данное преступление не только причиняет материальный ущерб частным собственникам, но и негативно влияет на устойчивость сельскохозяйственного производства и развитие региональной экономики.

Трансграничный характер кражи скота требует при расследовании согласованных межгосударственных действий. Деятельность преступников в приграничных территориях и факты перемещения похищенного скота на территорию соседнего государства повышают значимость оперативного обмена информацией и проведения совместных оперативно-следственных мероприятий правоохранительными органами.

Цель исследования – анализ опыта сотрудничества органов внутренних дел Республики Казахстан и Российской Федерации при расследовании краж скота и выработка предложений по его совершенствованию.

Сотрудничество правоохранительных органов Казахстана и России является важной составляющей обеспечения общественной безопасности в регионе. Взаимодействие органов внутренних дел осуществляется в сферах предупреждения преступлений, их выявления, розыска преступников, а также расследования уголовных правонарушений.

Правовой основой взаимодействия Казахстана и России является Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Казахстан и Министерством внутренних дел Российской Федерации, заключенное в 2008 году [1]. Указанное соглашение определяет порядок обмена информацией, координации оперативно-розыскных мероприятий и оказания взаимной помощи по уголовным делам. В его рамках реализуются совместные мероприятия по борьбе с преступлениями против собственности, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и другими правонарушениями.

Кража скота относится к числу преступлений, наносящих прямой ущерб сельскому хозяйству и имеющих серьезные экономические последствия. В Уголовном кодексе Республики Казахстан кража скота рассматривается как самостоятельный состав преступления (ст. 188-1), за который установлена строгая уголовная ответственность [2]. Данная норма отражает государственную политику, направленную на усиление защиты имущественных прав субъектов сельского хозяйства.

Таким образом, сотрудничество правоохранительных органов Республики Казахстан и Российской Федерации играет ключевую роль в борьбе с трансграничными кражами скота, а его дальнейшее совершенствование связано с системным развитием правовых и институциональных механизмов.

Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Казахстан и Министерством внутренних дел Российской Федерации от 2008 года определяет институциональные и организационные механизмы взаимодействия между правоохранительными органами двух государств. В соответствии с положениями соглашения стороны осуществляют обмен информацией в сфере борьбы с преступностью, координируют оперативно-розыскные мероприятия, а также ведут совместную деятельность по предупреждению и пресечению уголовных правонарушений. Данный документ конкретизирует правовые рамки взаимодействия правоохранительных органов и обеспечивает возможность оперативного реагирования на правонарушения трансграничного характера.

Одним из важных направлений соглашения является обмен информацией и организация розыскной деятельности. В частности, сведения о лицах, причастных к преступлениям, их связях и действиях своевременно передаются между органами внутренних дел двух стран. Такой взаимный обмен информацией способствует повышению эффективности расследований

и улучшению показателей раскрываемости преступлений. Кроме того, стороны предусматривают создание совместных оперативно-следственных групп, обмен опытом, а также проведение семинаров и учебных мероприятий в целях подготовки и переподготовки специалистов [1].

Указанное соглашение направлено не только на предупреждение и раскрытие преступлений, но и на расширение сотрудничества в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка. В этом контексте документ формирует правовую основу для долгосрочного стратегического партнерства между правоохранительными органами двух государств.

Правовая база международного сотрудничества в сфере расследования краж скота не ограничивается лишь данным соглашением. Взаимодействие между Казахстаном и Россией в области правоохранительной деятельности берет начало с Договора 1992 года «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи»[3]. Этот договор закрепляет основные принципы межгосударственных отношений и определяет обязательства по оказанию взаимной правовой помощи.

Кроме того, конвенции о правовой помощи, принятые в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), служат важной правовой основой при расследовании трансграничных преступлений, в том числе преступлений против собственности, таких как кража скота [4]. Указанные документы регулируют порядок оказания правовой помощи по уголовным делам, передачи доказательств, розыска подозреваемых и их экстрадиции.

С теоретической точки зрения, международное сотрудничество в уголовном процессе представляет собой совокупность правовых институтов, отражающих согласованную деятельность государств в сфере борьбы с преступностью. Оно включает обмен информацией, оказание правовой помощи, создание совместных оперативно-следственных групп, выдачу подозреваемых *(экстрадицию)* и иные процессуальные действия. Такое сотрудничество является важным условием обеспечения эффективного расследования трансграничных преступлений.

Казахстан систематически проводит оперативно-профилактические мероприятия, направленные на предупреждение, раскрытие и пресечение преступлений против собственности, в том числе краж скота [6]. Поскольку кража скота является видом правонарушения, причиняющим значительный экономический ущерб сельскохозяйственной отрасли, данное направление деятельности относится к числу приоритетных в работе правоохранительных органов. Например, в октябре 2025 года сотрудники криминальной полиции Западно-Казахстанской области выявили факт кражи скота на сумму более 11 миллионов тенге, задержав подозреваемых [5]. В других регионах также были раскрыты организованные преступные группы, занимавшиеся кражами скота, и возвращено более 55 голов похищенного скота законным владельцам. Эти данные свидетельствуют о том, что правоохранительные

органы достигают конкретных результатов в борьбе с данным видом преступлений.

Несмотря на то что сотрудничество с Российской Федерацией осуществляется на системной основе, официально опубликованные статистические данные, касающиеся фактов трансграничной кражи скота, остаются ограниченными. Это, прежде всего, объясняется ведомственным характером таких сведений и зависимостью их обнародования от определенных процедурных требований [6]. Тем не менее практика проведения оперативно-розыскных мероприятий между двумя государствами, а также объявления подозреваемых в межгосударственный розыск и осуществления совместных операций оказывает положительное влияние на выявление преступников и пресечение их незаконной деятельности.

В борьбе с кражей скота особое значение имеет обмен информацией. Поскольку преступники нередко действуют в приграничных районах, а также имеют место факты вывоза похищенного скота на территорию соседнего государства, требуется оперативное взаимодействие. В таких условиях установление прямой и оперативной связи между органами внутренних дел двух стран становится ключевым фактором эффективности расследования [6].

Республика Казахстан и Российская Федерация в ходе расследования преступлений, связанных с кражей скота, осуществляют оперативный обмен информацией и сформировали устойчивые каналы связи между пограничными подразделениями для контроля передвижения подозреваемых лиц. Сформировалась и практика создания совместных следственно-оперативных групп, что позволило повысить показатели задержания преступников и возврата похищенного скота. Кроме того, использование электронных баз данных обеспечивает возможность оперативного сопоставления и проверки сведений о лицах, причастных к кражам скота. Однако, несмотря на действующие механизмы сотрудничества, сохраняется ряд проблемных вопросов.

Во-первых, существуют препятствия организационного характера. Взаимодействие между пограничными подразделениями в отдельных случаях может осуществляться замедленно из-за сложности процедурных требований и длительности бюрократических вопросов.

Во-вторых, отмечаются проблемы правового характера. Отдельные различия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана и России создают трудности при согласовании некоторых процессуальных действий [7].

В-третьих, имеют место технические проблемы. Неполная совместимость информационных систем, различие форматов данных и отсутствие единых цифровых стандартов могут снижать эффективность оперативного обмена информацией. В целях решения указанных вопросов важно изучение международного опыта. Так, в государствах Европейского союза при

расследовании трансграничных преступлений широко применяются совместные следственные группы, что облегчает обмен доказательствами и координацию следственных действий [8]. Адаптация подобной модели в рамках казахстанско-российского приграничного сотрудничества может способствовать повышению эффективности борьбы с кражей скота.

Кроме того, можно выделить следующие направления совершенствования сотрудничества:

– формирование совместной или интегрированной базы данных, доступной правоохранительным органам двух государств;

– создание на постоянной основе совместных следственно-оперативных групп в приграничных регионах;

– гармонизация правовых норм путем внесения дополнений в двусторонние соглашения;

– внедрение единой электронной платформы, упрощающей оперативный обмен информацией;

– систематическая организация совместных учений и семинаров с целью повышения профессиональной квалификации специалистов.

Комплексная реализация указанных мер позволит повысить эффективность борьбы с трансграничными преступлениями, включая кражу скота, между Казахстаном и Россией.

Несмотря на прочную основу сотрудничества между Казахстаном и Россией, в процессе его реализации сохраняются определенные трудности. Во-первых, особенности правовых систем могут создавать препятствия при обмене отдельной информацией или координации следственных действий. Национальное законодательство каждой страны не всегда позволяет действовать единообразно по всем уголовным делам [9].

Во-вторых, совместимость систем информационного обмена и оперативность реагирования остаются важными вопросами. Различия во времени обработки запросов и сроках получения ответов по уголовным делам играют решающую роль в борьбе с трансграничной преступностью. При недостаточной скорости и точности передачи информации возрастает риск сокрытия преступников [10].

В-третьих, установлено, что статистические данные по таким преступлениям, как кража скота, в двух странах представлены по различным показателям, что может затруднять объективную оценку эффективности сотрудничества [11].

Для дальнейшего развития сотрудничества целесообразно рассмотреть следующие направления:

– расширение правовой базы: включение в действующие соглашения конкретных положений, касающихся кражи скота и иных преступлений против собственности [12];

– интеграция информационных систем: сближение баз данных полицейских органов двух стран либо совершенствование стандартов обмена;

– обмен опытом: более частое проведение совместных обучающих программ, семинаров и практических учений;

– создание трансграничных рабочих групп по конкретным направлениям, таким как кража скота и ускорение ежедневного обмена информацией.

Сотрудничество между Казахстаном и Россией в расследовании краж скота является важным шагом, направленным на повышение эффективности правоохранительных систем двух стран. Для решения существующих проблем необходимо усиление правовой гармонизации, совершенствование технической инфраструктуры и адаптация международного опыта.

В практическом плане создание совместной базы данных, организация постоянных оперативно-следственных групп и обеспечение скоординированных действий пограничных подразделений будут способствовать повышению эффективности борьбы с кражей скота.

Сотрудничество между органами внутренних дел Казахстана и России является важной составляющей правоохранительной системы. На основе соглашения 2008 года министерства внутренних дел двух стран непрерывно взаимодействуют в сфере борьбы с преступностью, обмена информацией и координации оперативно-розыскных мероприятий [12]. В борьбе с такими преступлениями против собственности, как кража скота, данное сотрудничество способствует укреплению региональной безопасности и предупреждению преступных посягательств. Сотрудники полиции Казахстана проводят результативные мероприятия по раскрытию краж скота, а совместные операции с Россией положительно отражаются на общей статистике преступности и укреплении региональной безопасности.

Кроме того, дальнейшее углубление сотрудничества на институциональном уровне позволит вывести борьбу с кражей скота на качественно новый этап. Особую роль при раскрытии преступлений трансграничного характера играет оперативность и точность обмена информацией. В этой связи актуальным является внедрение единых цифровых платформ, совершенствование электронного документооборота и развитие механизмов оперативного сопоставления данных по уголовным делам. Применение современных информационных технологий не только ускоряет действия правоохранительных органов, но и снижает влияние человеческого фактора, повышая качество доказательной базы.

Совершенствование криминалистических методов расследования краж скота также является важным направлением. Широкое внедрение современных способов идентификации животных (типирование, маркировка, использование элементов ДНК-анализа) облегчает установление принадлежности похищенного скота и ограничивает деятельность преступных групп. Обмен опытом между экспертными центрами двух стран, проведение совместных учений и организация программ повышения квалификации специалистов укрепляют профессиональный потенциал правоохранительной системы.

Одновременно актуальным остается совершенствование правовой базы. Гармонизация уголовного законодательства, унификация мер ответственности за кражу скота и оптимизация процедур экстрадиции преступников способствуют пресечению трансграничных преступлений. Устранение правовых пробелов и процедурных барьеров облегчает взаимодействие правоохранительных органов и ускоряет ход расследования.

На региональном уровне особое значение имеет усиление профилактических мер в приграничных районах. Повышение правовой грамотности владельцев скота, установка систем видеонаблюдения в сельской местности, укрепление работы участковых инспекторов и тесное взаимодействие с местными исполнительными органами повышают эффективность профилактики преступности. Вовлечение граждан в обеспечение общественной безопасности, участие добровольных формирований и фермерских объединений может стать важным дополнительным ресурсом для правоохранительных органов.

Сотрудничество между Казахстаном и Россией должно осуществляться системно не только на следственно-оперативном, но и на уровне стратегического планирования. Создание совместных аналитических центров, проведение совместного мониторинга динамики преступности и внедрение механизмов прогнозирования рисков позволят в долгосрочной перспективе предотвратить рост преступности. Комплексная реализация данных мер будет способствовать обеспечению устойчивости сельскохозяйственной отрасли, защите имущественных прав фермеров и укреплению экономических связей между двумя государствами.

Сотрудничество Казахстана и России в расследовании краж скота является важным элементом повышения эффективности правоохранительной системы. Для дальнейшего развития необходимо усилить правовую координацию, модернизировать техническую инфраструктуру и адаптировать международный опыт. Практическая реализация таких мер, как создание совместных баз данных, организация постоянных следственно-оперативных групп и обеспечение согласованных действий приграничных подразделений позволит повысить результативность борьбы с кражами скота.

Библиографический список

1. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Казахстан и Министерством внутренних дел Российской Федерации. 2008 год. Доступ из справ.-системы «Гарант».

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан : закон от 3 июля 2014 года № 226-V РКЗ // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/ (дата обращения: 09.02.2026).

3. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. 25 мая 1992 года. Доступ из справ.-системы «Гарант».

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция). 22 января 1993 года (Содружество Независимых Государств). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Официальные информационные материалы о противодействии кражам скота // Информационное агентство «Караван Инфо». URL: https://caravan-info.pro/ (дата обращения: 09.02.2026).

6. Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Статистический отчет о состоянии преступности в Республике Казахстан // Правовая статистика. URL: https://qamqor.gov.kz/ (дата обращения: 09.02.2026).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : закон от 4 июля 2014 года № 231-V РКЗ (с изменениями и дополнениями) // Информационная система «Параграф». URL: https://prg.kz/ (дата обращения: 09.02.2026).

8. Council of the European Union. Council Framework Decision 2002/465/JHA of 13 June 2002 on Joint Investigation Teams // Official Journal of the European Communities. 2002. L 162. P. 1–3.

9. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Казахстан и Министерством внутренних дел Российской Федерации. Астана, 2008 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/(дата обращения: 09.02.2026).

10. Опыт обмена информацией и противодействия трансграничной преступности // Ведомственный сайт Министерства внутренних дел Республики Казахстан. URL: https://polisia.kz/ru/ (дата обращения: 09.02.2026).

11. Статистические материалы о борьбе с кражами скота и правоохранительной деятельности // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. URL: https://www.gov.kz/(дата обращения: 09.02.2026).

12. Сборник правовых актов и соглашений // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. URL: https://www.gov.kz (дата обращения: 09.02.2026).

© Толеубаев Д. М., 2026

УДК 343.13

Трубачев Н. А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова (Россия, г. Хабаровск)

ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ

THE REASONABLENESS OF JUDICIAL DECISIONS ON DETENTION PENDING TRIAL

Аннотация. В статье проводится анализ категории обоснованности применительно к судебным решениям о заключении под стражу – наиболее строгой мере пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Раскрывается взаимосвязь требований законности, обоснованности и мотивированности как самостоятельных, но взаимообусловленных критериев правомерности процессуальных решений. Подчеркивается, что обоснованность не может сводиться к формальному указанию на тяжесть инкриминируемого деяния; она предполагает наличие конкретных, проверенных и достоверных доказательств, подтверждающих реальную возможность реализации обстоятельств, указанных в части 1 статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: обоснованность, заключение под стражу, мера пресечения, законность, мотивированность, судебное решение, уголовный процесс, основания избрания меры пресечения

Abstract. The article examines the concept of reasonableness as it applies to judicial decisions on detention pending trial – the most stringent preventive measure in the criminal proceedings of the Russian Federation. It elucidates the interrelationship among the requirements of legality, reasonableness, and motivation, which, while distinct, are inherently interdependent criteria for the lawfulness of procedural rulings. The author emphasizes that reasonableness cannot be reduced to a mere formal reference to the severity of the alleged offense; rather, it necessitates specific, verified, and credible evidence demonstrating a real likelihood that the circumstances specified in Part 1 of Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation will materialize.

Keywords: reasonableness, detention pending trial, preventive measure, legality, motivation, judicial decision, criminal procedure, grounds for applying a preventive measure.

Заключение под стражу представляет собой исключительную меру процессуального принуждения, применение которой допустимо лишь при

наличии строго определенных законом условий и оснований, прямо предусмотренных нормами главы 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В отличие от иных мер пресечения, данная мера сопряжена с полной изоляцией личности от общества, что обусловливает повышенные требования к ее правовому обоснованию. В системе принципов российского уголовного судопроизводства центральное место занимает требование обоснованности как неотъемлемый элемент законности, справедливости и мотивированности любого процессуального решения, затрагивающего основные права и свободы человека [1].

Согласно части 1 статьи 97 УПК РФ, избрание меры пресечения допустимо лишь при наличии объективных данных, указывающих на определенное поведение подозреваемого или обвиняемого, способное препятствовать нормальному ходу уголовного судопроизводства. Такие данные должны свидетельствовать, в частности, о реальной возможности уклонения лица от участия в процессуальных действиях, совершения им действий, направленных на сокрытие истины (включая угрозы, шантаж или иные формы неправомерного давления на участников процесса), а также о вероятности продолжения им преступной деятельности.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что простое упоминание этих обстоятельств в ходатайстве или судебном определении, неподкрепленное конкретными, проверенными и достоверными доказательствами, не может рассматриваться как достаточное основание для применения такой исключительной меры, как заключение под стражу. Суд обязан не ограничиваться формальным констатированием потенциальных рисков, а провести тщательную оценку представленных материалов, установив их соответствие требованиям относимости, допустимости и достоверности. Как справедливо указывается в научной литературе, «оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения»[1], поскольку подрывает саму суть судебного контроля и гарантии прав личности.

Обоснованность решения о заключении под стражу предполагает не абстрактное предположение о возможном поведении лица, а конкретизацию угрозы на основе объективных фактов, отраженных в материалах уголовного дела.

Суд, осуществляя судебный контроль, обязан провести самостоятельную оценку представленных стороной обвинения материалов, включая анализ характера и степени общественной опасности инкриминируемого дея-

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния, данных о личности подозреваемого или обвиняемого, наличия постоянного места жительства, семейного положения, возраста, состояния здоровья, а также поведения, предшествующего моменту избрания меры пресечения. Судебное решение не может ограничиваться простым воспроизведением позиции следователя или дознавателя; оно обязано содержать самостоятельные, логически обоснованные выводы, сформированные на основе всестороннего анализа всей совокупности имеющихся в деле доказательств и соответствующие процессуальным требованиям, установленным статьей 108 УПК РФ.

Ключевым процессуальным актом, фиксирующим обоснованность, является мотивированное судебное постановление. Статья 108 УПК РФ прямо обязывает суд указывать в нем не только суть инкриминируемого деяния, но и конкретные основания для избрания именно этой меры пресечения. Отсутствие такой мотивировки автоматически влечет признание решения незаконным, поскольку оно лишено логической связи между установленными фактами и выводом о необходимости изоляции личности [2].

На практике судебные органы нередко проявляют формальный подход к оценке необходимости избрания заключения под стражу, сводя мотивировку решения преимущественно к ссылке на тяжесть инкриминируемого деяния. При этом игнорируются императивные требования части 2 статьи 108 УПК РФ, обязывающие суд учитывать совокупность индивидуальных характеристик личности подозреваемого или обвиняемого – включая наличие постоянного места жительства, возраст, состояние здоровья, семейное положение, а также иные обстоятельства, способные повлиять на степень общественной опасности и необходимость применения столь строгой меры процессуального принуждения.

Анализ официальных данных судебной статистики за 2022–2024 годы свидетельствует о сохранении устойчивой тенденции, при которой заключение под стражу доминирует в качестве основной меры пресечения на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства (за исключением подписки о невыезде и надлежащем поведении). При этом альтернативные меры пресечения – такие как залог и домашний арест – применяются крайне редко. В 2022 году было заключено под стражу 87 687 лиц, при этом судами было удовлетворено 7 407 ходатайств о домашнем аресте. В 2023 году – 82 480, в 2024 – 82 514. Ключевым аспектом является количество удовлетворенных ходатайств по отношению к количеству заявленных – 89–90 % [3].

Крайне низкий процент применения альтернативных мер (залога и домашнего ареста) свидетельствует о фактическом игнорировании принципа соразмерности и индивидуализации, что противоречит требованиям законности и мотивированности, закрепленным в УПК РФ. Таким образом, обоснованность решения о заключении под стражу – это не просто процессуальная формальность, а сложный юридический конструкт, включающий в себя:

Фактическое обоснование: наличие конкретных доказательств, подтверждающих реальную и актуальную процессуальную опасность.

Юридическое обоснование: строгое соответствие решения нормам главы 13 УПК РФ, включая соблюдение принципа соразмерности и исключительности данной меры.

Мотивационное обоснование: четкое и логически выстроенное изложение судом причин, по которым менее строгие меры пресечения (подписка о невыезде, залог, домашний арест) признаны недостаточными для обеспечения надлежащего поведения лица.

Только при соблюдении всех трех компонентов решение может быть признано полноценно обоснованным, а, следовательно, и законным. Обеспечение этого требования является одной из центральных задач современного уголовного процесса, направленного на баланс между интересами правосудия и неприкосновенностью личной свободы.

Библиографический список

1. Тройнина И. С. Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 4. С. 221–225.

2. Гущин А. Н. К вопросу об основаниях для избрания мер процессуального принуждения // Юридическая наука и практика : Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 1. С. 191–195.

3. Применение мер пресечения // Судебная статистика Российской Федерации. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14 (дата обращения: 09.02.2026).

4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. (ред. от 27.05.2025) № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Трубачев Н. А., 2026

УДК 343.13

Тутынин И. Б. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А. Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

ON IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE AND PROTECTING PROPERTY RIGHTS AND INTERESTS

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать сложившуюся ситуацию с применением в уголовном судопроизводстве мер уголовно-процессуального принуждения. Высказано предложение о некоторых изменениях, которые целесообразно внести в законодательство, чтобы это соответствовало современным социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры уголовно-процессуального принуждения, процессуальное принуждение имущественного характера, уголовно-процессуальная деятельность, защита имущественных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Abstract. The article attempts to analyze the current situation with the use of criminal procedural coercion in criminal proceedings. It suggests some changes that should be made to the legislation to ensure that it is in line with modern socio-economic conditions.

Keywords: criminal proceedings, measures of criminal procedural coercion, procedural coercion of a property nature, criminal procedural activities, and protection of the property rights and interests of participants in criminal proceedings.

Направление развития отечественного уголовно-процессуального права в нормативных правовых актах в надлежащей степени не определено. Поэтому нами приветствуется устремление сформулировать проблемы и предложить их решение применительно к формированию и реализации уголовной политики нашего государства, а также разработка Концепции уголовной политики.

Экономические, политические и социальные реформы в России, а также становление правового государства и гражданского общества требуют значительных изменений в правовой системе страны [1, с. 3; 8, с. 205]. В условиях трансформации экономической системы и роста значимости таких правовых понятий, как собственность, имущественные права и интересы личности, социума и государства, возникает потребность в переоценке различных правовых институтов с учетом их экономической целесообразности.

Преследование целей уголовного правосудия путем чрезмерного обременения экономики и истощения жизненных ресурсов населения вряд ли можно считать справедливым и рациональным. Такие меры неизбежно вызывают кризисные явления, что подтверждается результатами исследований [2, с. 29; 4, с. 100].

Эффективность правовых норм заключается в их способности регулировать общественные отношения и находить воплощение в конкретных правовых отношениях [5, с. 22]. Это понятие охватывает как теоретические, так и практические аспекты. В научной литературе неоднократно отмечалось, что при оценке эффективности права важно учитывать не только конечные результаты, но и методы, которые используются для достижения этих результатов [9, с. 98].

Сегодня, наряду с обеспечением защиты прав и свобод граждан, остро стоит вопрос о разработке четких рекомендаций по повышению эффективности работы судебной системы и улучшению ее функционирования. Эти рекомендации должны способствовать достижению наилучших результатов при минимальных затратах, включая материальные, интеллектуальные, физические и идейно-политические ресурсы.

В ходе судебного процесса по уголовному делу, помимо прав и законных интересов потерпевшего, а также обвиняемого, возникает спорное гражданско-правовое взаимодействие, в котором также участвует государство. Его деятельность осуществляется через правоохранительные органы [6, 7; 3, с. 16].

Для повышения эффективности уголовного судопроизводства необходимо учитывать интересы государства и общества. Только такой подход позволит достичь значимых результатов.

Мы предлагаем реализовать эти идеи в нескольких направлениях. Важно усовершенствовать систему защиты прав и интересов участников уголовного процесса. Необходимо четко определить момент начала действий компетентных органов и должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу, по защите прав и интересов, а также установить (скорректировать) ответственность за отсутствие надлежащей процессуальной деятельности.

Кроме того, необходимо активно внедрять новые процедуры и использовать современные технологии. Наряду с эффективным применением существующих правовых инструментов, нужно развивать новые институты уголовного судопроизводства.

Наконец, нужен пересмотр законодательства, касающегося применения мер процессуального принуждения имущественного характера. В частности, необходимо определить (усовершенствовать) перечень участников процесса, на которых могут быть наложены имущественные ограничения, и установить (модернизировать) основания для их применения.

Критерии оценки правоприменительной практики также должны быть изменены. Необходимо провести анализ и реформирование методов оценки работы правоохранительных и судебных органов, уделив особое внимание оценочно-ценностным аспектам. Важно также разработать методические рекомендации по планированию, учету и оптимизации затрат на судопроизводство [7, с. 208–216].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации необходимо расширить перечень мер процессуального принуждения. В настоящее время этот список ограничен Разделом IV, и правоприменитель не всегда может гибко подходить к каждому конкретному случаю. Важно предоставить возможность значительного выбора меры уголовно-процессуального принуждения, в том числе имущественного характера, что позволит более эффективно реагировать на различные ситуации.

Полагаем, что немаловажное значение имеет оценка правоприменителями необходимости применения принуждения имущественного характера. Уверены, что в ряде случаев оно обязательно при производстве по уголовному делу. Например, расследование коррупционных, экономических, корыстных и иных преступлений неразумно без применения наложения ареста на имущество. Залог как мера пресечения является действенной мерой для так называемой беловоротничковой преступности, в отношении особой категории граждан. В подобных случаях дознаватель и следователь обязаны не только знать о соответствующих возможностях институтов уголовного судопроизводства, но и обосновать невозможность неприменения указанных представителей уголовно-процессуального права. А это потребует надлежащего уровня профессионализма, затрат сил и времени, сопряжено со взятием соответствующей ответственности должностных лиц.

Предстоит пройти дальнейшие шаги совершенствования отечественного уголовно-процессуального и связанного с ним законодательства, путем внесения изменений и дополнений. Прогнозируем, что в данном направлении ощутимы возможности по улучшению защиты имущественных прав и интересов граждан, общества и государства, что потребует действенных и реальных механизмов реализации, а не деклараций и формального признания. При этом следует учитывать экономические предпосылки, так как рас-

ходы на уголовное судопроизводство возлагаются, как правило на федеральный бюджет, и предстоит искать тот баланс, который возможен с учетом общезначимых критериев справедливости, гуманизма, а также эффективности и рационализма рассматриваемой государственной деятельности.

Рассчитываем, что закрепленные в Конституции Российской Федерации принципы будут действовать и далее. Более того, законодательство будет корректировать неприкосновенность собственности и его правоприменение. Право собственности требует не только признания государством, обществом и отдельной личностью, но и нуждается в специальных инструментах ее защиты. Особенно это важно, когда существует перспектива перехода права собственности на законных основаниях, что уже сейчас требует четких критериев определения соответствующих оснований, условий и порядка.

Имущество на протяжении всего исторического развития общества и государства играло значительную роль в формировании многих социальных, правовых и иных институтов. Выполняя важную функцию в отношениях между властью и подчиненными, между государством и его жителями, оно (имущество) становилось арсеналом для управления, предпосылкой и атрибутом власти. В связи с этим всегда существовал и будет существовать риск, что недобросовестные лица стремятся получить неограниченный доступ к правовым средствам, используя имущественное воздействие.

Политический фактор может оказывать значительное влияние на развитие уголовного судопроизводства и применение мер имущественного принуждения. Следовательно, правовая политика государства должна быть мудрой и учитывать интересы всех участников уголовного процесса. От политических взглядов элиты зависит распределение полномочий и изменение позиций сторон, что неизбежно повлияет на механизм применения мер имущественного принуждения, чего мы с надеждой ожидаем.

Библиографический список

1. Андреева О. И., Рукавишникова А. А. Реформированное производство в суде кассационной инстанции : соотношение частного и публичного начал // Законы России : опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 3–7.

2. Бажанов С. В. Экономическая подоплека оптимального нормативного правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 29–32.

3. Бородин С. В. Борьба с преступностью : теоретическая модель комплексной программы. М. : Наука, 1990.

4. Ендольцева А. В. Назначение уголовного судопроизводства: достаточно ли изложенного в действующей редакции ст. 6 УПК РФ? // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. 2020. С. 100–103.

5. Корякин В. М., Гундзилович И. В. Профессиональная тайна : некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 10. Доступ из справ.-правовй системы «КонсультантПлюс».

6. Понарин В. Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе Российской Федерации : дис. … д-ра. юрид. наук. Воронеж, 1994.

7. Тутынин И. Б. Предложения по повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности характера // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса : в 2 ч. / отв. ред. В. А. Семенцов. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. Ч. 2. С. 208–216.

8. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–209.

9. Элькинд П. С. Категория «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. №8. С. 98–102.

© Тутынин И. Б., 2026

УДК 343.1

Фадеев П. В. - профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ИЛИ ОБВИНЯЕМЫХ, С КОТОРЫМИ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

THE LEGAL STATUS OF THE INVESTIGATOR IN CRIMINAL CASES INVOLVING SUSPECTS OR ACCUSED PERSONS UNDER A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Аннотация. В статье анализируются полномочия следователя на различных этапах досудебного соглашения о сотрудничестве, выявляются существующие проблемы регламентации этой процедуры (субъективное усмотрение должностных лиц, ограничение процессуальной самостоятельности следователя, несовершенство норм уголовно-процессуального закона и др.). Автором рассмотрены разные точки зрения на совершенствование полномочий следователя, руководителя следственного органа и прокурора, предложены пути к оптимизации уголовно процессуальных отношений между ними.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, предварительное следствие, подозреваемый (обвиняемый), полномочия следователя, процессуальная самостоятельность, прокурор, руководитель следственного органа, уголовное судопроизводство.

Abstract. This article analyzes the investigator's powers at various stages of a pre-trial cooperation agreement, identifying existing issues in regulating this procedure (subjective discretion of officials, limitations on the investigator's procedural autonomy, imperfections in criminal procedure law, etc.). The author examines various perspectives on improving the powers of the investigator, the head of the investigative body, and the prosecutor, and proposes ways to optimize criminal procedural relations between them.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, preliminary investigation, suspect (accused), investigator's powers, procedural independence, prosecutor, head of investigative body, criminal proceedings.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСС), введенный Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], направлен на стимулирование подозреваемых и обвиняемых по раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию других соучастников, розыск имущества, добытого в результате преступления, сотрудничеству со следствием в обмен на смягчение наказания.

Вместе с тем за последние 10 лет не более 3 тысяч лиц ежегодно осуждаются в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения, что составляет менее 1 % от общего числа осужденных [2, с. 149]. При этом преобладает субъективное усмотрение прокурора, следователя и руководителя следственного органа, большая часть соглашений заключается по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также по делам о незаконном обороте наркотиков (каждое третье соглашение) [3, с. 3–4].

Среди причин такого положения следует выделить проблемы, связанные: 1) с выделением уголовного дела в отдельное производство; 2) нечетким закреплением контроля за выполнением условий ДСС; 3) ограничением по форме предварительного расследования (ДСС возможно только при производстве предварительного следствия); 4) отсутствием четких критериев для выбора фигуранта, с которым заключается ДСС; 5) неурегулированностью вопросов изменения или дополнения обвинения; 6) несовершенством правового положения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, других участников уголовного судопроизводства и др. [4, с. 16–20; 5, с. 237–244; 6, с. 59–60].

Представляется, что на сегодняшний день в рамках ДСС следователь, несмотря на некоторые обязательные для исполнения процессуальные действия, существенно ограничен в своих полномочиях. Как отмечается в юридической литературе, следователь фактически превратился в «посредника» в отношениях между участвующими сторонами, прокурор навязывает следователю определенную модель расследования уголовного дела, ограничивая его процессуальную самостоятельность [7, с. 253–254].

В тоже время следователь, обеспечивая реализацию назначения уголовного судопроизводства и заключенного ДСС, осуществляет производство по двум (основному и выделенному) уголовным делам, руководствуясь ст. 317-4 Уголовно-процессуального кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), иными положениями уголовно-процессуального закона, а также главами 22–27 и 30 УПК РФ.

Следует отметить, что в юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о совершенствовании полномочий следователя при заключении и реализации ДСС. Анализ позволяет выделить, как минимум, две различные точки зрения, признающие целесообразность совершенствования полномочий следователя.

По мнению первой группы авторов, полномочия участников ДСС могут быть дополнены, но без существенного изменения процедуры его заключения, сохранением требований норм уголовно-процессуального закона к его порядку и результатам.

Так, предлагается расширить полномочия следователя, наделив его полномочиями по разъяснению прав подозреваемому ли обвиняемому [8, с. 18–21]; правом обращаться к прокурору с ходатайствами об изменении, прекращении или заключении нового соглашения; обязанностью информировать прокурора о результатах сотрудничества (раскрытие преступлений, изобличение соучастников и т. д.). При этом прокурору предоставляются дополнительные полномочия: право на заключение соглашения независимо от согласия следователя или руководителя следственного органа; право принятия решения о судьбе соглашения при изменении обвинения в сторону ухудшения положения обвиняемого и др. [3, с. 10–11, 17–18].

Заслуживающей внимания, на наш взгляд, представляется точка зрения второй группы ученых, которые выступают за процессуальную самостоятельность следователя, передав ему право на заключение и реализацию ДСС.

По их мнению, существующий дисбаланс полномочий следователя и прокурора в большей мере связан с тем, что прокурор, имея опосредованное отношение к процессу раскрытия и расследования преступления, принимает итоговое решение о заключении ДСС. Следователь не может полноценно влиять на ход расследования после подачи ходатайства, пока прокурор принимает решение. Он также не имеет возможности процессуально оформить и донести до прокурора и суда свою позицию о значении действий лица, заключившего соглашение [8, с. 18–21].

Значимость данной точки зрения, на наш взгляд, заключается в переходе на устоявшуюся систему уголовно-процессуальных отношений между сторонами обвинения, защиты и суда, сложившуюся после принятия Федерального закон от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», о перераспределении полномочий прокурора и руководителя следственного органа [9].

В то же время требует взвешенного подхода мнение ученых об исключении прокурора из процесса заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве, так как это прерогатива следователя и руководителя следственного органа [10, с. 11; 11, с. 87-88; 12, с. 9-11]. При этом слишком категоричным выглядит утверждение М. Е. Кубриковой об утверждении такого соглашения только судом [13, с. 13].

Нормы уголовно-процессуального закона производство предварительного следствия возлагают на следователя, который самостоятельно направляет ход расследования, принимает процессуальные решения, за исключением случаев, когда требуется согласие руководителя следственного органа, в некоторых случаях – прокурора, получение судебного решения (п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Вместе с тем, учитывая определившийся особый порядок заключения, реализации и принятия судебного решения при заключении ДСС, представляется целесообразным сохранить участие прокурора в качестве утверждающей и контролирующей инстанции, но при активной роли следователя и руководителя следственного органа. Такой подход, по нашему мнению, обусловлен несколькими факторами, связанными с особенностями этого правового института и назначением прокурора в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, прокурор, как представитель стороны обвинения, выступает субъектом уголовного преследования и представляет интересы государства, определившего особый порядок уголовного судопроизводства. В связи с этим его участие не вызывает сомнения и представляется целесообразным при утверждении ДСС, а также обеспечении контроля за его соблюдением. Указанные обстоятельства, на наш взгляд, позволяют соблюсти баланс интересов государства и подозреваемого (обвиняемого), а также сохранить контроль над процессом уголовного преследования [14, с. 160–163].

Во-вторых, прокурор не только выступает как сторона обвинения, но и осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), соблюдением законов в Российской Федерации, прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Это особенно важно в случаях, связанных с организованной преступностью, где возможны попытки использования института в корыстных целях [15, с. 124–131].

В-третьих, прокурор контролирует исполнение обязательства обеими сторонами, а также осуществляет подготовку соответствующих документов для передачи в суд. Представляется, что без надлежащего надзора и контроля затруднительно объективно оценить материалы уголовного дела, подтверждающие выполнение обвиняемым условий ДСС, подготовить представление, удостоверяющее полноту и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым, а также в последующем выступить в качестве государственного обвинителя в суде.

Таким образом, совершенствование полномочий должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, на наш взгляд, позволит упорядочить уголовно-процессуальные отношения при заключении ДСС, его реализации и принятии окончательного решения, а также обеспечить баланс между процессуальной самостоятельностью следователя, реализующего производство по уголовному делу, процессуальным контролем руководителя следственного органа, обеспечивающего законность и качество процессуальной деятельности следователя, деятельностью прокурора, надзирающего за законностью досудебного производства, соблюдением прав и законных интересов подозреваемых или обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 июля 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 26. Ст. 3139.

2. Иваньшина А. Э. Уголовно-процессуальные средства стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2024.

3. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве : актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020.

4. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр : «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16–20.

5. Попрядухин А. В. Показания обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, как способ выполнения обязательств, предусмотренных таким соглашением // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 1. С. 237–244.

6. Плюшкина Я. М. Выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 3 (56). С. 59–60.

7. Калентьева Т. А., Литвина Е. Д. Совершенствование правового института досудебного соглашения о сотрудничестве на современном этапе развития российского уголовного процесса // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2020. № 2. Т. 1. С. 253–254.

8. Казаков А. А., Корешников Д. С. К вопросу о наделении следователя правом заключать досудебное соглашение о сотрудничестве в контексте разрешения проблем правоприменения главы 40.1 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 10. С. 18–21.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

10. Иванов А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

11. Великий Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 87–88.

12. Дудина Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2015. С. 9–11.

13. Кубрикова М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 13.

14. Абшилава Г. В. Некоторые вопросы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора при заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. 2011. С. 160–163.

15. Полякова И. И. Особенности полномочий прокурора и следователя при применении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 4. С. 124–131.

© Фадеев П. В., 2026

УДК 343.6

Файрушина Р. Д. – доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при главе республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);
Степанова М. Г. – курсант 3 курса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

SELECTED ISSUES RELATED TO EVIDENCE EVALUATION DURING CRIMINAL INVESTIGATION IN THE FORM OF AN INQUIRY

Аннотация. В статье рассматривается оценка доказательств в процессе расследования уголовных дел в форме дознания по российскому законодательству. Раскрываются правовая база, принципы оценки доказательств, процедуры и критерии, виды доказательств, их конфликтность и риски, а также предложения по совершенствованию судебной проверки и контроля за доказательствами.

Ключевые слова: доказательство, дознание, допустимость, достоверность, относимость, процесс, дознаватель.

Abstract. This article examines the evaluation of evidence during criminal investigations under Russian law. It covers the legal framework, principles of evidence evaluation, procedures and criteria, types of evidence, their conflicts and risks, and proposals for improving judicial review and evidence control.

Keywords: evidence, inquiry, admissibility, reliability, relevance, process, investigator.

Дознание как одна из форм предварительного расследования в России предполагает сбор, закрепление и оценку доказательств органами дознания. Эффективность правосудия во многом зависит от того, насколько правильно и объективно оцениваются собранные материалы. Оценка доказательств, обеспечения баланса между интересами общества и правами участников процесса включает в себя анализ их относимости, допустимости и достаточности, что особенно актуально в условиях современных реалий правоприменительной практики.

Оценка доказательств представляет собой процесс, в ходе которого следственные органы определяют, являются ли собранные материалы действительными и могут ли они служить основанием для вынесения решения по делу. Этот процесс включает в себя три ключевые характеристики: относимость, допустимость и достоверность. Так, в ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) отмечается, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [1].

Оценка доказательств, приобщенных к материалам уголовного дела, всегда является субъективным процессом, однако, многими процессуалистами, в том числе авторами отечественного уголовно-процессуального закона и субъектами обобщения судебной практики, предпринимались попытки унифицировать подход к исследованию этого значимого инструмента для установления истины по уголовному делу [2].

Иными словами, главная часть процессуальных действий по проверке относимости доказательств в досудебном производстве приходится на этап предварительного расследования. Здесь устанавливается требуемый набор сведений, связанных с обстоятельствами совершенного преступления, который будет рассматриваться судом и послужит основанием для решения суда.

Необходимо отметить, что проверка относимости доказательств, то есть определение связи между собранными данными и обстоятельствами, значимыми для уголовного дела, может осуществляться как по инициативе органов дознания, так и по инициативе участников процесса. В данном случае участники имеют возможность непосредственно влиять на установление относимости доказательств. Обычно это проявляется в виде подачи хода-

тайства к лицу, расследуемому уголовное дело, с просьбой установить обстоятельства, которые важны для его разрешения. В целях защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, уголовно-процессуальный закон (ч. 2 ст. 159 УПК РФ) предусматривает, что на этапе предварительного расследования подозреваемым, обвиняемым, защитникам, а также потерпевшим, гражданским истцам, гражданским ответчикам и их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, проведении судебной экспертизы и других следственных действиях, если обстоятельства, о которых они ходатайствуют, имеют значение для данного дела.

Способы проверки относимости доказательств в стадии предварительного расследования являют собой сопоставление их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установление их источников, получение иных доказательств, которые осуществляются в целях определения связи (отношения) получаемых сведений с обстоятельствами и фактами, имеющими значение для правильного разрешения дела. Применительно к получению иных доказательств с помощью производства следственных действий их целью может быть не только собирание, но и проверка доказательств, когда исследуют качественные свойства уже имеющихся в уголовном деле доказательств и получают новые [3].

В рамках УПК РФ термин «допустимость» используется в различных контекстах. В статье 74 УПК РФ он относится к перечню видов доказательств, которые считаются допустимыми, включая показания подозреваемого и обвиняемого, свидетельские показания, заключения и показания эксперта, а также вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и другие документы. В статье 83 УПК РФ подчеркивается, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний могут быть признаны допустимыми в качестве доказательств только при условии соблюдения требований, установленных УПК РФ. Кроме того, в статье 84 УПК РФ уточняется, что иные документы могут считаться допустимыми доказательствами лишь в том случае, если содержащиеся в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Перечисленные положения УПК РФ свидетельствуют о том, что категория «допустимость» употребляется законодателем как минимум в трех значениях. Во-первых, как указание на то, что толь определенные составляющие могут выступать в качестве доказательств. Во-вторых, как определенное условие соответствия действующему уголовно-процессуальному законодательству. И, в-третьих, как условие признания доказательствами, при соблюдении определенных требований. Отметим, что такая обширная трактовка содержания допустимости доказательств не имеет положительного свойства, так как может способствовать неправильному пониманию сущности категории «допустимость» [4].

Уголовно-процессуальное законодательство, кроме допустимости, содержит и другой термин, а именно «недопустимость». Указанный термин содержится в положениях статей 75, 88 и 226.7 УПК РФ. В уголовно-процессуальной литературе существует мнение, в соответствии с которым наличие в уголовно-процессуальном законодательстве термина «недопустимое доказательство» противоречит формальной логике. Как отмечают М. Е. Кравченко и Р. В. Костенко недопустимыми могут признаваться различные источники, которые получены средствами, не предусмотренными положениями УПК РФ или с их нарушениями, но ни в коей мере не доказательства. Автором отмечается, что доказательства могут только обладать свойствами допустимости, относимости, достаточности и достоверности [5].

Своевременная проверка допустимости доказательств на этапе предварительного расследования, а также последующее исключение доказательств, полученных с нарушением закона, являются ключевыми гарантиями соблюдения законности в рамках всего досудебного производства. Исходя из самой природы допустимости доказательств, на стадии предварительного расследования (что также касается и других этапов уголовного процесса) необходимо проверить следующие аспекты: во-первых, наличие надлежащих субъектов, участвующих в сборе доказательств; во-вторых, использование правильных источников доказательств; в-третьих, применение надлежащих методов их получения, а также соблюдение процессуальной формы на всех этапах осуществления этих методов.

Согласно части 3 статьи 88 УПК РФ, существует два возможных варианта проверки допустимости доказательств и последующего исключения недопустимых доказательств на стадии досудебного производства по уголовным делам: по собственной инициативе следователя – этот вариант подразумевает, что следователь самостоятельно инициирует проверку допустимости доказательств и принимает решение об их исключении, если они были получены с нарушением закона; по ходатайству подозреваемого или обвиняемого – в этом случае инициатива исходит от участников процесса, которые могут подать ходатайство о признании определенных доказательств недопустимыми, что приносит дополнительные гарантии защиты их прав и законных интересов [1].

Установление достоверности доказательств на этой стадии имеет своей целью обеспечить достижение обоснованного знания обо всех обстоятельствах и фактах, сопутствующих совершению преступления и расследованию и имеющих значение для последующего правильного разрешения уголовного дела по существу. А значит, только достоверные доказательства должны быть положены в основу всех процессуальных решений на стадии предварительного расследования. Именно они (достоверные доказательства) позволяют органам расследования делать обоснованные, отличающиеся особой убедительной силой выводы о наличии события преступления

либо об его отсутствии, а также о виновности либо невиновности подозреваемого, обвиняемого. Более того, можно уверенно сказать, что от достоверных доказательств во многом зависит всесторонность, полнота и объективность проведенного расследования. Таким образом, качественная проверка доказательств на предмет их достоверности выступает своего рода показателем качества всего производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования.

Основные принципы оценки доказательств в дознании включают законность источников, объективность и полноту сбора, достоверность и релевантность материалов, а также возможность обеспечения права сторон на защиту и на обжалование процессуальных решений [6].

В ходе проверки выдвинутой дознавателем гипотезы происходит согласование собранных доказательств, в результате чего можно констатировать их достоверность. При этом необходимо различать оценку достоверности каждого из полученных доказательств и достоверность выводов субъектов доказывания, основанных на этих доказательствах. Во втором случае речь идет о деятельности, которая реализуется посредством оценки достаточности доказательств. Лишь достаточная совокупность согласованных между собой достоверных доказательств может привести к обоснованному убеждению в доказанности таких обстоятельств.

Так, представляется важной проблемой вопрос оценки доказательств дознавателем в ходе сокращенного дознания. Доказательства по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме дознания, собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. При этом законодатель выводит за рамки доказывания иные обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Кроме того, подлежат выявлению и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления [7].

Несмотря на широкий круг прав, предусмотренных в статье 226.5 УПК РФ, которые законодатель предоставляет дознавателю при расследовании уголовного дела в форме сокращенного дознания, существует значительное ограничение на обстоятельства, подлежащие доказыванию. Более того, данное нововведение нарушает один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства – свободу оценки доказательств. Этот принцип, закрепленный в статье 17 УПК РФ, заключается в том, что при возбуждении и расследовании уголовного дела дознаватель имеет право на самостоятельную оценку доказательств, исходя из своего внутреннего убеждения, основанного на совокупности доступных в деле доказательств, при этом придерживаясь закона и совести. Для осуществления данного права законодатель ограничил круг лиц, имеющих право собирать доказательства

в ходе следственных и процессуальных действий, включив в него лишь дознавателя, следователя, прокурора и суд. Это право закреплено в части 1 статьи 86 УПК РФ [1].

Однако в ходе расследования уголовного дела в форме сокращенного дознания вышеуказанный принцип и право дознавателя существенно нарушаются. Это происходит благодаря значительно расширенному кругу процессуальных полномочий лиц, проверяющих сообщения о преступлении. Таким образом, доказательства, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий иным лицом и до возбуждения уголовного дела, дознаватель может не оценивать. Данную особенность доказывания при производстве дознания в сокращенной форме законодатель закрепил в статье 226.5 УПК РФ, возвращаясь, таким образом, к теории формальных доказательств. Данная теория заранее определяла силу доказательств, их количество, необходимое для разрешения дела и принятия решения.

На основании вышесказанного мы можем сделать вывод, что оценка доказательств в дознании должна быть строгой, комплексной и прозрачной, с опорой на законность источников, соответствие фактам и правам участников. Совершенствование нормативной базы, усиление контроля за качеством следственных действий и развитие судебной практики позволят повысить обоснованность выводов и достоверность судебных решений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Левченко Е. В., Сухаревский В. И. К вопросу правового регулирования и значения использования специальных познаний при расследовании преступлений // Гуманитарные проблемы современности : человек и общество. Новосибирск, 2018. С. 191–218.

3. Щербич Л. А. К вопросу о проверке доказательств следователем в досудебном производстве // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Редколлегия / Ю. В. Францифоров [и др.]. Саратов, 2020. С. 180–182.

4. Маркелов А. Г., Терехин В. В., Наметкин Д. В. Теория доказательств в уголовном процессе : монография. Чебоксары, 2018.

5. Костенко Р. В., Кравченко М. Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе : монография. Москва, 2018.

6. Файрушина Р. Д., Маликова Н. В. Некоторые аспекты сбора и проверки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Право : ретроспектива и перспектива. 2020. № 4 (4). С. 73–78.

7. Буянова Ю. В. Свобода оценки доказательств дознавателем при сокращенной форме дознания // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 497–499.

© Файрушина Р. Д., 2026
© Степанова М. Г., 2026

УДК 343.1:159.9

Халитов О. Ф. – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE INTO THE CRIMINAL PROCESS: PROBLEMS OF REGULATORY MANAGEMENT

Аннотация. Современный уголовный процесс осуществляется в условиях высокой психологической напряженности, многофакторности принимаемых решений и активного межличностного взаимодействия между его участниками. При этом эффективность расследования и судебного разбирательства во многом зависит не только от формального соблюдения норм уголовно-процессуального закона, но и от учета психологических закономерностей поведения личности.

Несмотря на широкое фактическое использование психологических знаний в деятельности следователей, дознавателей и судей, их нормативная интеграция в уголовный процесс остается фрагментарной и несистемной, что порождает процессуальные риски и угрозы нарушения прав личности, выражающиеся в снижении достоверности доказательств, искажении оценки показаний, повышении вероятности процессуальных ошибок, а также в формах психологического давления, ограничении свободы волеизъявления, вторичной виктимизации и формальном обесценивании принципа уважения чести и достоинства личности.

В этой связи представляется актуальным анализ проблем нормативного регулирования использования психологических знаний в уголовном судопроизводстве и выработка направлений их системной интеграции.

Ключевые слова: психологические знания, допустимое психологическое воздействие, психологическое давление, специалист-психолог, доказательства, защита прав личности.

Abstract. The modern criminal process is carried out in conditions of high psychological tension, multifactorial nature of decisions, and active interpersonal interaction between its participants. At the same time, the effectiveness of investigation and trial largely depends not only on the formal compliance with the norms of criminal procedure law, but also on the consideration of psychological patterns of personality behavior.

Despite the widespread use of psychological knowledge in the activities of investigators, interrogators, and judges, its normative integration into the criminal process remains fragmented and unsystematic, which creates procedural risks and threats to the violation of individual rights, such as reduced reliability of evidence, distorted assessment of testimonies, increased likelihood of procedural errors, and forms of psychological pressure, restrictions on freedom of expression, secondary victimization, and the formal devaluation of the principle of respect for the honor and dignity of individuals.

Keywords: psychological knowledge, permissible psychological influence, psychological pressure, a psychologist, evidence, protection of individual rights.

Под психологическими знаниями в уголовном процессе следует понимать научно обоснованные сведения о закономерностях психической деятельности личности, используемые для: оценки поведения участников процесса; повышения эффективности следственных действий; обеспечения достоверности доказательств; защиты прав и законных интересов личности. При этом такие знания не подменяют правовое регулирование, а дополняют его, обеспечивая реализацию принципов уголовного судопроизводства.

В практике уголовного процесса психологические знания применяются в следующих формах:

1. Судебно-психологическая экспертиза.

2. Участие специалиста-психолога при производстве следственных действий.

3. Тактические приемы следственных действий, основанные на психологических закономерностях.

4. Оценка показаний и поведения участников процесса следователем и судом.

5. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов.

В отличие от судебно-психологической экспертизы, порядок и статус которой достаточно подробно урегулированы законом (ст. 57, 195–207, 283 УПК РФ), иные формы применения психологических знаний в уголовном процессе не имеют четкой процессуальной регламентации. Участие психолога в следственных действиях, его консультативная деятельность и психологическое сопровождение либо вовсе не упоминаются в законе, либо регулируются фрагментарно и косвенно.

Единственной нормой, потенциально применимой к этим случаям, является ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующая участие специалиста. Однако она носит общий характер и не учитывает специфику психологических знаний. В ней не раскрываются ни содержание психологических компетенций, ни допустимые формы участия психолога, ни границы его воздействия на участников следственных действий. Отсутствуют также указания на специфические задачи психолога в уголовном процессе и процессуальные гарантии его деятельности.

Такая нормативная неопределенность приводит к тому, что участие психолога в деле часто носит формальный или эпизодический характер. В наиболее проблемных случаях его функции либо игнорируются, либо подменяются действиями самого следователя, который, не обладая специальной подготовкой, может оказывать на допрашиваемого неконтролируемое психологическое воздействие.

УПК РФ закрепляет запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер воздействия при производстве следственных действий (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Указанный запрет охватывает не только физическое, но и психическое насилие. К последнему относятся шантаж, угрозы, обман, необоснованные обещания, использование религиозных предрассудков, правовой неграмотности и психологической уязвимости допрашиваемого [1, с. 6–9]. Наряду с этим существуют нравственно-психологические пределы допустимого воздействия, исключающие издевательское отношение, умышленное усугубление тяжелых психических состояний и иные формы психологического принуждения.

Уголовная ответственность за наиболее опасные формы такого воздействия предусмотрена ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, что подтверждает признание законодателем общественной опасности психического принуждения в уголовном судопроизводстве и одновременно выявляет несоразмерность между уголовно-правовой оценкой таких деяний и отсутствием детализированных процессуальных механизмов их предупреждения. Вместе с тем нормы УПК РФ не содержат развернутых процессуальных критериев и механизмов предупреждения психологического давления, включая внушение, манипулятивные тактики и использование когнитивных искажений допрашиваемого, что обусловливает нормативную неопределенность пределов допустимого психологического воздействия. Как отмечают Е. Г. Дозорцева и А. Г. Красавина, анализ следственной практики и зарубежного опыта показывает, что отсутствие стандартизированных процедур и четкой регламентации участия психолога создает риски внушающего воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего, поскольку действующее законодательство не содержит детализированных требований к организации допроса, исключающих манипулятивные тактики со стороны допрашивающего [2, с. 23–31].

Это создает риск допустимости психологически некорректных методов при формальном соблюдении закона, а процессуальные нормы не обязывают суд и следствие учитывать стрессовое состояние допрашиваемого, возрастные и личностные особенности, эффект ретравматизации у потерпевших, искажения памяти. Как отмечает Я. В. Комиссарова, неправильно проведенный допрос может привести к включению в показания ложных фактов, обусловленных когнитивными искажениями, при этом действующее законодательство не содержит механизмов, гарантирующих учет таких факторов [3, с. 8–11].

В результате оценка доказательств нередко осуществляется в отрыве от психологической реальности их формирования, что противоречит как целям доказывания, так и принципу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Недостаточная нормативная регламентация интеграции психологических знаний приводит к следующим последствиям: снижению достоверности доказательств; росту процессуальных ошибок; повышению риска признания доказательств недопустимыми; нарушению принципа уважения чести и достоинства личности; вторичной виктимизации потерпевших; профессиональному выгоранию сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, психологический фактор становится скрытым источником процессуальных деформаций.

Представляется целесообразным нормативное закрепление принципа психологической безопасности участников уголовного процесса, предусматривающего: запрет психологического давления, учет психоэмоционального состояния участников, минимизацию вторичной травматизации.

Несмотря на наличие разработанных научных и методических рекомендаций, в том числе руководств по судебно-психологической экспертизе, вопросы статуса специалиста-психолога, форм его участия в следственных действиях и пределов допустимого психологического воздействия не получили нормативного закрепления [3, с. 41]. Методические материалы не обладают общеобязательной силой и не могут заменить правовое регулирование, что обусловливает необходимость соответствующей регламентации на уровне нормативных правовых актов.

Устранение выявленной нормативной неопределенности возможно лишь при условии закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве базовых процессуальных ориентиров участия специалиста-психолога, направленных на обеспечение законности и защиту прав личности. В этой связи необходимо нормативно определить: задачи и функции психолога; формы его участия при следственных действиях; пределы допустимого психологического воздействия, оказываемого процессуальными лицами на участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий; процессуальную ответственность субъектов уголовного судопроизводства за нарушение нормативно установленных пределов допустимого психологического воздействия на участников процесса.

Представляется необходимым формирование и нормативное закрепление процессуальных ориентиров допустимого психологического воздействия, направленных на разграничение правомерных тактических приемов и недопустимых форм психологического принуждения. Такие ориентиры должны учитывать психологические закономерности межличностного взаимодействия, особенности стрессового реагирования и уязвимость отдельных категорий участников процесса, а также исключать использование манипулятивных техник, внушения и эксплуатации когнитивных искажений при производстве следственных действий.

В целях повышения обоснованности и достоверности процессуальных решений целесообразно нормативно закрепить обязанность суда учитывать психологические условия формирования доказательств, включая психоэмоциональное состояние допрашиваемых лиц, особенности восприятия и воспроизведения информации, а также влияние стрессовых факторов и времени на качество показаний при их оценке в совокупности с иными доказательствами.

Интеграция психологических знаний в уголовный процесс является объективной необходимостью современного судопроизводства. Однако ее эффективность напрямую зависит от качества нормативного регулирования. Отсутствие системного подхода к правовому закреплению психологического компонента уголовного процесса приводит к правовой неопределенности, снижению качества доказывания и нарушению прав личности. Решение указанных проблем возможно путем формирования междисциплинарной модели уголовного судопроизводства, учитывающей как правовые, так и психологические закономерности, а также направленной на повышение качества доказывания и реальную защиту прав личности.

Библиографический список

1. Рыжаков А. П. Рассуждения по поводу закрепленного в ч. 4 ст. 164 УПК РФ общего правила // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2008. № 1 (1). С. 5–11.

2. Дозорцева Е. Г., Красавина А. Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23–31.

3. Комиссарова Я. В. Ложные воспоминания : проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 22–28.

4. Янин М. Г. Правовой статус педагога, психолога и законного представителя в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. 2020. Т. 5. № 2. С. 39–45.

© Халитов О. Ф., 2026

УДК 343.1

Хаметова А. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа);
Осипова Н. В. – заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Донецк)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РОЗЫСКА ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

ON THE LEGAL REGULATION OF THE SEARCH FOR A SUSPECT OR AN INNOCENT PERSON

Аннотация. В статье анализируются проблемы розыска подозреваемых, обвиняемых, связанные с его процессуальным оформлением, проанализировано правовое регулирование розыска, предложены уголовно-процессуальные изменения, касающиеся нормативной правовой регламентации понятия розыск подозреваемого или обвиняемого при производстве расследования уголовного дела.

Ключевые слова: розыск, подозреваемый, обвиняемый, задержание, скрывшиеся от предварительного следствия, правовое регулирование розыска.

Abstract. The article analyzes the problems of searching for suspects and accused persons related to their procedural registration, the timely response of law enforcement officers, the legal regulation of searching, and proposes criminal procedure changes regarding the procedure for searching a suspect or accused person during the investigation of a criminal case.

Keywords: search, suspect, accused, detention, those who have fled the preliminary investigation, legal regulation of search.

Розыск лиц, скрывшихся от следствия и суда, представляет собой один из наиболее сложных и многогранных институтов современной правоохранительной деятельности. В рамках российского правового поля задача розыска сопряжена с необходимостью компромиссного баланса между конституционными правами граждан и государственными функциями по обеспечению правосудия, общественной безопасности и охраны общественных интересов.

По данным МВД России, опубликованным на сайте Единой межведомственной информационно – статистической системы, за январь–март 2024 года в стране насчитывалось 91 599 разыскиваемых лиц против 89 700 за аналогичный период 2023 года [4, с. 1], что свидетельствует о тенденции к росту числа лиц, находящихся в розыске.

Одним из существенных пробелов розыска является отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) единого, открытого определения понятия «розыск» как института с конкретными целями, субъектами и задачами. Это затрудняет единообразие правоприменительной практики и формирует расхождения между различными подразделениями органов внутренних дел.

В отечественной научной доктрине также нет единообразия по определению понятия «розыск». К примеру Р. С. Белкин определяет розыск как «деятельность следователя по установлению местонахождения обвиняемого, скрывшегося от следствия, проводимую посредством производства следственных и розыскных действий, организационно-технических мероприятий во взаимодействии с органом дознания, действующим по его поручению» [1, с. 117]. П. А. Самойлов рассматривает розыск как «деятельность уполномоченных субъектов в ходе производства по уголовному делу, направленную на установление местонахождения искомых объектов» [2, с. 197–206]. Т. А. Ткачук определяет розыск как «основанную на законах и подзаконных нормативно-правовых актах комплексную, правовую, организационную и тактическую систему мер уголовно-процессуального и оперативно-розыскного характера…» [3, с. 240–243].

На наш взгляд, розыск следует рассматривать как систему процессуальных мер и действий государственных органов, направленных на установление местонахождения лиц, обладающих процессуальным значением для раскрытия и расследования преступлений, а также на обеспечение соблюдения законности в рамках уголовно-процессуального производства. В этом контексте розыск является частью уголовно-процессуальной деятельности, характеризующейся координацией процессуальных действий и межведомственной совместной работы, для достижения целей уголовного судопроизводства.

Любой правовой институт следует рассматривать исходя из его целей. Традиционно к целям розыска относят:

обнаружение местонахождения подозреваемых и обвиняемых;

обеспечение полноты и достоверности доказательств;

защита интересов потерпевших;

предупреждение противоправных действий со стороны скрывшихся.

Проведенный анализ норм законодательства, регламентирующего розыск, позволяет выделить некоторые нормативные правовые акты, закрепляющие отдельные элементы института розыска.

Так, статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет принципы законности, гражданских прав и свобод, а также элементы правового статуса личности. В контексте розыска эти принципы задают рамки допустимых ограничений и гарантий. Положения ст. 17–18, ст. 64 Конституции Российской Федерации и другие конституционные нормы формируют базис для правоприменительной практики и взаимоотношений между государственными органами и субъектами правоотношений в сфере розыска.

В Уголовном кодексе Российской Федерации следует выделить статьи, формирующие основания уголовной ответственности и понятие преступления, которые влияют на критерии применения розыска и расстановку приоритетов при выборе мер принуждения по отношению к уклоняющимся от следствия лицам (в частности ст. 2 УК РФ, ст. 14 УК РФ).

Уголовно-процессуальное законодательство детализирует общий порядок предварительного расследования, включая и вопросы розыска. Так, вопросы розыска освещаются фрагментарно: п. 38 ст. 5 УПК РФ, раскрывающий понятие «розыскные меры»; ст. 208–211 УПК РФ, регламентирующие основания объявления в розыск. Вместе с тем понятие «розыск» в уголовно-процессуальном законодательстве не раскрывается, что свидетельствует о недостаточном единообразии дефиниций и вызывает необходимость систематизации понятия розыска в рамках УПК РФ.

Федеральный Закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет круг субъектов, имеющих полномочия в рамках оперативно-розыскной деятельности осуществлять розыск, закрепляет основы оперативно-розыскных мероприятий. Несмотря на расширение автономии органов дознания в инициировании и проведении отдельных розыскных действий, следователь продолжает выступать основным субъектом, ответственным за принятие решения о розыске.

Из приведенного анализа правовых норм можно сделать вывод о наметившейся тенденции отнесения розыска исключительно к компетенции органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Считаем, что данная деятельность в равной степени осуществляется и следователями в ходе расследования уголовных дел при получении информации, а также производстве следственных действий. Розыск требует усиленной координации и соблюдения определенных процессуальных гарантий, а также установление более эффективной модели взаимодействия между следователем и органом дознания в процессе розыска. Неоднозначность правового регулирования может влиять и на эффективность розыска в целом.

Современное правовое регулирование розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда, требует балансирования между расширением полномочий субъектов и усилением гарантий прав. Введение единого определения в УПК РФ способно повысить оперативность и законность розыска, снизить задержки и увеличить доверие общества к механизмам правосудия.

Нормативная регламентация понятия «розыск» в УПК РФ как самостоятельного института с четко очерченными целями, субъектами и процедурами способно укрепить единообразие правоприменения и снизить правовую неопределенность. Считаем необходимым внести в ст. 210 УПК РФ единое определение розыска, определить цели, задачи, субъектов и виды действий; закрепить принципы координации между следствием и дознанием.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. 200 с.

2. Самойлов П. А. Розыск в уголовно-процессуальной деятельности : сущность, основания и содержание // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 С. 197–206.

3. Ткачук Т. А. К вопросу о понятиях и видах розыска // Пробелы в российском законодательстве. № 2. 2010 С. 240–243.

4. ЕМИСС Государственная статистика : офиц. сайт: URL: https:// www.fedstat.ru/indicator/36196 (дата обращения 05.02.2026).

© Хаметова А. Р., 2026
© Осипова Н. В., 2026

УДК 343.14: 004

Хусаинов Р. Р. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE RELATIONSHIP BETWEEN CRIMINAL PROCEDURE AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN TIME SPACE

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности во временном пространстве. Рассматривается действие оперативно-розыскной деятельности относительно стадий уголовного процесса. Выделяются три этапа осуществления оперативно-розыскной деятельности: до начала, в период и после окончания уголовно-процессуальной деятельности и дается их краткая характеристика.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, стадии уголовного процесса, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, участники уголовного судопроизводства.

Abstract. The article is devoted to the issues of the relationship between criminal procedural and operational-search activities in the temporary space. The action of operational-search activities regarding the stages of the criminal process is considered. Three stages of the implementation of operational-search activities are distinguished: before the beginning, during and after the end of criminal procedural activities, and a brief description is given.

Keywords: criminal procedural activities, stages of criminal proceedings, operational-search activities, operational-search measures, participants in criminal proceedings.

Борьба с преступностью остается одной из основных задач органов внутренних дел (далее – ОВД). Данная задача может быть решена только при применении комплексных мер, направленных на своевременное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений. При этом необходимо отметить тесную взаимосвязь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД).

Уголовно-процессуальную деятельность можно определить как особый вид государственной деятельности органов расследования, направленной на раскрытие преступлений и изобличение лиц, их совершивших, и деятельности суда, направленной на разрешение уголовных дел и применение к виновным мер уголовного наказания. Таким образом, данный вид является основным видом деятельности правоохранительных органов, направленной на борьбу с преступностью. При ее осуществлении решаются самые сложные вопросы борьбы с преступностью, связанные с возбуждением, расследованием уголовных дел, их рассмотрением в суде и исполнением приговоров.

ОРД также способствует решению многих задач, стоящих перед правоохранительными органами, но при этом в первую очередь она должна быть направлена на обеспечение уголовно-процессуальной деятельности. На современном этапе только следственными действиями без проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) не представляется возможным раскрытие многих преступлений, особенно совершенных с использованием новых цифровых, компьютерных технологий. Проведение в рамках ОРД оперативно-розыскных мероприятий позволяет правоохранительным органам глубоко проникать в преступную среду, осуществлять за ними негласный контроль, документировать их противоправную деятельность, получать необходимую информацию и обеспечивать ею процесс борьбы с преступностью. Поэтому смело можно констатировать, что уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность направлены на решение единой задачи и обречены на постоянное взаимодействие.

В уголовном судопроизводстве участвуют только лица, имеющие процессуальный статус, порядок приобретения этого статуса у всех имеет разный характер. Вся эта деятельность осуществляется с появлением потерпевшего. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплено, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации [1]. В соответствии с законодательством лицо, пострадавшее от неправомерного деяния, незамедлительно должно быть признано потерпевшим после возбуждения уголовного дела. Однако в реальности человек, которому был нанесен вред в результате совершенного преступного деяния, приобретает официальный статус «потерпевший» только после принятия процессуального решения должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное расследование (дознаватель, следователь – постановление) или лицом, проводящим судебное разбирательство (судья – определение). С точки зрения уголовно-процессуального законодательства, фигура потерпевшего не теряет свой статус, даже если будет отказано в возбуждении уголовного дела (лицо, совершившее преступление, является невменяемым, не достигло возраста уголовной ответственности, акт амнистии и т. д.). Для уголовного же законодательства понятие «потерпевший» возникает, когда в отношении какого-то лица было совершено противоправное деяние и ему был причинен вред. Однако при этом для уголовного закона, если нет преступления, то нет виновных, потерпевших, свидетелей и иных категорий. Таким образом, лица, попадающие под воздействие рассматриваемых законов, напрямую связаны с фактом совершенного преступления и наличием возбужденного уголовного дела. При этом только наличие возбужденного уголовного дела дает возможность приобрести процессуальный статус участникам уголовного судопроизводства и при этом приобретенный статус весьма ограничен во времени.

Совершенно другая ситуация возникает если все вышеизложенное рассматривать через призму оперативно-розыскного законодательства. Фигуранты, которые в последующем будут вовлечены в уголовный процесс, в поле зрения субъектов оперативно-розыскной деятельности могут попасть еще за долго до совершения преступления и приобретения ими процессуального статуса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого и т. д.

Статьи 9 и 4 уголовного и уголовно-процессуального законодательства соответственно определяют действие закона во времени, а в оперативно-розыскном законодательстве, как известно, нет такого регулирования. Все вышеизложенное позволяет констатировать, что оперативно-розыскное законодательство разрешает соответствующим субъектам осуществлять свою деятельность во временном пространстве намного шире

границ действия уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Более того можно утверждать, что результаты ОРД могут запустить механизм действия уголовно-процессуального законодательства. В настоящее время почти единогласно признается, что результаты ОРД могут быть положены в основу решений о производстве следственных действий, направленных на обнаружение и закрепление доказательств [2, с. 103]. Так как в соответствии с оперативно-розыскным законодательством результаты этой деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и использоваться в доказывании по этим делам.

Небольшой анализ указанных положений законодательства показывает, что ОРД относительно уголовного процесса можно рассматривать в нескольких временных интервалах, а именно: до начала уголовно-процессуальной деятельности, в процессе осуществления этой деятельности и после ее прекращения.

Первое направление связано с тем, что эта деятельность может активно осуществляться до возбуждения уголовного дела и являться подготовительным этапом для начала уголовного процесса. В рассматриваемом случае речь идет о латентных преступлениях, которые практически всегда выявляются правоохранительными органами, контролирующими органами, представителями средств массовой информации, общественными организациями, иными организациями (экономические преступления, коррупционные и должностные преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, огнестрельного оружия, драгоценных материалов, природных богатств и т. д.). Субъекты оперативно-розыскной деятельности в этом направлении не ограничены временем, выявление и документирование преступлений посредством проведения ОРМ осуществляется в зависимости от полученной оперативной информации и возможностей оперативных подразделений по документированию этих противоправных деяний. Однако вся эта деятельность должна осуществляться в строгом соответствии с законодательством, в том числе и ведомственными нормативными актами закрытого характера. Законодательство, при наличии оснований, позволяет соответствующим органам использовать весь имеющийся арсенал оперативных подразделений. Вышеизложенное позволяет получить достоверные фактические данные о совершенных (совершаемых) преступлениях и подготовить надежную платформу для запуска механизма уголовного и уголовно-процессуального законодательства для решения общей задачи – борьбы с преступностью.

Второе направление ОРД связано с деятельностью соответствующих субъектов ОРД при наличии уже возбужденных уголовных дел. В данном случае имеются свои особенности, которые связаны с возможностью проведения ОРМ только по поручению следователя (дознавателя) в производстве которого находится расследуемое уголовное дело. Однако при этом оперативным подразделениям не запрещается получать оперативную информацию

(например: из негласных источников, от иных субъектов ОРД в процессе взаимодействия и т. д.), которая может быть передана следователю (дознавателю) и использована в процессе расследования уголовного дела. Вторая особенность состоит в том, что при отсутствии подозреваемого(ых) лица (лиц) после проведения необходимых следственных и процессуальных действий уголовное дело будет приостановлено, а для раскрытия совершенного преступления оперативные подразделения обязаны продолжить (или возобновить) поиск подозреваемых лиц, в том числе в процессе проведения ОРМ. При установлении подозреваемых лиц предварительное следствие возобновляется и данные, полученные оперативным подразделениями, используются для проведения соответствующих следственных и процессуальных действий.

Третье направление на практике тоже имеет место быть, а именно: после вступления приговора суда в законную силу и направления материалов для исполнения наказания (помещение в учреждения Федеральной службы исполнения наказаний) стадия уголовного процесса заканчивается и вступает в действие уголовно-исполнительное законодательство. Однако субъекты оперативно-розыскной деятельности могут продолжить свою деятельность уже в отношении осужденных. Такая ситуация может возникнуть по деяниям, совершенным организованными преступными сообществами или организациями, группами, когда не все совершенные ими преступления выявлены или доказаны. Получение оперативными сотрудниками новых фактических данных может привести к началу исключительных стадий уголовного процесса (кассационное производство; надзорное производство; возобновление дел по вновь открывшимся или новым обстоятельствам) или началу уголовно-процессуальной деятельности по ранее невыявленным или нераскрытым преступлениям.

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать тесную взаимосвязь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, при этом вторая носит обеспечивающий характер в отношении первой. Однако при этом ОРД не ограничена во временном пространстве и ее границы применения намного шире, чем у уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Поляков М. П. Уголовно-правовая интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : монография / под науч. ред. В. Т. Томина. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001.

© Хусаинов Р. Р., 2026

УДК 343.13

Чобитько М. Б. – судья Челябинского областного суда, кандидат юридических наук (Россия, г. Челябинск)

НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КЛЮЧЕВАЯ ПРИЧИНА ОТМЕНЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

VIOLATIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE KEY REASON FOR THE REVERSAL OF COURT DECISIONS AND CHALLENGES FOR LAW ENFORCEMENT

Аннотация. В статье автором рассматривается нарушение уголовного судопроизводства с позиции науки и практики. При этом ключевым признаком для юридической науки выступает свойство деликтности, а для правоприменения – существенности. Обращается внимание на недостаток правового регулирования, которое не предусматривает порядок процессуального выявления нарушений уголовного судопроизводства. Автором приводятся два вида декларирования нарушений: «процессуальное» и «ревизионное», особенности которых зависят от субъекта уголовного судопроизводства, выдвигающего версию о наличии в деле существенного процессуального нарушения, влияющего на судьбу уголовного дела.

Ключевые слова: нарушение уголовного судопроизводства, существенность, декларирование, апелляционное производство, кассационное производство.

Abstract. In this article, the author examines violations of criminal procedure from both a scholarly and practical perspectives. The key criteria for legal scholarship are delictuality, while for law enforcement, materiality. The author draws attention to the shortcomings of legal regulation, which does not provide for a procedural procedure for the procedural identification of violations of criminal procedure. The author cites two types of violation declarations: "procedural" and "revisional," the specifics of which depend on the party in criminal proceedings asserting the presence of a material procedural violation in the case that affects the outcome of the criminal case.

Keywords: violation of criminal proceedings, materiality, declaration, appellate proceedings, cassation proceedings.

Наряду с неверным применением уголовного закона, именно нарушения уголовно-процессуального законодательства являются наиболее частой причиной отмены судебных решений. Судебная статистика подтверждает: существенные нарушения Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации (далее – УПК РФ) приводят к отмене приговоров по уголовным делам значительно чаще, чем любые другие основания. Например, практика Челябинского областного суда в 2023 году показывает, что из 8 224 рассмотренных дел было отменено 349 судебных решений. Из них:

28 решений отменены из-за несоответствия выводов суда;

34 – по причине нарушений уголовного закона;

209 – ввиду существенного нарушения УПК РФ, что составляет более 50 % от общего числа отмененных решений [1].

Специальная статистика, которая бы отображала непосредственные причины отмены приговоров и иных решений ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона, отсутствует. Вместе с тем, если обратить внимание на конкретные решения, то наиболее типичными являются нарушения, касающиеся фундаментальных, конституционных прав участников уголовного судопроизводства. Это нарушение права на защиту, незаконный состав суда, ограничение доступа к правосудию, которые выступают безусловными основаниями отмены и во всех случаях ставят под сомнение правосудность приговора [2, с. 200].

В данной статье мы сосредоточимся исключительно на нарушениях УПК РФ, допускаемых профессиональными участниками уголовного судопроизводства, наделенными правом принимать итоговые судебные решения.

Проблемы изучения и понимания природы нарушений УПК РФ

Авторы диссертационных исследований часто сводят правовую природу нарушений уголовного судопроизводства к категории правонарушений, определяя их как «деяние, совершенное в форме действия или бездействия» или «виновное противоправное деяние». Такой подход, однако, ограничивает возможности для глубокого изучения правовой природы этих нарушений и решения проблемы высокого показателя «брака» в судебных решениях. Ряд нарушений УПК РФ действительно подпадает под категорию правонарушений, за которые следователи и судьи несут ответственность, при этом в большинстве случаев ответственность наступает за допущенные правоприменителями нарушения именно процессуального характера [3, с. 96].

Вместе с тем исследование уголовно-процессуальных нарушений с позиции стороннего наблюдателя, не вовлеченного в уголовно-процессуальную деятельность, снижает уровень профессиональной заинтересованности. Поэтому такие исследователи, как Ширванов А. А. [4, с. 21–22], Москвина Т. А. [5, с. 24], Воскобитова Л. А. [6, с. 33–34], сводят правовую природу нарушений уголовного судопроизводства к области правонарушений, то есть *деликта*.

Что еще важнее, понятие нарушений уголовно-процессуальных норм и формы их проявления в законе не сформулированы [7, с. 22], а ориентир на деликтный характер нарушений уголовного судопроизводства не дает

внятного представления о мотивации правоприменителя, который сознательно или несознательно отступил от не всегда гибкого уголовно-процессуального закона.

Индивидуальный характер нарушений и сложность их оценки

Важно отметить, что признание судами нарушения норм УПК РФ в конкретном уголовном деле всегда носит строго индивидуальный характер. Наличие нарушения, послужившего основанием для отмены решения в одном деле, не гарантирует, что схожее нарушение в другом деле повлечет те же правовые последствия. Суд не обязан поступать аналогичным образом. Здесь важен контекст состоявшегося нарушения уголовного судопроизводства и конкретные последствия, которыми могут быть не только отмена с передачей дела на новое рассмотрение, но и, к примеру, признание доказательств недопустимыми.

Такой подход не свидетельствует о рассогласованности судебной практики. При отмене решения суд оценивает весь комплекс нарушенных прав участников, обстоятельства дела, его контекст, а также другие возможные нарушения (например, Общей или Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Иными словами, решение принимается с учетом уникального стечения обстоятельств в каждом конкретном деле.

Недостаточность нормативной базы и отсутствие теоретических исследований

Уголовно-процессуальный закон и другие нормативные акты содержат крайне ограниченное количество норм, касающихся нарушений УПК РФ. Возможно, это связано с отсутствием глубоких теоретических исследований, на основе которых можно было бы выработать практические подходы к нарушениям УПК РФ и интегрировать научные идеи в законодательство. При этом, несмотря на постоянную модернизацию уголовного судопроизводства, нормы, регламентирующие нарушения, остаются неизменными.

Основным правовым ориентиром выступает часть 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации, запрещающая использование доказательств, полученных с нарушением закона. Однако это положение непосредственно относится только к сфере доказательственного права. Тем не менее многие аспекты получения доказательств в ходе досудебного производства могут быть расценены как нарушение УПК РФ. Критерии таких нарушений нормативно не очерчены, что порождает проблему неограниченного усмотрения правоприменителя при решении вопроса о признании доказательств недопустимыми.

В УПК РФ нарушения фигурируют как основание для изменения или отмены приговора или иного судебного решения, что раскрывает их юридическое содержание. Единственным нормативно закрепленным свойством нарушения является его *существенность.*

Для целей апелляционного производства процессуальные нарушения представлены в виде: лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства; несоблюдения процедуры судопроизводства; иных нарушений, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ), то есть ошибки, которые, как указал Конституционный суд Российской Федерации, «должны исправляться судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции» [8, с. 38].

Суд кассационной инстанции обладает более широкими полномочиями и «практически любое нарушение при судебном рассмотрении уголовного дела может расценить, как повлиявшее на исход дела, либо не повлиявшее» [9, с. 38] (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Из сказанного понятно, что нарушения уголовного судопроизводства in concreto в правоприменительной деятельности представлены с позиции существенности, предполагающей дифференциацию на фундаментальные и менее значимые. В теории же, in absracto, нарушения представлены в форме деликта, под который подпадает любое отступление правоприменителя от норм УПК РФ.

Процедура выявления процессуальных нарушений

Проверка на наличие или отсутствие нарушений в ходе уголовного процесса обычно проводится поэтапно. Первоначальное выявление таких нарушений чаще всего происходит в суде первой инстанции, который рассматривает дело по существу. Именно этот суд может обнаружить ошибки, допущенные на стадии предварительного расследования.

Далее вышестоящие судебные инстанции – апелляционная, кассационная и надзорная – также проводят проверку. Они могут выявить как нарушения на этапе досудебной подготовки, так и те, что были допущены нижестоящими судами. Особая роль в этом процессе отводится апелляционному суду, который должен тщательно оценивать существенность каждого выявленного нарушения норм уголовно-процессуального закона [10, с. 1021].

Вопрос о нарушениях уголовно-процессуального закона обычно поднимается в ходе судебного разбирательства, когда стороны активно представляют свои аргументы. Предварительное расследование часто рассматривается как этап, в ходе которого допускаются процессуальные нарушения, как правило, затрагивающие права участников при получении доказательств. В суде проверяется законность не только окончательных решений (приговоров, постановлений), но и промежуточных, принятых в рамках судебного контроля, например, на досудебной стадии или при исполнении приговора. Важную роль играет то, как интерпретируются факты: они могут быть признаны нарушением, либо сторона может заявлять о них, но суд не найдет подтверждения. Все подобные моменты отражаются в описательно-мотивировочной части судебных решений, где суд анализирует доводы сторон.

Не каждое выявленное нарушение автоматически влечет за собой юридические последствия, такие как исключение доказательств или отмена судебного решения, поскольку фундаментальное нарушение должно быть реальным (неформальным), оно не могло повлиять, а повлияло на исход дела [2, с. 206]. Пока нарушение не признано существенным и не будет подтверждено, заявления о его наличии остаются лишь предположением (версией). В таких случаях нарушение носит декларативный характер и может проявляться в двух формах: либо стороны обвинения или защиты заявляют о наличии существенных нарушений, чтобы добиться изменения или отмены решения, либо суд первой инстанции сам указывает на нарушение как на основание для вынесения определенного решения.

Дальнейший процесс включает проверку судом доводов о наличии нарушения и его существенности, что фиксируется в судебном решении. Если это решение вступает в законную силу, нарушение считается подтвержденным. Такое действие можно назвать «процессуальным декларированием нарушения».

В другом сценарии суды апелляционной, кассационной или надзорной инстанций проводят проверку решений нижестоящих судов. Если выявляется нарушение, допущенное на предварительном следствии или нижестоящим судом, вышестоящий суд оценивает его существенность и, как правило, отменяет решение. Это можно назвать «ревизионным декларированием нарушения».

Таким образом, окончательное установление наличия или отсутствия процессуального нарушения происходит только после вступления в законную силу соответствующего судебного решения.

Несмотря на то, что понятие существенности нарушения УПК РФ является ключевым для отмены судебных решений, его нормативное закрепление остается недостаточно детализированным. Это создает определенные трудности для единообразного применения норм УПК РФ и может приводить к субъективизму при оценке последствий допущенных нарушений.

Как отмечает Р. Г. Зорин, «при допущении существенных нарушений должна быть установлена не только потенциальная возможность, но и неизбежность наступления их негативных правовых последствий» [11, с. 51]. Вместе с тем отсутствие четких критериев существенности нарушений, а также их классификации затрудняет как работу правоприменителей, так и теоретическое осмысление данной проблемы. В результате судебная практика порой демонстрирует вариативность в оценке одних и тех же нарушений, что, как уже отмечалось, не является признаком рассогласованности, но указывает на необходимость более четкого законодательного регулирования в целях обеспечения ее единства.

Библиографический список

1. Отчет по работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2023 года (Челябинский

областной суд) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Борисевич Г. Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник пермского университета. 2013. Вып. 2 (20). С. 199–210.

1. Трофимова Г. А. Ответственность судей по Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации» : недостатки правового регулирования// Современное право. 2017. № 10. С. 95–100.

2. Ширванов А. А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия : автореф… дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2005.

3. Москвина Т. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Ярославль, 1997.

4. Воскобитова Л. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09. М., 1979.

5. Мичурина О. В., Мичурин В. С. Нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и пути преодоления // Российский следователь. 2023. № 9. С. 21–25.

6. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П // Российская газета. № 31. 2007. 14 февраля.

7. Халиков А. Н. Правовая неопределенность кассационного судопроизводства по уголовным делам («черный ящик кассации») // Российский судья. 2022. № 10. С. 35–39.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский, М. Г. Загорский [и др.]; под науч. ред. Г. И. Загорского. М. : Проспект, 2016.

9. Зорин Р. Г. Распознание существенных уголовно-процессуальных нарушений В уголовном судопроизводстве // Проблемы экспертизы в медицине. 2010. № 1–2 (37–38). С. 50–51.

© Чобитько М. Б., 2026